

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН

На правах рукописи

САВИНОВ Дмитрий Михайлович

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМ ВОКАЛИЗМА
В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
2013

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено структурно-типологическому описанию вокалических систем, которые сформировались на территории Южнорусского наречия под влиянием различных лингвистических и экстралингвистических факторов.

Вопрос о причинах возникновения и развития различных систем вокализма 1-го предударного слога затрагивался в многочисленных исследованиях диалектологов и историков языка (прежде всего следует упомянуть работы Р.И. Аванесова, Н.Н. Дурново, К.В. Горшковой, К.Ф. Захаровой, Л.Э. Калнынь, Л.Л. Касаткина, С.И. Коткова, В.Н. Сидорова, Т.Ю. Строгановой, Ф.П. Филина, А.А. Шахматова), однако и сегодня его нельзя считать окончательно решенным. В говорах представлено множество разновидностей аканья/яканья, отличающихся друг от друга типологически, то есть общей системой зависимостей и противопоставлений. Большинство систем вокализма с диссимилятивной основой (прежде всего различные типы диссимилятивного, ассимилятивно-диссимилятивного, умеренно-диссимилятивного, диссимилятивно-умеренного аканья-яканья) имеет устойчивую сочетаемость с определенными системами ударного вокализма. И хотя связь между ними зачастую формальна, то есть отсутствует прямая зависимость ударных и предударных гласных, пяти-, шести- или семифонемные системы ударного вокализма всегда сосуществуют с определенными моделями предударного вокализма, что дает необходимый материал для исторических реконструкций.

Особенности звукового строя говора непосредственно связаны также с характером словесной просодии. В работах З.М. Альмухамедовой, С.С. Высотского, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной, Р.Э. Кульшариповой, Г.П. Слесаревой, Т.Г. Фоминой, В.Н. Чекмонаса и некоторых других фонетистов показана зависимость различных разновидностей предударного вокализма от типа ритмической структуры слова. Именно ритмическая словесная структура определяет соотношение основных характеристик вокального кар-

каса слова, то есть обуславливает функционирование конкретной вокалической модели. Поэтому данное исследование не ограничивается поверхностным описанием различных типов аканья и яканья: значительное внимание в работе уделяется комплексному анализу и диахронической интерпретации вокалических систем в целом, а также выявлению связи между типами предударного вокализма и способами оформления словесных ритмических структур.

Типологическое разнообразие моделей предударного вокализма как после мягких, так и после твердых согласных, а также сама возможность функционирования многих из этих типов обусловлены не только внешней контекстной зависимостью, но и внутренними причинами – качеством самих предударных гласных. Гласный 1-го предударного слога после мягких согласных может реализовываться большим количеством разных звуков в зависимости от гласного под ударением. Эти звуки вслед за Н.Н. Дурново [1917а; 1917б] обычно принято разделять на звукотипы [а] – не-[а]. Так, Р.И. Аванесов писал, что «“не-а” может звучать как [и] или [е]», а также «в целой гамме звуков между [е] и [и] <...>, например, [е], [е^и], [и^е], [и]» [Аванесов 1974: 154], то есть гласным «“не-а” может быть любой звук переднего ряда ненижнего подъема» [Захарова 1970: 5].

Иначе обобщает эти гласные Л.Л. Касаткин, который отмечает, что в качестве безударных гласных, функционирующих как звуки неверхнего подъема, могут выступать звуки в диапазоне от [е] до [а], и, таким образом, для большинства русских говоров правильнее было бы говорить о функциональном противопоставлении в 1-м предударном слоге гласных [и] и не-[и] [Касаткина (ред.) 1999: 148].

Данные исторической диалектологии свидетельствуют о том, что гласный [и], наиболее частотный сегодня вариант противопоставления [а], появился в южнорусских говорах относительно недавно. В памятниках, созданных на территории распространения диссимилятивного вокализма, в качестве унифицированных вариантов гласных 1-го предударного слога после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема используются только буквы *я* и *е*.

Однако отсутствие в этой позиции *и* в прошлом вовсе не свидетельствует о том, что гласный [и] «скорее всего, распространяется из “вторично” акающих средневеликорусских говоров» [Горшкова, Хабургаев 1997: 110].

Появление в 1-м предударном слоге звука [и] как реализации гласных неверхнего подъема – это не механическое заимствование, это факт развития системы предударного вокализма. В результате этого процесса меняется не только нагруженность звукотипов, кардинальным образом изменяется система противопоставлений, получают актуальность новые факторы, обуславливающие изменение и развитие моделей аканья и яканья.

В связи с изучением генезиса и синхронного состояния различных систем вокализма наиболее значимыми оказываются два основных этапа исследования, затрагивающих синхронический и диахронический аспекты. Первый связан с определением характера отношений между существующими моделями вокализма, то есть их типологической идентификацией. С одной стороны, ученый всегда имеет дело с частными диалектными системами, изолированными и независимыми друг от друга, а с другой – они образуют, несмотря на свою изолированность, единый языковой массив. Характер связи различных вокалических систем в рамках этого целостного комплекса обычно свидетельствует не столько об общности инноваций, сколько о единой основе, а уникальный набор элементов каждой системы позволяет выявить типологические закономерности ее функционирования. Результаты этих исследований позволяют выделить несколько междиалектных инвариантов, объединяющих различные системы, а также определить их дистрибуцию.

Разработка типологии систем вокализма закономерно приводит ко второму этапу исследований, объектом которого становится диахроническая интерпретация существующих моделей, поиск их основных векторов развития. Особую актуальность он приобретает в связи с историей формирования типов предударного вокализма в «первично акающих» говорах, к которым Р.И. Аванесов относил курско-орловские, рязанские (восточные) и тульские

[Аванесов 1952б: 40]¹. Результаты ретроспективного анализа позволяют выявить основные факторы или комплекс факторов, обусловивших формирование той или иной разновидности аканья-яканья в этих говорах, свести все разнообразие типов предударного вокализма к одной-двум моделям, отражающим состояние исходной системы вокализма. Именно поэтому первая часть каждой главы представляет собой синхронное описание различных вокалических моделей, а во второй – дается диахроническая интерпретация соответствующего языкового материала.

Анализ предударного вокализма свидетельствует о том, что в «первично акающих» говорах нет простых, линейных систем, образование и дальнейшая модификация которых были бы связаны только с действием одного конкретного фактора. В истории их развития обычно действовало несколько тенденций, которые взаимодействовали друг с другом, пересекаясь в некоторых элементах системы. Объяснение конкретного типа предударного вокализма исключительно с позиций действия какого-то одного фактора развития не будет учитывать всей специфики системы, не сможет выстроить все ее элементы в стройную картину, не отразит в должной мере диахронический аспект.

Как известно, основные изменения в русской фонетике следуют «закону И.А. Бодуэна де Куртенэ», сформулированному и подробно описанному М.В. Пановым: «В русском языке, как в большинстве славянских, упрощается система гласных, усложняется система согласных <...> гласные играют все меньшую роль для различения слов» [Панов (ред.) 1968: 10]. Среди факторов, подтверждающих этот закон, М.В. Панов называет утрату в русском литературном языке фонемы /ѣ/, переход от «высокого оканья» к аканью, смену экающего произношения, при котором в 1-м предударном слоге реализации

¹ К этому перечню необходимо также добавить межзональные елецкие и оскольские говоры, совмещающие черты Курско-Орловской и Восточной групп; см. [Захарова, Орлова 1970: 138].

фонем /'a/, /'o/, /э/ не совпадают с аллофонами фонемы /и/, на икающее, где эти фонемы нейтрализованы [Панов (ред.) 1968: 22–30].

Ослабление функциональной нагрузки гласных – универсальная тенденция в развитии любой диалектной подсистемы русского языка, однако особенно активно она действует в южнорусских говорах. О неуклонном сокращении различительной способности гласных на исследуемой территории могут свидетельствовать следующие факты. Во-первых, широко распространена тенденция к уменьшению количества гласных фонем, утрата различения четырех степеней подъема и переход к пятифонемному вокализму.

Во-вторых, уменьшается количество звукотипов: в 1-м предударном слоге после мягких согласных происходит нейтрализация фонем /'a/, /'o/, /e/ (/ѣ/), с одной стороны, и /и/, с другой. На месте корреляции [a] – не-[a], где [a] противопоставлено [e], в большинстве говоров развивается новая система корреляций [и] – не-[и], где [a] и [e] являются вариантами единого звукотипа не-[и] и вместе противопоставлены звукотипу [и], в котором реализуются не только /и/, но и фонемы неверхнего подъема. После твердых согласных для многих южнорусских вокалических систем характерно сильное аканье, которое постепенно вытесняет диссимилятивное². Количество говоров, имеющих в 1-м предударном слоге единый звукотип [a] для всех позиций, увеличивается в направлении с запада на восток, они широко распространены в юго-восточной диалектной зоне.

В-третьих, в большинстве южнорусских говоров отмечается тенденция к ассимилятивным изменениям безударных гласных. Существуют сложившиеся типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья, в которых «ассимилятивность представляет собой позднейший слой, как бы наложившийся на уже отстоявшийся тип предударного вокализма» [Аванесов 1949: 92]. Однако элементы ассимилятивного вокализма обнаруживаются и в других системах

² Очевидно, что при диссимилятивной организации предударного вокализма информационный уровень гласных 1-го предударного слога повышен по сравнению с более простыми моделями: сильным аканьем и иканьем, свойственными литературному языку. Именно поэтому, например, различные разновидности диссимилятивного яканья «не оказались сколько-нибудь серьезными соперниками и врагами литературного произношения; они не получили даже временного распространения» [Панов (ред.) 1968: 18].

аканья и яканья. Особенно широко в южнорусских говорах распространена регрессивная ассимиляция гласного 2-го предударного слога гласному 1-го предударного слога [Пауфошима 1981: 26–29; Просодический строй 1996: 211–215]. И хотя в большинстве южнорусских систем вокализма эта особенность не имеет перспектив, то есть не может стать фактом языка, она показывает общую тенденцию – сокращение нагрузки безударных гласных.

Наконец, во многих диалектных системах активно развивается еще одна тенденция, которая находится в тесной связи с только что описанной. Впервые она была сформулирована Л.Л. Касаткиным: в русском языке происходит постепенный переход от более напряженной артикуляционной базы к менее напряженной. Именно эта особенность развития русской фонетики обуславливает монофтонгизацию дифтонгов, появление в некоторых юго-восточных говорах «полоротых *о* и *а*», а также способствует уменьшению числа звукотипов «в артикуляционном пространстве» [Касаткин 1999: 131–139].

Две указанные тенденции взаимосвязаны и дополняют друг друга: упрощение системы гласных – это не что иное как ослабление артикуляционной базы, поскольку «чем меньше области рассеивания звукотипов, представляющих разные фонемы в одной и той же позиции, и чем ближе друг к другу центры этих областей, тем больше должно быть напряжение артикуляционных органов» [Касаткин 1999: 132]. «Перегруженность» вокалической системы структурными элементами, вызывающая перенапряжение органов речи, «может стать источником неустойчивости» [Мартине 1960: 120]. Неслучайно во многих русских говорах происходит устранение перегруженности вокалической системы, упрощение противопоставления четырех степеней подъема за счет утраты «некрайних» оппозиций.

Возникает вопрос: можно ли рассматривать развитие нейтрализации гласных неверхнего подъема в безударных слогах, свойственное всем говорам Южнорусского наречия, как упрощение системы гласных, как одно из проявлений «закона И.А. Бодуэна де Куртенэ»? Так, Р.И. Аванесов считал,

что широкое распространение аканья за счет оканья связано с его структурным преимуществом, поскольку «принцип аканья, т.е. неразличения в безударных слогах гласных неверхнего подъема, проще принципа оканья, которое заключается в различении их» [Аванесов 1947: 147]. Такого же мнения придерживался и М.В. Панов [Панов (ред.) 1968: 22]. Однако с этим нельзя согласиться. Совпадение /o/ и /a/ в безударном положении сопровождается одновременным «возникновением не менее сложных новых различений» [Котков 1963: 62], то есть сокращение количества различающихся единиц в позициях нейтрализации фонем вовсе не свидетельствует об уменьшении структурной сложности системы.

Например, при диссимилятивном аканье в 1-м предударном слоге фонемы /o/ и /a/ нейтрализованы, но они совпадают не в одном, а в двух звуко-типах [a] и не-[a], которые четко противопоставляются друг другу в зависимости от гласного под ударением. Сохраняется два гласных различителя, которые находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. В этих говорах происходит усиление позиционной зависимости гласных, отмечается иной ритмико-динамический стереотип слова, но здесь нет упрощения, примитивизации системы предударного вокализма по сравнению с оканьем.

Кроме того, практически любая разновидность аканья предполагает, что основные признаки вокалических компонентов реализуются не в рамках слога или отдельного сочетания звуков, но в рамках фонетического слова и определяются его артикуляционной и просодической программами. Очевидно, что подобная суперсегментная связь отличается от сегментной более высоким уровнем организации, а вокалическая система, основанная на дистактных отношениях между элементами, имеет сложную внутреннюю структуру, обеспечивающую стабильность ее функционирования [Калнынь 2001: 31].

Актуальность настоящего диссертационного исследования обусловлена рядом факторов:

1) отсутствием комплексного описания южнорусских диалектных систем различной локализации, включающего в себя не только изучение моделей вокализма 1-го предударного слога, но выявляющего связи между всеми вокальными компонентами фонетического слова, а также типом словесного ритмического контура;

2) необходимостью подробного анализа типов ударного и предударного вокализма на современном этапе развития диалектов (более чем через 50 лет после сбора материала для составления Диалектологического атласа русского языка);

3) недостаточным количеством диалектологических исследований, выполненных с использованием инструментальных методов, которые позволяют проверить фонетические явления и уточнить необходимые данные. По словам С.С. Высотского, эти данные, «менее всего зависимые от субъективных представлений исследователя, получают выражение в цифрах, графиках и т.п., что удобно для сопоставлений различного характера, поскольку здесь надежно фиксируется звуковое состояние языка в определенную эпоху и этим создается прочная основа для изучения звуковой системы как в синхроническом, так и в диахроническом плане» [Высотский 1967: 5];

4) важностью сопоставления результатов исследования вокалических систем с данными литературного языка для выявления основных, универсальных векторов развития;

5) необходимостью всестороннего обследования и описания диалектного материала в условиях все расширяющейся экспансии литературного языка и одновременного сокращения сферы функционирования народных говоров.

Автором выдвигается **гипотеза** о том, что развитие системы вокализма в южнорусских говорах подчиняется общим закономерностям – тенденции к сокращению различительной способности гласных, усилению позиционной обусловленности безударных гласных и уменьшению напряженности артикуляционной базы. Эти тенденции на протяжении веков затрагивали не только

сегментное, но и просодическое устройство слова. Развитие нейтрализации в безударных слогах актуализировало дистактные связи между гласными, в основе которых лежали диссимилятивные закономерности, сформировало «устойчивый вокальный каркас» фонетического слова, что, в свою очередь, привело к модификации его старой ритмической структуры.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Существует тесная взаимосвязь между единицами сегментного и суперсегментного уровней, поэтому динамика развития вокалических систем может быть раскрыта только в ракурсе просодии речи. Любое, даже самое незначительное изменение парадигмы вариантов ритмической словесной структуры приводит к модификации и вокалической модели.

2. Для говоров юго-западной диалектной зоны характерно распространение диссимилятивных типов аканья и яканья, для говоров юго-восточной зоны – сильного аканья и ассимилятивно-диссимилятивных типов яканья. Однако типы предударного вокализма – это лишь внешнее проявление более глубоких отличий, связанных с особенностями просодической организации слова в этих диалектных объединениях.

3. Диссимилятивный принцип вокализма затрагивает не только акцентное ядро слова, но также другие безударные слоги; гласные могут расподобляться по тембру, по длительности, по силе, но чаще – сразу по нескольким признакам. Эта черта, характерная для говоров юго-западной зоны, является архаической особенностью и, по-видимому, указывает на то, что динамическая структура слова в древнерусском языке оформлялась при помощи волнообразного ритмического контура. Ритмическое чередование сильных и слабых слогов реконструируется и для индоевропейского праязыка.

4. Развитие словесной ритмической структуры в южнорусских говорах можно представить в виде следующей схемы: волнообразный ритмический контур → «совмещённый» ритмический контур → ритмический контур «сильный центр и слабая периферия». В результате становления последней ритмической модели завершается формирование акцентного ядра слова,

и «просодически активная» центральная часть теперь становится резко противопоставленной всем другим безударным слогам. Подобная модель развития способствовала сначала усилению неравновозможности гласных различителей, изменению их частотности, а затем и сокращению их числа, уменьшению информационной нагрузки гласных.

5. В большинстве южнорусских говоров конститутивным признаком фонем /ѣ/ и /ѡ/ должно быть признано скольжение тембра от верхнего к среднему подъему (с постепенным нарастанием интенсивности), что свидетельствует о том, что в таких системах отсутствует (по крайней мере с фонетической точки зрения) различение четырех уровней подъема гласных.

6. Стабильное сохранение архаических типов аканья и яканья поддерживается наличием под ударением семи гласных фонем, при этом сами типы предударного вокализма следует признать не фонетическими, а фонологическими моделями, что может свидетельствовать о системной значимости как корреляции [и] – не-[и], так и корреляции [а] – не-[а].

7. В большинстве современных юго-восточных говоров структура вокализма 1-го предударного слога после твердых согласных основывается на недиссимилятивном принципе: здесь преимущественно представлено сильное аканье. Однако диалектные данные свидетельствуют о том, что для большинства этих говоров в прошлом были характерны диссимилятивные системы вокализма.

8. Все типы вокализма 1-го предударного слога, характерные для «первично акающих» говоров, имели в своей основе архаические разновидности аканья и яканья, по разному реагирующие на гласные верхнего и верхне-среднего подъемов, с одной стороны, и на гласные среднего и нижнего подъемов – с другой. В региональных вариантах трансформация архаического вокализма происходила неодинаково, однако изменения на первом этапе всегда захватывали позиции перед ударными гласными /o/, /e/, /ѣ/, /ѡ/: это характерно для формирования многих вторичных типов аканья и яканья.

9. Обобщение данных различных диалектных систем предударного вокализма приводит к мысли, что существуют универсальные факторы их изменения и развития, которые можно разделить на три основных типа.

I. **Фонетические факторы.** Основным фонетическим фактором, обуславливающим развитие систем аканья и яканья, является регрессивная ассимиляция предударных гласных ударным гласным. Наибольшее влияние в рамках общей структуры предударного вокализма ассимилятивные процессы оказывают на системы с противопоставлением в 1-м предударном слоге [а] – не-[а], преимущественно в говорах с архаическим аканьем и яканьем задонской разновидности. Ассимилятивные процессы влияют и на многие другие системы предударного вокализма, однако их действие ограничено одним условием: наличием в 1-м предударном слоге корреляции [и] – не-[и], которая определяется фонологическими, грамматическими и лексическими закономерностями.

II. **Фонологические факторы.** Основным фонологическим фактором, влияющим на произношение гласных в 1-м предударном слоге, оказывается воздействие мягкости следующего за ним согласного. Условно тенденцию к произношению [и] перед мягкими согласными можно назвать **тенденцией к «умеренности»**, результаты этого процесса проявляются в системах умеренного, диссимилятивно-умеренного и суджанского диссимилятивного яканья. Важно отметить, что тенденция к «умеренности» затрагивает только позицию перед мягкими согласными; перед твердыми согласными действуют другие закономерности, а на выбор предударного гласного влияют другие факторы.

III. **Грамматические и лексические факторы.** К грамматическим факторам относятся особенности звукового оформления различных форм существительных, прилагательных, местоимений, глаголов, к лексическим – специфика произношения отдельных слов, имеющих постоянный ударный гласный основы. Эти факторы играют важную роль при формировании щигровского типа диссимилятивного яканья; кроме того, тенденции к выравниванию звукового оформления парадигмы или к закреплению гласного основы

слова действуют при суджанской разновидности диссимилятивного яканья, а также при новосёлковском типе ассимилятивно-диссимилятивного яканья. Особенностью всех этих систем является наличие в говоре противопоставления [и] – не-[и], которое способствует сохранению гласного [и] в 1-м предударном слоге.

Цель работы заключается в комплексном анализе систем вокализма, распространенных на территории «первично акающих» южнорусских говоров. Для ее достижения поставлены конкретные **задачи**:

1) выделить основные разновидности словесных ритмических структур, свойственных южнорусским говорам различной локализации, интерпретировать их значимость для систем предударного вокализма;

2) сформировать иерархию основных характеристик гласного звука, формирующих его специфику в рамках фонетического слова: *тембр, длительность, интенсивность, тон, напряженность*;

3) наметить основные диалектные различия в структуре «трапецидов» гласных при семифонемной системе вокализма; определить характер связи между системами ударного вокализма и вокализма 1-го предударного слога;

4) выявить особенности структуры типов предударного вокализма а) после твердых согласных, б) после мягких согласных; уточнить структурно-типологическую классификацию различных моделей аканья-яканья;

5) обосновать взаимосвязь между системами корреляции звукотипов в 1-м предударном слоге и возможностью действия фонетических, фонологических, грамматическими и лексическими факторов развития вокалических моделей;

6) определить динамику и основные закономерности развития систем аканья-яканья;

7) показать генетические связи между отдельными диалектными зонами, поскольку многие конкретные физические характеристики звукового

строю, а также просодические модели – наиболее устойчивые черты фонетической системы, сохраняющиеся в ходе эволюции.

Новизна предлагаемого подхода к изучению эволюционных процессов в области русского вокализма обуславливается многофакторным характером анализа материала, этот метод позволяет учесть не только ведущие тенденции развития, но всю совокупность взаимосвязанных элементов, отдельных отклонений, свидетельствующих о действии других тенденций, уже потерявших свою продуктивность. Наличие вариативных элементов в рамках частной системы вокализма может быть обусловлено не только комбинаторным воздействием фонетического контекста, но также просодическими условиями, особенностями артикуляционной базы говора, действием грамматических и лексических факторов, наличием нескольких подсистем, сосуществующих в пределах одного говора.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке метода многофакторного комплексного анализа, в определении его основных параметров, а также в возможности применения методики комплексного анализа к частным системам вокализмам, обладающим определенной структурной спецификой. Как известно, глобально динамика частных диалектных систем определяется конструктивными и деструктивными факторами. Первая группа факторов связана с изменениями «по внутренним импульсам системы диалекта с учетом внешних стимулов типа контактов с другими языковыми системами, в том числе и с литературным языком». Факторы деструктивные «обуславливают исчезновение диалекта как языкового феномена под влиянием обстоятельств социального и демографического свойства» [Калнынь 1997: 120].

Невозможно отрицать того сильного влияния, которое оказывает на русские диалекты литературный язык. Это воздействие, отмечавшееся еще в конце XIX – начале XX в., значительно усилилось с проникновением в деревню радио и введением всеобщего десятилетнего школьного образования. Однако как показывают материалы последних диалектологических экспеди-

ций, далеко не всегда деструктивные факторы оказывают фатальное влияние на частные диалектные системы. Проблема деградации диалектов стоит не так остро на тех территориях, где отмечается достаточно стабильная численность сельского населения, то есть прежде всего в южнорусских говорах, для которых характерны хорошая сохранность и воспроизводимость диалектной системы. Применение методики многофакторного анализа позволит раскрыть собственно лингвистические механизмы развития южнорусских вокалических систем, действующие в русле основных тенденций развития фонетики русского языка.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при написании соответствующих разделов в обобщающих научных исследованиях, посвященных анализу синхронного состояния и динамики русских диалектных систем, в учебных пособиях по русской диалектологии, а также при составлении лингвистических карт и атласов. Основные положения работы могут стать методологической базой для монографического описания частных диалектных систем, а также для разработки специальных вопросников для сбора соответствующего фонетического материала.

Методологической основой исследования является концепция МФШ в ее современном варианте, а также работы диалектологов и историков языка. Проблемы изучения русских вокалических систем представлены в трудах Р.И. Аванесова, З.М. Альмухамедовой, Н.А. Волковой, С.С. Высотского, Н.Н. Дурново, К.В. Горшковой, К.Ф. Захаровой, Л.Э. Калнынь, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной, С.И. Коткова, В.Н. Сидорова, Т.Ю. Строгановой, В.Н. Тепловой, Т.Г. Фоминой, В.Н. Чекмонаса и некоторых других ученых.

Исследование написано на **материале**, собранном автором во время диалектологических экспедиций в 1996–2012 гг., в ходе которых были сделаны магнитофонные записи в более чем 60 населенных пунктах, представляющих различные диалектные группы Южнорусского наречия. Кроме того, для анализа были привлечены магнитофонные записи из фонотеки Института

русского языка им. В.В. Виноградова РАН, созданной С.С. Высотским и постоянно пополняемой многими диалектологами – участниками экспедиций, в том числе и автором работы. Большая часть записей представляет собой монологическую речь жителей старшего поколения, сохраняющих наиболее архаичный слой говора; для сравнения также анализировалась речь жителей среднего поколения. Обработка звукового материала осуществлялась при помощи компьютерной программы акустического анализа PRAAT. Также привлекались архивные рукописные материалы Диалектологического атласа русского языка (далее ДАРЯ).

При работе с диалектным материалом использовались следующие **методы исследования**: слухоаналитический и инструментальный методы анализа звучащей речи, описательный, или дистрибутивный (при анализе позиционного распределения гласных), этимологический (при выявлении фонемного состава слова на уровне диахронии), сравнительно-сопоставительный (при соотнесении определенной диалектной системы с другими диалектными системами, а также системой стандартного литературного языка), количественно-статистический (при выявлении частотности вариантов).

Основные положения работы прошли **апробацию на международных научных мероприятиях**: на международном симпозиуме «Тексты устной спонтанной речи», организованном Норвежским университетским центром в Санкт-Петербурге в 1998 г., на международном семинаре «The Convergence and Divergence of Dialects in a Changing Europe», проведенном Европейским научным фондом в г. Малага (Испания) в 1998 г., на международной конференции «Активные языковые процессы конца XX века. IV Шмелевские чтения» (Москва, 2000 г.), на международной конференции «Русистика на пороге XXI века: Проблемы и перспективы» (Москва, 2002 г.), на пяти международных конференциях «Фонетика сегодня», проведенных в Звенигороде в 2003, 2005, 2007, 2010, 2013 гг., на четырех международных конференциях «Актуальные проблемы русской диалектологии», проведенных в Звенигороде в 2004, 2006, 2009 гг. и в Москве в 2012 г., на международных совещаниях

«Фонетический аспект изучения славянских языков» и «Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде», организованных Институтом славяноведения РАН в 2008 и 2009 годах, на международной конференции «Aktualne problemy dialektologii slowiańskiej» (Познань, 2010 г.), на XXIII Международной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, 2013 г.), а также на многих других мероприятиях.

Логика решения исследовательских задач отражена в **структуре диссертации**. Она состоит из введения, шести глав («Ритмическая структура слова в южнорусских говорах», «Системы ударного вокализма в южнорусских говорах», «Архаические типы диссимилятивного аканья и яканья», «Щигровский, дмитриевский и суджанский типы диссимилятивного яканья; прохоровский тип диссимилятивного аканья», «Диссимилятивно-умеренный и умеренный типы яканья; белёвский тип диссимилятивного аканья», «Ассимилятивно-диссимилятивные типы аканья и яканья»), заключения, списка использованной литературы и приложения, в котором приведен список населенных пунктов, материал из которых использовался в работе.

ГЛАВА 1.

Ритмическая структура слова в южнорусских говорах

1.0. Введение

К числу отличительных признаков фонетического строя каждой языковой системы принадлежит характеризующий его вид звуковой (ритмической) структуры слова. Этим термином обозначается «внешняя звуковая сторона оформления слова (“звуковая оболочка”) как целого качественного образования, обладающего технической выделяемостью независимо от наличия или отсутствия у него “внутренней (семантической) определенности”» [Высотский 1973: 17–18]. Как известно, в русском литературном языке ритмическая структура слова описывается «Формулой А.А. Потебни»: 1–2–3–1–1³, где цифрой 3 обозначается ударный гласный, цифрой 2 – гласный 1-го предударного слога, цифрой 1 – остальные безударные гласные. Эти числовые выражения были получены А.А. Потебней на основании распределения количества между ударным гласным и безударными гласными.

Как показали позднейшие исследования, основными характеристиками гласного звука, формирующими его специфику в рамках фонетического слова, являются *тембр*, *длительность*, *интенсивность* [Высотский 1973: 24–28; Касаткин 2006: 64–66], *тон* [Богородицкий 1913: 67–69; Каленчук, Касаткина 1993: 100; Чекмонас 1993: 170–171]. Л.В. Щерба и Л.В. Златоустова включают в список также признак *напряженности*, который считают важным коррелятом словесного ударения в русском литературном языке [Щерба 1957: 98; Златоустова 1962а: 126].

По данным Л.В. Златоустовой, диалектные группы неоднородны по соотношению факторов, имеющих решающее значение при определении ударности/безударности. С одной стороны, в среднерусских говорах качество

³ Позднее «Формула А.А. Потебни» была уточнена М.В. Пановым, который писал: «Последний заударный слог, если он открытый, может иметь силу = 1 и = 2; существуют, следовательно, два варианта произношения» [Панов 1979: 82]. См. также: «Из наиболее общих закономерностей следует отметить большую длительность гласного в открытом слоге, особенно в абсолютном исходе слова <...>» [Светозарова 1982: 46].

ударности, как и в литературном языке, связано с большей напряженностью ударного гласного. Причем в диалектных системах с неполным оканьем этот признак в ряде случаев становится единственным маркером словесного ударения. С другой стороны, в некоторых севернорусских говорах северо-восточной диалектной зоны напряженность не является решающим фактором для выделения ударного гласного, здесь «эффект ударения достигается взаимоотношением таких характеристик, как сила, долгота, мелодика и напряженность звука» [Златоустова 1962а: 126–132].

Большинство исследований, описывающих фонетическую систему русской речи, основано на материалах литературного языка. Фонетическим свойствам словесного ударения, ритмико-интонационной организации речевого потока, основным типам и способам интонационного оформления синтагм и фраз посвящены статьи и монографии Л.В. Бондарко, Е.А. Брызгуновой, Л.Р. Зиндера, Л.В. Златоустовой, С.В. Кодзасова, Т.М. Николаевой, С. Оде, Н.Д. Светозаровой, Л.В. Щербы и многих других. Звуковой строй русских говоров инструментально-фонетическими методами до сих пор изучен недостаточно, прежде всего это касается их просодической организации. Так, несмотря на то, что в русской диалектологии накоплены сведения об общей ритмической структуре фонетического слова в различных говорах [Высотский 1973; Янганаева, Фомина 1979; Альмухамедова, Кульшарипова 1980; Слесарева 1982; Градационная фонология 1985: 90–174; Маркелов 1987; Касаткина 1988: 178–280; Просодический строй 1996: 222–235; Щигель (рукопись)], остается множество лакун, препятствующих всестороннему описанию просодии русского диалектного слова. По словам В.Н. Чекмонаса, несмотря на свою значимость «как для истории русского вокализма вообще, так и для истории аканья-яканья в особенности», эти исследования С.С. Высотского, Р.Ф. Касаткиной, представителей казанской школы «остались на периферии русской диалектной фонетики (прежде всего потому, что они были полностью проигнорированы Р.И. Аванесовым и его учениками)» [Чекмонас 1998б: 44–45].

До сих пор многие описания фонетических диалектных особенностей дают фрагментарную и одностороннюю картину, не вскрывают сущности представленных в них языковых явлений. Еще С.С. Высотский подчеркивал, что важно не только собрать конкретные сведения о физических качествах отдельных элементов звуковых систем, необходимо «поставить общую задачу – наметить в качестве предварительной базы изучения русских говоров типологию компонентов их звукового строя в аспекте физической характеристики гласных и согласных, представленных в составе фонетического слова» [Высотский 1978а: 6].

Именно ритмическая структура фонетического слова непосредственно участвует в формировании произносительной программы, которая, в свою очередь, определяет основные «правила линейной организации звуковой последовательности». Диалектная специфика в области консонантизма и особенно вокализма зачастую обусловлена особенностями этой программы, присущей тому или иному диалектному объединению, и не может быть определена отдельно от нее, только на основе сегментных признаков отдельных звуков или их сочетаний [Калнынь 2001].

В первую очередь это положение касается интерпретации русского предударного вокализма. Анализ различных вокалических систем (прежде всего аканья-яканья) затруднен или просто невозможен в отрыве от просодических характеристик слова и фразы, поскольку «сегментные характеристики предударных гласных неотделимы от суперсегментного (просодического) уровня высказывания» [Касаткина 2005: 44], а динамика развития вокалических систем может быть раскрыта только в ракурсе просодии речи [Кульшарипова 1991: 75]. Именно поэтому описание различных типов аканья и яканья необходимо предварить общим анализом ритмико-просодической организации слова в современных русских говорах. Особое внимание будет уделено также некоторым аспектам функционирования словесной ритмической структуры во фразе.

Основные разновидности динамических контуров фонетического слова выделяются в работе на основе инструментального анализа примеров, выбранных из магнитофонных записей спонтанной диалектной речи, то есть используется методика, впервые предложенная и апробированная С.С. Высотским [1973]. В отдельных случаях для анализа привлекаются также словоформы в изолированном произнесении, представляющие собой односложные ответы информантов на вопросы собирателей. Такое ограничение в использовании материала обусловлено тем фактом, что изолированное произнесение слова создает «слишком далекую от естественной ситуацию воспроизведения той или иной ритмо-динамической структуры» [Щигель (рукопись)]. Как известно, мелодика «изолированных слов единообразна», более того, по мнению ряда исследователей, словесная интонация напрямую определяется влиянием ритмической организации фразы и «как таковая не может реализовываться» [Николаева 1977: 79–80]. Следует также учитывать, что модификация просодического оформления лексем и их форм, употребленных вне фразового контекста, зачастую приводит к значительной деформации количественных и качественных характеристик вокальных компонентов слова, нарушает его произносительный стереотип (см. § 2.3.2).

Помимо говоров Южнорусского наречия, в этой главе будут рассмотрены западные среднерусские диалектные системы, характеризующиеся переходными (от оканья к аканью) типами предударного вокализма, а также сильным недиссимилятивным аканьем-яканьем. Привлечение данных Гдовской и Псковской диалектных групп обусловлено несколькими причинами. Во-первых, эти говоры наиболее отчетливо демонстрируют взаимозависимость между единицами сегментного и суперсегментного уровней: именно в северо-западном диалектном ареале отмечается разнообразие типов предударного вокализма, что напрямую связано с высокой вариативностью словесных ритмических структур (см. работы В.Н. Чекмонаса [1998; 1999; 2001]). Во-вторых, анализ местных вокалических систем необходим для проверки гипотезы Т.Ю. Строгановой, по мнению которой, диссимилятивный

принцип формирования вокализма был свойственен говорам с неполным оканьем гдовской и полновской разновидностей, а также «всем говорам Псковской группы на более раннем этапе развития» [Строганова 1970: 423, 426]. Таким образом, развитие этих типов предударного вокализма должно быть связано с появлением в северо-западных говорах на определенном этапе развития «совмещенного» ритмического контура, характерного для южно-русских говоров с диссимилятивной организацией вокализма.

1.1. Типы словесных ритмических структур в русских говорах

В диалектных системах представлено несколько инвариантных способов оформления словесных ритмических структур, которые отличаются друг от друга соотношением отдельных характеристик вокальных сегментов, составляющих фонетическое слово. Обычно выделяют три основных ритмических контура: волнообразный контур, контур «сильный центр и слабая периферия», а также «смешанный» контур⁴, предполагающий определенное сочетание двух предыдущих структур [Касаткина 1988: 189; Просодический строй 1996: 222]. Первая ритмическая модель предполагает усиление редукции в соседстве с ударным гласным и ее ослабление через один слог от ударного, то есть имеет циклически повторяющуюся структуру: 2-1-3-1-2⁵. Контур «сильный центр и слабая периферия», представленный, в частности, в литературном языке, основан на более или менее контрастном противопоставлении акцентного ядра слова всем остальным безударным гласным: 1-2-3-1-1 (современный стандарт литературного произношения) или 1-3-3-1-1 («старомосковское» произношение). Особенность «совмещенного» контура заключается в определенном сочетании двух приведенных выше принципов строения фонетического слова. С одной стороны, в 1-м предударном слоге происходит позиционное чередование «сильных» и «слабых» слогов в зависимости от качества ударного гласного, то есть наблюдается закономерная циклич-

⁴ В дальнейшем изложении для обозначения подобной ритмической модели будет употребляться термин «совмещенный контур».

⁵ Цифрой 3 обозначен ударный гласный. Приведенные формулы приблизительно соответствуют соотношению длительности ударного и разных безударных гласных в слове, см. [Касаткин 2005а: 25].

ность в организации звуковой последовательности. С другой стороны, контур характеризуется прочной связью между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога, что свидетельствует о наличии сформированного акцентного ядра. Ритмическая структура «совмещенного» контура может быть представлена двумя моделями, находящимися между собой в отношениях дополнительной дистрибуции. В наиболее архаическом варианте они представлены следующими схемами: 2-1-2-3-2-1, где 3 обозначает ударные гласные верхнего и верхне-среднего подъемов, и 1-2-1-3-1-2, где 3 обозначает ударные гласные среднего и нижнего подъемов.

Все приведенные выше ритмические модели характеризуются двуступенчатостью количественной редукции безударных гласных: гласные 1-го и 2-го предударного слогов всегда или в части позиций заметно отличаются друг от друга по длительности и интенсивности (в некоторых системах – также по тембру и движению тона). В русских говорах отмечен еще один ритмический контур, противопоставленный трем предыдущим по реализации редукционной схемы. Он предполагает слабовыраженную двуступенчатость: безударные гласные не контрастируют между собой по количественным показателям, но более или менее значительно отличаются по долготе и силе от ударных гласных: 1-1-3-1-1 или 2-2-3-2-2. Этот тип ритмической организации слова принято называть «рубленной» речью, или «стаккато» [Высотский 1973: 36; Касаткин 2005а: 25], см. также [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 45–47; Слесарева 1982: 116; Князев 2006: 55].

Перечисленные ритмические модели характеризуют основу крупных диалектных объединений и имеют высокую значимость в системе диалектных различий русского языка. Так, среднерусские окающие говоры отличаются от говоров Северного наречия типами оканья: *полное* или *неполное* (территория Северного наречия проведена главным образом по ареалу полного оканья). Однако типы предударного вокализма – это лишь внешнее проявление более глубинных отличий, связанных с особенностями просодической организации слова в этих диалектных объединениях. «Неполное оканье

распространено в говорах с иной ритмической структурой слова, чем в говорах с полным оканьем, резко различающей эти два типа говоров» [Касаткин 2002а: 29]. «Резкий контраст 1 п/у с другими п/у слогами в ср.-р. говорах при их относительной равновесности в снр. делает ритмику слова принципиально разной в рассматриваемых ср.-р. говорах, с одной стороны, и в снр., – с другой» [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 49]. Особое просодическое оформление фонетического слова «оказывается тем объединяющим началом, которое характеризует все среднерусские говоры, той языковой чертой, которая свойственна всему этому ареалу» [Просодический строй 1996: 233–234].

Для Южного наречия в основном характерны две ритмические модели: «совмещенный» контур, а также контур «сильный центр и слабая периферия»; первый характеризует говоры юго-западной диалектной зоны, второй – говоры юго-восточной зоны. Эти ритмические модели слова предопределяют наличие в этих диалектных ареалах двух принципиально разных типов предударного вокализма: *диссимилятивного* и *сильного* аканья [Касаткин 2010: 90].

1.2. Структура «совмещенного» ритмического контура

1.2.1. Гласные акцентного ядра слова

«Совмещенный» ритмический контур, то есть чередование долгих (или сильных) и кратких (или слабых) слогов, формируется определенной комбинацией значимых параметров, присущих вокальным компонентам слова. Как известно, диссимилятивный принцип проявляется, во-первых, в расподоблении гласных акцентного ядра слова по тембру, во-вторых, в их особом распределении по силе и долготе. Обычно качественная редукция гласного в системах с диссимилятивным вокализмом сопровождается также редукцией по длительности и интенсивности, хотя «существует множество случаев, где указанные закономерности не действуют» [Красовицкий 1999: 188]. Неслучайно в диалектологической литературе существуют различные подходы к определению основного механизма, лежащего в основе подобной

системы: одни исследователи считают, что наибольшей стабильностью при диссимилятивном аканье обладают тембровые характеристики гласных [Сталькова 1971: 47; Красовицкий 1999: 194], другие считают более значимыми их количественные параметры [Касаткин 1999: 413; Градационная фонология 1985: 109–110]. На этом основании выстраиваются противоположные иерархии признаков, формирующих структуру фонетического слова.

Эта разница в интерпретации связана с неоднородностью привлекаемых материалов, их различной диалектной локализацией. Общий анализ словесных ритмических моделей в говорах с диссимилятивным аканьем-яканьем свидетельствует о том, что структура «совмещенного» ритмического контура основана на сложной системе связей между вокальными компонентами фонетического слова, то есть на комплексном соотношении характеристик ударного гласного и безударных гласных. Помимо количественных и качественных параметров гласных, в организации подобной системы важную роль играют также особенности мелодического оформления фонетического слова [Касаткина 2005: 41].

Во многих говорах с диссимилятивным аканьем перед ударным [а] (в архаических системах также перед ударными [е] и [о]) произносится гласный среднего ряда среднего подъема [э]. В некоторых работах этот звук приравнивается по качественным и количественным характеристикам к соответствующему звуку 2-го предударного слога: «1-ый предударный слог с ь не полновеснее 2-го предударного слога» [Аванесов 1949: 69]. Однако результаты инструментально-фонетических исследований свидетельствуют о том, что в подобной системе перед ударным [а] «произносится гласный скорее 1-й ступени, чем 2-й ступени редукации», а его своеобразный тембр объясняется не вялостью артикуляции, а особым речевым укладом⁶, и нет никаких оснований считать звук типа [э], находящийся в позиции диссимиляции, редуцированным [Высотский 1977а: 54; Высотский 1973: 37; Сталькова 1971:

⁶ По терминологии Л.В. Щербы, звук [э] в 1-м предударном слоге относится к категории центральных гласных, а звук [э] в других безударных слогах – к категории смешанных, что объясняется их различной степенью напряженности [Щерба 1957; Высотский 1977б: 16].

41]. См. также замечание О. Брока: «<...> склонность придавать слогу предударному больший вес (экспираторно и долготно) может усиливать в известной степени и ь в таком положении <то есть в позиции 1-го предударного слога перед ударным [а]>» [Брок 1915: 9].

Конкретные реализации звукотипов [а] и не-[а] зачастую сближаются по своим квантитативным характеристикам, а в некоторых позициях происходит их полное количественное совпадение [Фомина 1980: 14]. Таким образом, произношение [э] или [а] в 1-м предударном слоге свидетельствует не об абсолютной, а об относительной краткости этого слога в общей ритмической структуре слова, тогда как долгий слог обычно маркируется гласным нижнего подъема [а].

Нестабильность соотносительных характеристик ударного и предударного гласных особенно ярко проявляется в некоторых фразовых позициях, когда стандартная структура фонетического слова деформируется рамками просодии более широкого фразового контекста. Прежде всего это касается слов, входящих в рематическую группу, поскольку размещение фразового акцента связано с маркированием ремы, или фокуса, высказывания. Интонационный центр, приходящийся на один из компонентов ремы, способствует удлинению и усилению гласного 1-го предударного слога, а также понижению значения его F_1 . Например, в говоре Кирейкова Ульяновского р-на Калужской обл. диссимилятивное аканье сохраняется довольно последовательно, в подавляющем большинстве случаев перед ударным [а] произносится гласный [э], подробнее см. § 5.3. Однако выделение слова фразовым ударением ведет к значительному усилению всех входящих в его состав сегментов и прежде всего – гласного 1-го предударного слога, который становится более интенсивным и напряженным.

На рис. 1.1 и 1.2 представлены формы *на дрóвá* и *дрóвá*, находящиеся в разных просодических условиях. При отсутствии выделенности слова (рис. 1.1) фонема /о/ в 1-м предударном слоге реализуется малоинтенсивным кратким гласным [э] с несколько опередненной артикуляцией: $F_1=580$ Гц,

$F_2=1700$ Гц, длительность 34 мсек (длительность ударного [а] 95 мсек). Наличие фразового акцента, а также позиция абсолютного конца синтагмы (рис. 1.2) ведет к значительному усилению предударного гласного; на месте /о/ произносится длительный и более интенсивный, чем ударный гласный, звук средне-нижнего подъема среднего ряда [Λ], несколько отодвинутый назад: $F_1=740$ Гц, $F_2=1400$ Гц, длительность 81 мсек (длительность ударного [а] 93 мсек).

Усиление предударного гласного [Λ], отмеченное в последнем примере, маркируется также особым мелодическим оформлением: ровным высоким тоном, который понижается на ударном гласном, тогда как при нейтральном произношении ударный [а] в интонационном контуре занимает более высокое положение, чем гласный 1-го предударного слога [э]. Тональное выделение 1-го предударного слога – один из важнейших способов просодического маркирования слова в говорах с диссимильтивной организацией вокализма. На рис. 1.3 и 1.4 приведены формы *Карáников* и *не оставáлись*, находящиеся в сильной фразовой позиции, о чем свидетельствуют напряженный характер входящих в его состав согласных, а также значительное удлинение безударного гласного в ауслауте. В обоих случаях гласный 1-го предударного слога занимает более высокое положение в интонационном контуре, чем ударный гласный, хотя обычно «слова э-модели произносятся с низким восходящим тоном на предударном гласном и с дальнейшим повышением тона или сохранением высокого ровного тона на гласном под ударением» [Касаткина 2005: 41]. Диссимильтивные отношения сохраняются благодаря большей силе и длительности ударного гласного, при этом он имеет более низкую частоту F_1 , чем гласный 1-го предударного слога: на 30 Гц в первом примере и на 80 Гц – во втором.

О связи усиления гласного 1-го предударного гласного с повышением на нем тона пишет Р.Ф. Касаткина. По ее наблюдениям, слова под фразовым ударением обычно характеризуются сверхдолгим интенсивным гласным в 1-м

предударном слоге, что нарушает привычную ритмическую схему реализации фонетического слова. Такое произношение обычно сопровождается также повышением тона на предударном гласном, в то время как на ударном гласном тон понижается [Касаткина 2005: 39–41].

В некоторых южнорусских архаических говорах наличие тонального акцента на 1-м предударном слоге может создавать перцептивный эффект переноса ударения на предударный гласный (прежде всего сказанное касается слов с ударными гласными верхнего подъема). Неопределенность в локализации места ударения связана с комплексным усилением основных параметров 1-го предударного гласного, что видоизменяет акустическую организацию словесной ритмической структуры в целом.

Подобная особенность отмечена, например, С.В. Дьяченко в говоре с. Роговátое Старооскольского р-на Белгородской обл. (устное сообщение). На рис. 1.5 и 1.6 представлены синтагмы *и записывали в хате* и *ходили туды*. Графики, а также данные таблицы 1.1 свидетельствуют о том, что значительное усиление 1-го предударного гласного, а также его выделенность прежде всего достигаются увеличением таких показателей, как тон и напряженность, в меньшей степени – длительность и интенсивность. Эффект ударности создается резким повышением тона на предударном гласном и его падением на ударном; значительная напряженность 1-го предударного гласного проявляется в четкости и насыщенности его формантной структуры (при ее невыразительности у гласного под основным ударением).

Как правило, подобное явление отмечается в начале синтагмы в словах с ударными гласными верхнего подъема, чаще всего – перед [й]. В словах структуры СГСГСЃ(СГ) у гласного 2-го предударного слога неверхнего подъема также увеличивается длительность, интенсивность, значение F_1 , а в мелодическом контуре он обычно занимает более высокое положение, чем ударный гласный, напротив, завершение синтагмы произносится с меньшей напряженностью органов речи и меньшей четкостью артикуляции.

Длительность (t), интенсивность (i) и частота основного тона (F₀) ударного и предударного гласных из форм *ходи́ли*, *запи́сывали*, *богачи́*, *отвори́ла*, в которых наблюдается значительное усиление 1-го предударного гласного, приведены в таблице 1.1.

Таблица 1.1

звуки	t (мсек)	i (dB)	F ₀ (Гц)
зап'исыва́ли			
а	120	89	352
и́	85	72	184
хаа́д'и́л'и			
аа́	142	74	282
и́	118	72	175
багач'и́			
а	159	76	300
и́	262	73	181
ат:ва́р'и́л'а			
а	160	82	241
и́	190	79	198

Рис. 1.1. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности, интонограмма формы *дрова́* из фразы: *Дом я на дрова́ перевезла* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

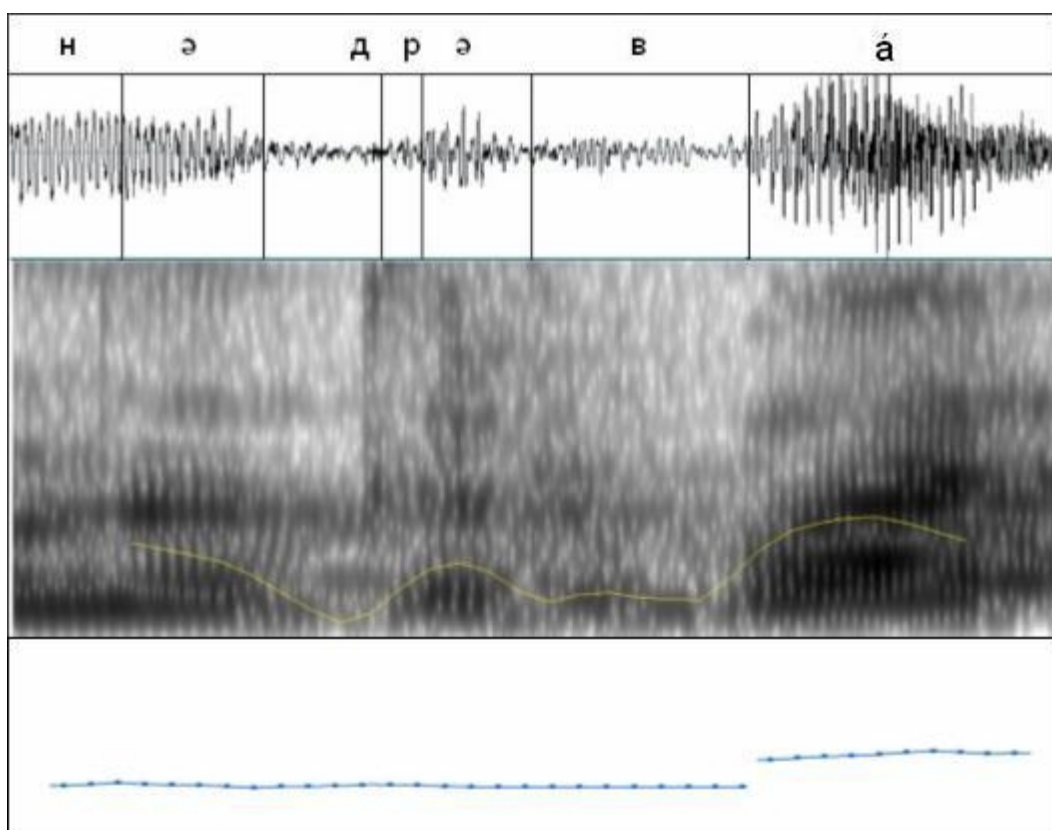

Рис. 1.2. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности, интонограмма формы *дрова́* из фразы: *Осень подойдёт – дрова́* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

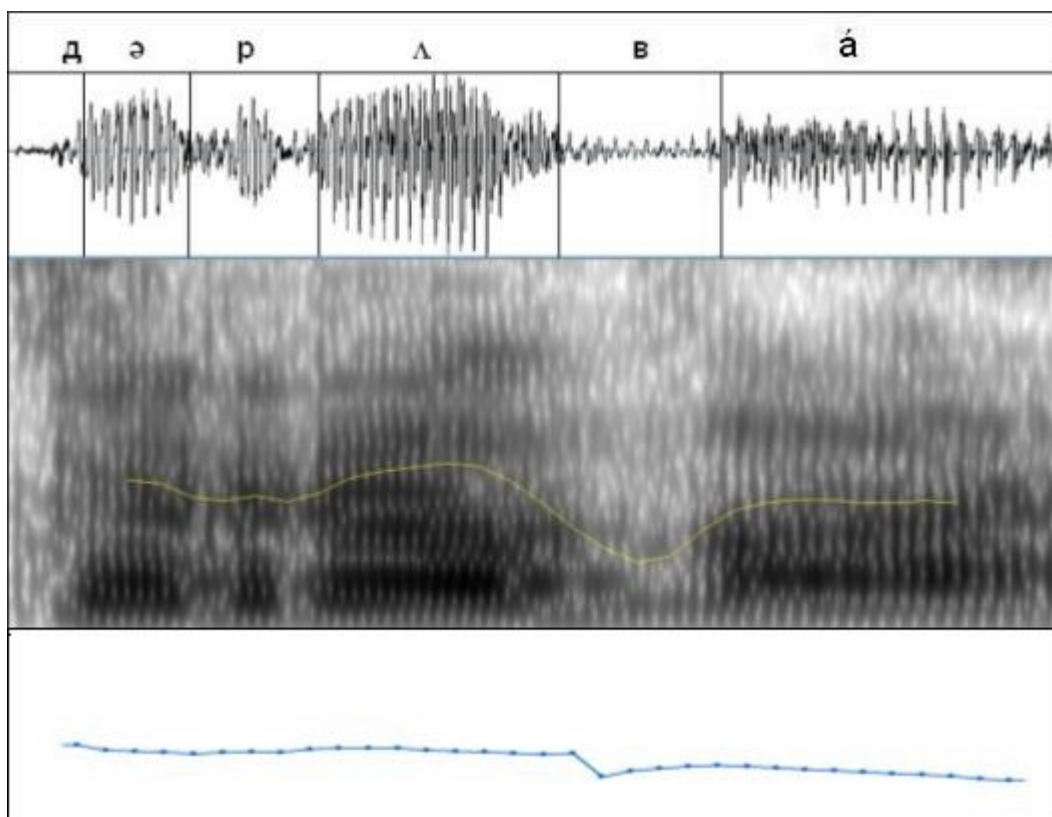

Рис. 1.3. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности, интонограмма формы *Карáников* из фразы: *Это Карáников* [верх 'овраг'] (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

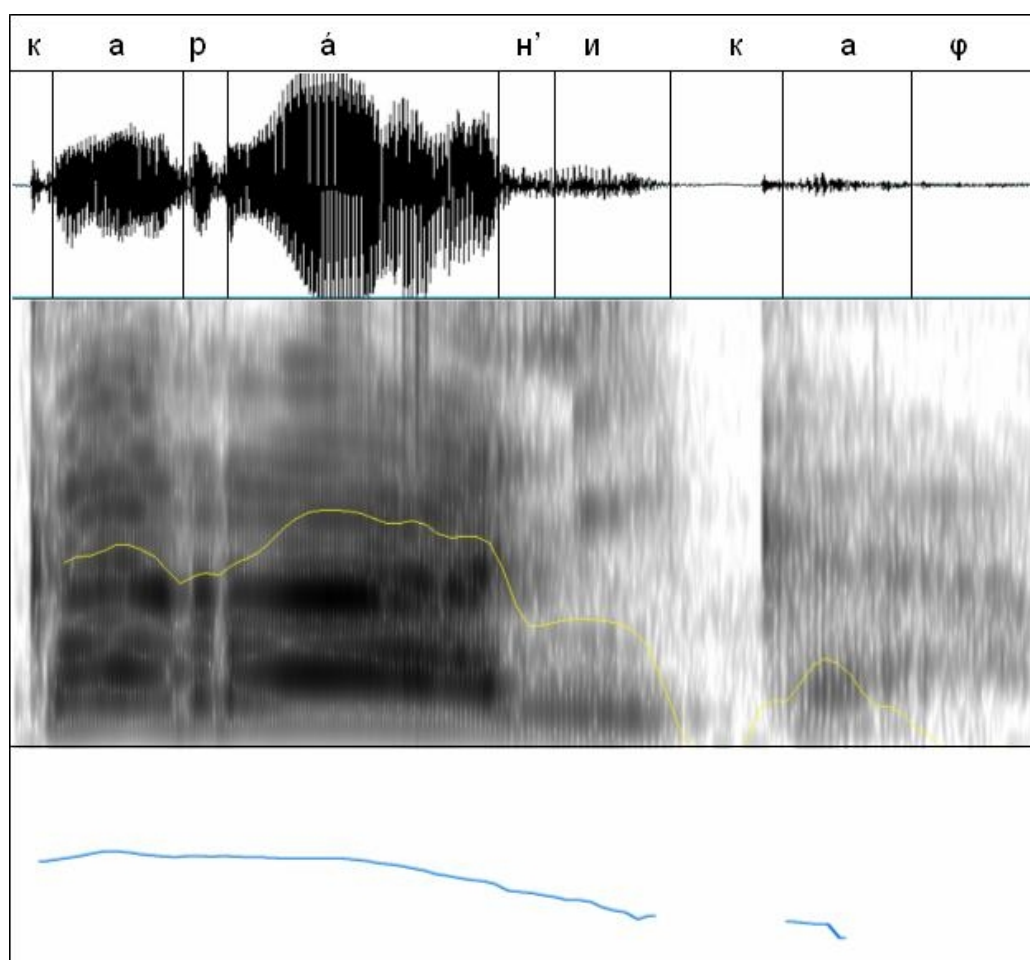

Рис. 1.4. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности, интонограмма формы *не оставáлись* из фразы: *В зиму не оставáлись* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

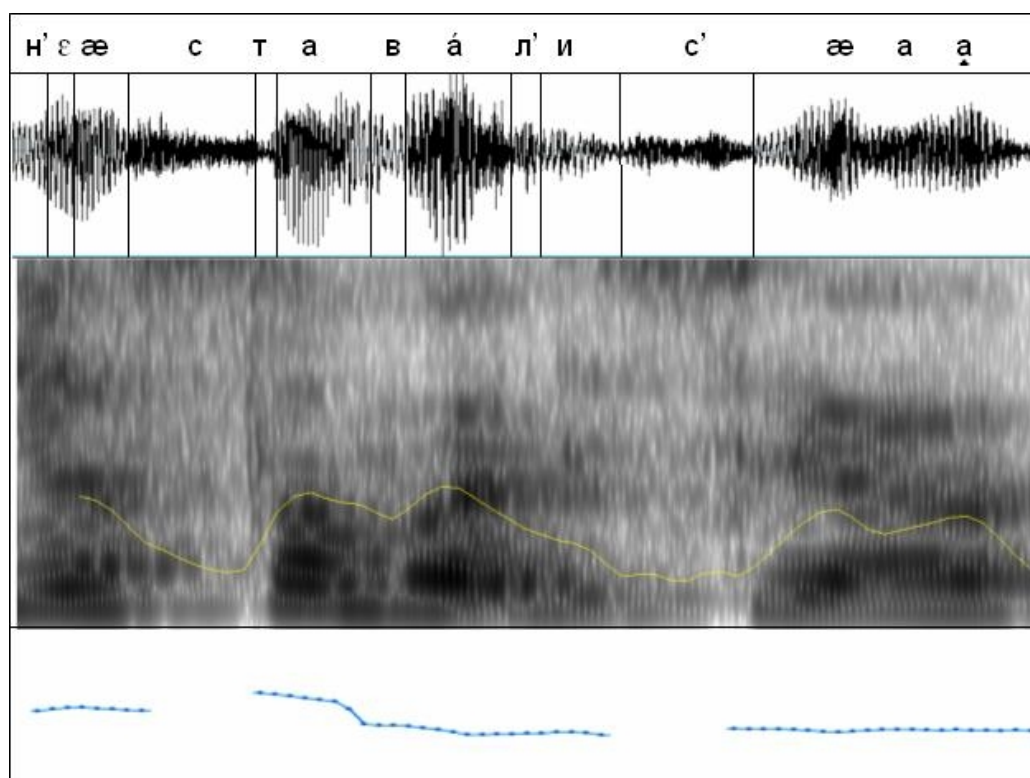

Рис. 1.5. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности, интонограмма фразы *и записывали в хате* (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

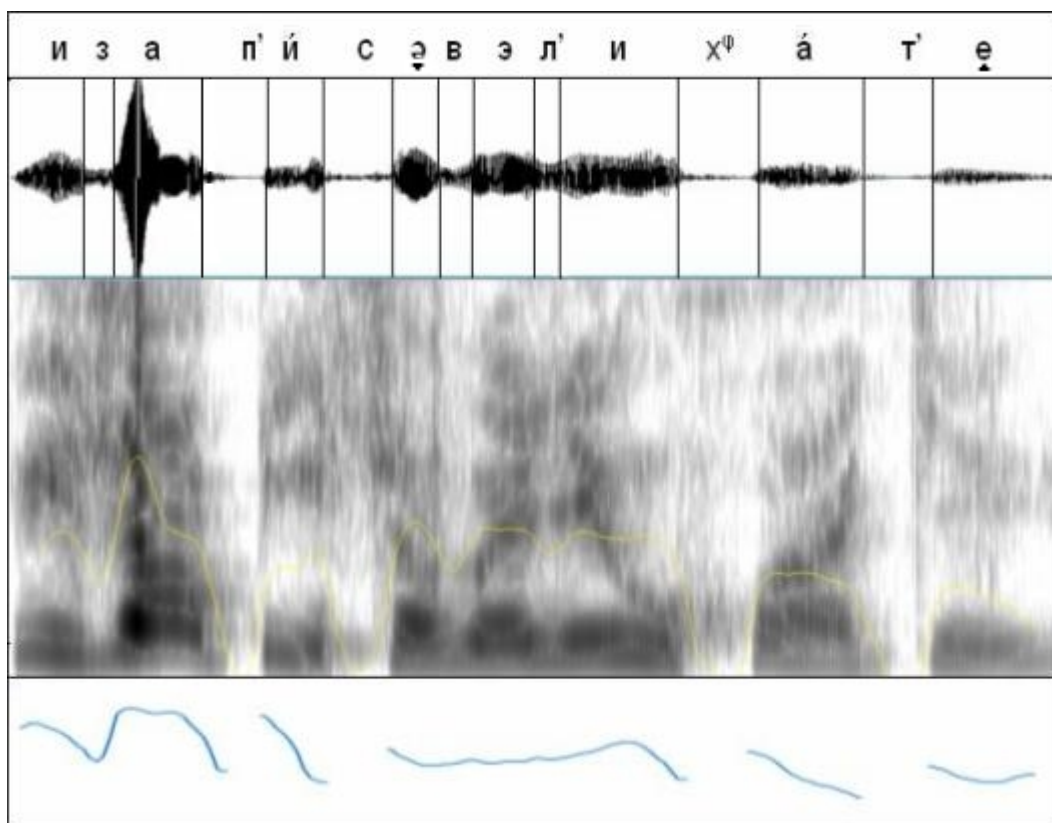
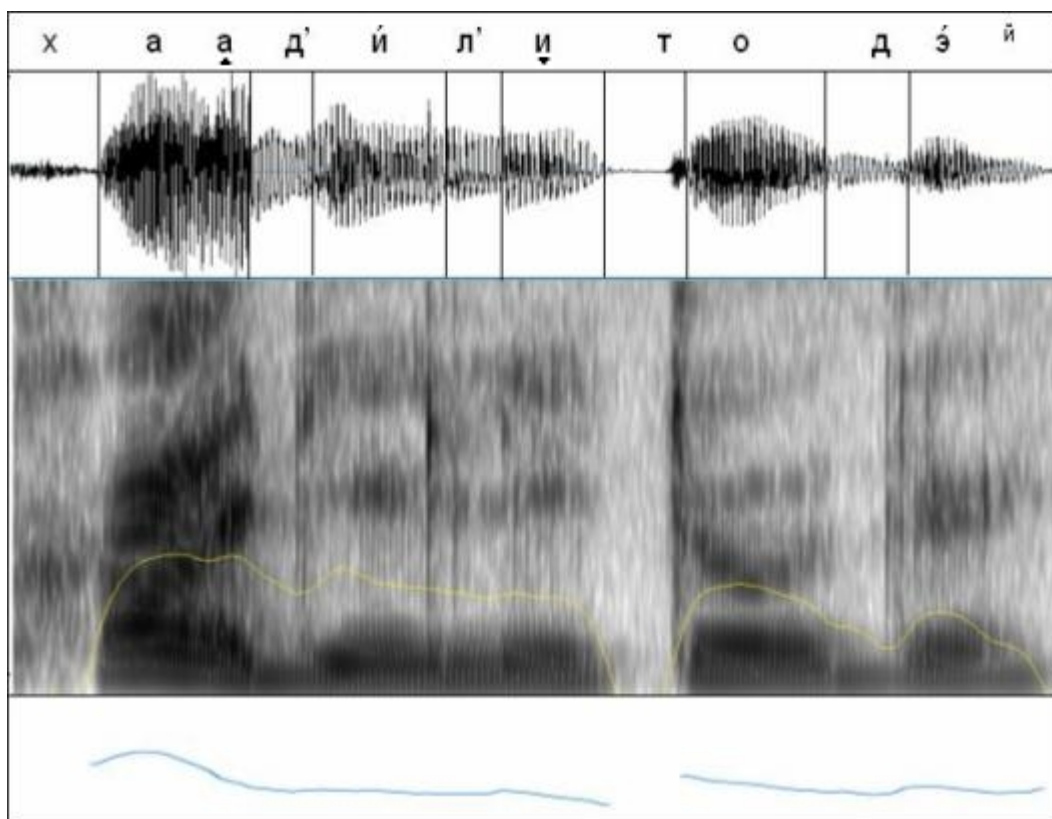

Рис. 1.6. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности, интонограмма фразы *ходили туды* (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

1.2.2. Безударные гласные (кроме 1-го предударного)

На графике 1.1 отмечена еще одна интересная особенность, связанная с ритмической организацией фонетического слова в южнорусских говорах. Количественные и качественные характеристики гласных, представленных в форме *на дрóвá*, свидетельствует о том, что диссимилятивный принцип затрагивает не только акцентное ядро слова, но и 2-й предударный слог⁷: нэ_{49/68/630} дрэ_{34/64/580}вá_{95/72/950}. Подобное чередование «сильных» и «слабых» слогов, как правило, отмечается в нейтральной просодической позиции, главным образом, в срединном положении во фразе, оно представлено с различной степенью выраженности в некоторых говорах с диссимилятивным аканьем.

По данным Т.Г. Фоминой, в с. Кондрашовка и с. Стадница Семилукского р-на Воронежской обл. с семифонемной системой вокализма 2-й предударный гласный по длительности и интенсивности может превосходить 1-й предударный гласный, значительно сокращенный и ослабленный в позиции перед ударными гласными средне-нижнего и нижнего подъемов: к[а^b]з[ъ^a]кá (распределение длительности: 60 %–52 %–100 %), п[е^b]т[а^b]кá (распределение длительности: 40 %–35 %–100 %), х[ъ^a]х[ъ^a]тóк (распределение длительности: 59 %–55 %–100 %) [Градационная фонология 1985: 121].

Материалы, собранные в различных южнорусских говорах, свидетельствуют о том, что предударные гласные могут расподобляться по тембру, силе (интенсивности) и длительности. Однако необходимо отметить, что подобный компенсаторный механизм действует и перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъемов: в этом случае 2-й предударный гласный значительно уступает 1-му предударному гласному по количественным и качественным показателям (редукционная модель, свойственная литературному языку). На рис. 1.7–1.16 представлены осциллограммы и огибающие интенсивности форм: *молодéнец* (младенец), *подняlá*, *похотéлось*, *Монахóвы*, записанных в Воронежской обл., а также *за какóй*

⁷ Цифры под гласным обозначают: длительность в мсек / интенсивность в dB / значение F₁ в Гц.

(В.п.), *загада́й, маслoбóйку, помогну́ть, середá* (среда), *почему́*, записанных в Калужской обл. На графиках видно, что в основе ритмической организации фонетического слова лежит компенсаторный механизм: гласные 2-го и 1-го предударных слогов отчетливо противопоставляются либо по тембру (рис. 1.7), либо по длительности (рис. 1.12), либо по силе (рис. 1.15), но чаще – сразу по нескольким признакам. Появление того или иного звукотипа определяется общей фонетической программой слова и напрямую зависит от качества ударного гласного. Длительность (t), интенсивность (i) и F₁ этих слов представлены в таблице 1.2.

Таблица 1.2

звуки	t (мсек)	i (dB)	F ₁ (Гц)		
ма́лэд'и́н'иц					
а	52	71	660		
э	74	72	520		
и́	165	65	440		
па́д'н'ела́					
э	132	69	620		
е	58	61	550		
а́	171	69	790		
па́хатéлэс'					
э	59	66	650		
а	121	70	920		
é	81	69	550		
манаху́оўы					
а	54	68	710		
а	108	74	930		
у́о	141	64	66	420	570
з'акэ́кoб'э					
°а	89	85	82	590	1000
э́э	83	82	79	620	600
oб	143	88	88	600	720

зауадаѣ					
а	47	79	720		
а	22	75	780		
а́	69	77	830		
мэслабѳйку					
э	50	72	540		
а	74	80	810		
о́	67	74	500		
пѳмаунѳт'					
ѳѳ	45	72	76	680	490
а	72	79		830	
у́	67	75		450	
с'ир'идѳа́					
и	81	82		500	
и	65	74		420	
ѳа́	257	84	80	710	920
пѳч'ѳаму́					
э	62	75		650	
ѳа	106	80	80	600	840
у́	70	74		550	

Рис. 1.7. Осциллограмма и огибающая интенсивности формы *молодѳнец* (с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл.)

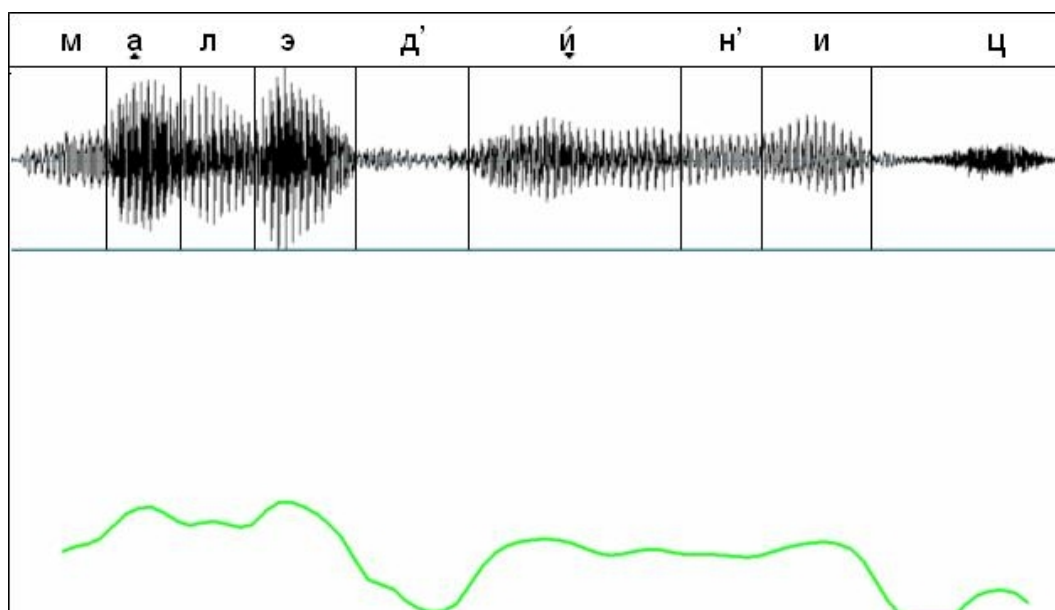

Рис. 1.8. Осциллограмма и огибающая интенсивности формы *подня́л* (с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл.)

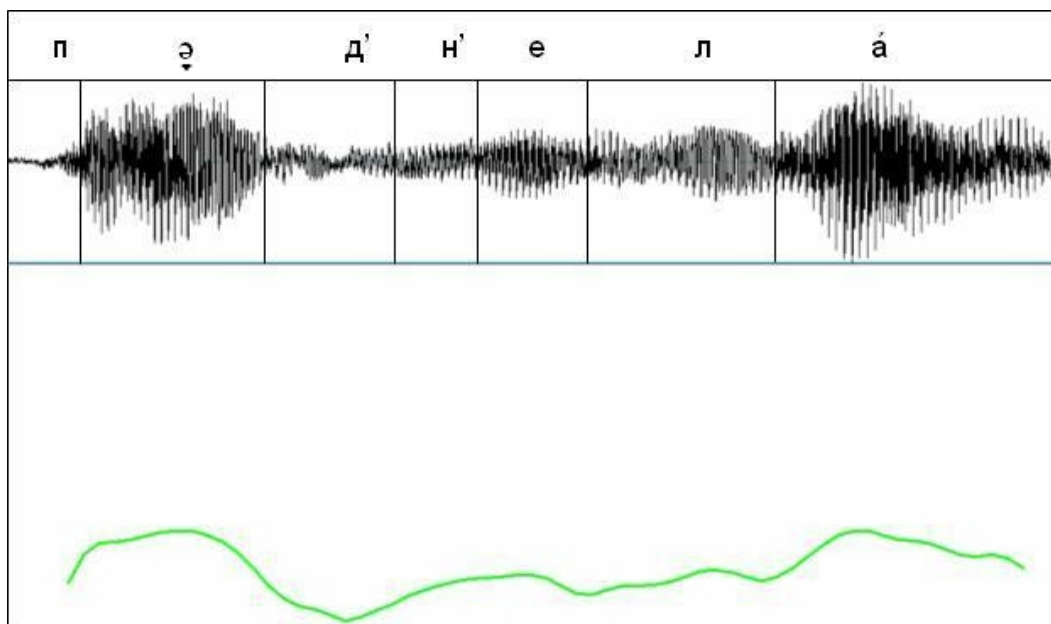

Рис. 1.9. Осциллограмма и огибающая интенсивности формы *похотѐлось* (с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл.)

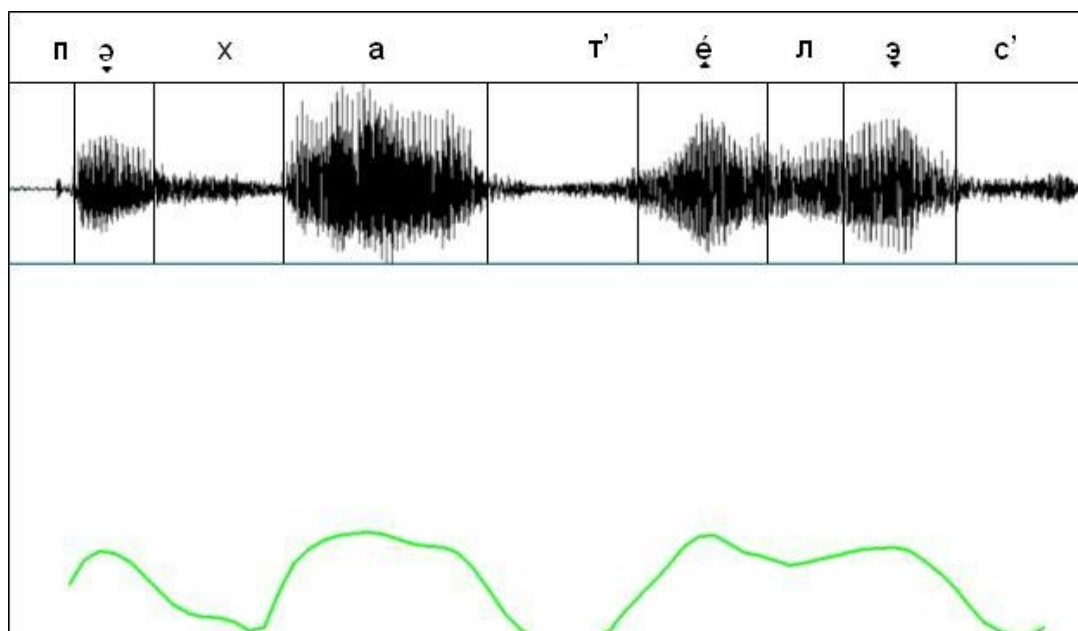

Рис. 1.10. Осциллограмма и огибающая интенсивности формы *Монаховы* (с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл.)

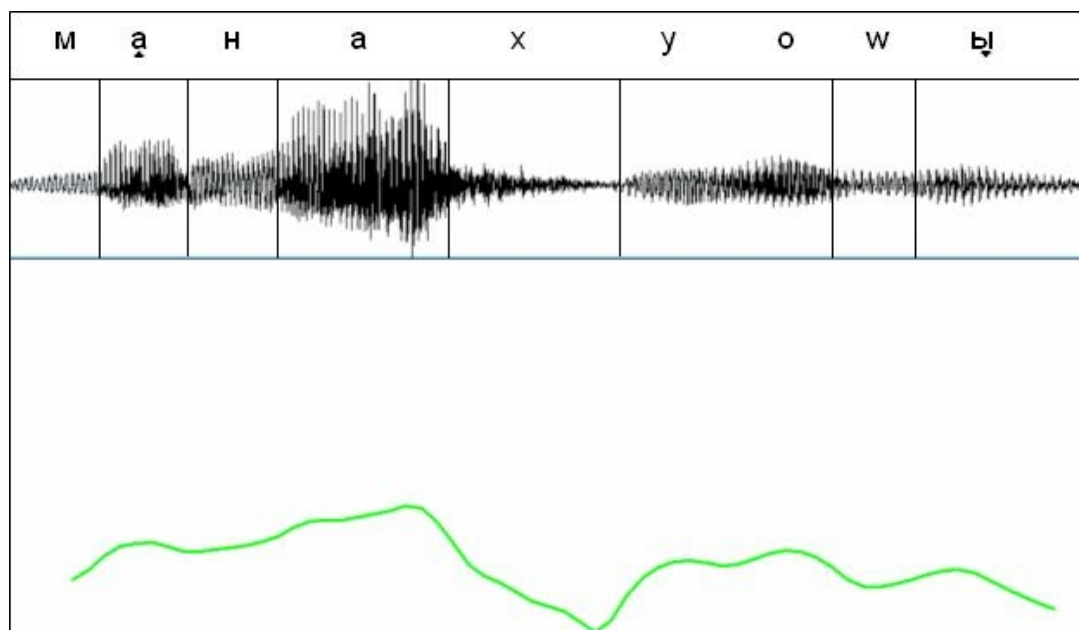

Рис. 1.11. Осциллограмма и огибающая интенсивности формы *за какой* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

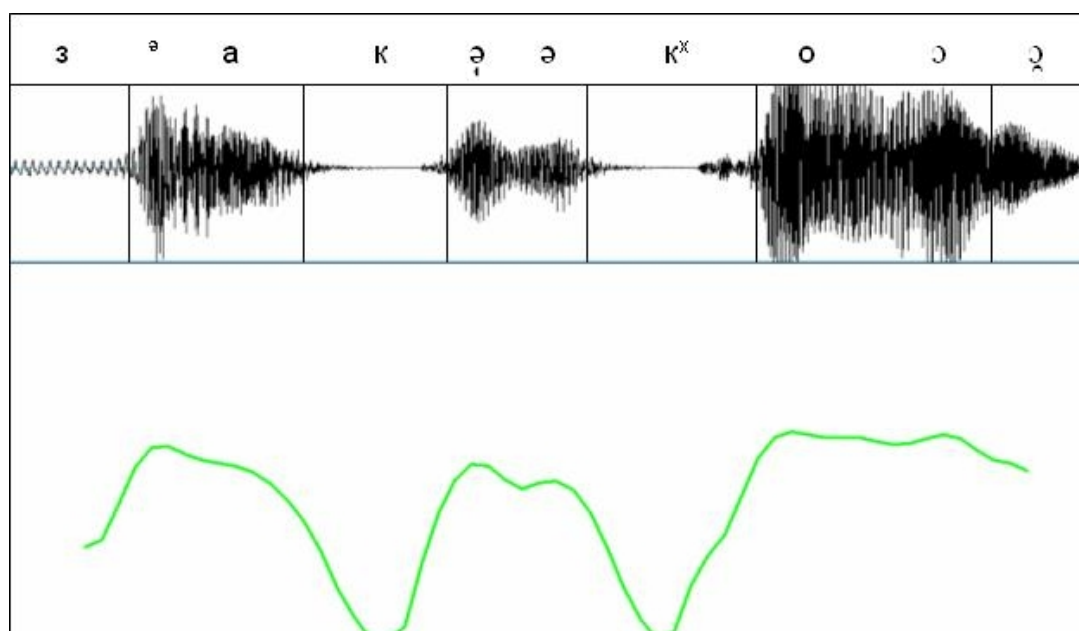

Рис. 1.12. Осциллограмма и огибающая интенсивности формы *загад́ай* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

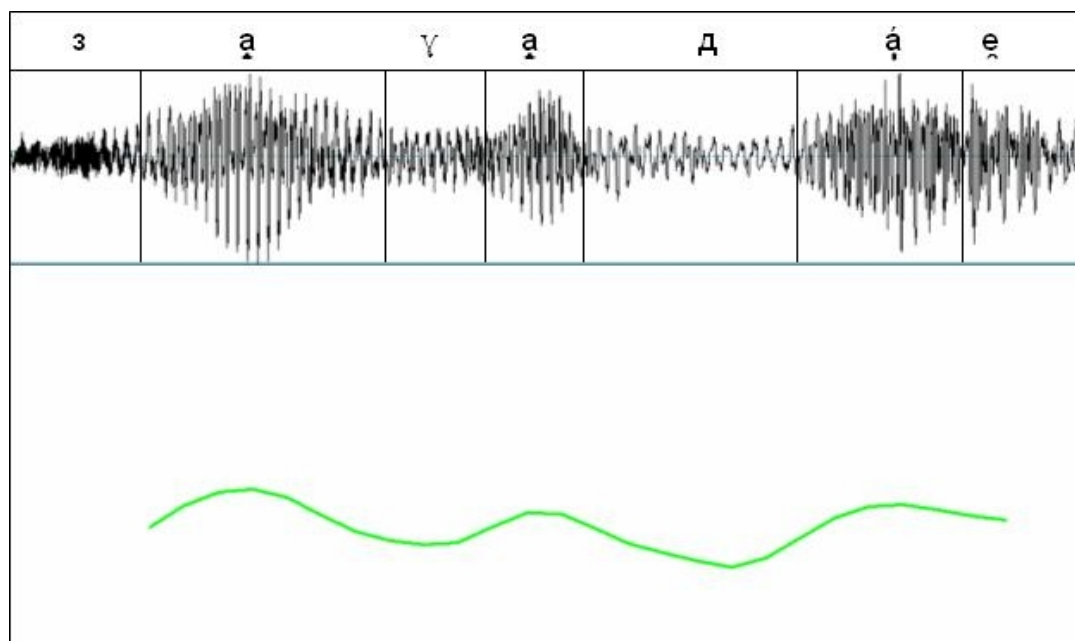

Рис. 1.13. Осциллограмма и огибающая интенсивности формы *маслобóйку* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

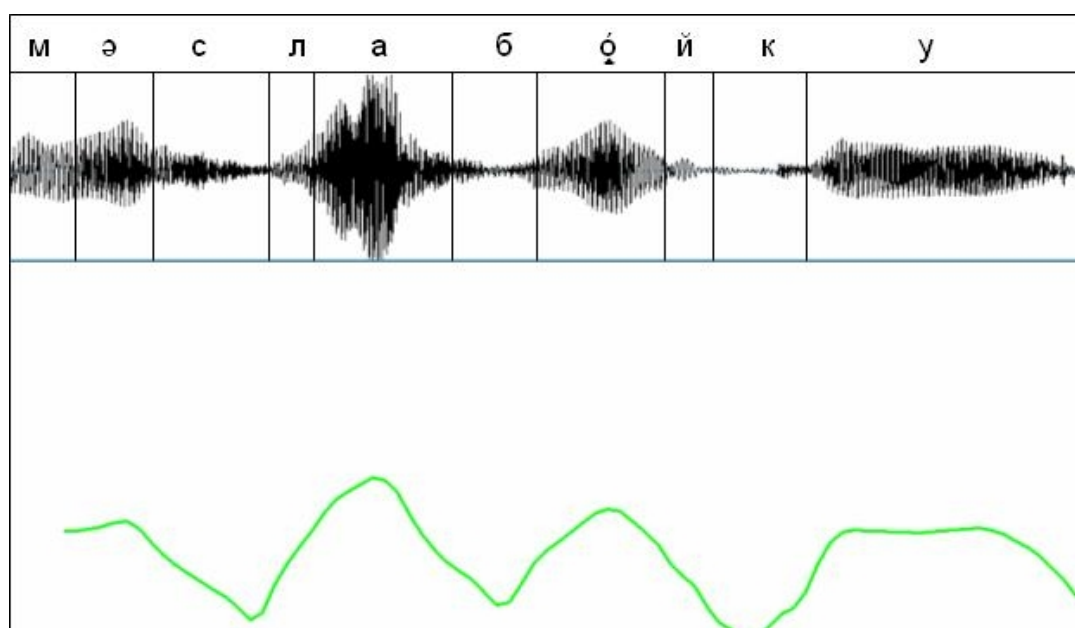

Рис. 1.14. Осциллограмма и огибающая интенсивности формы *помогнуть* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

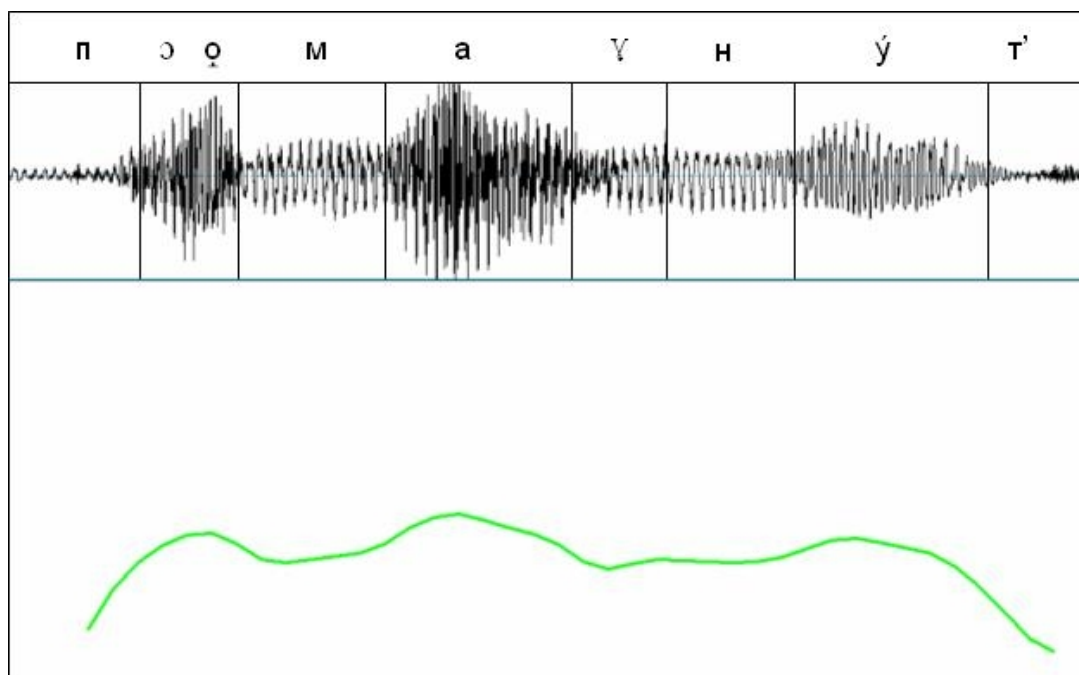

Рис. 1.15. Осциллограмма и огибающая интенсивности формы *середá* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

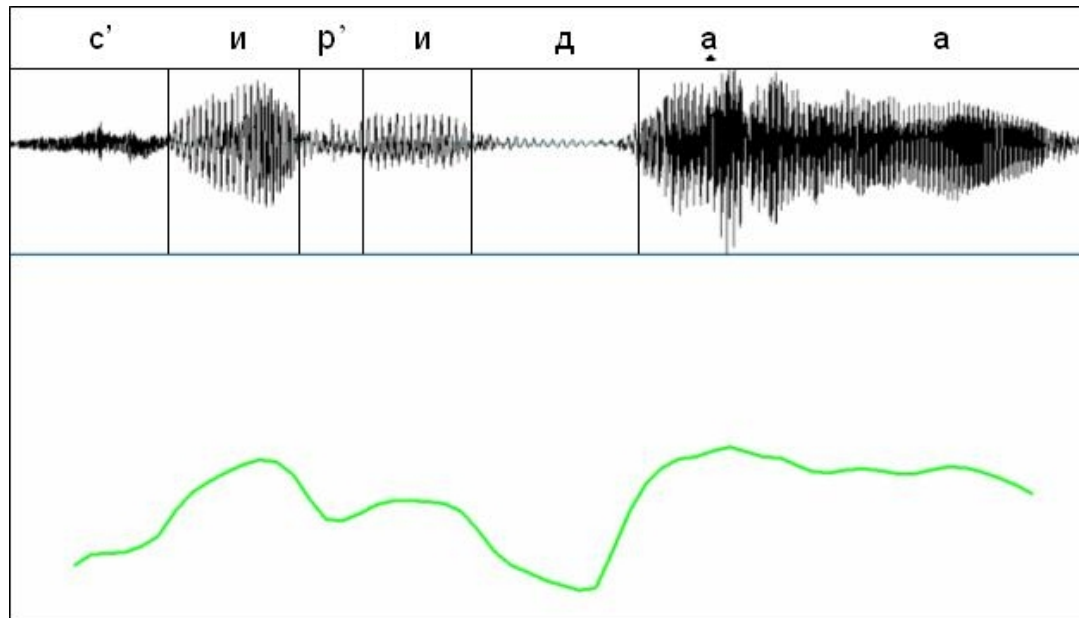
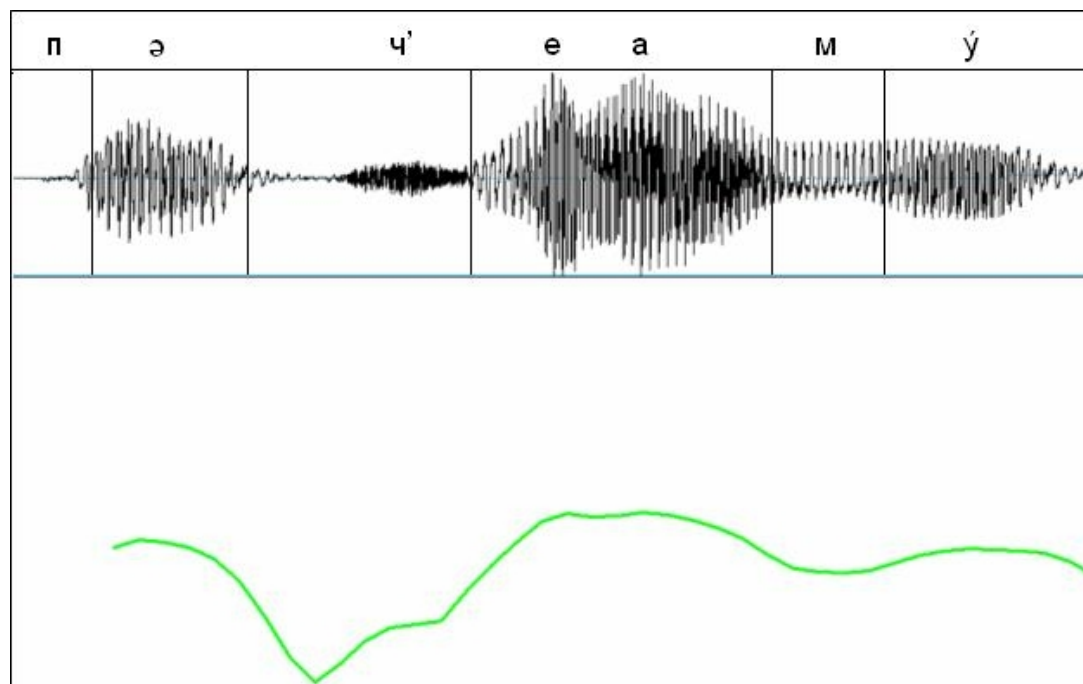

Рис. 1.16. Осциллограмма и огибающая интенсивности формы *почему́* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

Эта особенность встречается и в других южнорусских говорах с диссимилятивным аканьем: «<...> зависимость гласных, которая проявляется в первом предударном слоге, может наблюдаться и в других предударных слогах: в соответствии с /о/ и /а/ произносится [э] перед [а] и [а] перед остальными гласными: *н[э]н[а]сý* – *н[а]н[э]слá*, *н[э]д[а]шлú* – *н[а]д[э]шлá*, *б[а]с[и]кóм*, *г[а]л[у]бéй*» [Касаткин 2005а: 53]. См. также примеры из д. Большая Яруга Новооскольского р-на Белгородской обл.: «*нъ гар'é*, *зъ скатóм*, *съпау'ú*, *пъ^акупáт'*, *назъвáцеца*, *на съулáс'у*, *закръвáцут'*, *съб'ар'úт'а*, *зак'ип'áт'*, *мъладьци*, *кавуны́*, *наб'ирáце*, *скъварóдак*, *настьjáл'и*, *правьдá*, *уъвар'úт'*, *фпаур'ибáх*, *дърау'úи*, *заб'ирáл'и*, *мълакó*»; из д. Óгорь Жиздринского р-на Калужской обл.: «*пыст'ал'úл*, *памытáла*, *зыгар'éлас'а*, *зытр'аслó*, *дажывáт'*, *астынав'úт'*, *пъ^бдварáм*, *пъ^бул'ажу́*, *н'и зыхад'úл'и*, *на въ^арътáх*, *малькá*, *зыстр'ал'úт'*, *ны кал'ёнках*, *нап'исáл'и*, *стар'ик'ú*, *стар'ичóк*, *рад'илá*, *парыс'áта*, *зъ^бсал'úл'и*» [Касаткина 1988: 244]. Диссимиляция гласных преду-

дарных слогов свойственна также некоторым северо-восточным белорусским говорам; Н.Т. Войтович приводит следующие примеры: «*гьлава́, мылады́, стынав'и́*; но: *пац'ига́ц', палуча́ў; заб'ира́ц', вас'ил'о́к, гарбуза́, напува́л*», это явление отмечено в говорах Оршанского, Шкловского, Могилёвского и Быховского районов [Вайтовіч 1968: 116]⁸.

Фиксация подобной диалектной черты в архаических южнорусских говорах различной локализации, очевидно, свидетельствует, во-первых, о ее более широком распространении в прошлом, во-вторых, о древности описываемого явления. Наиболее последовательно этот ритмический контур представлен в трехсложных словах, то есть в словах структуры СГСГСГ(С), и выявляется только при определенных просодических условиях: «в контексте без яркой эмоциональной окраски, в речи повествовательного стиля» [Высотский 1973: 31].

Иногда диссимилятивная зависимость наблюдается в 3-м предударном слоге; например, в русском говоре с. Татары́цы в Болгарии Л.Л. Касаткин отметил формы: *да сала́вја́, пакава́р'а́т', на ла́шад'е́й, пап'ир'ал'е́з'л'и* [Касаткин 2008: 120]. Качество заударных гласных также может зависеть от качества ударного гласного. Так, в архаических говорах Семилукского р-на Воронежской обл. «сокращение длительности заударных гласных как бы обратно пропорционально длительности ударенных гласных: при большей собственной длительности ударного гласного заударный гласный в одной и той же фонетической позиции имеет меньшую абсолютную и относительную длительности и наоборот» [Градационная фонология 1985: 127], на «проявление диссимилятивного принципа и в заударных слогах» указывают также другие диалектологи [Русская диалектология 1964: 68; Касаткин 2005а: 53].

⁸ Впрочем, А.А. Кривицкий пишет: «При диссимилятивном аканье, которое характерно для говоров северо-восточной диалектной разновидности белорусского языка, в позиции после твердых согласных гласные в соответствии с [а], [о], [е] под ударением реализуются как [ъ] или [ы] не только в первом слоге перед ударным [а], но и во всех других предударных и заударных слогах, за исключением конечного открытого слога <...>, не зависимо от того, какой гласный звук находится под ударением: *гьльва́, бьрда́, рьскъза́ў, съб'ира́й, ньчыва́ц', пьрз'б'ира́л'и́, гьльсьва́н'н'а* и также *нь гьлав'е́, дьрзгав'їзна, пь бьрадз'е́, рьскажы́, съб'ару́ц', сьрькавы́ <...>*» [Кривицкі 2003: 182]

1.3. Редукционные модели в говорах с «совмещенным» ритмическим контуром

1.3.1. «Донская» редукционная модель

Очевидно, что в подобной диссимилятивной системе фонетическая программа слова предопределяет бóльшую функциональную значимость безударных гласных, чем в системах с резким противопоставлением акцентного ядра остальным гласным слова. Бóльшая вовлеченность безударных гласных (прежде всего гласных предцентровой части) в позиционные чередования, а также сильная взаимозависимость вокальных компонентов обуславливают слабую распространенность в диалектных системах с диссимилятивным вокализмом редукции гласных до нуля⁹, особенно редко диереза гласных встречается в предударных слогах¹⁰.

Например, в говорах Верхнедонского р-на Ростовской обл., характеризующихся жиздринским диссимилятивным аканьем и щигровским диссимилятивным яканьем, полная редукция 2-го предударного гласного наблюдается исключительно при наличии 3-го предударного слога, как правило, в приставке *пере-*: *n'ur'жылá*, *n'ur'пукáл'и*, *n'ur'в'арнóл'и*, *n'er'n'ислá*, *n'ur'крут'íl'и*, *n'ur'нырн'óт'*. Очевидно, что подобное произношение регламентируется не столько фонетической, сколько морфологической позицией, то есть оно связано с особенностями фонетического оформления префикса *пере-* в определенной ритмической структуре: *пере*+СГСЃ(СГ) [Голубева 1985: 63].

Значительно чаще диереза гласных отмечается в заударной части слова: *расплáх̄(о)*, *на стáнциэй(и)*, *с мужжám'(и)*, *жэ́ниэ́н(у)*, *н'идáвн(о)*, *бóл'ш(е)*, *на ф'úрм'(е)*, *пóмн'(у)*, *а́дахнóл(а)*, *скат'úн(ы)*, *пáжéл(а)*,

⁹ Как верно заметил Л.Л. Касаткин, обозначение «рассматриваемого явления как “редукции гласных до нуля” характеризует лишь часть примеров. В значительном числе случаев отсутствие гласного компенсируется другими фонетическими характеристиками слова <...>. Диереза гласного часто не отражается на общей длительности слова и количестве слогов» [Касаткин 2002б: 43].

¹⁰ Спорадически в словах структуры СГRГСА́ (где R – сонорный согласный) отмечается сильная редукция 1-го предударного гласного – вплоть до вокалического нуля (подробнее см. § 3.1).

пaп'и́р'л'(и), *куш'о́фкѡ́йт̃* (Кущёвку эту), *ап'ра́в'ил'(и)*, *за́гар'е́ел(а)с'а*, *раз'ува́р'ут'* (=разговаривают), *па́д'е́ел'е* (=поделали) и др. Подобная схема редукции характерна и для других населенных пунктов Волгоградской и Ростовской областей, это «существенное отличие донских говоров от других говоров, знающих диерезу гласных» [Касаткин 2002б: 42].

В калужских говорах с архаическим диссимилятивным аканьем и архаическим диссимилятивно-умеренным яканьем диереза гласных фиксируется еще реже, чем в донских; самым слабым здесь оказывается 1-й заударный гласный в структуре (СГ)СГСГСГ(С): *до́с(о)ч'к'и*, *ра́бо́т(а)ла*, *ад'и́н(а)ца́т'*, *пэ́ и'о́рн(о)му* (по-чёрному), *п'ир'ив'е́рт(ы)ва́т'*.

Очевидно, что редукционные модели, характерные для калужского и донского говоров с диссимилятивным аканьем, имеют принципиальные отличия, которые связаны с особенностями ритмической организации слова в этих диалектных системах. Диереза гласных в донских говорах отмечается в любом заударном слоге (наиболее часто – в открытом ауслауте) и связана с функциональной неравноценностью предцентровой и постцентровой частей слова. Как писал Л.Л. Касаткин, многие «донские говоры характеризуются резким различием между первой частью слова, кончающейся ударным гласным, и заударной частью слова» [Касаткин 2002б: 60]. Более высокий уровень коммуникативной нагрузки на начало слова обуславливает выделение в ритмическом контуре его предцентровой части: все предударные гласные маркируются большей напряженностью и длительностью, они менее подвержены централизации и вполне соотносимы между собой по некоторым качественным и количественным параметрам.

Усиление начальной части слова провоцирует понижение подъема гласных 1-го и 2-го предударных слогов и появление в этих позициях *a*-образных звуков независимо от гласного под ударением, что особенно часто отмечается в сильной фразовой позиции. В таблице 1.3 представлены длительность, интенсивность и значение F_1 форм *маши́нист*, *волоку́*, *заберу́*, *за-*

горéлася, в положéнии, подошёл, полторá, набралá, записанных в хут. Ру-
бéженском Верхнедонского р-на Ростовской обл.; осциллограммы, спектро-
граммы и огибающие интенсивности форм машинíст, загорéлася и полторá
см на рис. 1.17, 1.18, 1.19.

Таблица 1.3

звуки	t (мсек)	i (dB)	F ₁ (Гц)	звуки	t (мсек)	i (dB)	F ₁ (Гц)
машан'íст				ф палажён'ий(и)			
а	55	73	790	а	44	70	830
а	92	71	810	а	69	70	860
í	100	70	380	é	98	63	680
валаку́				падашб́л			
а	75	72	760	а̇	61	69	700
а	103	73	840	а̇	82	68	710
ý	102	65	480	ó	93	62	710
заб'ару́				палтарá			
а̇	53	66	710	а̇	55	63	740
а̇	74	67	740	а̇	84	66	760
ý	68	60	430	á	99	65	840
загар'е́л(а)с'а				наб'ралá			
а	68	74	820	а	43	66	800
а	78	73	820	а	47	67	790
е́е	114	68	540 730	á	100	71	810

В результате развития указанной тенденции звукотип [a] с усилением F_1 в области 740–850 Гц становится основной реализацией фонем /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге, в том числе и перед ударным [a]; во 2-м предударном слоге довольно часто произносятся гласные [ạ] и [a] с F_1 690–830 Гц. Эти предударные гласные сближаются по интенсивности и значению F_1 , но продолжают противопоставляться по долготе: в среднем длительность 2-го предударного гласного составляет 70% длительности 1-го предударного, то есть двухступенчатая модель количественной редукции в целом сохраняется. Прежняя структура акцентного ядра слова, основанная на диссимилятивном принципе, также сохраняется, однако теперь она основана исключительно на противопоставлении долготных характеристик: длительность гласных 1-го предударного слога [ə], [ạ], [a] в позиции перед [á] в среднем составляет чуть более 50% длительности ударного гласного, подробнее см. § 3.1.

Система вокализма, подобная только что описанной, основана как на диссимилятивных, так и на ассимилятивных отношениях между гласными предцентровой части: отмечается их расподобление по длительности и одновременное уподобление по качеству и интенсивности. Конкуренция старой (диссимилятивной) и новой (ассимилятивной) связей, оформляющих фонетическое слово в целостную единицу, свидетельствует о нестабильности словесной ритмической структуры. Долгие и краткие слоги в этой системе противопоставляются не всем комплексом черт, присущих вокальным компонентам слова, а лишь единичным признаком, тогда как соотношение других признаков указывает на существенные изменения, связанные с синтагматикой гласных в местном говоре.

Рис. 1.17. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *маши́нíst* из фразы: *Да тогда этот уж – маши́нíst – его стихнул с мене* (хут. Рубеженский Верхнедонского р-на Ростовской обл.)

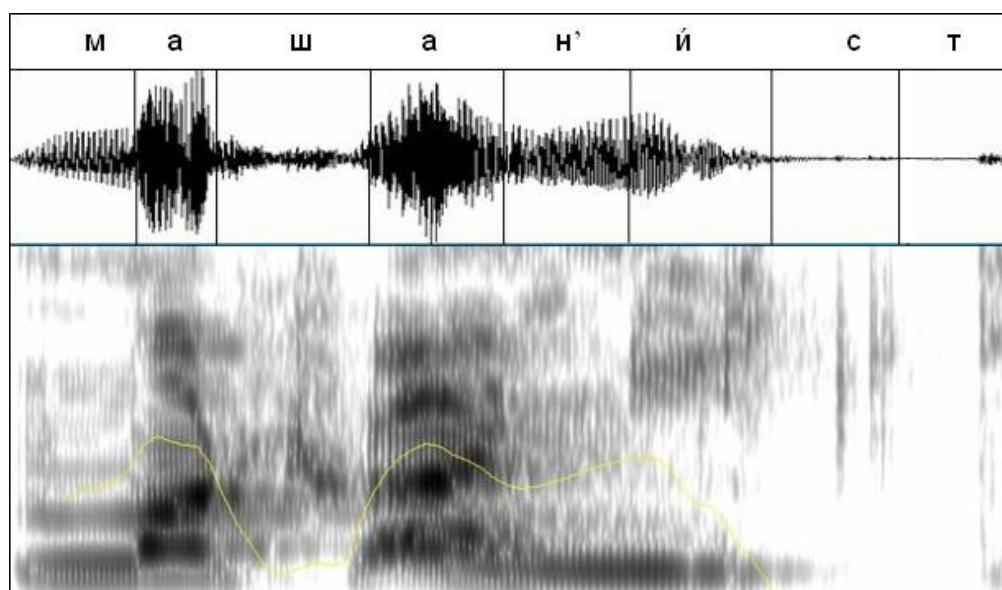

Рис. 1.18. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *загорéлася* из фразы: *Как зачал бомбить Куцёвку эту, как она загорéлася* (хут. Рубеженский Верхнедонского р-на Ростовской обл.)

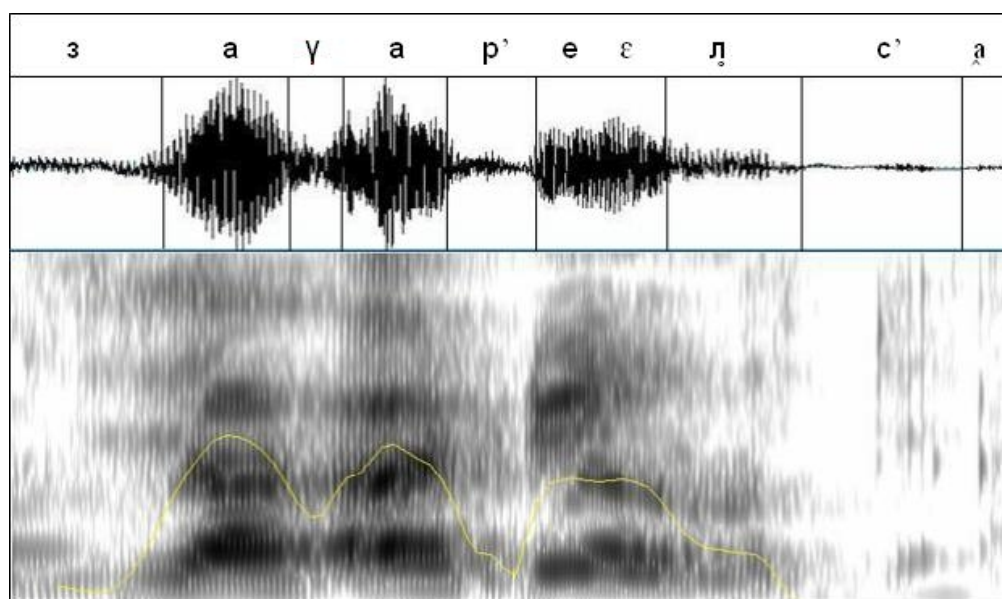

Рис. 1.19. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *полторá* из фразы: *От Куцёвки, наверное, километра полторá были* (хут. Рубеженский Верхнедонского р-на Ростовской обл.)

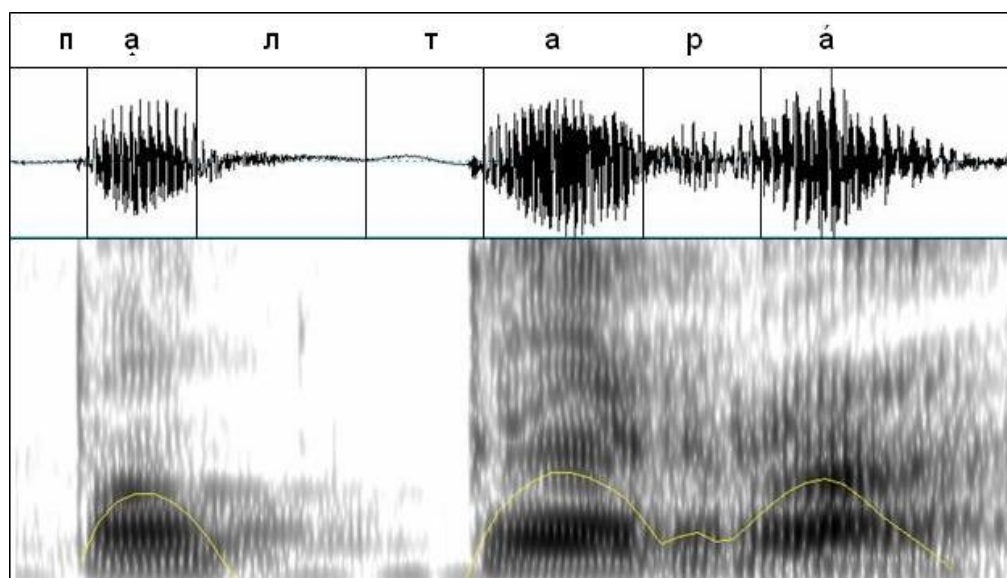
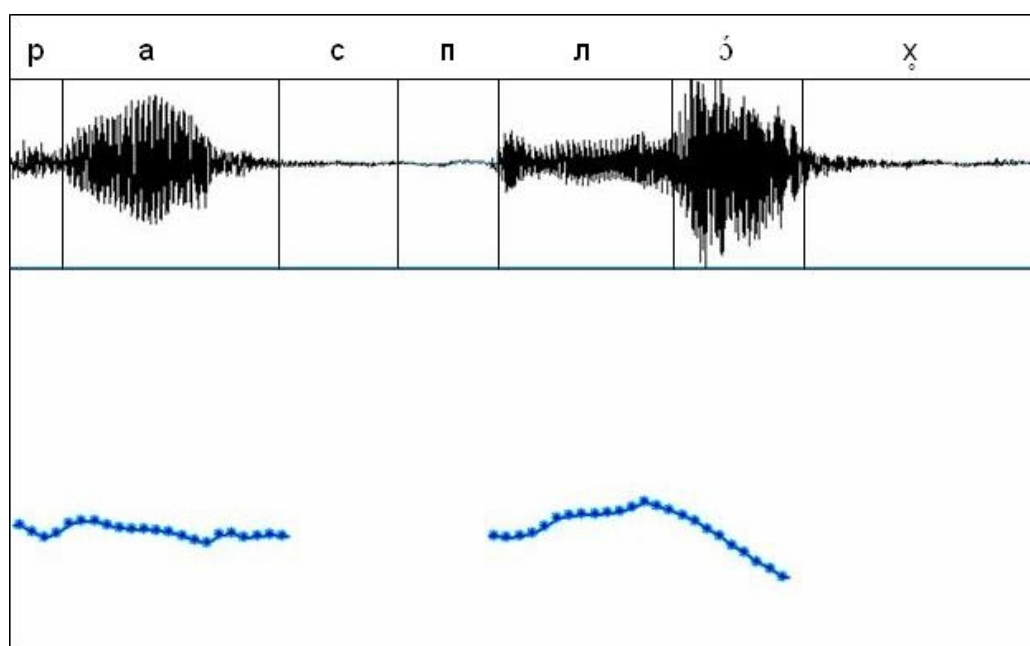

Рис. 1.20. Осциллограмма и интонограмма формы *расплóхо* из фразы: *Энта [сестра] училась хорошо, а я – расплóхо* (хут. Рубеженский Верхнедонского р-на Ростовской обл.)

Очевидно, что усиление предцентральной части происходит за счет ослабления заударных слогов, которые реализуются в речи информантов с высокой степенью произносительной инерции. Общее снижение информативности гласных постцентральной части, способствующее значительному ослаблению их артикуляции, отмечается во многих других южнорусских и в восточных акающих среднерусских говорах, а также в русской разговорной речи [Теплова 1981: 56; Калнынь, Масленникова 1995: 83–84; Земская 1979: 201]. Наиболее часто редукция до вокалического нуля фиксируется в начале или середине синтагмы, при этом для конца синтагмы (или каденции) характерно удлинение заударных слогов – открытых и закрытых [Теплова 1981: 54–55; Чекмонас 1993: 177]. Конец фразы или речевого периода для многих говоров может быть признан сильной просодической позицией, которая способствует выделению и усилению гласных постцентральной части и препятствуют их сильной редукции [Аванесов 1949: 113].

В донских говорах диереза гласных отмечается не только при нейтральном, слабом произнесении слова, но и в просодически сильной позиции, в конце речевого такта, см. рис. 1.20, на котором представлена форма *рас-плóхо*, выделенная фразовым ударением. На графике отчетливо видно, что полная редукция заударного гласного приводит к значительному увеличению длительности щелевого [x]: до 185 мсек, что в несколько раз превосходит обычную длительность этого звука. За счет большей долготы создается слоговость этого согласного, см. [Касаткин 2002б: 45].

Усиление или ослабление различных зон слова, маркируемых разным уровнем внимания со стороны говорящих, «особенно актуализируется при нарушении синтагматических стереотипов» [Калнынь 2001: 56]. Очевидно, что в исследуемой диалектной системе формируется не только новая произносительная программа слова, но и его особая ритмическая модель. Параллельно с появлением в донских говорах перед ударным [а] звуков [ǎ] и [a] «на месте более раннего [э] на путях перехода от диссимилятивного аканья к сильному» [Касаткин 2000: 583], происходила модификация и традиционной

ритмической структуры слова. Такое направление изменений неслучайно: даже в говорах с последовательно проведенной системой диссимилятивного аканья гласные в заударных слогах подвержены значительно большей качественной редукции, чем в предударных: по подсчетам Т.Г. Фоминой, приблизительно в половине случаев в этой позиции появляется ненапряженный одноформантный гласный «с макс. F₁ 640, 500, 400 Гц» [Градационная фонология 1985: 129].

На основе «совмещенного» ритмического контура формируется новый контур, который можно определить как «сильная предцентровая и слабая постцентровая части» и который является переходной моделью к контуру «сильный центр и слабая периферия». В результате этого изменения происходит совпадение позиционных вариантов «совмещенного» тонального контура в унифицированной модели:

$$\underbrace{\text{а-э-Г-э} (\text{Г}=\acute{\text{а}}) \sim \text{э-а-Г-а} (\text{Г}=\acute{\text{и}}, \acute{\text{ы}}, \acute{\text{у}}, \acute{\text{е}}, \acute{\text{о}})}_{\text{я-я-Г-}\emptyset (\text{Г}=\text{любой ударный гласный})}$$

Данные современных донских говоров указывают на то, что подобная ритмика слова способствует распространению на территории Ростовской и Волгоградской обл. сильного аканья; для Донской диалектной группы характерно совмещение в пределах различных ареалов диссимилятивного аканья жиздринской и прохоровской разновидностей с недиссимилятивным аканьем [Касаткин 2005б: 267].

1.3.2. «Калужская» редукционная модель

Практически полное отсутствие редукции безударных гласных до нуля в калужских говорах связано с более слабой, чем в литературном языке и во многих других южнорусских диалектных системах, противопоставленностью ударного слога безударным. Ранее на подобную особенность обратил внимание О. Брок, который писал, что в мосальских говорах «ударяемый и неударяемые слоги в экспираторной силе стоят друг к другу как будто ближе;

произношение происходит как будто больше “по слогам”» [Брок 1916: 7]; подобная черта характерна для западных русских, а также для северных украинских акающих говоров [Теплова 1983: 50; Назарова 1977: 212].

Сильная редукция гласных, которая спорадически отмечается в заударном неконечном слоге, обусловлена не слабостью постцентральной части, как в Донской диалектной группе, а особым выделением гласного в ауслауте, что, по правилам диссимилятивной организации вокализма, значительно ослабляет предшествующий ему слог. Так, в говоре Кирейкова конец слова в некоторых просодических позициях отличается значительным усилением последнего вокального сегмента. По длительности и интенсивности выделенный безударный гласный в ауслауте обычно не отличается от ударного гласного, а иногда даже превосходит его по этим параметрам. Усиление конечного гласного не зависит от открытости/закрытости слога и отмечается как в абсолютном конце высказывания, так и у некоторых словоформ, находящихся внутри фразы.

В первом случае оно служит для выражения коммуникативного типа высказывания и обычно сопровождается отсутствием падения основного тона на последнем гласном. На рис. 1.21 и 1.22 представлены 1) утвердительное высказывание: *Никто нам не чистит* (ответ на вопрос: *Кто вам дорогу чистит?*) и 2) часть утвердительного высказывания *чтоб она упарилась* (*Кашу-ту ведь накрывают, чтоб она упарилась*). В первом примере акцентное выделение падает на лексему *никто*, что отмечено тональным всплеском на предударном гласном. Усиление последнего слога формы *не чистит*, а также повышение его тональных характеристик маркируют завершенность и цельнооформленность повествовательной конструкции. Во втором примере отмечается средний уровень движения тона с отсутствием его падения на последнем слове, завершенность высказывания также маркируется удлинением и усилением заударного конечного гласного, занимающего в мелодическом контуре более высокое положение, чем ударный гласный.

Второй случай усиления конечного гласного также можно интерпретировать как факт поверхностной структуры фразы, не имеющий отношения к

семантической организации предложения. Повышенная интенсивность и длительность гласного выполняют здесь делимитативную функцию, отделяя друг от друга отдельные слова или речевые периоды. На рис. 1.23 представлено утвердительное высказывание *едут машина немцев с собаками*. Заударный гласный [a] из формы [н'ёмцав] оказывается самым длительным и интенсивным в своем ритмическом периоде и, по-видимому, указывает на его окончание, на переход к следующей части высказывания (с точки зрения носителя литературного языка создается перцептивный эффект парцелляции). Завершение всей повествовательной конструкции маркируется не контрастным падением тона в конце фразы, а значительным усилением последнего гласного [и], который по длительности превосходит все остальные гласные словоформы *с собаками*.

Рис. 1.21. Осциллограмма, интонограмма (сплошная линия) и огибающая интенсивности (пунктирная линия) фразы *никто́ нам не чи́стит* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

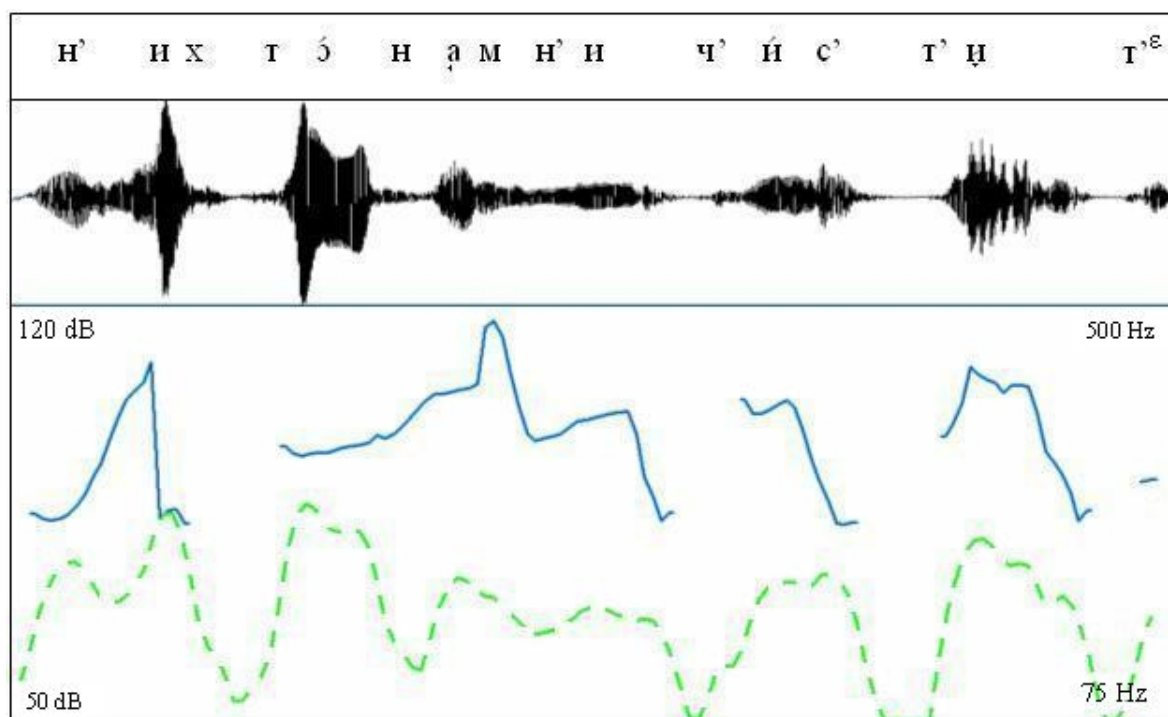

Рис. 1.22. Осциллограмма, интонограмма (сплошная линия) и огибающая интенсивности (пунктирная линия) фразы [Кашу-ту ведь накрывают], чтоб она упáрилась (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

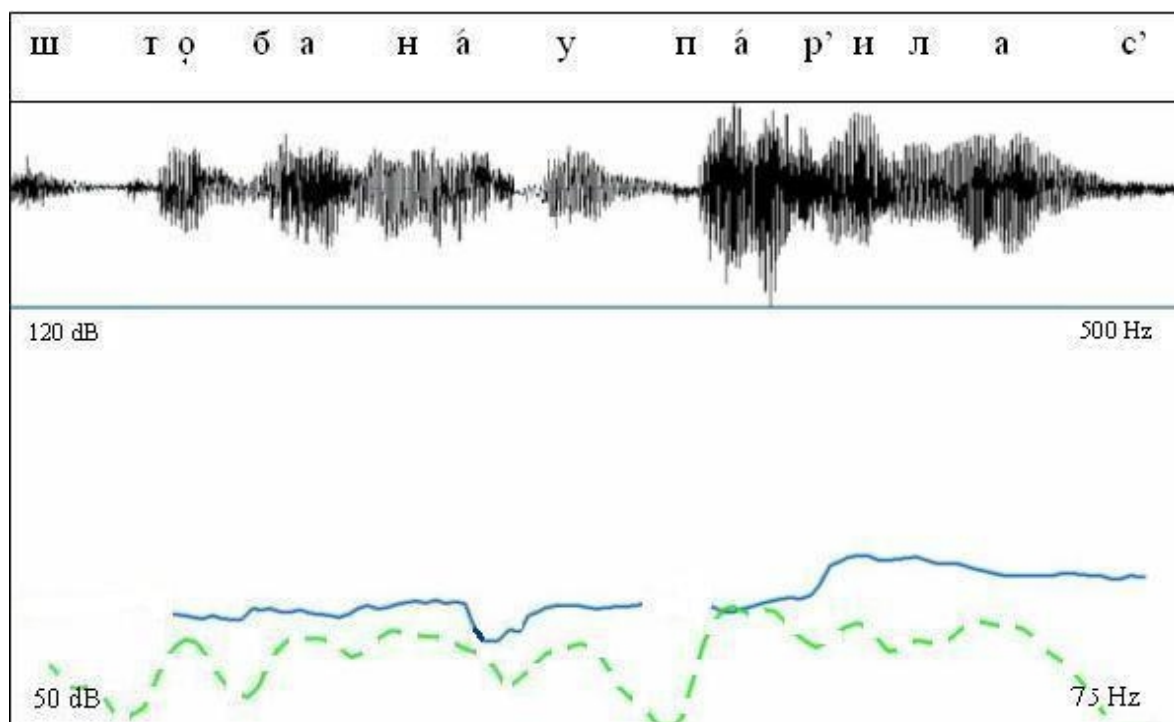

Рис. 1.23. Осциллограмма, интонограмма (сплошная линия) и огибающая интенсивности (пунктирная линия) фразы [Мы смотрим]: едут машина нѐмцев с собаками (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

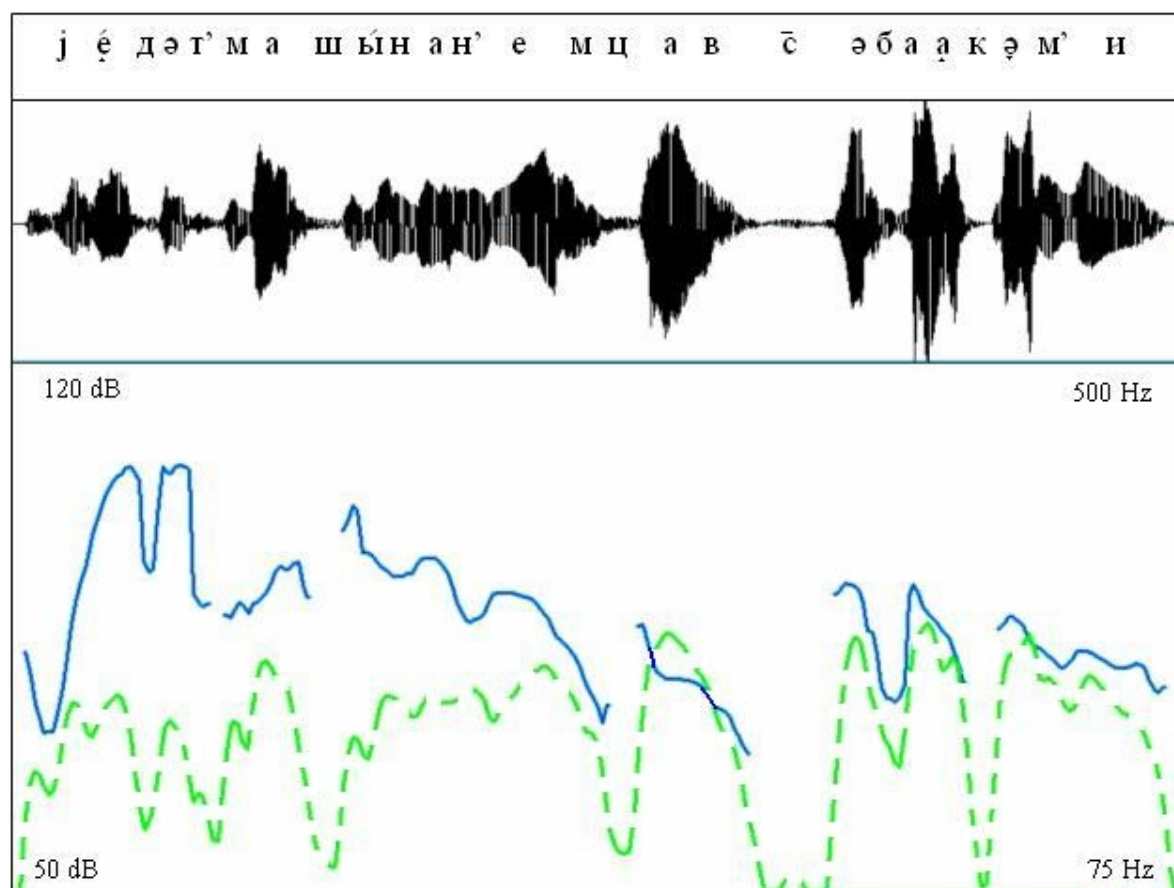
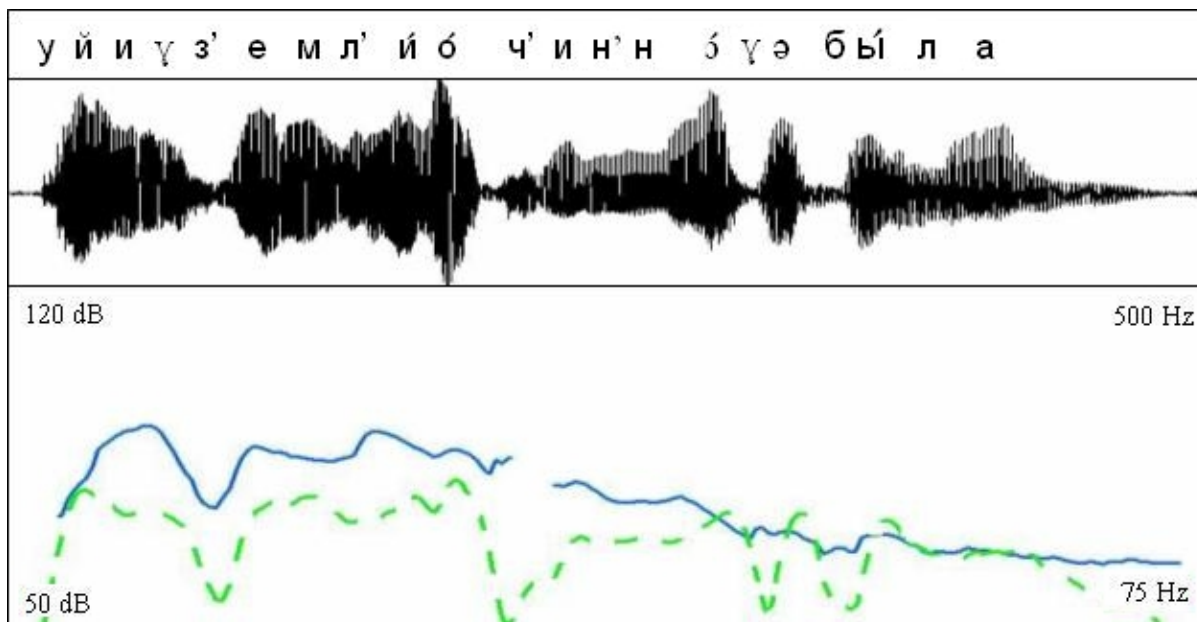

Рис. 1.24. Осциллограмма, интонограмма (сплошная линия) и огибающая интенсивности (пунктирная линия) фразы *У их земли очень много было* (г. Одоев Одоевского р-на Тульской обл.)

Как известно, в южнорусских говорах интенсивность гласных обычно «ослабляется по направлению от начала к концу слова, а напряженность, четкость артикуляции характерна только для ударных гласных» [Колесов 1972: 115]. Однако в описываемом калужском говоре эта динамическая модель деформируется под влиянием просодических факторов. Последний гласный слова характеризуется высокими значениями интенсивности, иногда превосходя по этому показателю все гласные слова (или даже речевого периода); удлинение и усиление гласного приводят к его дифтонгизации; после мягких согласных возможно дальнейшее разложение дифтонга, появление на месте его первой фазы двух звуков: слогового и неслогового: *у ста́д'ийа, на зака́т'иѣѣ*.

Очевидно, что количественные и качественные характеристики гласного в ауслaute напрямую обусловлены фразовым контекстом, то есть регламентируются правилами, актуальность которых проявляется на суперсегментном уровне.

Во-первых, эта особенность связана с наличием в калужском говоре особой интонационной модели, повествовательной конструкции, выражающей завершенность (ТК-1.1 по классификации Л.Л. Касаткина [2006: 84; 2007: 251]). Однако ее мелодический рисунок представляет не нисходящую кривую, как в литературном языке, а средний уровень движения тона при отсутствии его падения (или даже при небольшом подъеме) на последнем слоге.

Подобный ТК встречается в некоторых других южнорусских говорах, например, в соседних районах Тульской обл. (см. рис. 1.24, на котором представлено утвердительное высказывание *У их земли очень много было*, записанное в Одоевском р-не Тульской обл.), а также в д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. Однако в говоре Деулина акцентирование конечного заударного слога достигается за счет усиления тонального и/или динамического (интенсивность) параметров; при этом самым выделенным в структуре СГСГСГСГ оказывается 1-й предударный слог – даже при наличии повышения тона на конечном заударном гласном последнего слова [Касаткина 2002: 135–142]. Подобная редуцированная схема слова связана с наличием в местном говоре словесного контура «сильный центр и слабая периферия», который препятствует развитию вариативности гласного 1-го предударного слога (см. § 1.5).

Напротив, в говоре Кирейкова конечный заударный гласный может не выделяться значительным повышением тона, хотя нередко и занимает в мелодическом контуре более высокое положение, чем ударный гласный. Его усиление достигается за счет увеличения длительности, интенсивности, напряженности, а также повышения значения F_1 . Эта особенность, видимо, объясняется большей подвижностью, «гибкостью», присущей «совмещенному» тональному контуру. В определенных просодических условиях ритмическая структура может свободно модифицироваться, меняя точку отсчета и иначе маркируя слоги в рамках фонетического слова, в том числе и 1-й предударный.

Во-вторых, усиление ауслота в позиции начала или середины синтагмы подчеркивает интонационную самостоятельность фонетических слов,

включенных в общий мелодический контур фразы. Для исследуемого говора характерна меньшая, чем для русского литературного языка, степень интегрированности мелодического контура во фразе, что обусловлено тенденцией к пословному мелодическому оформлению речевых периодов [Пауфошима 1983: 64; Никитина, Пожарицкая 1993: 156–157]. Далее приведено несколько фраз, которые демонстрируют частотность этого просодического явления, а также его наиболее вероятный контекст (жирным прямым шрифтом выделены усиленные звуки в словах, находящихся под фразовым акцентом): [к^арна^ух^оw / т^ожэ б^ыл / муж^ык / н'и ст^ал с н'е^у ж^ыт' // а ^эн так ^эт с'ид'ит' вот как / ^угар' / ^этэ д'имка / ^экэла стэла // вон т^аам^о л'е^утка / цх тр^лйа / ан'и п^амал^ожэ пр^айд^оут^о / а патэм й^а зэ н'им'у ^уд^у // дэ^л'эка к^ал^уед'æц / был у н^ас / нэ бу^уру //].

Существенное увеличение количественных показателей последнего гласного в фонетическом слове приводит не только к изменению его формантных характеристик, к появлению в ауслатуте широкого звука [а], но обуславливает также модификацию словесной ритмической модели. Новый тональный контур, как и исходный прототип, сохраняет волнообразный характер, то есть чередование долгих и кратких слогов, однако его структурные особенности определяются не качеством ударного гласного, а положением того или иного слога по отношению к ауслату. Долгий и сильный конечный слог становится центром тонального контура, определяющим систему соотношения вокальных компонентов в рамках фонетического слова.

Слог, предшествующий сильному ауслату, значительно редуцируется, этому не препятствует даже его маркирование словесным ударением. На рис. 1.25 и 1.26 представлены формы *за в^ечер* и *там Л^юдка*, в которых ударные гласные, реализующиеся дифтонгами, значительно уступают гласным 1-го заударного конечного слога по интенсивности и напряженности (во втором примере также по длительности). При этом в соответствии с волнообразной

ритмикой гласный 1-го предударного слога по этим параметрам приближается к гласному ауслаута, но контрастно противопоставлен ударному гласному.

Редукция до вокалического нуля обычно характеризует 1-й заударный неконечный слог, предшествующий ауслауту. Диереза возможна только в сильной фразовой позиции, при значительном усилении последнего слога, тогда как при нейтральном произнесении прежняя ритмическая структура слова сохраняется. На рис. 1.27 и 1.28 представлены сочетания *четы́рнадцать годов* и *этому оди́ннадцать* (из предложения *Одному четырнадцать годов было, а этому одиннадцать*), в первом случае форма *четы́рнадцать* находится в центре ритмического периода и произносится без усиления последнего гласного слова, что препятствует полной редукции предшествующего гласного. Более того, по правилам диссимилятивной организации вокалической системы, после ударного [ы] произносится *a*-образный гласный.

Форма *оди́ннадцать* завершает предложение, конец повествовательной интонационной конструкции маркируется повышением интенсивности, длительности, а также F_1 гласного ауслаута (при отсутствии падения тона). Действие компенсаторного механизма способствует полной редукции гласного 1-го заударного слога, перемещению слоговости на предыдущий согласный [н], который в результате удлиняется.

Таким образом, в говоре Кирейкова наблюдается позиционное распределение «совмещенного» ритмического контура и «сильноконечного»: в зависимости от положения во фразе и наличия просодического выделения, маркирующего особую ТК. Значительное усиление абсолютного конца фразы, а также более слабое, чем в литературном языке, воздействие фразовой интонации на словесную свидетельствует о глубокой архаике исследуемой диалектной системы [Николаева 1977: 261–262]. Эта языковая особенность связывает местные говоры с говорами Северного наречия, а также с говорами других восточнославянских языков, что важно для изучения генезиса соответствующих диалектных объединений.

Рис. 1.25. Осциллограмма и огибающая интенсивности формы *за вѣчер* из фразы: *За вѣчер вот лапти уже готовы, сплетѣть* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

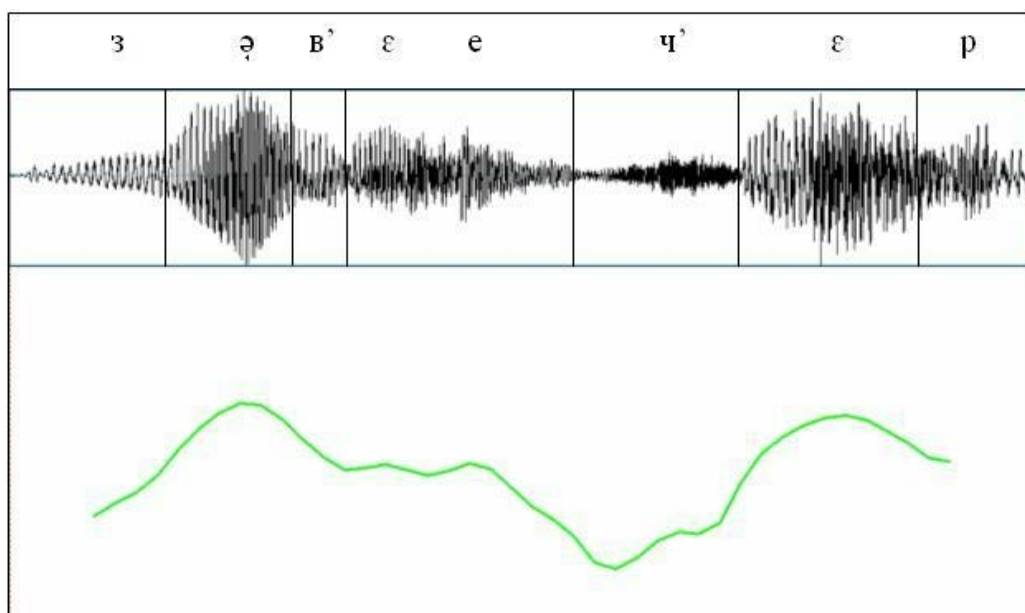

Рис. 1.26. Осциллограмма и огибающая интенсивности сочетания *там Лѹдка* из фразы: *Вон там Лѹдка, их трое, они помоложе, пройдутъ, а потом я за ними иду* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

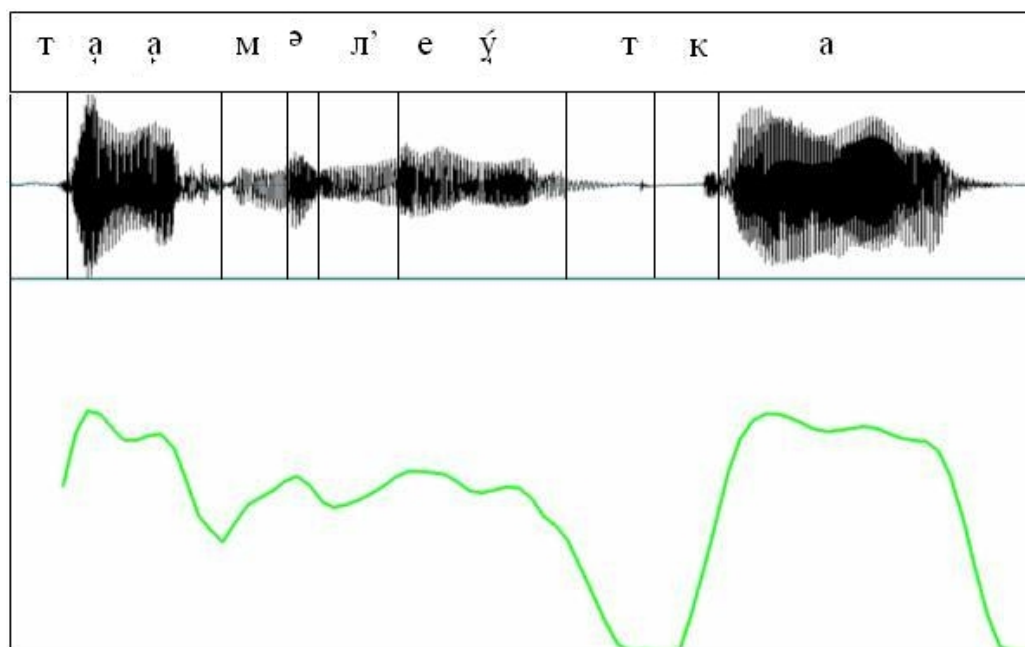

Рис. 1.27. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности сочетания *четы́рнадцать* годов из фразы: *Одному четы́рнадцать годов было, а этому одиннадцать* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

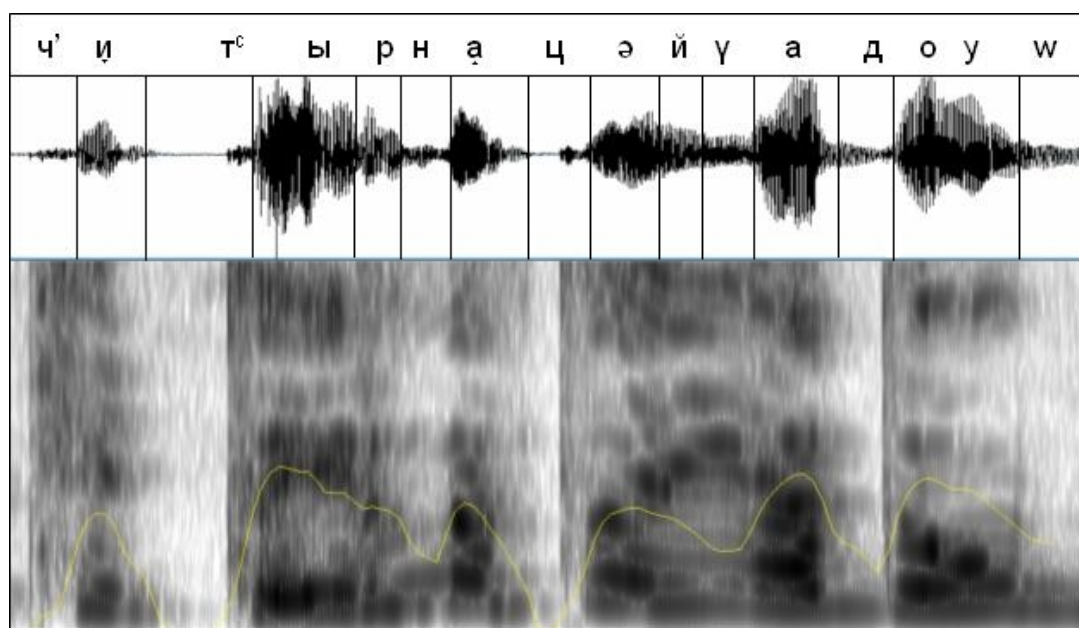
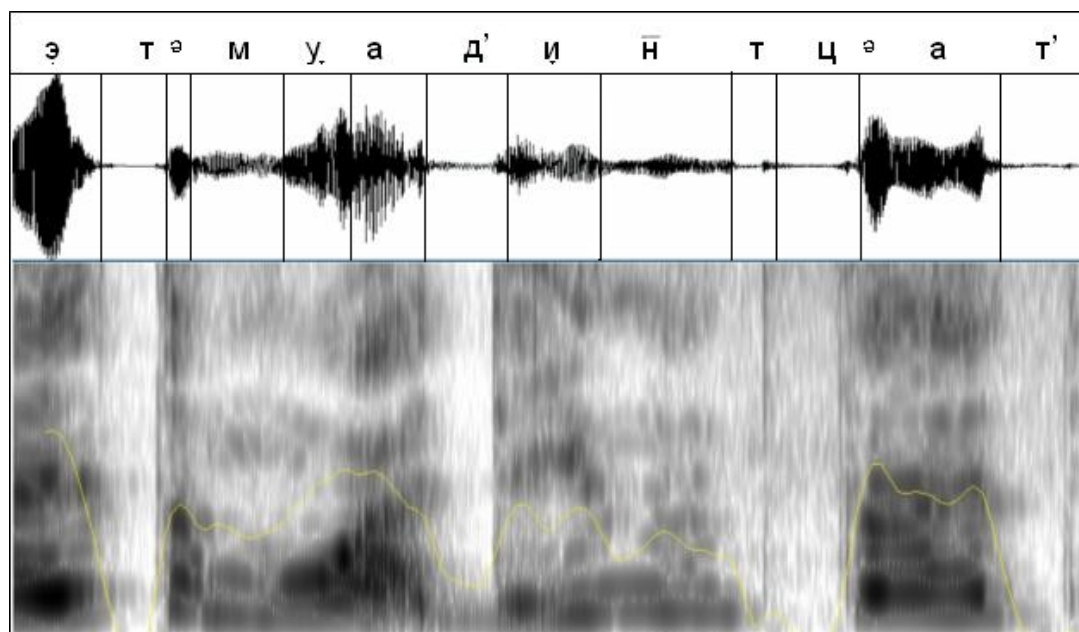

Рис. 1.28. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности сочетания *этому* *одиннадцать* из фразы: *одному четы́рнадцать годов было, а этому одиннадцать* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

В южнорусских и среднерусских говорах длительность заударных конечных гласных в структурах, находящихся в конце фразы, также возрастает, но не очень значительно, степень их редукции остается высокой [Слесарева 1982: 117]. Наиболее сильная редукция заударного конечного открытого гласного свойственна юго-восточным говорам (говорам «восточной части Рязанской группы Южнорусского наречия и примыкающим к ним среднерусским говорам»); подобные примеры фиксируются как внутри фразы, так и в конце речевого такта [Теплова 1983: 46–47; ДАРЯ 1986: карта 18].

Следует отметить, что наряду с описанной специфически диалектной ТК, в говоре Кирейкова употребляется также ТК-1.1, не отличающаяся от соответствующей литературной конструкции ни по физическим характеристикам, ни по функциям. В этом случае обычно происходит усиление последнего предударного слога синтагмы – наиболее типичное средство просодического выделения слова (см. § 1.2).

1.4. Интерпретация случаев нарушения «совмещенного» ритмического контура

В описанных донском и калужском говорах происходит деформация традиционного ритмического контура слова. Эти изменения имеют разную значимость для фонетической системы в целом, они либо способствуют сохранению относительной стабильности старой структуры вокализма, либо активизируют модификацию правил сочетаемости гласных в рамках фонетического слова.

С одной стороны, появление в определенных просодических позициях «сильноконечного» контура под влиянием особенностей интонационного оформления фразы лишь повышает вариантность ритмической структуры и, соответственно, вокальных компонентов слова, но не ведет к системным изменениям. Наличие сильного ауслота нарушает традиционную схему распределения длительности слогов в многосложных словах, однако не активизирует процесс глобальной смены тонального контура. Происходит лишь

перемещение центра ритмической группы, но традиционная волнообразная структура контура устойчиво сохраняется. В сильной фразовой позиции организующим центром ритмической группы становится последний слог последнего слова синтагмы или фразы.

С другой стороны, развитие контура «сильная предцентровая и слабая постцентровая части» способствует уменьшению вариативности предударных гласных по ряду параметров, прежде всего – гласного 1-го предударного слога. Продуктивные тенденции к уменьшению значимости вокальных компонентов в структуре фонетического слова, а также наличие двухступенчатой количественной редукции ведут к более контрастному выделению акцентного ядра за счет еще большего ослабления всех безударных гласных, включая гласные предцентровой части, кроме 1-го предударного. Подобный сценарий развития системы способствует формированию контура «сильный центр и слабая периферия», а также более широкому проникновению в систему вокализма элементов сильного аканья.

Необходимо отметить, что постепенное устранение оппозиции кратких и долгих слогов в пределах акцентного ядра свойственно многим говорам с диссимилятивной организацией вокализма, например липецким [Касаткина, Щигель 1995]. В этих диалектных системах так же, как и в донских, гласные 2-го предударного слога «довольно длительны и произносятся отчетливо», здесь отмечены примеры: *хараши́, малады́и, халаднó, наказáлэ, на мурáw'и, на писáнэх, на пар'áдэку* и др. Редукция до вокалического нуля характерна для заударных слогов: *м'эс'(я)ца, залóж(и)ш, б́уд'(е)т', д'ир'эw'н'(я)-т(о), б́ыл'(и), на ўл'иц(е)* и др. В предударной позиции диереза возможна только в приставке *пере-*: *п'ер'в'ен'ч'áйут', п'ер'сажáйут', п'ер'тыкáиш* [Касаткина (ред.) 1999: 124–128]. Произношение [a] во 2-м предударном слоге после твердых согласных (*м[a]локó, ст[a]роньí*) выделен Н.Н. Пшеничновой как один из определяющих признаков, характеризующих говоры среднедонского диалектного типа [Пшеничнова 1996: 106]. Смена ритмической модели слова

в диалектных системах липецко-воронежского ареала сопровождается также деградацией архаической системы ударного вокализма: здесь наблюдается постепенное устранение оппозиции /ѣ/ ~ /е/ и /ѡ/ ~ /о/ (см. § 2.2.1), то есть переход к различению пяти гласных фонем.

Прежняя динамическая модель слова может сохраняться благодаря комплексному соотношению основных характеристик, присущих ударному и предударному гласным; эти характеристики слабо контрастируют по отдельности, но в совокупности и во взаимодействии составляют ритмическую структуру слова, свойственную диссимилятивной системе вокализма. Например, в говоре с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл. с архаическими типами диссимилятивного аканья и яканья чаще – после твердых, реже – после мягких согласных отмечаются случаи произношения гласного [а] перед [á]: *салда́қты, пр'упэд'н'еалác', нарқан'и* ‘завтра утром’, *выуқан'еэл'и, асталác'э* и т.д., см. [Корпечкова 2012: 93–96]. Однако соотношение длительности, интенсивности, значения F₁, а также тональных характеристик свидетельствует о наличии в говоре «совмещенного» ритмического контура: перед гласным нижнего подъема произносится более короткий и закрытый, менее интенсивный звук [а]. Он отличается от ударного гласного [а] также «неинтонированностью»: во время его звучания практически отсутствует движение тона, который заметно повышается на ударном гласном. Длительность (t), интенсивность (i) и F₁ пяти первых форм приведены в таблице 1.4; на рис. 1.29 и 1.30 представлены осциллограммы и интонограммы форм *солда́ты* и *приподня́лась*.

Таблица 1.4

звуки	t (мсек)	i (dB)		F ₁ (Гц)	
<i>салда́қты</i>					
а	76	78		750	
á	98	71	76	810	990

<i>пр'ипэд'н'еалас'</i>					
еа	89	70	76	520	750
а́	102	77		800	
<i>нарқан'и</i>					
а	66	76		870	
а́а	108	78	79	640	900
<i>выуэан'еэл'и,</i>					
эа	80	70		620	760
еа́э	96	70	72	610	760
<i>асталас'э</i>					
а	72	70		760	
а́	84	72		790	

Рис. 1.29. Осциллограмма и интонограмма формы *солда́ты* (с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)

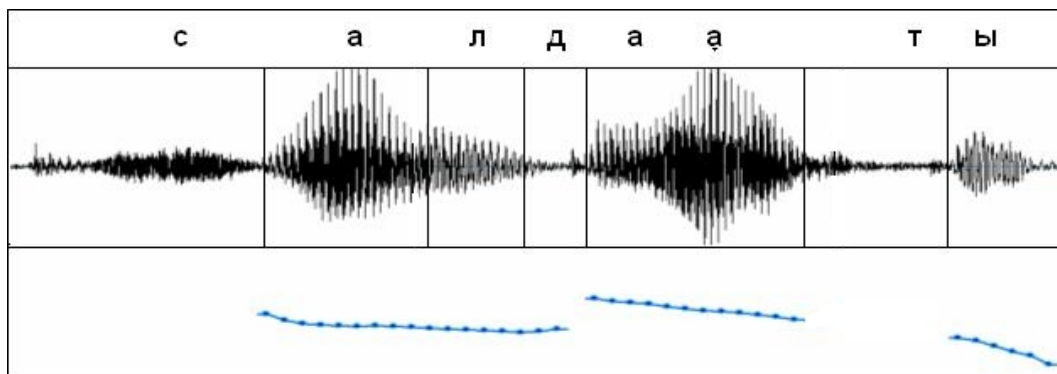
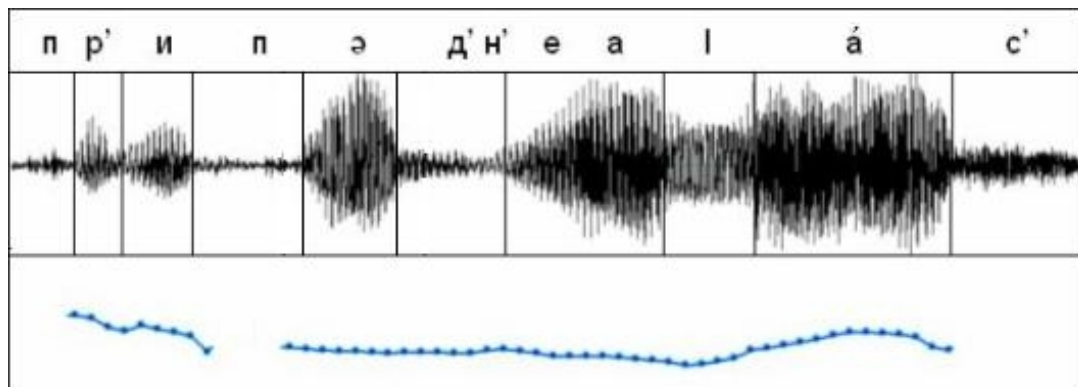

Рис. 1.30. Осциллограмма и интонограмма формы *приподня́лась* (с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)

Постепенное «размывание» традиционной динамической структуры слова приводит к изменениям синтагматических отношений между его вокальными компонентами; появление гласного [ə] в 1-м предударном слоге начинает определяться не ритмикой слова, а просодией фразы. Например, в говоре села Татарица при довольно последовательном диссимилятивном аканье и яканье жиздринского типа «наблюдаются примеры произношения предударных гласных, противоречащие диссимилятивному принципу»: *барáнк'и, даждáлс'э, самá, пажáл'илэс'э, паклáду, хлпчáты, дурáкá вэл'át', паклáдут', сáбáк*. Произношение звуков [а] и [ǎ] перед ударным [а] «встречаются обычно в сильных фразовых позициях (под синтагменным или фразовым ударением, акцентным выделением слова), при эмфазе и медленном, четком проговаривании слова», тогда как звук [ə] отмечается перед [á] при отсутствии просодической выделенности слова. Такое распределение [ə] и [а] в 1-м предударном слоге после твердых согласных свидетельствует о том, что эти гласные являются просодическими вариантами одной и той же значимой единицы, «доминанта которой (основной представитель) осознается говорящими как [а]» [Касаткин 2008: 118–119].

Действительно, подобная переориентация обусловленности чередования безударных гласных со словесного на фразовый уровень ведет к значительному снижению их функциональной нагрузки, к изменению частотности и значимости звукотипов [а] и не-[а]. На предыдущих этапах развития вокальной системы произношение [ə] или [а] в 1-м предударном слоге было дополнительным средством для различения слов и форм слова: *n[ə]d[á]ть*, но *n[a]d[ý]ть*, *тр[ə]в[á]*, но *тр[a]в[ы]*, *б[ə]льн[ó]й старик*, но у *б[a]льн[ó]й старухи* (о реальном участии предударных гласных в различении подобных форм свидетельствуют результаты перцептивного эксперимента по восприятию звуков речи носителями говора с архаической системой предударного вокализма [Градационная фонология 1985: 106]). В новой системе гласный в 1-м предударном слоге маркирует лишь разные позиции в просодической

схеме слов определенной структуры; причем в сильной фразовой позиции всегда произносится звук [a].

1.5. Структура ритмического контура «сильный центр и слабая периферия»

В дальнейшем происходит становление и развитие ритмического контура «сильный центр и слабая периферия», что обуславливает смену типа предударного вокализма, а также способствует унификации основных качественных и количественных характеристик гласных 1-го предударного слога, которые постепенно перестают зависеть как «от качества последующего ударного гласного», так и «от положения слова в интонационном контуре» [Чекмонас 1993: 171, 180]. В южнорусских говорах эта тенденция проведена с различной степенью последовательности, следы диссимилятивного вокализма, обнаруживающиеся в диалектных системах с сильным аканьем, свидетельствуют о былом распространении «совмещенного» ритмического контура не только на юго-западных, но и на юго-восточных территориях. При определенных фразовых условиях перед [á] может произноситься более короткий и закрытый звук [ǎ], подобная особенность отмечена в говорах Рязанской, Тамбовской, Липецкой, восточной части Тульской областей [Просодический строй 1996: 236–244; Касаткина (ред.) 1999: 102, 147, 165; Савинов 2000: 39–43; Межецкая 2010: 67–81].

В.Н. Чекмонас даже высказал предположение, что на многих южнорусских территориях, где в свое время было зафиксировано сильное аканье, можно ожидать выявления диссимилятивного аканья, опирающегося на количественную редукцию. Он пишет, что «к востоку и северо-востоку от [диссимилятивного] центра граница между диссимилятивным и сильным аканьем является размытой, поскольку островки диссимилятивного аканья вне его основной зоны здесь довольно многочисленны <...>. Не исключено, что для этой ‘островной’ зоны характерен вокализм типа *СǎСá // СаСǎ*, то есть коли-

чественная диссимилиация» [Чекмонас 1987: 342]. Возможно, на прежнее распространение в этих говорах иной динамической модели слова указывают различные разновидности предударного вокализма после мягких согласных, связанные с диссимилиативностью. Для Восточной (Рязанской) группы Южнорусского наречия наиболее типичны разновидности ассимилятивно-диссимилиативного (ассимилятивно-сильного, по терминологии Л.Л. Касаткина) яканья [Русская диалектология 1964: 278; Захарова, Орлова 1970: 133; ДАРЯ 1986: карта 8].

Элементы «совмещенного» ритмического контура обнаруживаются также в некоторых среднерусских акающих говорах; например, следы диссимилиативной организации системы вокализма отмечены в говоре д. Лека (Шатурский р-н Московской обл.). Спорадически в речи местных информантов перед ударным [а] (реже – перед [о] и [е]) произносится гласный [э]: *ст[э]я́ть, п[э]я́ла, с[э]ма́, п[э]ха́ли, настр[э]га́ла, пр[э]ща́й*, также *т[э]ко́й, пл[э]то́к, з[э]зе́та* и др. Эти «следы диссимилиативного аканья, в том числе и диссимилиативного аканья архаического типа <...>, свидетельствуют о южнорусском происхождении этого говора» [Касаткина 2009: 110–113].

В тех говорах, где тенденция к выделению акцентного ядра слова проведена наиболее последовательно, следы прежней ритмической схемы слова выявляются в отдельных звеньях фонетической системы. Например, говор села Куничи Флорештского района Молдавии, «отражающий многие черты, известные в Юго-Западной диалектной зоне, характеризуется не диссимилиативным аканьем и яканьем, свойственными говорам этой зоны (см.: [ДАРЯ I, карты 2, 8]), а сильным аканьем и сильным яканьем, типичным для говоров Юго-Восточной зоны». Эту особенность местного говора Л.Л. Касаткин объясняет тем, что «предки куничан, оказавшись на территории Бессарабии, за два века изменили ритмический строй своего говора, по-видимому, под влиянием молдавского диалекта румынского языка, что и вызвало автоматически смену типов аканья и яканья. Подтверждают это и наблюдения над этим говором В.И. Тудосе, которая

также обнаружила здесь сильное аканье, но указала, что “в обрядовых песнях встречается диссимилятивное аканье”» [Касаткин 2012б: 399].

Следует также отметить, что в диалектных системах с преимущественным распространением сильного аканья в 1-м предударном слоге перед гласным нижнего подъема произносится долгий открытый звук [a], длительность которого обычно составляет более 100 мсек и который нередко количественно превосходит ударный гласный. По наблюдениям Г.Н. Межецкой, в подобных случаях «создается впечатление о двойном ударе в слове: аудитивно безударный гласный не воспринимается менее акцентуированным, чем ударный» [Межецкая 2010: 86].

1.6. Диахроническая интерпретация представленного материала

Какие причины обуславливают нарушения просодической организации слова, а также развитие в южнорусских говорах новых тональных контуров? Предположительно динамическая структура слова в древнерусском языке оформлялась при помощи волнообразного ритмического контура, что было характерной особенностью «далекого предка не только восточнославянских наречий, но и славянской группы в целом» [Кузнецов 1964: 35; Касаткин 2010: 89]. Аналогичное ритмическое чередование сильных и слабых слогов реконструируется для раннеиндоевропейского праязыка, а также для более поздних этапов его развития [Мельничук 1979: 3–4].

Подобный ритмический контур, типичный для некоторых других индоевропейских языков, в частности для латышского и ирландского [Мельничук 1979: 3], предполагает усиление гласного через слог, то есть имеет вид [ḡ ◡ ḡ]¹¹. Чередование сильных и слабых слогов в этой системе не зависит от качества гласных, составляющих фонетическое слово; длительность вокального компонента определяется исключительно его местом в общей структуре слова, то есть позицией по отношению к ударению. Гласные 2-го предударного и 2-го заударного слогов оказываются более длительными

¹¹ Знак [ḡ] обозначает долгий гласный, [◡] – краткий гласный.

и интенсивными, чем гласные в слогах, непосредственно примыкающих к ударному. Очевидно, что данная модель была основана на контактном типе фонетической связи, для которой характерно активное взаимодействие гласных и согласных в пределах слога или отдельных звуковых сегментов и относительная автономность гласных друг от друга. Подобная контактная связь «имела приоритетное значение в прасл<авянской> ситуации допустимости только открытых слогов» [Калнынь 2001: 11].

О подобной ритмической структуре с чередованием долгих и кратких слогов свидетельствуют данные некоторых позднерусских памятников письменности, в которых «обнаруживается эффект второстепенного ударения в заударной части словоформы <...>. Выбор слога или слогов, на которые падает второстепенное ударение, определяется несколькими факторами. Основной из них – ритмический: второстепенное ударение падает через слог вправо от главного, затем еще одно через слог от этого второстепенного и т.д.» [Зализняк 1985: 179], см. также [Пауфошима 1983: 67; Касаткин 2010: 89].

Следы этого более древнего фонетического оформления слова отмечаются в некоторых современных севернорусских говорах, о чем свидетельствуют «случаи выпадения и сильной редукции гласных в 1 п/у и в 1 з/у неоконечном слоге и усиление и удлинение во 2 з/у на конце слова» [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 47]. Подобная волнообразная ритмика характерна для архаического севернорусского говора из юго-западной части Тотемского уезда: самыми слабыми здесь оказываются слоги, находящиеся непосредственно после или перед ударным, тогда как на 2-м предударном и 2-м заударном слогах «легко развивается второстепенное ударение» [Брок 1907: 10–18], см. также [Златоустова 1962а: 130; Пауфошима 1983: 67; Касаткина 1988: 188–189].

Ритмический контур с усилением гласного через слог свойственен также украинскому языку. Согласно данным В.А. Богородицкого, относительная сила безударных гласных в пятисложном слове с ударением на 3-м слоге может

быть выражена, как в «Формуле А.А. Потебни», цифрами: $1^{-3/4}-2^{-3/4}-1^{1/4}$ [Богородицкий 1913: 379]. Позднее эта схема в целом была подтверждена инструментальным фонетическим исследованием украинского вокализма, проведенным Н.И. Тоцкой: «<...>в украинском языке наблюдается тенденция к периодическому сокращению безударных гласных через один или через два слога, тогда как в русском языке длительность гласных уменьшается по мере удаления от ударного слога» [Тоцька 1970: 24; 1973: 172–173]. Кроме того, для украинского языка характерна меньшая централизация (качественная редукция) безударных гласных, находящихся черед один слог от ударного. Так, «во 2-м предударном и во 2-м заударном слогах аллофон а приближен к типичному ударному а, тогда как в 1-м предударном и в 1-м заударном частота его F_I заметно уменьшается, а частота F_{II} увеличивается, что свидетельствует о его повышенной и более передней артикуляции» [Тоцька 1973: 176–177].

Следует отметить, что многие славянские языки обнаруживают «на трехсложных и многосложных словах, кроме главного ударения, еще одно или два-три второстепенных, менее четких, ударения, располагающихся ритмически, обычно через один слог (иногда через два слога) от главного ударения и друг от друга». Подобное ритмическое распределение главного и второстепенного ударений отмечено в украинском, польском, чешском, словацком, серболужицком и болгарском языках [Мельничук 1979: 3].

Развитие «совмещенного» тонального контура, характерного для наиболее архаических систем с диссимилятивной организацией вокализма, на базе прежнего волнообразного контура происходило, по всей видимости, параллельно с развитием в этих говорах нейтрализации безударных гласных неверхнего подъема и было напрямую обусловлено изменением традиционной вокальной модели слова. Это изменение заключалось в том, что «энергия ударяемых гласных росла за счет энергии неударяемых, которые таким образом и сокращались как по силе, так и по количеству» [Щерба 1912: 151]. Такая перестройка ритмической структуры слова, а, следовательно, и развитие аканья могли произойти только после формирования в восточ-

нославянских языках единого динамического ударения, что «в целом не слишком сильно отстояло во времени от падения редуцированных» [Зализняк 1985: 178], см. также [Горшкова, Хабургаев 1997: 116].

Резкое сокращение различительных единиц в результате унификации дифференциальных признаков безударных гласных неверхнего подъема делало фонетическую систему в целом неустойчивой¹². Развитие динамического контура нового типа способствовало укреплению стабильности системы, повышению информативности безударных гласных: дополнительным средством различения становилась общая ритмическая структура слова, то есть соотношение позиционных длительностей в рамках единого фонетического слова.

В основе новой динамической модели лежит компенсаторный механизм: чем ниже подъем ударного гласного, тем выше его собственная длительность; соответственно, чем выше его длительность, тем более короткие звуки произносятся в 1-м предударном слоге и тем более длинные – во 2-м предударном. В результате произошло «коррекционное» изменение: включение в просодическую программу слова межслоговых вокальных связей стало стабилизирующим фактором для всей фонетической системы.

Новый тональный контур сохраняет волнообразный характер и имеет в своей основе квантитативные отношения, однако, в отличие от своего прототипа, существует не в одном, а в нескольких вариантах в зависимости от долготной характеристики гласного под ударением. Вместо старого контактного типа «связи звука с предшествующим сегментом» появляется дистактная связь, основанная «на том, что выбор предшествующего звука определяется антиципацией следующего сегмента» [Калнынь 2001: 122]. Подобные дистактные связи между слогами, имевшие расподобляющий характер, становятся одним из основных средств просодического оформления слова.

¹² Необходимо также учитывать тот факт, что ко времени возникновения аканья система консонантизма южнорусских говоров еще не могла в достаточной мере принять на себя основные различительные функции: у согласных не была окончательно сформирована корреляция по твердости/мягкости.

В ходе дальнейшего развития фонетической системы всё многообразие вариантов было сведено к двум унифицированным схемам в зависимости от гласного под ударением: [а ъ ´] и [ъ а ´]. Выбор гласного во 2-м предударном слоге также основывался на диссимилятивном принципе: [а] появлялся в позиции перед [э] и [э] – перед [а]. Количественные параметры гласных в новой системе играют лишь второстепенную роль и постепенно теряют свою позиционную обусловленность.

Такая просодическая модель отмечается и в современных говорах с диссимилятивным аканьем; по мнению некоторых исследователей, она также, как и исходный прототип, характеризуется волнообразной ритмической структурой [Касаткин 2010: 88–89; Князев, Урбанович 2002: 90–91]. Однако подобный способ оформления фонетического слова не может быть охарактеризован исключительно как волнообразный, предполагающий последовательное чередование долгих и кратких слогов. Прежде всего волнообразный контур предполагает усиление гласного через слог от ударного, то есть в отличие от модели, характерной для диссимилятивного вокализма, должен быть построен по единой схеме.

Характерной чертой волнообразного ритмического контура является «пониженная интенсивность и длительность гласного 1-го предударного слога по сравнению с ударным» [Просодический строй 1996: 223]. Краткость гласного в этой позиции обуславливает в некоторых окающих говорах «модификацию предударного *a* в сторону среднего и средне-верхнего подъема при колебании ряда от средне-заднего до заднего». При отходе от оканья на месте *o* и *a* в качестве субстрата сохраняется более закрытый гласный, с чем отчасти и связана его относительная краткость [Высотский 1973: 36].

Сигналом низкой интенсивности и склонности к редукции гласного в определенной позиции может служить тенденция к его ассимиляции, уподоблению более сильному гласному. В севернорусских говорах «наибольшей неустойчивостью в составе фонетического слова отличается гласный 1-го

предударного слога: он может уподобляться как гласному последующего слога (ударному), так и предшествующему гласному» [Просодический строй 1996: 219]. Подобная ситуация отмечена и в украинском языке, где редукция гласных 1-го предударного слога «значительно усиливается за счет вокальной ассимиляции безударного гласного следующему ударному» [Тоцька 1970: 30].

В современных говорах с диссимилятивным аканьем основные характеристики гласного 1-го предударного слога напрямую зависят от ряда фонетико-просодических условий: от качества ударного гласного и от фразовой позиции; последнее, по мнению ряда исследователей, не позволяет включать «количественные показатели в правила чередования гласных при диссимилятивном аканье» [Красовицкий 1999: 187]. Так, в некоторых калужских говорах с диссимилятивным вокализмом фразовый акцент выражается в усилении начального слога независимо от конкретных характеристик входящих в его состав сегментов. Звук [э] в этой позиции «может достигать значительного уровня интенсивности, иногда даже несколько превышая по этому признаку следующий ударный гласный» [Красовицкий 1999: 191].

Распространение принципа диссимиляции на 2-й и 3-й предударные слоги, а также на заударную часть слова – лишь слабый след старого волнообразного контура. В подавляющем большинстве южнорусских говоров во 2-м предударном слоге произносятся э-образные гласные, которые по длительности и интенсивности обычно значительно уступают гласным 1-го предударного слога. О слабости гласных в этой позиции свидетельствует также их ассимилятивное уподобление гласным 1-го предударного слога, широко распространенное в диалектных системах с диссимилятивным вокализмом [Пауфошима 1981: 26–29].

Таким образом, системы диссимилятивного вокализма характеризуются прочной связью между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога, наличием сформированного акцентного ядра. «Сильный

центр» противопоставлен «слабой периферии» только в части позиций, при ударных гласных верхнего и верхне-среднего подъемов. Однако низкая степень редукции звука [ə] и тенденция к его усилению и удлинению в 1-м предударном слоге также свидетельствуют о стремлении к просодической выделенности центральной части слова.

Как было показано выше, в ряде говоров с диссимилиативной организацией системы вокализма отмечаются случаи нарушения традиционной ритмической схемы слова, что связано с развитием нового тонального контура «сильный центр и слабая периферия». Наибольшего развития тенденция к выделению акцентного ядра слова достигла в юго-восточной зоне Южнорусского наречия, в результате чего происходит системное изменение динамической модели. Прежде структура фонетического слова в диссимилиативно акающих говорах оформлялась особым способом, совмещающим волнообразный контур с контуром «сильный центр и слабая периферия». Постепенно последний контур становится в ряде диалектных систем доминирующей моделью и распространяется на все позиции – вне зависимости от конкретных акустических характеристик ударного гласного. Благодаря новой ритмической модели завершается формирование акцентного ядра слова, и «просодически активная» центральная часть теперь становится резко противопоставленной всем другим безударным слогам.

Л.Л. Касаткин предположил, что причиной такого изменения стало иноязычное влияние: «Именно эта модель ритмики слова могла быть заимствована в древности русскими у татар и других тюркоязычных народов» [Касаткин 2013: 311]. Действительно, следы подобных языковых контактов, как правило, носят системный характер и «дольше всего сохраняются в фонетике, преимущественно в просодии» [Касаткина 2010: 9].

Однако взаимодействие внутренних и внешних факторов в процессе развития и функционирования языка – проблема, не имеющая однозначного решения. Можно предположить, что смене ритмической модели слова

способствовало не только тюркоязычное влияние, но и внутренние языковые факторы, поскольку этот процесс находился в русле актуальных тенденций развития русской фонетической системы.

Система гласных упрощается, следовательно, уменьшается и количество звукотипов в 1-м предударном слоге. Сохранению прежней диссимилятивной системы вокализма, предполагающей различие в этой позиции четырех звуков: [ы], [у], [а] и [э], способствует наличие «совмещенного» ритмического контура. Существует жесткое правило синтагматического сочетания: перед гласными среднего и нижнего подъемов возможен только звукотип не-[а], перед остальными гласными – только звукотип [а]. Появление нового ритмического контура «сильный центр и слабая периферия» устраняло основное препятствие на пути формирования сильного аканья и яканья. Подобная модель развития способствовала сначала усилению неравновозможности гласных различителей, изменению их частотности, а затем и сокращению их числа, уменьшению информационной нагрузки гласных.

1.7. Понятие варианта словесной ритмической структуры (на материале северо-западных говоров)

Любая из названных ритмических структур может быть представлена рядом вариантов, что обуславливается различными соотношениями гласных в рамках фонетического слова. Так, в говорах с ритмическим контуром «сильный центр и слабая периферия» длительность гласного 1-го предударного слога может «составлять от 70 % до 120 % от длительности ударного» [Князев 2008: 9]. При этом любое, даже самое незначительное изменение парадигмы вариантов ритмической словесной структуры приводит к модификации и вокалической модели, что обусловлено существующей тесной связью между ними. Эту взаимозависимость между единицами сегментного и суперсегментного уровней можно рассмотреть на материале говоров северо-западного ареала с их разнообразием типов предударного вокализма.

Выбор данной территории неслучаен. Русские говоры Северо-Запада по праву можно назвать уникальным лингвистическим ландшафтом. Факты истории (распространение в прошлом на этой территории кривичей и словен), культуры (появление в конце XVII в. конфессиональной дифференциации на православных и староверов), языковой интерференции с неславянским населением обусловили диалектную пестроту, свойственную говорам Северо-Запада, а также определили исключительную насыщенность данной территории изоглоссами различных по своей основной локализации языковых явлений [Строганова 1970: 392].

В рамках северо-западного ареала выделяется три основных группы говоров: Псковская, Новгородская и Гдовская, которые противопоставлены друг другу по ряду важных фонетических, грамматических и лексических особенностей, в частности по типам предударного вокализма [ДАРЯ 1986: карты 1, 3; Строганова 1970], подробнее см. [Савинов 2013]. Диалектные данные, собранные в северо-западных русских говорах, дают богатый материал для изучения путей развития поздних процессов аканья в русских диалектных системах, а также для определения механизмов, лежащих в основе этих процессов.

Как известно, диалектные объединения северо-западного ареала характеризуются совмещением неполного оканья, переходных типов окающе-акающего вокализма с сильным (недиссимилятивным) аканьем и яканьем. Так, для диалектных систем Новгородской группы характерны неполное оканье владимирско-поволжского типа, Гдовской группе свойственны полновская и гдовская модели предударного вокализма, сохраняющие частичное различие /o/, /a/, /e/ в 1-м предударном слоге (см. таблицу 1.5 на с.75), в Псковской группе распространены сильное аканье и сильное яканье, то есть отмечается полное совпадение гласных фонем неверхнего подъема в безударной позиции.

Таблица 1.5. Типы предударного вокализма с элементами различения /o/, /e/, /a/ в 1-м предударном слоге (неполное оканье)

Типы предударного вокализма	Владимирско-Поволжский			Полновский			Гдовский		
Гласные 1-го предударного слога	а	о	е / ъ	а	о	е	а	о	е
Ударные гласные	Реализации этимологических гласных в 1-м предударном слоге								
Верхнего подъема (<i>и, ы, у</i>)	а	о	о / е	а			а		
Среднего подъема (<i>е, о</i>)	а	о	о / е	а	о	е (и)	а	о	е (и)
Нижнего подъема (<i>а</i>)	а	о	о / е	а	о	е (и)	а		

Привлечение данных северо-западного диалектного ареала обусловлено еще одной причиной. Существует мнение, что гдовский и полновский типы предударного вокализма сформировались в результате «включения в систему различения этимологических гласных в безударном положении диссимилятивного принципа – неразличения этимологических гласных в безударном положении» [Строганова 1970: 451]. Иначе говоря, эти вокалические модели появились в результате распространения в ряде северо-западных говоров «совмещенного» ритмического контура, свойственного говорам с диссимилятивной организацией системы вокализма. Насколько верно это предположение?

Действительно, развитие новых отношений между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога напрямую связано с модификацией ритмической структуры слова. Так, выделение просодического ядра, его противопоставление всем остальным гласным слова способствовали развитию качественной редукции безударных гласных, кроме 1-го предударного, формированию в северо-западной диалектной зоне неполного оканья владимирско-поволжского типа. Еще П.С. Кузнецов предположил, что безударный вока-

лизм говоров с неполным оканьем «развился, по-видимому, независимо от воздействия на них аканья» [Борковский, Кузнецов 1965: 155].

Среднерусские говоры с неполным оканьем владимирско-поволжского типа должны были сформироваться на основе таких севернорусских говоров, в которых двухступенчатость количественной редукции выражено предельно слабо. Новая ритмическая структура «сильный и центр и слабая периферия» появилась здесь благодаря перераспределению интенсивности и силы между безударными гласными в рамках фонетического слова, результатом чего стало значительное усиление гласного 1-го предударного слога; это изменение можно выразить следующей формулой: 2-2-3-2-2 (или 2-2-3-1-1)¹³ → 1-3-3-1-1. Как известно, малое количество гласного непосредственно влияет на его качество, так как «органы речи, не успевая занять положения, необходимого для произведения данного определенного качества, остаются, так сказать, на полпути» [Щерба 1912: 103], что и способствует развитию в этих системах редукционной модели, свойственной неполному оканью владимирско-поволжского типа.

Малый контраст между безударными гласными по длительности и интенсивности отмечается в непосредственно примыкающих к новгородским ладого-тихвинских говорах, а также в межзональных белозеро-бежецких [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 45–46; Слесарева 1982: 116; Пауфощима 1978: 48]. Видимо, подобная ритмическая модель, появившаяся в результате модификации древнего волнообразного контура, прежде была широко представлена в северо-западной диалектной зоне.

Распространение на Псковщине элементов неразличения /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге, а также других явлений южнорусской локализации связано с усилением влияния на местные говоры диалектов более южных территорий. «После отделения Псковской земли от Новгородской в 1348 г. опреде-

¹³ Как правило, заударные гласные раньше, чем предударные, подвергаются количественной и качественной редукции, поэтому некорректно проводить прямую связь между появлением ярко выраженного акцентного ядра слова и ослаблением заударных гласных (см. §1.4). Значительное усиление 1-го предударного гласного в многосложных словах обычно достигается за счет ослабления предшествующих ему гласных по длительности и интенсивности [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 72].

ляющими для ее дальнейшего языкового развития становятся существовавшие и ранее контакты с более южными говорами» [Строганова 1970: 451]. Гдовский вокализм, «сформировавшись некогда на границе оканья и аканья (-яканья)», со временем распространился «в более северных говорах как сложившийся вид предупредного вокализма <...>. Относительной древностью этой системы хорошо объясняется многочисленность ее вариантов, а также наличие ее реликтов далеко к югу от ее современной границы» [Чекмонас 1998а: 119], о рефлексах гдовского аканья в юго-западных говорах Псковской обл. см. [Царева 1962: 66].

1.8. Гдовский и полновский типы вокализма по данным Т.Ю. Строгановой и современным данным

Некоторые особенности вокалических систем, зафиксированные в северо-западном диалектном ареале, позволили Т.Ю. Строгановой предположить, что гдовский и полновский типы вокализма «сложились в результате действия диссимилятивного аканья на вокализм, характеризующийся различием гласных *o* и *a* в предупредном положении». В говоре д. Лядинки¹⁴ Изборского р-на Псковской обл. она обнаружила особую разновидность полновского вокализма, при которой различие /*o*/ и /*a*/ в позиции перед ударным /*a*/ реализуется противопоставлением [o] и [э] соответственно: *мойá*, *отца́*, *тоудá*, *пошла́*, *пор'адъшна*, *м'лода́йя*, *н'ь могла́*, *тугда́*, *л'убова́тца*, *вода́*, *но къка́йя*, *ъддъла́*, *остъ°вл'áши*, *пъхát'*, *къка́*, *къкрас*, *н'и дъва́ла*, *пръпъшиáйя*, *нъ^aгра́да* и т.д. Т.Ю. Строганова делает вывод: произношение [a] перед ударным *a* невозможно, то есть в этой системе обнаруживаются закономерности, характерные для диссимилятивного вокализма жиздринского типа.

В положении перед ударными гласными среднего подъема фонемы /*o*/ и /*a*/ представлены своими основными аллофонами [o] и [a]. По мнению ис-

¹⁴ В статье 1962 года допущена явная ошибка в названии пункта, обследованного Т.Ю. Строгановой, и в его локализации. В более поздней работе Т.Ю. Строгановой [1970: 423] этот населенный пункт упомянут уже как д. Чухнова Лядинка Гдовского р-на, подробнее см. [Чекмонас 1998: 71].

следователя, это свидетельствует о том, что ударный [o] в момент образования полновского типа был «пониженно среднего подъема», соответственно предударный [o] в этой позиции мог сохраниться только в том случае, если был более высокого подъема, чем «обычное o». Однако новая диссимилятивная тенденция сделала невозможным сохранение [o] «более высокого подъема» перед ударными гласными верхнего подъема и обусловила его замену более низким звуком [a]. Т.Ю. Строганова делает вывод, что тип, отмеченный в д. Лядинки, можно назвать наиболее архаической формой полновской модели [Строганова 1962: 108–110].

В.Н. Чекмонас, описавший различные говоры полновского ареала, отметил: «Что касается рассмотренных нами “полновских” говоров, опубликованных данных и известных нам непосредственно говоров с гдовским вокализмом, никаких явлений, которые могут быть обусловлены диссимиляцией <...>, в них не обнаружено». При этом ни определить местонахождение говора, описанного Т.Ю. Строгановой, «ни подтвердить факта существования “чухново-лядинского вокализма” в других говорах в настоящее время мы не можем» [Чекмонас 1998а: 121].

В 2009 г. экспедиция Тартуского университета обнаружила следы неполного оканья полновской разновидности у одного из информантов – Анны Павловны Фокиной, которая родилась в дер. Ка́менная Стра́жа Гдовского района в 1922 году и более 50 лет живет в д. Желáчек (остров Пийриссаар, Эстония). В 2010 г. мы вместе с И.П. Кюльмоя, О.Н. Паликовой и О.Г. Ровновой побывали на острове и сделали дополнительные записи речи А.П. Фокиной, что дало нам возможность выявить некоторые закономерности формирования неполного оканья полновского типа, а также проследить его динамику.

Результаты инструментального анализа системы вокализма, представленной в идиолекте информанта, так же, как и данные В.Н. Чекмонаса, противоречат основным выводам Т.Ю. Строгановой. В частности, вызывает сомнение ее утверждение, что ударный [o] в момент образования полновского

типа был средне-нижнего подъема. Так, фонема /o/ в речи А.П. Фокиной реализуется целым рядом различных звуков: от гласных верхне-среднего подъема с сильной лабиализацией до слаболабиализованных гласных средне-нижнего подъема (значение F_1 у аллофонов /o/ варьирует от 390 до 700 Гц). Появление того или иного звукотипа не зависит от позиционных условий (этимологии гласного, консонантного окружения или просодических характеристик), то есть [ɔ], [o], [ɔ]. являются факультативными вариантами фонемы /o/ и находятся в отношениях свободного варьирования.

Следует заметить, что закрытый гласный верхне-среднего подъема встречается значительно чаще, чем соответствующий открытый гласный средне-нижнего подъема; в соответствии с **ω*: мол[ɔ]денька, помол[ɔ]же, поб[ɔ]льше, в восьм[ɔ]м, Ф[ɔ]кин¹⁵, выс[ɔ]кая, б[ɔ]льше, друг[ɔ]го, дом[ɔ]в, на Гд[ɔ]в, зав[ɔ]т, хорош[ɔ]; в соответствии с **o*: больш[ɔ]й (м.р.), гр[ɔ]б, г[ɔ]да, пятис[ɔ]тки, городск[ɔ]й (м.р.), круг[ɔ]м, друг[ɔ]й д[ɔ]м, как[ɔ]й г[ɔ]сть; в новых словах: в кард[ɔ]не, ваг[ɔ]н, телеф[ɔ]нка ‘телефонный завод’. Таким образом, фонему /o/ репрезентуют следующие звукотипы (в порядке частотности): среднего, верхне-среднего и средне-нижнего подъемов, и нет никаких оснований предполагать, что ранее в этой позиции произносился исключительно гласный средне-нижнего подъема [ɔ], как предполагала Т.Ю. Строганова.

Гласный [ə] в речи А.П. Фокиной возможен перед всеми гласными не-верхнего подъема и обычно отмечается на месте /o/, в единичных случаях – на месте /a/ (только перед ударным [a]). Это свидетельствует, с одной стороны, о сохранении противопоставления [o] и [a], а с другой – о постепенном смещении звукотипа, реализующего в 1-м предударном слоге фонему /o/, в зону среднего ряда.

¹⁵ Эта фамилия отмечена с фонемой /ω/ под ударением в слободском говоре [Тер-Аванесова 2008: 84].

Одна особенность, отмеченная у А.П. Фокиной, действительно сближает идиолект информанта с говорами, которым свойственна диссимилятивная организация системы вокализма. Речь идет об особой ритмической модели слова, которая предполагает варьирование долготных характеристик гласных 1-го предупредного слога: чем ниже подъем ударного гласного, тем более короткие и менее интенсивные гласные произносятся перед ними. Приведем некоторые примеры соотношения гласных акцентного ядра слова (цифра после гласного обозначает его длительность в мсек):

па₁₃₂шл'й₈₉, н'ина₁₃₄в'й₁₃₃жу, ра₁₂₇д'й₁₃₁фшы, уґова₁₂₇р'й₈₆л, а₈₃н'й₇₁, та₇₁к'й₅₉х, вә два₁₃₁р'й₉₂, зва₇₆н'й₁₀₅т', зва₉₄н'й₈₉т, пр'ив'а₁₅₁лй₁₂₂, ла₁₄₈в'й₁₅₂л'и, н'и ха₁₁₇д'й₁₁₁, ха₈₉д'й₆₁т', ха₁₀₄д'й₈₂л; ча₁₀₅ты₈₂р'и, ва₁₅₈йны₁₂₂, за₁₁₄бы₁₂₉ла, па₁₀₁бы₁₂₅л, а₇₇джы₅₂лә, в гәра₁₅₀жы₁₃₀, п'е^ир'а₁₀₀жы₁₁₁лә; ута₁₄₂нү₁₇₃л, ута₁₂₄нү₁₃₀л, в ма₁₂₂сквү₅₆, га₁₂₅дү₁₂₀, н'и ха₉₆чү₉₁, гл'а₁₃₂жү₇₀, па₁₁₄дү₇₉мәй, на₁₁₀ ү₁₁₃л'ицы, па₁₀₁мрү₁₀₈, рәскра₁₀₁дү₁₀₈, пәка₁₀₅жү₆₇, са₁₁₈јү₁₀₄зу;

плә₅₀хө₅₈вә, о₈₈бб₁₂₄рты, бо₈₀л'шб₁₂₁й, бо₇₄л'шб₅₇й, во₆₈с'мб₉₅й, во₈₆с'мб₁₁₁й, во₇₀с'мб₇₄м, в(ы)хә₈₅днб₁₀₉й, пә₈₁вб₉₄с'имд'ис'ит, пәмә₁₀₅лб₁₄₂жә, по₇₃шб₈₂л, во₈₉з'м'б₁₀₂, пә₈₀йд'б₇₄м, гәрә₁₀₂цкб₁₀₀й, ва₁₀₇гқ₁₀₆н, за₈₃вқ₁₀₁т, на₁₁₂рб₇₃т, ф ка₈₉нтб₁₄₇ры, ра₉₄бб₈₈тәт', ка₁₀₅рдқ₇₈н, да₁₃₀внб₉₅, н'изна₇₆кб₁₆₃мый, та₅₄кб₈₃й, па₈₄стрб₁₃₂ил'и, ма₈₂лб₇₅д'ин'кә, палб₈₁жу₁₂₅, ба₇₆л'шб₁₂₆й, фта₈₂рб₉₀й, ха₁₀₂рб₁₃₆шый, ха₇₀рқ₁₀₀шыи-та, хәра₁₂₃шб₂₂₀, спа₈₄кб₁₈₀йна, па₁₀₂бб₁₂₉л'шы, зда₇₀рқ₁₃₇вәй, пәпа₇₁д'б₈₂, куз'н'е₁₁₂цб₁₂₅ф, в'е₁₀₁снб₁₄₉й, в'е₈₅снб₁₂₇й, л'е₁₀₄дб₁₆₂чәк, йе₇₈вқ₉₂, п'е₁₀₂шб₉₀м, не₅₂мб₉₅к, н'е^и₈₁хқ₈₄ча, с'е₆₁м'јб₈₄й, с р'е₁₁₂б'б₁₅₂нкәм;

вә₈₁вр'е₇₆м'ә, хә₆₇ц'е₇₇ла, әд₈₆жә₉₃н'ш'ины, чәлә₈₂в'е₁₂₄ка, пә₆₅п'е₁₂₇й, прә₇₁гр'е₁₁₅са, ко₆₁н'е₉₂шна, ко₅₈мн'е₅₃, о₁₁₁ц'е₁₄₃ц, по₇₂је₁₄₅хәл'и, в рә₈₂с'е₁₃₄йу,

вэ₄₀е₈₅нэ_й, сэ₇₀в₁₁₃цкэ_й, чэлэ₇₈в₁₃₀к, из гэ₉₉с_тэ₂₀₀й, кэ₅₂н₉₅шна,
сэ₈₄гр₁₅₀ла, ста₁₂₇ј₇₇, цэна₁₀₅в₁₈₀й, па₇₈л₁₁₃кшэ, ха₇₉ц₈₅ла, на₇₇в₁₀₁рнэ,
ва₆₉ј₇₆ных, пучэ₉₀с_цэ₈₆н_{ку}, н_е₈₁ ј₆₇ц_’ (не едь), д_’е₁₂₂р_’э₁₂₅вн_’и,
д_’е₈₆р_’э₁₀₆вн_’и, в_’е₁₀₁з_’д_’э₉₈, ч_’е₇₃п_’э₁₅₀р_’а, п_’ир_’е₇₃м_’э₉₅шка;

то₇₂гд₂₂₀, то₅₀гд₁₆₁, гэ₉₅р_’а₁₀₄ (горести), ко₅₈т₁₀₂, по₇₂ст₁₄₄в_’ит_’,
по₇₉шл₁₇₁, по₇₉ж₁₅₀рна, млло₈₃д₁₂₀е, млл₈₇д₁₀₀йе, кэ₇₀гд₉₅, о₇₃ст₁₂₅л_’ис_’а,
л₄₁н₈₂, л₈₄ст₁₀₈в_’ит_’, л₅₅ст₁₄₀фш_ы, вл₆₀йн₁₃₁, вл₇₆д₁₅₆, дл₁₀₈чк₂₀₀, н_’и
рл₆₇ск₈₇зэвэл, прл₉₇д₉₃й, тэ₈₀ск₁₁₂т_’, сэ₈₆лд₁₄₁тэх, сэ₈₂б₁₃₈ка, нэ
крэ₁₄₀в₁₇₁т_’, пэ₈₃зн₁₆₁лс_’а, вэ₈₂д₁₈₆, зз₈₀шл₁₂₄, тэ₇₄ск₈₆т_’, гэва₈₀р_’а₁₁₁ (гово-
рят), уста₄₄л₁₂₀с_’а, кра₈₆с₂₁₀(в)ица, на₁₁₃шл₁₉₀, та₇₂к₁₂₄æ, та₅₉к₁₁₁йа,
на₆₆жр₁₄₅лсэ, дэста₆₉л_’а₁₁₁е (доставляет), са₁₀₂р_’а₂₃₀й, за₇₅п₉₉сэ, фча₉₁р_’а₉₉с_’,
к та₆₉в₁₁₂р_’ишу, та₁₀₀в₁₃₂р_’ишу, ма₁₀₁д₁₄₃йа, в_’ай₃₉н₉₅, пр_’ин_’э₇₆сл₈₇,
с_’э₆₁мн₁₃₃цэт_’, д_’ив_’е₇₆тн₁₂₅ц_’тэва, ф п_’е₆₃к₁₀₉рн_’е, д_’ив_’е₆₇тн₁₀₈цэтэ_э,
л_’е₁₀₃с₁₄₀, н_’э₅₂зн₉₄ла, н_’е₇₀л₁₄₃д_’у, п_’ир_’э₈₀п_’р₁₃₁вэ-та, н_’е₇₁л_’з_’а₁₁₇.

1.9. Варианты контура «сильный центр и слабая периферия» в северо-западных говорах

Ритмический контур слова в большинстве среднерусских говоров (окающих и акающих) может быть определен как «сильный центр и слабая периферия». Он предполагает, что гласный 1-го предударного слога вместе с ударным гласным составляют акцентное ядро слова, противопоставленное остальным безударным гласным [Касаткина 1997: 86; Просодический строй 1996: 222–235]. По соотношению длительности и интенсивности гласных акцентного ядра говоры Северо-Запада неоднородны. В.Н. Чекмонас выделяет три основные модификации указанной просодической структуры: **гиперфонию** (удлинение предударных гласных, когда по длительности они равны

или превосходят ударные), **олофонию** (отсутствие заметного сокращения предударных гласных) и **плерофонию** (некоторое сокращение длительности предударных гласных без модификации их качества) [Чекмонас 1998а: 62; Чекмонас 1999: 101; Чекмонас 2000: 59–74]. Для говоров с неполным оканьем владимирско-поволжского типа характерна гиперфония; для говоров с полным оканьем полновского типа – гиперфония и ее ослабленный вариант олофония; для говоров с сильным аканьем – плерофония.

В идиолекте А.П. Фокиной присутствуют все три динамические модели, их употребление позиционно ограничено. Гиперфония (с элементами олофонии) отмечается перед ударными гласными верхнего подъема, олофония (с элементами плерофонии) – перед ударными гласными среднего подъема; плерофония, сочетающаяся с особой моделью, которая предполагает значительное сокращение предударных гласных, а также их факультативную централизацию, – перед ударными гласными нижнего подъема. Так, звук [а] в 1-м предударном слоге обычно несколько превосходит по квантитативным характеристикам ударные [и], [ы], [у]; его длительность в среднем составляет 111 % длительности этих ударных гласных. Однако предударный [а] (независимо от этимологии) значительно уступает по квантитативным характеристикам ударному гласному нижнего подъема и составляет в среднем 59 % его длительности.

Представленные соотношения средней длительности гласных в речи информанта нельзя считать абсолютными, неизменными показателями, характеризующими какой-то конкретный говор или диалектную группу в целом. Трудности в определении количественной характеристики гласных связаны не только с проблемами сегментации, то есть с установлением физических границ отрезков речи. Квантитативные признаки гласных заметно варьируют в зависимости от условий произнесения: просодической позиции, темпа или стиля речи, а также могут обуславливаться индивидуальными особенностями диктора – всё это затрудняет поиск их объективных количественных показателей [Златоустова 1962б: 39]. Однако даже при некоторой от-

носительности представленных данных важен сам факт определенного соотношения длительности и интенсивности, присущих гласным акцентного ядра слова в определенных позициях.

Ритмическая структура слова в говорах с последовательным различием /a/ и /o/ в 1-м предударном слоге, на основе которых сформировались полновские говоры, характеризовалась гиперфонией, в подобной системе гласный 1-го предударного слога обычно равен или превосходит по длительности ударный гласный, что считается архаичной диалектной чертой, см., например [Высотский 1973: 35]. Так, В.Н. Чекмонас зафиксировал «выразительную гиперфонию» в д. Обод Стругокрасненского р-на Псковской обл. с неполным оканьем владимирско-поволжского типа. Проанализировав различные явления безударного вокализма, автор обращает внимание на «удивительную близость и подобие этого говора и <...> полновских говоров. Можно утверждать, что он является полновским – но без полновского аканья-яканья (и это касается не только его фонетики, но и целого ряда других особенностей <...>)» [Чекмонас 1998а: 122–125].

Г.П. Слесарева, исследовавшая ритмико-динамические структуры типологически различных говоров, отметила в говорах с неполным оканьем владимирско-поволжского типа и сильным аканьем в предударных позициях «двуступенчатость в количественной редукции по длительности и интенсивности». При этом «в говоре с неполным оканьем двуступенчатость выражена более ярко», поскольку гласный 1-го предударного слога «обладает большей длительностью и интенсивностью», чем в говоре с сильным аканьем [Слесарева 1982: 118]. На большую длительность и силу гласного 1-го предударного слога в окающих среднерусских говорах по сравнению с акающими указывают З.М. Альмухамедова и Р.Э. Кульшарипова [1980: 70].

Очевидно, что развитие нейтрализации фонем /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге напрямую связано с модификацией старой просодической модели, с формированием новых отношений между гласными акцентного ядра слова. Ритмическая структура становится «более “эластичной”, “подвижной”, более

чутко реагирующей на интонационные факторы», что свойственно говорам Гдовщины [Чекмонас 1998а: 115]. В результате складывается более сложная просодическая система с распределением нескольких вариантов, представляющих собой позиционные модификации единой ритмической модели «сильный центр и слабая периферия». Высокая длительность и интенсивность гласного 1-го предударного слога (гиперфония) теперь характеризуют только некоторые позиции, тогда как в других позициях могут наблюдаться иные варианты ритмического оформления слова (олофония и плерофония, по В.Н. Чекмонасу).

Практически во всех говорах с полновским типом вокализма гиперфония отмечается перед ударными гласными верхнего подъема: «предударные /е, о, а/ часто не уступают по длительности последующим ударным, и часто превосходят их, особенно /е, о, а/ перед последующими ударными гласными верхнего подъема» [Чекмонас 1998а: 112, также 73, 78, 79, 92, 104]. Иногда гласный 1-го предударного слога в этой позиции настолько усиливается, что возникает перцептивный эффект переноса ударения на 1-й предударный слог. Так, Р.Ф. Касаткина отмечает, что при прослушивании записей из Гдовского р-на «в целом ряде случаев возникали затруднения с определением места ударения», и приводит следующие примеры: «*брига́дир, тяну́ли, су́шили, ни о́нного* (ни одного), *у́бую, ма́шина, ма́шин* (автомобиль), *ряда́м, ряпу́шку, капу́сту, ма́як, та́ких, пла́тили, на́йду́, зёрно́, гряду́*» [Касаткина 1997: 85–86]. Совершенно очевидно, что неопределенность в локализации места ударения в подавляющем большинстве случаев отмечается при ударных гласных верхнего подъема. Звук [а] перед ударным гласным нижнего подъема удлиняется реже, в некоторых говорах с полновским типом вокализма в этой позиции происходит ослабление предударного [а], который «на слух кажется несколько более кратким, и его можно было бы транскрибировать как /ǎ/» [Чекмонас 1998а: 74 и сл.].

Количественная редукция, особенно ярко проявляющаяся в речи А.П. Фокиной перед ударным [а], может сопровождаться тенденцией к централизации гласного 1-го предударного слога: наблюдается регулярное понижение верхней границы F_1 перед гласными среднего и нижнего подъемов. Так, область усиленных частот звука [а] перед ударными [и], [ы], [у] отмечается в диапазоне 700–950 Гц, перед ударными [е] и [о] – 650–900 Гц, перед ударным [а] – 650–800 Гц.

Подвижность ритмической структуры слова проявляется в ее относительной зависимости от просодических факторов. Так, под фразовым ударением отмечается значительное усиление гласных акцентного ядра слова, в том числе ударных гласных верхнего подъема, что прежде всего выражается в значительном увеличении их длительности. В этом случае «выделенность» гласного [а] в 1-м предударном слоге перед ударными [и], [ы], [у] достигается за счет его большей интенсивности (силы), по этому показателю предударный [а] практически всегда превосходит ударные гласные верхнего подъема.

Соотношение различных гласных акцентного ядра слова можно видеть на рис. 1.31–1.37, где представлены осциллограммы, спектрограммы, а также огибающие интенсивности форм *во дв[а]р[и]*, *з[а]кр[ы]л*, *кр[о]в[а]тка*, *д[л]чк[а]*, *н[а]шл[а]*, *в[э]д[а]*, *с[’э]мн[а]дц[а]ть*. На рисунках отчетливо прослеживается позиционная зависимость ряда характеристик гласных 1-го предударного слога от ударных гласных верхнего и нижнего подъемов. Графики наглядно демонстрируют, что любой предударный гласный значительно уступает ударному [а] по интенсивности и длительности. Наиболее кратким в этой позиции оказываются гласные [е], [о], [э].

Рис. 1.31. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *во дворí* (д. Желачек, о-в Пийриссаар, Эстония)

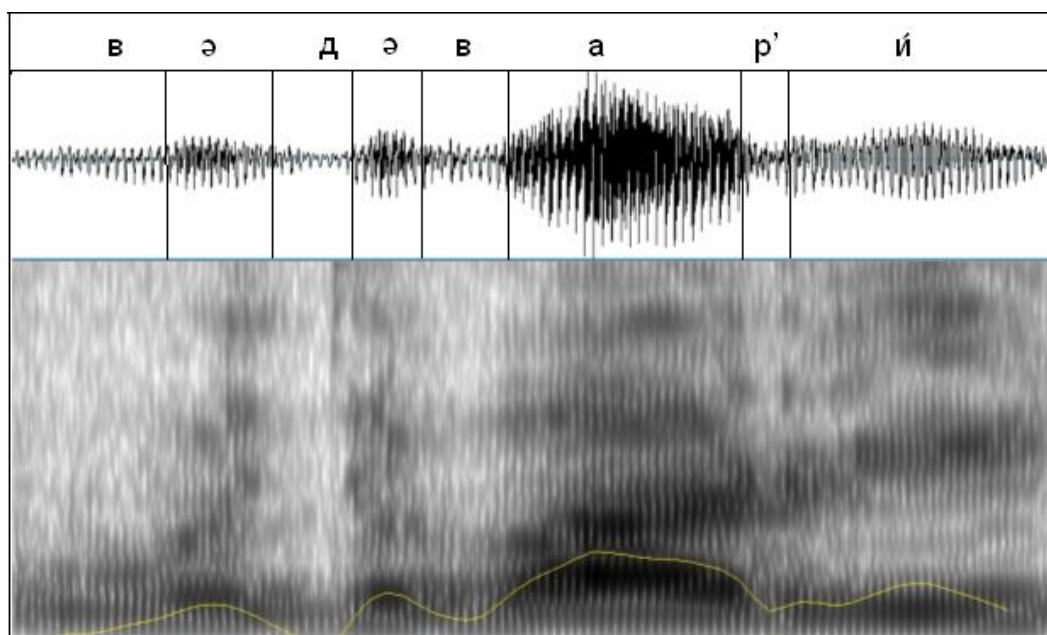

Рис. 1.32. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *закры́л* (д. Желачек, о-в Пийриссаар, Эстония)

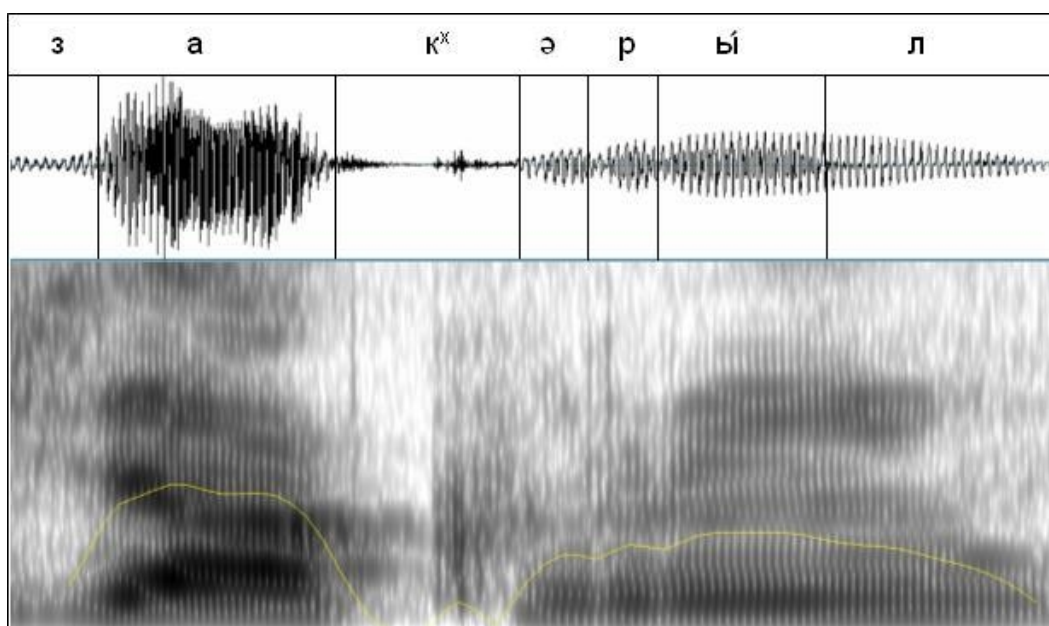

Рис. 1.33. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *кровáтка* (д. Желачек, о-в Пийриссаар, Эстония)

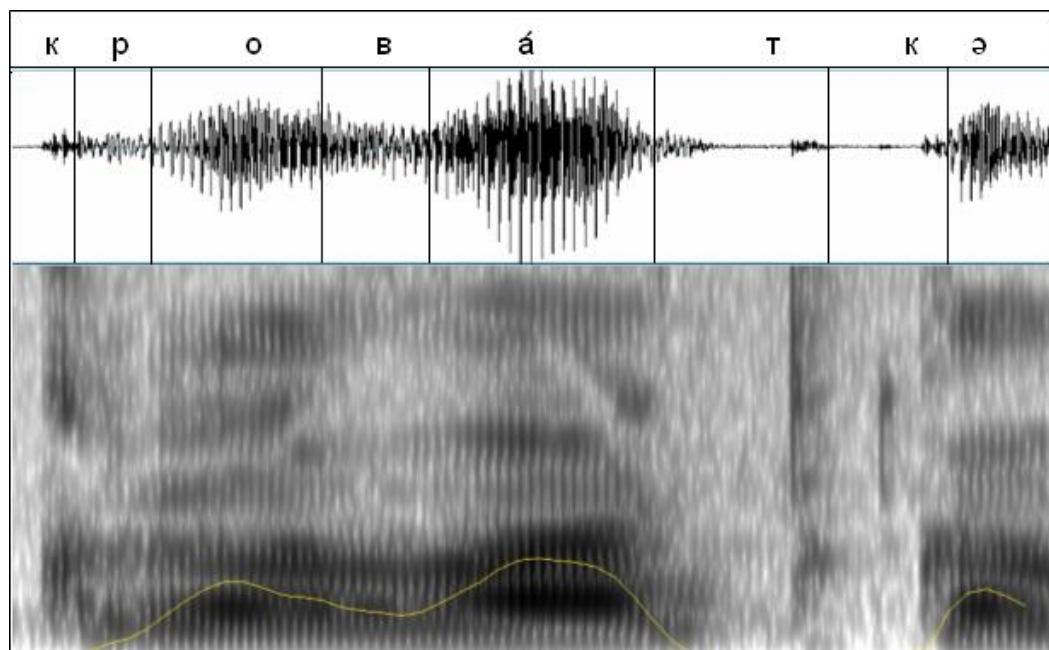

Рис. 1.34. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *дочкá* (д. Желачек, о-в Пийриссаар, Эстония)

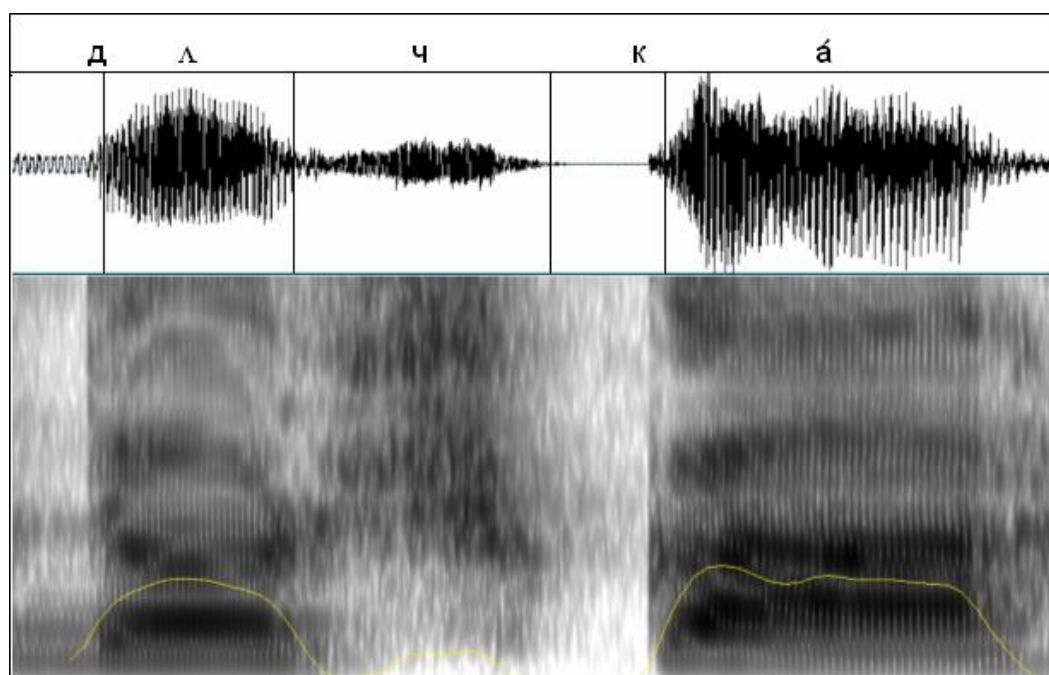

Рис. 1.35. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *нашlá* (д. Желачек, о-в Пийриссаар, Эстония)

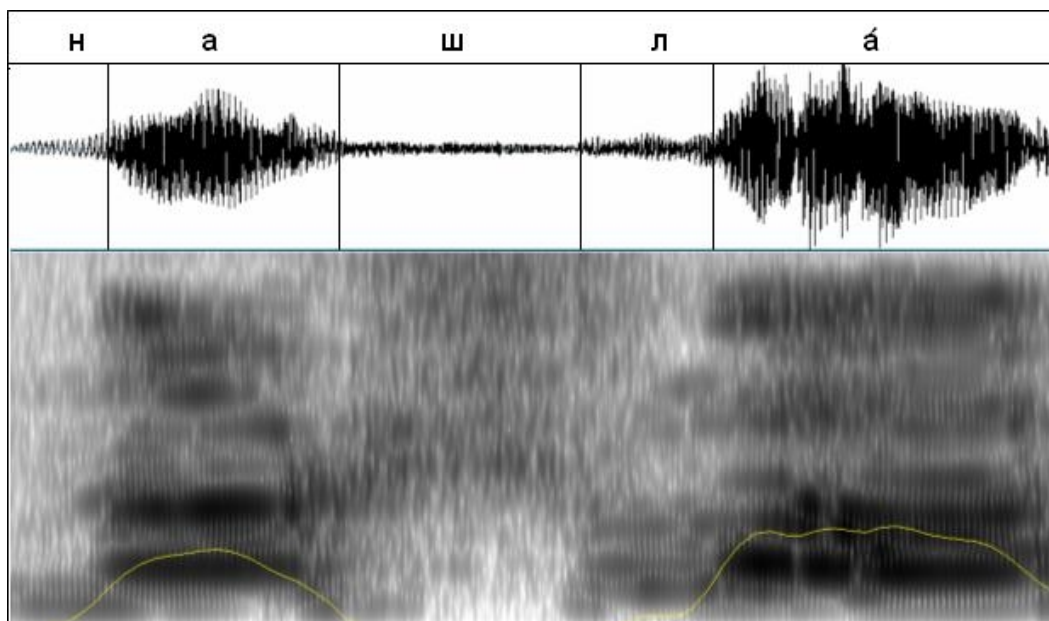

Рис. 1.36. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *водá* (д. Желачек, о-в Пийриссаар, Эстония)

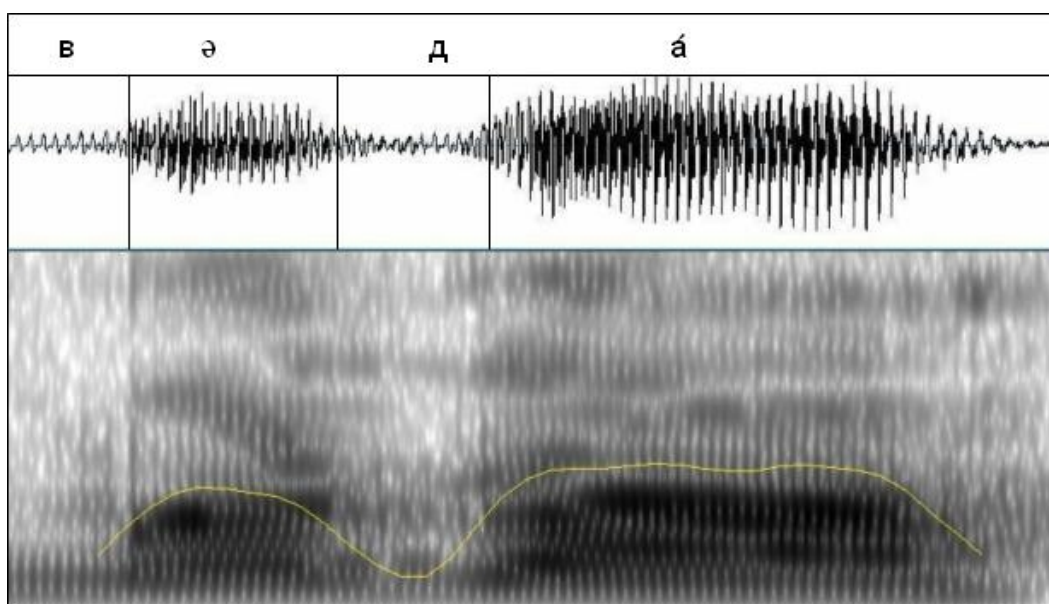
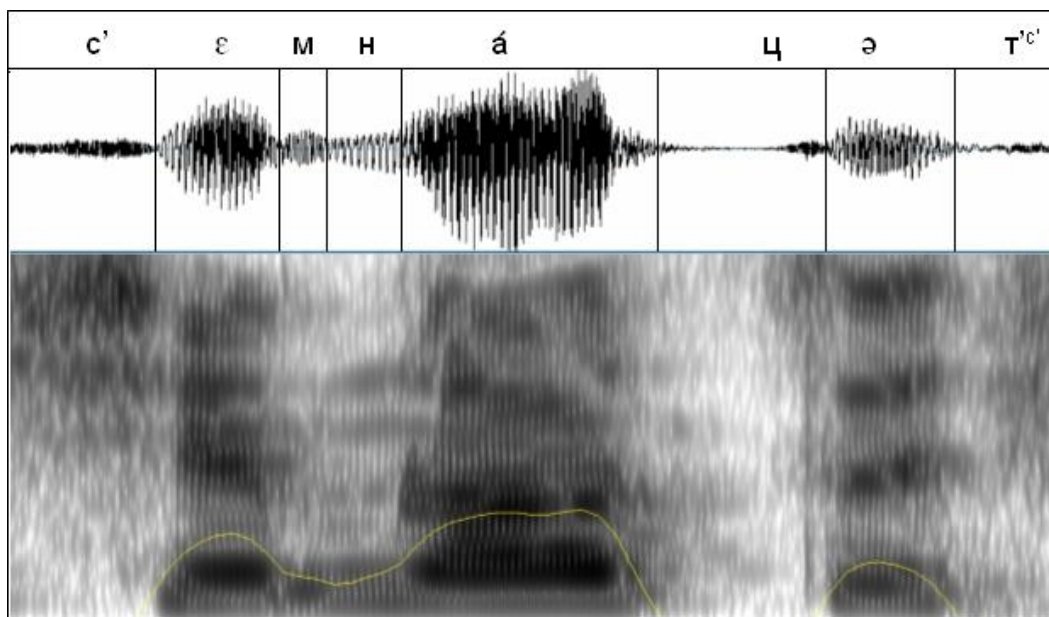

Рис. 1.37. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *семна́дцать* (д. Желачек, о-в Пийриссаар, Эстония)

1.10. Механизм образования гдовского и полновского типов вокализма

Таким образом, в речи А.П. Фокиной отчетливо прослеживается следующая тенденция: с понижением подъема ударного гласного длительность и интенсивность гласного 1-го предударного слога уменьшается, что характерно для диссимильтивно акающих говоров с количественными отношениями между гласными акцентного ядра слова. Разумеется, было бы некорректно приписывать эту особенность говору Каменной Стражи в целом, тем более экстраполировать ее на весь гдовский диалектный ареал. Однако развитие подобных «диссимильтивных» отношений в идиолекте информанта, имеющем ярко выраженную севернорусскую основу, само по себе примечательно, а вопрос о причинах появления количественной диссимильтации требует ответа.

По мнению Т.Ю. Строгановой, диссимильтивный принцип, включенный при образовании гдовского и полновского типов вокализма «в систему различения этимологических гласных в безударном положении», существует «не в абстрактном виде», а в форме диссимильтивного аканья жиздринского

типа, когда перед ударными гласными верхнего и среднего подъемов произносится [a], перед ударным [a] – гласный среднего подъема [ə] [Строганова 1962: 109].

В.Н. Чекмонас возражает против этого утверждения: «Очевидно, что сам по себе “диссимилятивный принцип” в систему включиться не может; должно было возникнуть какое-то явление, отражающее этот принцип, который состоит в том, что в предударном слоге перед последующим ударным /a/ или другими гласными неверхнего подъема не может находиться /a/ и этимологические гласные неверхнего подъема /e, o, a/ представлены в позиции звуками типа /ъ, и/» [Чекмонас 1998а: 121]. Действительно, причиной появления и развития типов предударного вокализма, подобных гдовскому и полновскому, не может быть диссимиляция, то есть стремление говорящих расподобить подъемы гласных. Изоглоссы типов предударного вокализма, представленных в русских говорах Северо-Запада, также свидетельствуют против генетической и ареальной близости гдовской и полновской разновидностей неполного оканья и диссимилятивных моделей аканья-яканья (см. карту 1, составленную на основе [ДАРЯ 1986: карта 1], а также карты, составленной О.Е. Кармаковой для Диалектологического атласа русских говоров северо-западных областей России).

Как известно, гдовские говоры имеют севернорусскую основу, что в частности, проявляется в частичном сохранении этимологических гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге. Однако в этих говорах сформировано «сильное ядро слова», то есть ярко выражен контраст между гласным 1-го предударного слога и другими безударными гласными, что свойственно южнорусским, а также большинству среднерусских говоров. То есть здесь «наблюдается некоторое противоречие между характером сегментной и суперсегментной фонетической системы» [Касаткина 1997: 82].

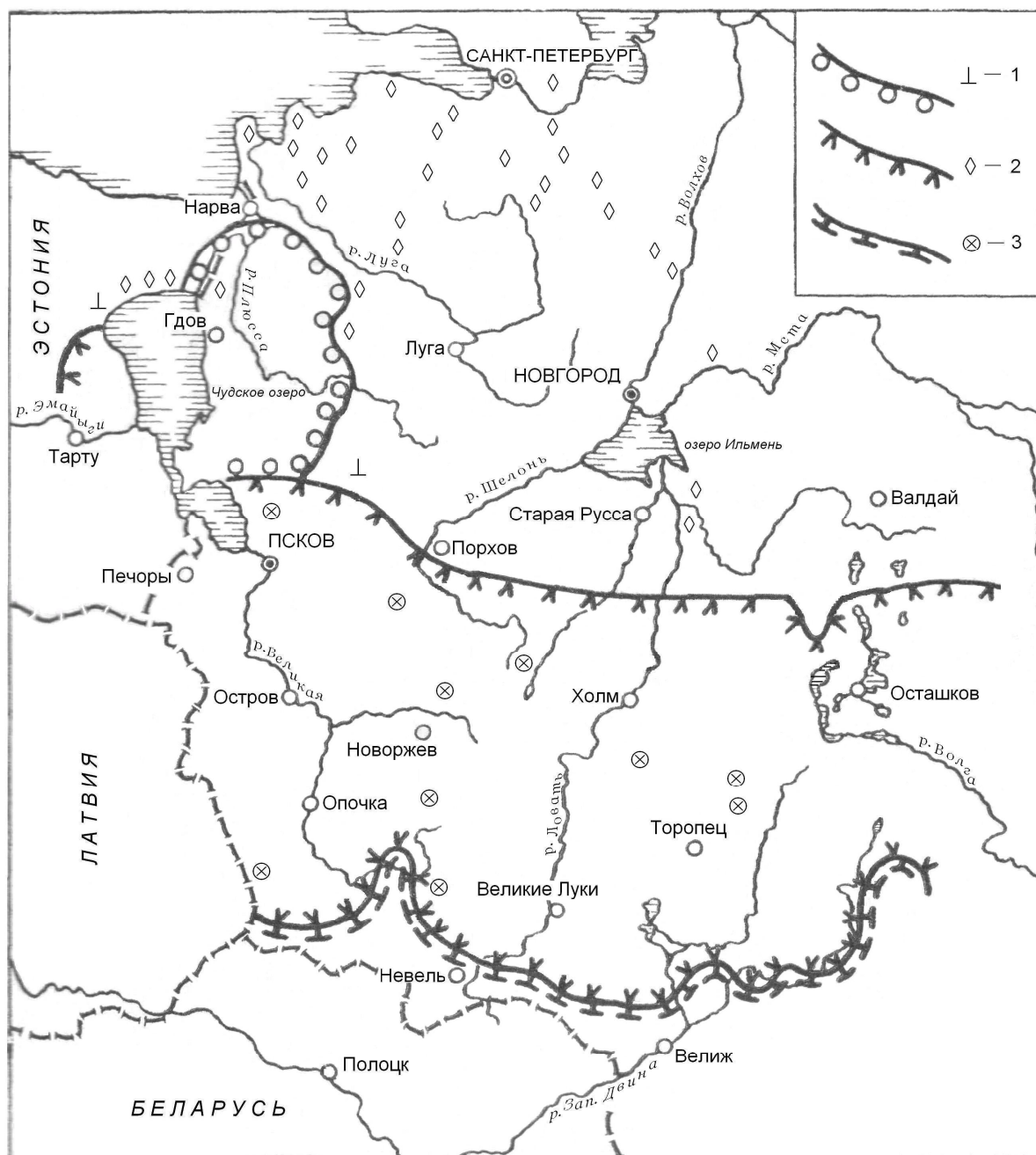
Развитие новых отношений между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога обусловлено модификацией ритмической структуры слова. Выделение просодического ядра и его противопоставление всем другим

гласным слова, что характерно для говоров с неполным оканьем, привело к формированию той динамической модели, которую В.Н. Чекмонас называет гиперфонией. Усиление нейтрализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге за счет увеличения числа позиций неразличения связано с появлением новых связей между гласными акцентного ядра, с распространением новой динамической модели – плерофонии, которая отличается от гиперфонии некоторым сокращением длительности предударного гласного при отсутствии его качественной редукации.

Устранение гиперфонии происходит постепенно, и дольше всего она сохраняется перед ударными гласными верхнего подъема. Именно эта особенность, а также более быстрое распространение плерофонии в позиции перед ударным [а] типологически (но не генетически) сближает переходные гдовские говоры с юго-западными русскими и северо-восточными белорусскими говорами, которым присуще диссимилятивное аканье жиздринского типа. Именно в этом смысле можно говорить о том, что «гиперфония и олофония имеет отдаленное отношение к системе диссимилятивного аканья, при котором предударный в слоге перед ударными гласными верхнего подъема бывает удлинненным» [Чекмонас 1998а: 112].

1.11. Механизм образования сильного аканья-яканья

Становление сильного аканья и сильного яканья в псковских говорах происходило в результате распространения «второй волны аканья-яканья» [Чекмонас 1999: 133]. Так же, как и системы гдовского типа, эти модели вокализма утвердились намного раньше на юге Псковщины, чем в ее центральных и северных частях. Например, в говорах великолукского ареала уже к XVII в. сформировались сильное аканье и сильное яканье [Галинская 2002: 118–122], тогда как вероятность того, что «сильное аканье-яканье в средней части Псковской области существовало уже к середине XVIII в., является невысокой» [Морозова, Чекмонас 2007: 65].

Карта 1. Типы предупредного вокализма в говорах Северо-Запада
 Условные обозначения: 1. Гдовский или полновский типы неполного оканья;
 2. Сильное аканье; 3. Диссимилятивное аканье жиздринской разновидности

Распространение сильного аканья за счет неполного оканья гдовского и полновского типов происходило в псковских говорах на протяжении длительного времени. Переход от оканья к аканью обусловлен не столько большей структурной простотой последнего (как считают некоторые исследователи), сколько особенностями ритмико-просодической организации слова в псковских говорах. Сформированный ритмический контур «сильный центр и

слабая периферия» способствует усилению и «выделению» гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге, а также минимизирует вариативность их количественных и качественных показателей. В результате происходит, во-первых, распространение единого звукотипа [a], реализующего фонемы неверхнего подъема, и, во-вторых, унификация его характеристик, прежде всего долготы и интенсивности (в системе неполного оканья звук [o] в 1-м предударном слоге имеет меньшую среднюю длительность, чем [a]). В этих говорах нет предпосылок для появления принципиально иного ритмического контура, предполагающего сложную систему соотношений между гласными акцентного ядра слова, что свойственно говорам с диссимилятивным вокализмом.

Развитие указанной тенденции приводит к формированию сильного аканья, которое широко распространено на Псковщине. В.Н. Чекмонас показал, что в подобной системе количественные характеристики предударного [a] практически не зависят от качества гласного в ударном слоге [Чекмонас 2001: 57]. Сокращение разницы между гласным 1-го предударного слога [a] и ударным [a] происходит отчасти за счет увеличения длительности первого, а отчасти за счет сокращения длительности последнего. Так, средняя длительность ударного [a] в идиолекте А.П. Фокиной, характеризующемся неполным оканьем, в среднем более чем на 20 мсек превосходит соответствующий показатель ударного [a] в говоре с сильным аканьем.

Иными словами, отмеченная в речи А.П. Фокиной зависимость длительности и интенсивности гласного 1-го предударного слога от качества ударного гласного – это лишь один из закономерных этапов общего развития системы вокализма (полновское оканье → сильное аканье), но не конечный результат этих изменений. То есть подобие между диссимилятивным аканьем жиздринского типа и неполным оканьем полновского типа, о котором пишет Т.Ю. Строганова, может быть только внешним и временным, поскольку формирование этих типов вокализма обусловлено действием принципиально разных механизмов, а их дальнейшее развитие ведет к становлению моделей, обладающих уникальными структурными характеристиками.

1.12. Выводы

1. Структура «совмещенного» ритмического контура формируется определенной комбинацией значимых параметров, присущих вокальным компонентам слова, то есть основана на комплексном соотношении характеристик ударного и безударных гласных. Помимо количественных и качественных параметров гласных, в организации подобной системы важную роль играют также особенности мелодического оформления фонетического слова.

2. Нестабильность соотносительных характеристик ударного и предударного гласных особенно ярко проявляется в некоторых фразовых позициях, когда стандартная структура фонетического слова деформируется рамками просодии более широкого фразового контекста. Следует отметить, что тональное выделение 1-го предударного слога – один из важнейших способов просодического маркирования слова в говорах с диссимильтивной организацией вокализма.

3. Диссимильтивный принцип затрагивает не только акцентное ядро слова, но также другие предударные и заударные слоги. Гласные могут распадаться по тембру, силе (интенсивности) и длительности, но чаще – сразу по нескольким признакам. Подобное чередование «сильных» и «слабых» слогов, как правило, отмечается в нейтральной просодической позиции, главным образом, в срединном положении во фразе, оно представлено с различной степенью выраженности в говорах с диссимильтивным аканьем.

4. В южнорусских говорах с диссимильтивной системой вокализма фонетическая программа слова предопределяет большую функциональную значимость безударных гласных, чем в системах с резким противопоставлением акцентного ядра остальным гласным слова. Большая вовлеченность безударных гласных (прежде всего гласных предцентровой части) в позиционные чередования, а также сильная взаимозависимость вокальных компонентов обуславливают слабую распространенность в диалектных системах с диссимильтивным вокализмом редукции гласных до вокалического нуля.

5. Переход от «совмещенного» ритмического контура к контуру «сильный центр и слабая периферия» происходит через промежуточную модель, которую можно определить как «сильная предцентровая и слабая постцентровая части»; подобная модель характерна для донских говоров, а также для некоторых говоров липецко-воронежского ареала. Таким образом, на первом этапе изменений происходит усиление предцентральной части за счет ослабления заударных слогов, на второй – значительное выделение 1-го предударного слога за счет ослабления остальных предударных гласных. Иначе говоря, заударные гласные раньше, чем предударные, подвергаются количественной и качественной редукции, поэтому некорректно проводить прямую связь между появлением ярко выраженного акцентного ядра слова и ослаблением заударных гласных. Значительное усиление 1-го предударного гласного в многосложных словах обычно достигается за счет ослабления предшествующих ему гласных по длительности и интенсивности.

6. Исчезновение традиционной динамической структуры слова приводит к изменениям синтагматических отношений между его вокальными компонентами; появление гласного [э] в 1-м предударном слоге начинает определяться не ритмикой слова, а просодией фразы. Подобная переориентация обусловленности чередования безударных гласных со словесного на фразовый уровень ведет к значительному снижению их функциональной нагрузки, к изменению частотности и значимости звукотипов [a] и не-[a].

7. Развитие ритмического контура «сильный центр и слабая периферия» обуславливает становление нового типа предударного вокализма – сильного аканья, а также способствует унификации основных качественных и количественных характеристик гласных 1-го предударного слога. Следы диссимилятивного вокализма, обнаруживающиеся в диалектных системах с сильным аканьем, свидетельствуют о былом распространении «совмещенного» ритмического контура не только на юго-западных, но и на юго-восточных территориях.

8. Предположительно динамическая структура слова в древнерусском языке оформлялась при помощи волнообразного ритмического контура; аналогическое ритмическое чередование сильных и слабых слогов реконструируется для раннеиндоевропейского праязыка, а также для более поздних этапов его развития. Развитие «совмещенного» тонального контура, характерного для наиболее архаических систем с диссимилятивной организацией вокализма, на базе прежнего волнообразного контура происходило, по всей видимости, параллельно с развитием в этих говорах нейтрализации безударных гласных неверхнего подъема и было напрямую обусловлено изменением традиционной вокальной модели слова.

9. По мнению Т.Ю. Строгановой, гдовский и полновский типы неполного оканья сформировались в результате распространения в ряде северо-западных говоров «совмещенного» ритмического контура, свойственного говорам с диссимилятивной организацией системы вокализма. Однако подобие между диссимилятивным аканьем жиздринского типа и неполным оканьем, о котором пишет Т.Ю. Строганова, может быть только внешним и временным, поскольку формирование этих типов вокализма обусловлено действием принципиально разных механизмов, а их дальнейшее развитие ведет к становлению моделей, обладающих уникальными структурными характеристиками.

10. Развитие системы вокализма как в южнорусских, так и в среднерусских говорах напрямую обусловлено изменениями, происходящими с ритмико-просодической структурой фонетического слова; в этих диалектных системах отмечается устойчивая связь между сегментными и суперсегментным уровнями. Развитие нейтрализации в безударных слогах актуализировало дистактные связи между гласными, а дальнейшая модификация вокалических систем зависела от качественных характеристик исходной ритмической модели слова. Очевидно, что развитие нейтрализации на базе наиболее архаичной волнообразной модели приводило к появлению «совмещенного» тонального контура, то есть к становлению диссимилятивного типа вокализма.

Неполное оканье владимирско-поволжского типа, свойственное говорам с ритмикой слова «сильный центр и слабая периферия», сформировалось на базе севернорусских говоров со слабовыраженной градацией безударных гласных по степеням редукции в результате усиления и выделения ударного и 1-го предударного гласных (за счет остальных безударных гласных). Развитие нейтрализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге, увеличение числа позиций неразличения, что характерно для гдовского и полновского типов неполного оканья, связаны с появлением новых связей между гласными акцентного ядра, с распространением новой динамической модели. Она отличается от соответствующей модели, свойственной говорам с неполным оканьем владимирско-поволжского типа, некоторым сокращением длительности гласных 1-го предударного слога при отсутствии их качественной редукции.

ГЛАВА 2.

Системы ударного вокализма в южнорусских говорах

2.0. Введение

Одной из наиболее ярких особенностей, характеризующих фонетические системы архаических русских говоров, является отличный от литературного языка набор гласных фонем: сохранение различия /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/. Сегодня семифонемный вокализм – реликтовая диалектная черта. Усиливающееся влияние литературной нормы, а также продуктивные тенденции языкового развития приводят к утверждению во многих локальных системах пятифонемного состава вокализма. Ареал говоров, сохраняющих наследие древнерусского вокализма – противопоставление /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ не имеет достаточно четких очертаний [ДАРЯ 1986: карты 40, 42], а сами архаические системы ударного вокализма обычно «встречаются только на разных ступенях деградации, в смешении с такими системами, где шестая и седьмая фонемы отсутствуют» [Высотский 1967: 14]¹⁶.

Однако памятники письменности свидетельствуют о том, что большинство южнорусских диалектных систем имели в прошлом семифонемную модель вокализма; она отмечена в некоторых рукописях XVII века, имеющих рязанское, тульское, калужское, воронежское, елецкое происхождение [Котков 1963: 28–52; Сидоров 1969: 24–32; Галинская 2002: 200–201]. На это же указывают и материалы современных говоров: так, более чем в половине текстов, приведенных в южнорусской звучащей хрестоматии [Касаткина (ред.) 1999], представлен семифонемный вокализм или следы его бывшего существования [Касаткина 2000: 98]. Широкое распространение в южнорусском наречии /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ подтверждается также косвенными данными.

¹⁶ Утрата /ѣ/ как особой фонологической единицы характерна для большинства славянских языков: «<...> фонема ѣ /ѣ/, которая появилась в праславянский период в результате совпадения старого ē (> ѣ¹) и дифтонга a^oi (> ѣ²), в разных праславянских диалектах отличалась исключительной фонетической нестойкостью и большим количеством артикуляционно-акустических особенностей, что стало причиной исчезновения этой фонемы в большинстве славянских языков и их говоров» [Півторак 1988: 110].

Некоторые системы яканья, сочетающиеся с пятифонемным вокализмом, могут сохранять в 1-м предударном слоге противопоставление [и] ~ [а] перед ударными [о] и [е] в зависимости от их этимологии. И хотя появление в этой позиции определенного звукотипа уже не обусловлено качеством гласного под ударением, эта зависимость реализуется опосредованно, как модель произношения определенных слов или грамматических категорий, что характерно для некоторых типов диссимилятивного, умеренно-диссимилятивного, ассимилятивно-диссимилятивного и диссимилятивно-умеренного яканья (подробно этот вопрос будет рассмотрен в следующей главе).

В современных русских диалектах, даже в наиболее архаичных, семифонемная система вокализма никогда не бывает представлена в «идеальном» виде, с последовательным распределением отличающихся друг от друга звукотипов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов. «Характерной особенностью современного состояния говоров русского языка является почти полное отсутствие так называемых “чистых” систем, таких, в которых не проявлялись бы одновременно элементы какой-то другой системы <...>. Иными словами, на современном этапе развития говоров мы имеем дело с различными формами сосуществования двух или даже нескольких систем в пределах одного говора» [Панов (ред.) 1968: 189]. Соотношение между частотностью и дистрибуцией подобных вариантов может быть различным, а их появление зависит как от экстралингвистических факторов, так и от факторов собственно языковых. Далеко не всегда один из членов соотносительной пары соответствует литературной норме: существование звуковых вариантов, которые воплощают одну и ту же языковую единицу, в ряде случаев обусловлено общим вектором языкового развития, имеющего зачастую диалектную специфику.

Так, не всегда можно однозначно интерпретировать разнообразие гласных образований на месте этимологических /ѣ/ и /ѡ/, /е/ и /о/, фиксируемых в различных диалектных системах. Во-первых, звуки [и̃е], [ѣ], [е] и [у̃о], [о],

[o] в соответствии с фонемами верхне-среднего подъема «могут быть соотнесены и с одной фонологической системой, где вокалическая вариативность может быть объяснена различиями во фразовых позициях, и с различными фонологическими системами – архаической и новой», где реализации /ʘ/ и /o/ как [e] и [o] представляют новую систему, в то время как [ӣe], [ē], [ȳo], [ɔ] – «остатки архаических отношений, и должны быть рассмотрены в рамках более сложной, чем новая, системы вокализма» [Касаткина (ред.) 1991: 19–20].

Во-вторых, широкое распространение в каком-либо говоре звукотипов [ɔ], [ē] или [ɔ], [ē] вовсе не доказывает наличия в нем семи гласных фонем: известны такие пятифонемные системы вокализма, для которых характерна локализация гласных, реализующих фонемы /o/ и /e/, в зонах верхне-среднего или средне-нижнего подъёмов [Высотский 1967: 72–74]. Подобная особенность отмечается в различных диалектных группах Северного [Касаткина (ред.) 1991: 174] и Южного [Касаткина (ред.) 1999: 137] наречий и нередко становится «источником неверной интерпретации фонологических отношений в звуковом строе говора» [Высотский 1978б: 94].

Наконец, иногда варианты, образуемые на разных уровнях подъема, могут находиться в отношении свободного варьирования, что также препятствует трактовке подобной вокалической системы как семифонемной. Указанная особенность отмечена, например, в одном северо-западном говоре, где фонема /o/ может реализоваться целой гаммой различных гласных: [ɔ], [o], [ɔ] (подробнее см. § 1.8). В подобной системе выбор конкретного звукотипа не обусловлен ни языковыми, ни социолингвистическими факторами, а «использование вариантов невозможно каким-либо образом предсказать при тех или иных обстоятельствах» [Ваахтера 2009: 62]. Только комплексный анализ дистрибуции элементов языковой структуры способен определить взаимосвязь между качеством «некрайних» гласных и их функциональной значимостью в вокалической системе конкретного идиома.

Противопоставление /ʙ/ ~ /e/, /ω/ ~ /o/ – оппозиция фонологическая, а потому оно должно обязательно *восприниматься* и достаточно последовательно *воспроизводиться*. В реестр фонем может быть включен только стабильный элемент языковой системы, когда «предполагаемая фонема, будучи в составе определенных словоформ, в своей сильной позиции представлена звуком особого тембрального качества, отличного от реализации всех остальных фонем в тождественных позиционных условиях» [Высотский 1977б: 38]. Антропофоническое проявление тенденции к максимальной дифференциации фонем «заключается в требовании более четкого произношения, воспроизведения именно тех физических характеристик, с помощью которых дифференцируются, различаются данные фонемы» [Журавлев 1986: 155–156].

На четкость различения соответствующих фонем может указывать доступность их восприятия не только для собирателей, но и для отдельных диалектоносителей, которые способны заметить особенности фонологической системы своего говора, а также говоров окрестных деревень и выявлять значимые структурные различия между ними¹⁷. Например, один из наших информантов, родившийся в с. Крутое Старооскольского р-на Белгородской обл., но многие годы проживший в селе Солдатское, расположенном всего в нескольких километрах от Крутого, обратил наше внимание на основное отличие между этими диалектными системами. По его словам, «в Солдатском говорят “мягко”: [к^оуот], а в Крутом – “твёрдо”: [кот]». Дифтонгичность реализаций фонемы /ω/ в сочетании со значительной лабиализацией согласных перед ними, замеченные информантом в говоре Солдатского, прямо указывают на сохранившуюся архаическую систему ударного вокализма, которая отсутствует в говоре с. Крутое. Подобные примеры «имеют прямое отношение к восприятию носителями говоров языковых фактов на фонологическом уровне», а слова, иллюстрирующие характерные черты «своего» и «чужого» говоров, «приобретают вид как бы фонологических формул» [Высотский 1977б: 14].

¹⁷ Об информантах «с тонким фонологическим слухом» уже не раз писали диалектологи [Высотский 1967: 16; Высотский 1977б: 14; Бромлей 1949: 30, 37; Касаткина (ред.) 1991: 9–10; Жуковская 1954: 67].

2.1. Типы семифонемных систем вокализма в русских говорах

Система противопоставления / ω / и / o /, / ѣ / и / e / может существовать в нескольких вариантах: эти фонемы реализуются различными дифтонгами и монофтонгами, артикуляция которых предполагает разнообразные переходы от одного звукотипа к другому. Специфика диалектных различий в структуре «трапециевидов» гласных при семифонемной системе вокализма применительно к севернорусским и среднерусским говорам выявлена в известной статье С.С. Высотского [1967]. Основные виды локализации подъемов гласных представлены в указанной работе с некоторой степенью условности: для «упрощения схемы в “трапециевиде”» показываются не дифтонги, а замещающие их просодические вариации – монофтонги, отмеченные в промежуточном уровне подъема» [Высотский 1967: 68–69].

«Обычными» типами семифонемного состава гласных в обследованных говорах С.С. Высотский признает следующие системы. Первая система предполагает симметричность по высоте гласных 2-й и 3-й ступеней подъема: аллофоны фонем / ѣ / и / ω / локализованы в зоне верхне-среднего подъема, аллофоны фонем / e / и / o / – в зоне среднего подъема (**тип I**, по С.С. Высотскому). Для второй системы характерны, с одной стороны, симметричность по высоте гласных 3-й ступени подъема (как в предыдущей системе), с другой – асимметричность гласных 2-й ступени подъема: аллофоны / e / локализируются в зоне среднего уровня, аллофоны / o / – в зоне средне-нижнего уровня (**тип II**) [Высотский 1967: 77–78], см. графики 2.1 и 2.2.

Схема 2.1

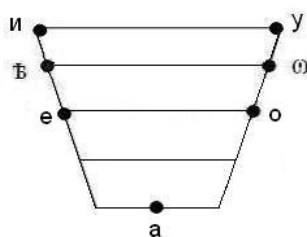
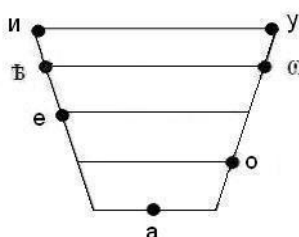

Схема 2.2

Анализ представленного в звучащей хрестоматии [Касаткина (ред.) 1991] корпуса диалектных текстов, отражающих разные группы Северного наречия, несколько уточняет это положение С.С. Высотского. Практически все из отмеченных здесь архаических систем характеризуется несимметричной по высоте парой [ɔ] и [e] (то есть представляют собой **тип II**, представленный на схеме 2.2). Фонемы /ʌ/ и /ω/ могут параллельно реализоваться гласными верхне-среднего подъема [ɛ], [ɔ], однако большее артикуляционное пространство между основными аллофонами /ω/ и /o/ обуславливает возможность появления в соответствии с фонемой /ω/ звука [o], в этом случае асимметричность отношений распространяется на все «некрайние» гласные (см. схему 2.3, знак в скобках обозначает наличие факультативного варианта у фонемы /ω/). Описанные несимметричные типы semifонемного вокализма отмечены в Харовском и Биряковском р-нах Вологодской обл., Мёжевском р-не Костромской обл., Слободском и Свечинском р-нах Кировской обл. [Касаткина (ред.) 1991: 178–180, 193–194; 210–211; Пауфошима 1965: 6–7; Касаткин 1999: 366–370]. Видимо, подобное соотношение аллофонов /o/ и /e/ характерно и для других архаических севернорусских говоров, однако в большинстве диалектологических работ, включая исследования фонетической тематики, отсутствует целостное описание системы вокализма. Их авторы, фиксируя особые реализации фонем верхне-среднего подъема, не обращают внимания на аллофоны /o/ и /e/; подобный подход реализуется, например, в звучащей хрестоматии «Вятские говоры», опубликованной относительно недавно [Мошкина 1999].

Данные говоров различной локализации свидетельствуют о том, что звукотип [ɔ] на месте /o/ широко распространен во всех архаических диалектных системах, различающих под ударением семь гласных фонем, что, по всей видимости, обусловлено особенностями исторического развития (подробнее см. §2.7); однако гласный средне-нижнего подъема [ɛ] в соответствии с фонемой /e/ – довольно редкая диалектная черта. Система с гласными 2-й

ступени подъема, локализованными в средне-нижней зоне, встречается «как малоустойчивый тип вокализма <...> обычно при наличии в других слоях говора еще иных, менее сложных типов вокализма» [Высотский 1967: 79], см. схему 2.4.

Схема 2.3

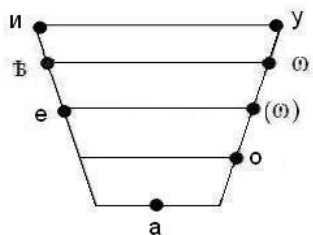
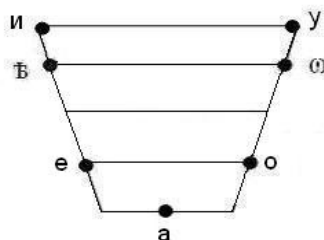

Схема 2.4

2.2. Типы семифонемных систем вокализма в южнорусских говорах

Описанное выше соотношение гласных /e/ и /o/ при наличии различия под ударением четырех уровней подъема представлено и в южнорусских говорах: так, семифонемные системы вокализма с несимметричной по высоте парой [e] и [ɔ] отмечены в говорах Воронежской, Белгородской, Калужской, Липецкой, Тамбовской обл. [Касаткина (ред.) 1999: 45, 113, 126, 165; Фомина 1980: 6–7]. В некоторых диалектных системах отмечена тенденция к геометризации их структуры, что проявляется в распространении на месте фонем /e/ и /o/ звукотипов, адекватных по уровню образования.

Территория распространения семифонемных систем вокализма в южнорусских говорах описана в исследовании А.В. Тер-Аванесовой, учитывающем, помимо материалов ДАРЯ, некоторые другие источники [Тер-Аванесова 2006: 50–58]. Для Южного наречия характерны следующие разновидности семифонемного состава гласных (описываются только системы, в которых противопоставление /Ѣ/ и /e/, /ѳ/ и /o/ прослеживается как последовательно выдержанная особенность).

2.2.1. Тип 1, соответствующий **типу II** С.С. Высотского [1967: 77–78]: гласные /ѣ/ и /ѡ/ реализуются либо восходящими дифтонгами [иѣ] и [уѡ], либо монофтонгами, симметричными по степени подъема [ɔ] и [ɛ]: л[’иѣ]т, п[’иѣ]сни, хорош[уѡ], раб[уѡ]тали, сал[ɔ]ма, на лошаd[’ѣ]. Передним коррелятом гласного средне-нижнего подъема [ɔ], реализующего фонему /о/, здесь выступает гласный [e], реализующий фонему /е/: у ког[ɔ], d[ɔ]м, к[ɔ]ечек, бер[’ѣ]шь, нес[’ѣ]шь, кв[’ѣ]рху. На месте этих гласных иногда встречаются нисходящие дифтонги [ѣи], [ѡу]: ат’ѣиц, штоу. Подобная система представлена, например, в говорах д. Поповка Староюрьевского р-на Тамбовской обл. и д. Афанасьевка Алексеевского р-на Белгородской обл. [Касаткина (ред.) 1999: 113, 165], графически она изображена на схеме 2.5 (знаки в скобках обозначают наличие факультативных вариантов у фонем /ѣ/ и /ѡ/)¹⁸.

Следует отметить, что в указанных диалектных системах этот тип семифонемного вокализма проведен непоследовательно. Например, в говоре Афанасьевки довольно часто произносятся гласные [e] и [o], близкие по звучанию соответствующим звукам литературного языка, как в соответствии с фонемами верхне-среднего, так и в соответствии с фонемами среднего подъема: жел[’ѣ]зо, тоб[’ѣ], нед[’ѣ]ля, враг[ɔ]в, разгов[ɔ]р, мясн[ɔ]го, кон[’ѣ]чно, вез[’ѣ]м, бер[’ѣ]м, пол[ɔ]пались, порт[ɔ]к, как[ɔ]й и т.д. [Касаткина, Щигель 1995: 297]. Эта особенность свидетельствует о развивающемся процессе нейтрализации фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/.

Можно предположить, что прежде описанный тип семифонемного вокализма был широко распространен во многих других архаических южнорусских системах, в частности – на территории липецко-воронежского ареала, в бывших Задонском и Землянском уездах Воронежской губернии. По данным В.И. Тростянского, в начале XX века в местных говорах дифтонгическое

¹⁸ На обобщающих схемах показаны базовые, самые распространенные аллофоны фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/, включая дифтонги (стрелками показано направление скольжения тембра). Менее частотные варианты при составлении схем не учитывались.

произношение /ѣ/ и /ѡ/ прослеживалось как определенный закон и четко противопоставляло эти гласные недифтонгическим реализациям фонем /е/ и /о/: *хлѣп*, *дѣла*, *вяслѣд*, *вяснѣдѣй*, но *тѡпѣ*, *нѡчь*, *ѣчмѣнь*, *ѣвѣсь* и др. [Тростянский 1916: 7–11]. Однако уже в 1920-е годы Н.П. Гринкова фиксировала здесь лишь единичные случаи дифтонгизации, спорадически встречавшиеся в речи отдельных информантов на месте /ѣ/, /ѡ/ и /о/: *лѣс*, *кѡдѣсы*, *пѡѣскон*, *тѡѣ же* [Гринкова 1929: 89–90].

Позднее, в начале 1950-х годов, З.В. Жуковская обнаружила в говорах соседнего Нижнедевицкого р-на Воронежской обл. пятифонемную систему вокализма, где в качестве факультативных вариантов фонемы /о/ выступали дифтонги [ѡѡ], [ѡѣ] и монофтонг [ѡ]¹⁹. Эти звуки «употребляются только носителями традиционного говора, причем они не всегда верно отражают первоначальные этимологические условия их существования»: в соответствии с *о и *ѡ: *тѡѡк*, *кѡѡсы*, *рѡѡш*; *тѡк*, *кѡсы*, *рѡш*; *тѡѡк*, *нѡѡѣи*; в соответствии с *ѡ: *нѡѡжык*, *кѡѡжын*, *на слѡѡм*; *нѡш*, *карѡѡва*, *на слѡѡм*; *нѡѡжык*, *слѡѡм*. Наличие в говоре дифтонгических образований [ѡѡ], [ѡѣ], а также отсутствие отступлений от архаического типа диссимилятивного яканья, по мнению автора, указывают «на сравнительно недавнюю утрату различения между о и ѡ» [Жуковская 1954: 65–71].

Приблизительно тогда же Ю.Т. Листрова, монографически описавшая говор села Отскочное Хлевиенского р-на Липецкой обл., а также Е.И. Кирсанова, обследовавшая говор села Долгуша Долгоруковского р-на той же обл.²⁰, отмечали, что указанные диалектные системы сохранили лишь отдельные «пережитки закрытого о и закрытого е» [Листрова 1953: 8; Листрова 1955: 200; Котков 1951: 117].

¹⁹ Случаев «употребления *ѣ* (*иѣ*) на месте старого *ѣ*» в местном говоре не отмечено [Жуковская 1954: 88].

²⁰ По старому административному делению эти сѣла относились к Землянскому уезду Воронежской губ.

Ни Н.П. Гринкова, ни З.В. Жуковская, ни Ю.Т. Листрова, ни Е.И. Кирсанова не упоминают о существовании в исследуемых говорах особого звукотипа средне-нижнего подъема [ɔ], что отнюдь не доказывает его отсутствие в местной фонетической системе. Наличие гласного [ɔ] в говорах воронежско-липецкого ареала подтверждается материалами Т.Г. Фоминой [1980: 6–7], Р.Ф. Касаткиной и Е.В. Щигель [1995: 300–301], С.В. Дьяченко (устное сообщение): этот монофтонг отмечен в селах Кондрашовка, Стадни-ца, Перлёвка Семилукского р-на Воронежской обл., Отскочное и Верхняя Колыбелка Хлевиенского р-на Липецкой обл.

Инструментально-фонетическое исследование двух архаических говоров воронежско-липецкого ареала, проведенное Т.Г. Фоминой, свидетельствует о «взаимном смешении» в местных вокалических системах акустических вариантов, представляющих фонемы верхне-среднего и среднего подъёмов. В результате комплексного анализа распределения гласных на месте соответствующих фонем Т.Г. Фомина пришла к следующему выводу: «В современном вокализме говора наблюдается процесс нейтрализации <ɔ> и <ɔ̄>, <ɛ> и <ɛ̄>, о чем свидетельствует появление неэтимологических звукотипов средневерхнего, среднего и средненижнего подъема <...>. Употребление этих акустических вариантов не носит четкой обусловленности каким-либо фонетическим или лексико-морфологическим фактором: в одном и том же слове в равных фонетических условиях могут появляться гласные как средневерхнего, так и средненижнего подъёмов» [Фомина 1982: 149]. Многочисленные случаи нейтрализации фонологических оппозиций /ɤ/ и /ɛ/, /ɔ/ и /o/ на указанной территории зафиксированы звучащей хрестоматией «Южно-русское наречие» [Касаткина (ред.) 1999: 124–126].

Таким образом, в настоящее время архаические диалектные системы липецко-воронежского ареала должны квалифицироваться как пятифонемные, содержащие лишь следы противопоставления этимологических фонем верхне-среднего и среднего подъёмов. Этот вывод подтверждается, в частно-

сти, материалами аудиторского анализа: современные диалектоносители, живущие в Кондрашовке и Стаднице, практически не различают на слух звуко-типы «с макс. $F_1 - 400, 500, 640$ Гц (при слабом выделении гласного средне-нижнего подъема)», то есть [ɔ] [Фомина 1982: 145–146].

2.2.2. Тип 2: фонема /ʋ/ реализуется в подавляющем большинстве случаев восходящими дифтонгами типа [иэ] или [иѐ], реже – монофтонгом среднего подъема [e], тогда как основной аллофон фонемы /ω/ – монофтонг среднего подъема [o], значительно реже в этой позиции произносится дифтонг [уо]: у с[’иѐ]нцах, из л[’иѐ]са, б[’еѐ]дно, гор[’э]ли, дуб[’о]вые, раб[’о]тал, на р[’о]дину, зах[’уо]дишь, то есть система звукотипов, репрезентующих эти фонемы, может быть определена как «обратно симметричная». Гласные 2-й ступени подъема несимметричны и локализованы в области средне-нижнего [ɔ] и среднего подъемов [e] (как при **типе 1**): д[’e]нь, на св[’э]те, с[’э]рдца, г[’ɔ]лод, н[’ɔ]чью, пешк[’ɔ]м. Графически этот тип изображен на схеме 2.6 (знаки в скобках обозначают наличие факультативных вариантов у фонем /ʋ/, /ω/, /e/ и /o/). Отмечен в с. Солдатском Старооскольского р-на Белгородской обл. [Корпечкова 2012: 94].

Схема 2.5

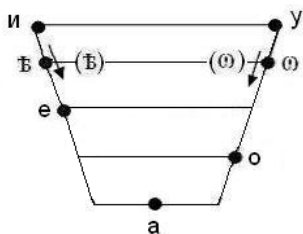
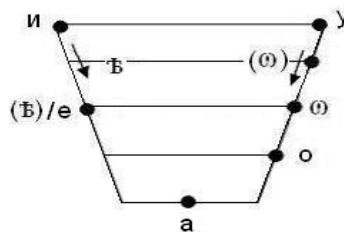

Схема 2.6

2.2.3. Тип 3: гласные 3-й ступени подъема реализуются в подавляющем большинстве случаев открывающимися дифтонгами [иэ] и [уо], в слабой фразовой позиции их симметричность по высоте нарушается: задний гласный

локализуется в области среднего подъема – [o], передний – в области верхне-среднего подъема [e]: *д[’иѐ]д, б[’иѐ]лые, пожал[’иѐ]ла, д[’ѐ]вочка, хл[’ѐ]бы, у нев[’ѐ]стках, уб[’уѐ]рку, н[’уѐ]мню, мн[’уѐ]го, пр[’о]сютъ, гол[’о]сишь, на дор[’о]ге*. Гласные 2-й ступени подъема также несимметричны в основных вариантах: фонема /e/ реализуется гласными [e] (реже – [e]), фонема /o/ – гласными [o] (реже – [o]): *д[’ѐ]ньги, д[’ѐ]нь, молод[’ѐ]ц, н[’ѐ]рвый, з[’ѐ]млю, л[’ѐ]вко, тел[’ѐ]к, г[’ѐ]лову, л[’о]шадь, т[’о]к*. Графически этот тип изображен на схеме 2.7 (знаки в скобках обозначают наличие факультативных вариантов у фонем /ѐ/, /ѡ/, /е/ и /о/). Отмечен в с. Истобном Репьёвского р-на Белгородской обл. [Дьяченко 2012: 37].

2.2.4. Тип 4: гласные 3-й ступени подъема реализуются в подавляющем большинстве случаев открывающимися дифтонгами [иѐ] и [уѐ], в слабой фразовой позиции параллелизм их реализаций также не нарушается: [e] и [o] (что полностью соответствует **типу 1**): *б[’иѐ]лая, р[’иѐ]жешь, у живот[’иѐ], д[’ѐ]ти, с посл[’ѐ]дним, св[’ѐ]те; на дв[’уѐ]р, к[’уѐ]жа, кор[’уѐ]вка, девян[’ѡ]сто, раб[’ѡ]тали, из хор[’ѡ]шей*. Основными реализациями фонем /e/ и /o/ оказываются гласные верхне-среднего и среднего подъёмов [e] и [o], при этом на месте /e/ довольно часто встречается вариант, соответствующий гласному [o] по степени подъема – [e]: *в[’ѐ]чером, ч[’ѐ]шем, теп[’ѐ]рь, нарв[’ѐ]м, н[’ѐ]кому, по-дерев[’ѐ]нскому; р[’о]жь, в[’о]ду, плат[’о]к, др[’о]жжи* (вариант [o] в соответствии с /o/ отмечен всего в двух процентах случаев и в расчет при составлении схемы не принимался). Графически этот тип изображен на схеме 2.8 (знаки в скобках обозначают наличие факультативных вариантов у фонем /ѐ/, /ѡ/ и /е/). Отмечен в с. Татарино Каменского р-на Воронежской обл. [Дьяченко 2012: 37].

Схема 2.7

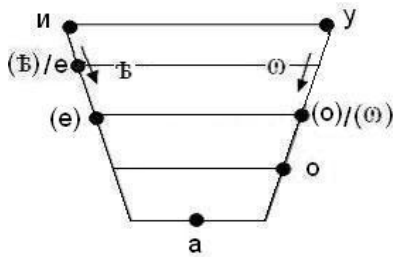
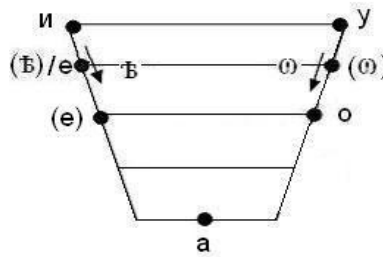

Схема 2.8

Промежуточное положение между **типами 3** и **4** занимает непоследовательно выдержанная семифонемная система вокализма, представленная в говоре с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл. [Дьяченко 2012: 37]. Гласные 3-й ступени подъема чаще всего реализуются открывающимися дифтонгами [иѐ] и [уѠ], однако, в отличие от типов 3 и 4, передний дифтонг встречается в два раза чаще заднего. Монофтонги на месте /Ѣ/ и /Ѡ/ представлены гласными несимметричных подъемов: [ѐ] и [Ѡ] (что характерно для **типа 3**). Основные реализации гласных 2-й ступени подъема симметричны по высоте и локализируются в средней зоне (подобная тенденция отмечается при **типе 4**), однако довольно часто они бывают представлены гласными [ѐ] и [Ѡ], имеющими значительный контраст по уровню подъема. Приблизительно в половине случаев происходит совпадение звукотипов, реализующих фонемы /Ѣ/ и /ѐ/, оппозиция /Ѡ/ и /Ѡ/ сохраняется более устойчиво. Графически этот тип изображен на схеме 2.9 (знаки в скобках обозначают наличие факультативных вариантов у фонем /Ѣ/, /Ѡ/, /ѐ/ и /Ѡ/).

2.2.5. Тип 5, резко отличающийся от описанных выше разновидностей большей симметричностью структуры вокализма: гласные 3-й ступени подъема реализуются в подавляющем большинстве случаев монофтонгами верхне-среднего уровня [ѐ], [Ѡ], реже – открывающимися дифтонгами [иѐ] и [уѠ]. Так же симметричны и гласные 2-й ступени подъема, которые локализируются в средне-нижней зоне. В ряде случаев они могут повышать или понижать

подъем (на всем протяжении звучания или на отдельных участках), акустически приближаясь как к гласным [e], [o], так и к гласному нижнего подъема [a]. Графически этот тип изображен на схеме 2.10 (знаки в скобках обозначают наличие факультативных вариантов у фонем /Ѣ/, /Ѡ/). Отмечен в с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.

Схема 2.9

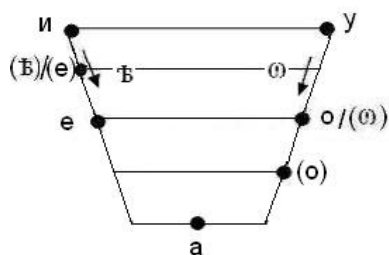
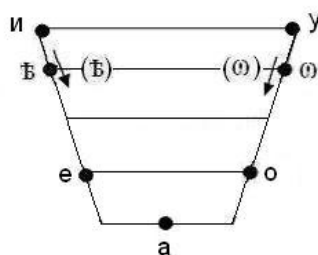

Схема 2.10

Разумеется, эти пять разновидностей состава гласных далеко не исчерпывают того многообразия, которое может обнаружиться при дальнейшем изучении архаических южнорусских говоров [Высотский 1967: 68–71]. Представленный материал дает представление о структурной сложности семифонемной системы, отражает функциональные связи и возможные способы распределения ее значимых элементов на синхронном уровне. Для диахронической интерпретации фонемных изменений, которые происходят в различных вокалических системах, необходимо комплексное исследование всего многообразия звукотипов, характерных для русского диалектного языка в целом и для южнорусского наречия – в частности.

Анализ образцов диалектной речи свидетельствует о высокой вариативности характеристик ударных гласных, что может выражаться, во-первых, в изменении их формантных областей, во-вторых, в различных соотношениях между компонентами неоднородных вокальных образований – дифтонгов или дифтонгоидов. Появление этих вариантов может быть обусловлено комбинаторным воздействием фонетического контекста (место образования или мягкость/твердость соседнего согласного), фразовой позицией, особенностями

ми артикуляционной базы говора, а также сосуществованием в пределах одного говора нескольких фонологических подсистем [Высотский 1968: 8–9]. Наибольшее внимание в дальнейшем описании уделено аллофонам, реализующим /ѣ/, /ѡ/, /е/ и /о/, поскольку «звуковые воплощения именно этих фонем располагаются в наиболее широком тембральном диапазоне» [Пауфощима 1983: 20].

2.3. Качественная характеристика аллофонов /ѣ/ и /ѡ/ в южнорусских говорах

2.3.1. Дифтонги

Данные большинства архаических систем вокализма свидетельствуют о том, что основными реализациями фонем /ѣ/ и /ѡ/ в южнорусских говорах должны быть признаны восходящие дифтонги [иѣ] и [уѡ]. Передний дифтонг обычно произносится после мягких и перед твердыми согласными, а также на конце слова. На рис. 2.1–2.3 представлены осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности форм д[’иѣ]душка, д[’иѣ]вкиной, д[’иѣ]лали, записанные в Белгородской, Липецкой и Калужской областях. Среднее значение F_1 первой части этих дифтонгов составляет 390–470 Гц, второй части – 520–600 Гц; среднее значение F_2 первой части – 2300–3000 Гц, второй части – 2700–1900 Гц; то есть второй компонент этого гласного образования всегда характеризуется сближением зон наибольшей концентрации энергии.

Дифтонги типа [уѡ] с последовательным понижением подъема гласного образования и незначительным изменением по ряду обычно произносятся на месте фонемы /ѡ/ после твердого и перед твердым согласными, а также на конце слова. На рис. 2.4–2.6 представлены осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности форм об[уѡ]рки, за ст[уѡ]л, скул[уѡ], записанные в Белгородской, Липецкой и Калужской областях. Среднее значение F_1 первой части этих дифтонгов составляет 430–500 Гц, среднее значение F_2 – 760–

920 Гц. Зачастую формантная структура начального у-образного элемента характеризуется «одновершинностью», что отражает сильную степень его лабиализации. Средние значения F_1 и F_2 второй части дифтонга составляют 540–700 Гц и 1000–1400 Гц соответственно; этот элемент обычно локализуется в зоне среднего или средне-нижнего подъема и заднего или средне-заднего ряда (при наличии следующего твердого согласного), при этом степень упередненности последней фазы дифтонга прямо пропорциональна уровню ее подъема. Дифтонг $[\widehat{y\omega}]$ всегда характеризуется максимальной сближением зон наибольшей концентрации энергии в первой части и их значительной удаленностью во второй.

Первые компоненты дифтонгов обычно не отличаются ни по слуховому впечатлению, ни по формантным характеристикам от аллофонов фонем /и/ и /у/. При этом значения F_1 первой части дифтонга $[\widehat{y\omega}]$ несколько превышают аналогичные значения дифтонга $[\widehat{ie}]$, что отражает соответствующие отношения между основными реализациями фонем /у/ и /и/ (подробнее см. § 2.5).

Последняя фаза дифтонгов на месте /ѣ/ и /ѡ/ также не отличается от характерной части монофтонгов, реализующих фонемы /е/ и /о/. Поэтому несимметричность по уровню подъема, свойственная основным реализациям /е/ и /о/ (см. § 2.4.1), характерна и для вторых компонентов соответствующих дифтонгов; приблизительно в половине случаев дифтонг на месте фонемы /ѡ/ завершается гласным средне-нижнего подъема [ɔ]. В том случае, если в говоре в соответствии с фонемой /е/ отмечено произношение звука [ɛ], последняя фаза дифтонга $[\widehat{ie}]$ также может локализоваться в зоне средне-нижнего подъема, что зафиксировано, например, в селах Солдатское и Кирейково.

Рис. 2.1. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $\partial[\overset{\sim}{и}\overset{\sim}{е}]душка$ (с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)

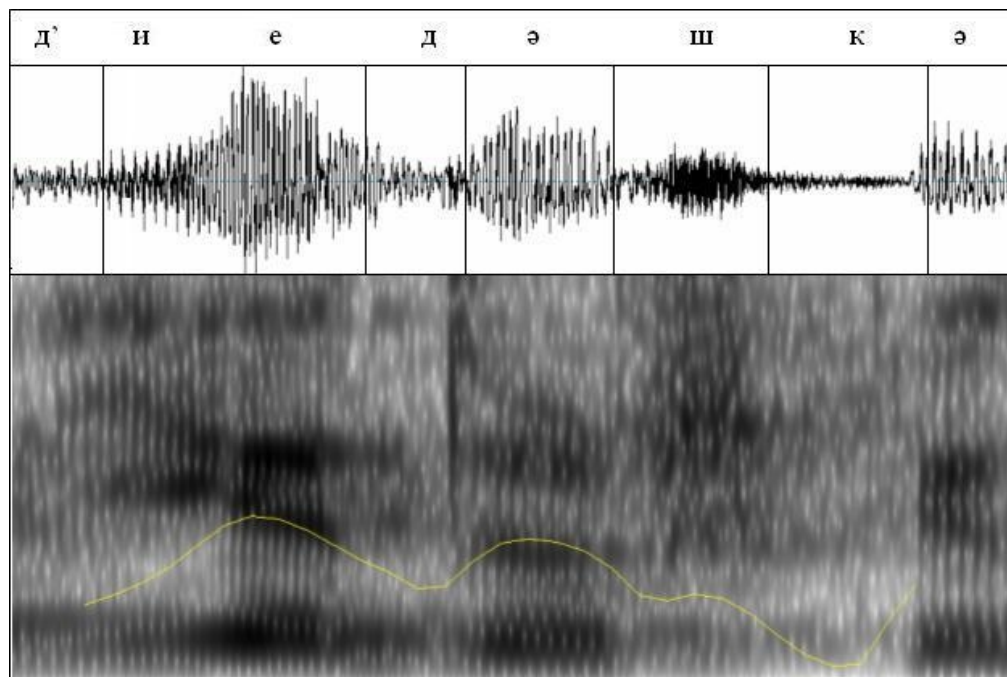

Рис. 2.2. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $\partial[\overset{\sim}{и}\overset{\sim}{е}]вкиной$ (с. Отсочное Хлевенского р-на Липецкой обл.)

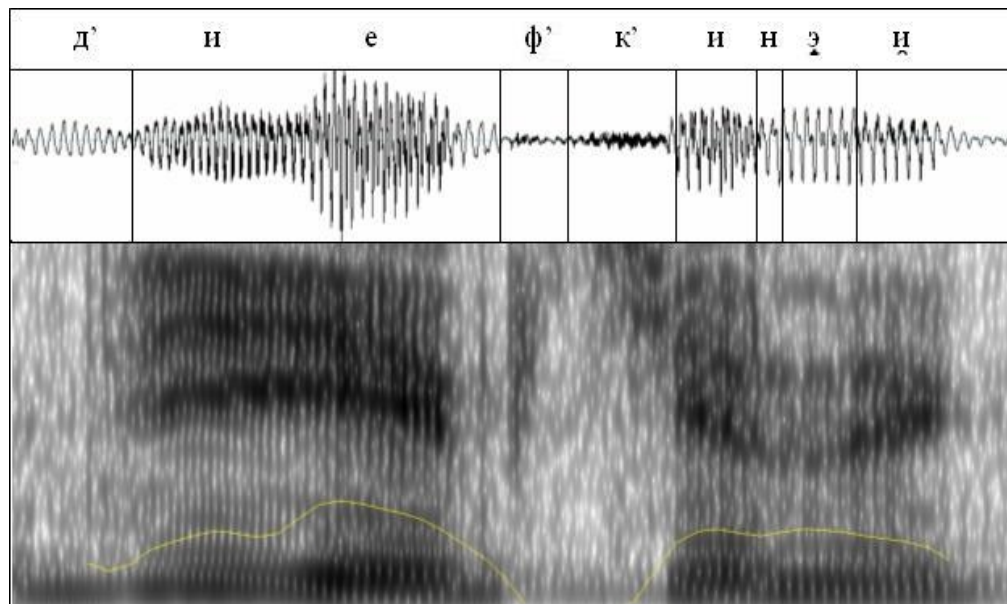

Рис. 2.3. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $d[\text{и}^{\acute{е}}]лалл$
 (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

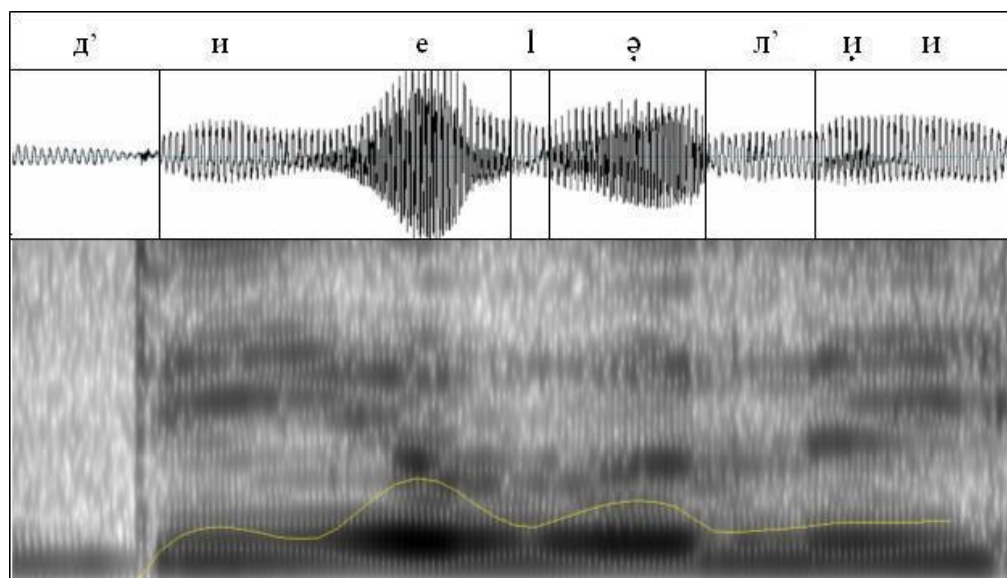

Рис. 2.4. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $об[у\acute{б}]рки$
 (с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)

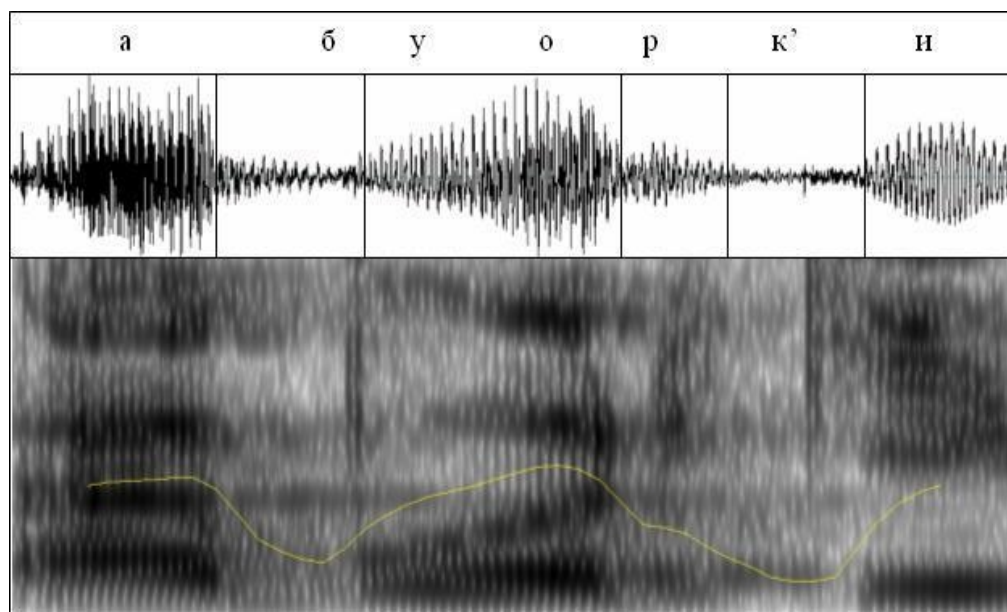

Рис. 2.5. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы за ст[у̇]л
(с. Отскочное Хлевенского р-на Липецкой обл.)

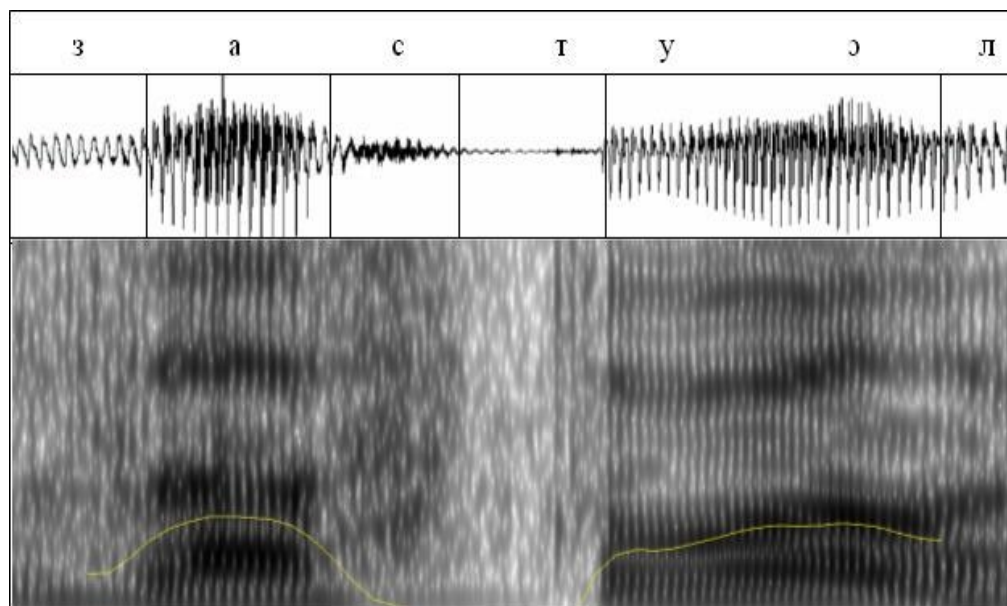
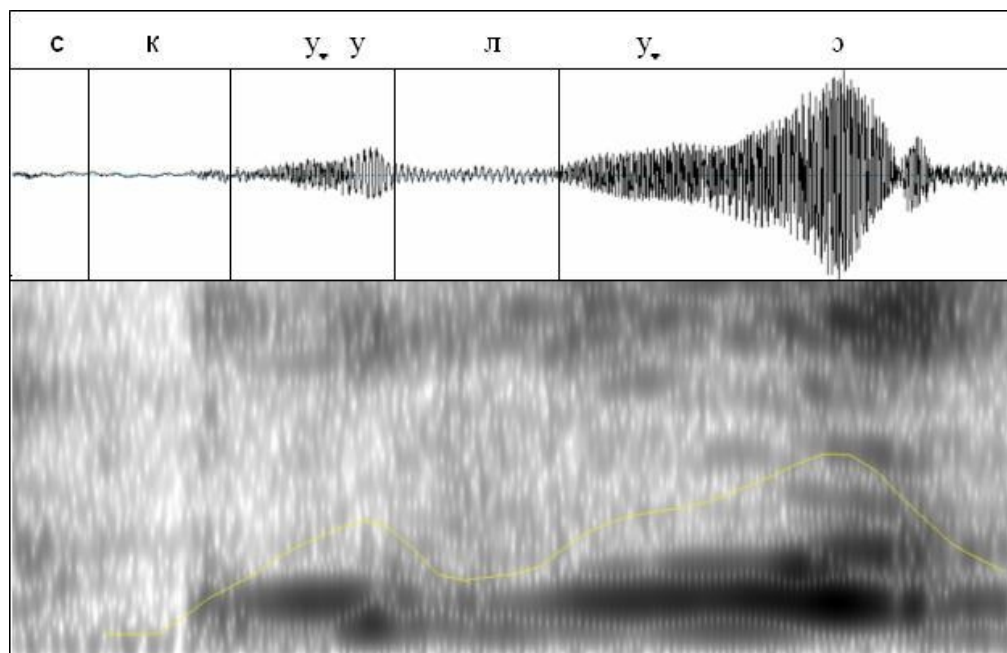

Рис. 2.6. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы скул[у̇]л
(с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

Скольжение тембра сложных гласных [ӣе] и [ӯо] происходит за счет постепенного понижения подъема с плавным нарастанием интенсивности, их начальные и-образный и у-образный участки, как правило, составляют не менее половины общей длительности дифтонга, подобное количественное соотношение между фазами дифтонгов на месте /ѣ/ и /ѡ/ можно признать характерной чертой архаических южнорусских говоров [Касаткин 1999: 380]; при этом максимум интенсивности приходится на второй элемент звукового комплекса, что и создает его слоговость. Таким образом, в большинстве южнорусских диалектных систем неоднородный гласный, реализующий фонемы /ѣ/ и /ѡ/, характеризуется восходящей силовой структурой, а также сильно-конечным образованием.

Отмеченная архаическая особенность отличается относительной неустойчивостью и принадлежит «к быстро деградирующим чертам русских диалектов» [Высотский 1967: 31]. Во-первых, гласные образования на месте /ѣ/ и /ѡ/ могут иметь не один, а два пика концентрации силы, что характерно для истинных (или равновесных) дифтонгов. Во-вторых, они могут отличаться резким возрастанием интенсивности в начальных сегментах гласного и дальнейшим поддержанием высокого уровня на всем протяжении его звучания, что обычно свойственно аллофонам /е/ и /о/ (см. § 2.4.1). Смена локализации силовой вершины дифтонга обуславливает значительное увеличение фонетической выраженности его первого компонента (см. рис. 2.7, на котором представлены осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $d[’ӣе]d$, записанная в Белгородской обл.).

Нарушение динамической структуры звукового комплекса нередко сочетается с изменением его тембральных свойств, а также модификацией слоговой структуры фонетического слова. Например, истинные дифтонги, репрезентующие фонему /ѡ/, могут иметь в своем составе элементы, которые отличаются друг от друга не уровнем подъема, а степенью продвинутости:

[эо], [эо̄]; эти сложные гласные, как правило, отмечаются в позиции после переднеязычных согласных: *нар*[эо́]д, *пот*[эо́]п, *белгор*[эо́]дская.

Кроме того, истинный дифтонг представляет собой уже не целостный звуковой комплекс, составляющий один слог, а сочетание двух отдельных слоговых гласных. Хиатус, возникший внутри морфемы, в дальнейшем устраняется либо за счет консонантизации первой части дифтонга (*о*[хвó]та, [кво]нь)²¹, либо за счет появления между его частями эпентетического не-слового сегмента. На рис. 2.8 представлена форма *белгор*[эо́]дская с равновесным дифтонгом [эо̄], между двумя частями которого отмечается краткий неопределенный по тембру глайд, отражающий тенденцию к закреплению в этой позиции слоговой границы (см. также рис. 2.17, на котором представлена форма *т*[’у̀вó̄]тку).

2.3.2. Полифтонги

Особенно часто звуковые комплексы, наиболее полно представляющие шкалу последовательной смены ступеней подъема, отмечаются в сильной фразовой позиции: при выделенности слова. Под влиянием ритмико-просодических условий неоднородные гласные на месте /ѣ/ и /ѡ/ получают большее растяжение и становятся полифтонгами типа [иѣѣ] или [уѡѡ], последний наиболее открытый участок которых обычно образуется в зоне средне-нижнего подъема. На рис. 2.9 и 2.10 представлены осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности форм *л*[’иѣѣ]су и *карт*[уѡѡ]шку, записанных в Белгородской и Калужской областях. В первом примере тембр ударного гласного изменяется от *и*-образных к *ѣ*-образным гласным с последовательным понижением подъема и переходом из переднего в передне-

²¹ Аналогичная модель монофтонгизации представлена и в некоторых северных по происхождению украинских говорах Воронежской обл., долгое время развивавшихся в отрыве от материнских диалектов. Формы *Двен* ‘Дон’, *квень* ‘конь’, *звес* ‘снос’, *свель*, *свіль* и *свиль* ‘соль’, *снвеп* ‘сноп’, *ствел* ‘стол’ [Бескровный 1949: 317; Авдева 2012: 194, 195, 215] представляют рефлексы дифтонгов [уѣ], [уи], [уї], широко распространенных в полесских говорах на месте *о в новом закрытом слоге [Бевзенко 1980: 45].

средний ряд (F_1 от 340 до 680 Гц, F_2 от 2700 до 1900 Гц). В последнем примере скольжение тембра происходит от у-образного гласного с сильно выраженной лабиализацией к слаболабиализованному э-образному звуку: подъем понижается, ряд становится более передним (F_1 от 390 до 700 Гц, F_2 от 700 до 1400 Гц).

В некоторых южнорусских говорах происходят еще более значительные тембральные изменения ударных гласных, что также связано со значительным просодическим выделением слова и обычно фиксируется в конце речевого периода в позиции ауслота, а также при изолированном произнесении слова. В этом случае звуковые комплексы, реализующие фонемы / ω / и / ʋ /, могут достигать в завершающей части а-образного тембра иногда с оттенком редукции в последних фазах. На рис. 2.11 и 2.12 представлены осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности форм *ведр*[’иэ́а] и *молок*[уо́а], записанные в Калужской и Белгородской областях. Значение F_1 последней фазы гласного достигает значения 800–900 Гц; при этом а-образная часть произносится с более ослабленной артикуляцией, чем предыдущие э-образный и о-образный сегменты, на которые и приходится силовая вершина соответствующего полифтонга.

Значительное изменение ряда у гласных образований, реализующих фонему / ω /, отмечает в среднерусском окающем говоре с. Пустоша Шатурского р-на Московской обл. А.В. Тер-Аванесова. Она пишет: «Фонема / ʋ о/ представлена восходящими дифтонгами типа [ʋ о] с варьирующейся длительностью у-образного элемента, причем одновременно с понижением подъема к концу звучания происходит также продвижение гласного в средний ряд и даже утрата огубленности, так что “дифтонг” нередко оканчивается звуком типа “шва”: [ʋ оъ]» [Тер-Аванесова 2001: 151].

В южнорусских говорах заметное продвижение по ряду звуковых комплексов, реализующих фонему / ω /, обычно возможно в двух случаях. Во-первых, как результат значительного растяжения гласного под влиянием

фразового контекста, что было описано выше. Во-вторых, как комбинаторное изменение, способствующее приспособлению артикуляции конечного элемента гласного к артикуляции следующего за ним мягкого согласного или [и]. В этом случае последняя фаза полифтонга образуется в зоне среднего, передне-среднего или даже переднего ряда: значение F_2 может достигать 1800–2100 Гц. В качестве примера можно привести следующие формы, записанные в различных архаических системах: *засл*[уоѐ́]нь ‘печная заслонка’, *нак*[уоѐ́]сють, к *Вор*[уоѐ́]нькиным (фамилия), *кол*[уоѐ́]тють, *прих*[уѐ́]дя, *ув*[уоѐ́]дють, *на друг*[уѐ́]й, *сх*[уѐ́]дють и др., последние две формы представлены на графиках 2.13 и 2.14. Наиболее открытые передние гласные в рекурсии полифтонгов на месте /ω/ отмечаются в тех южнорусских системах, где основной аллофон фонемы /о/ локализуется в зоне средне-заднего ряда средне-нижнего подъема и имеет слабую лабиализацию (значение F_1 может достигать 750 Гц, F_2 – 1400 Гц), что характерно, например, для говоров сел Кирейково и Отскочное.

Рис. 2.7. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы д[’иѐ]д (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

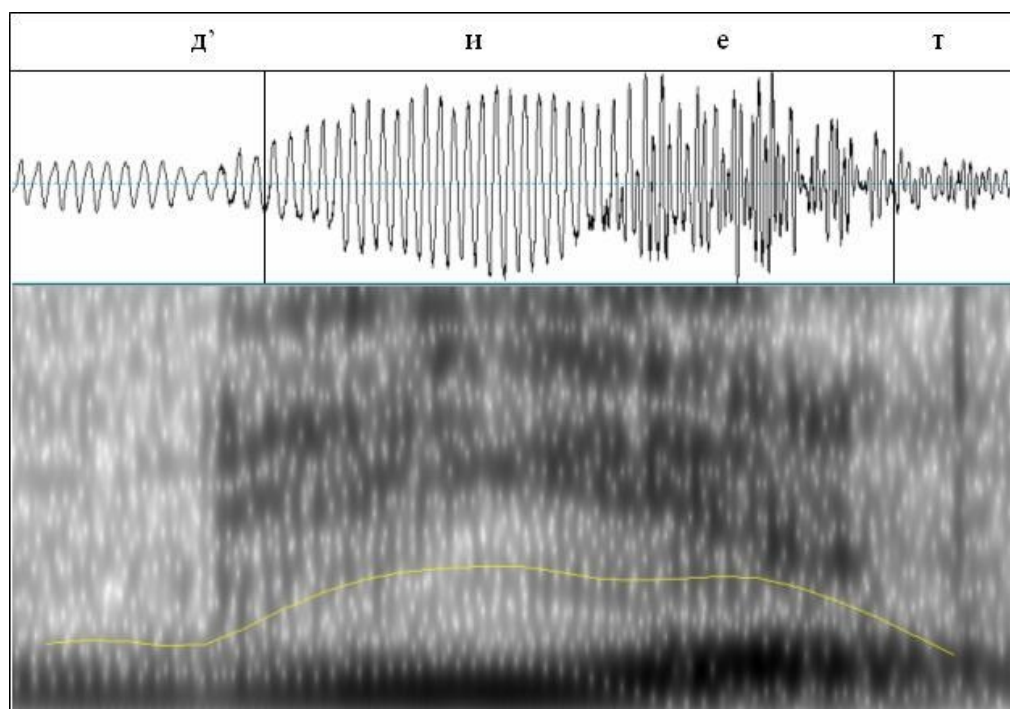

Рис. 2.8. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *белгор[э́о]дская* (с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)

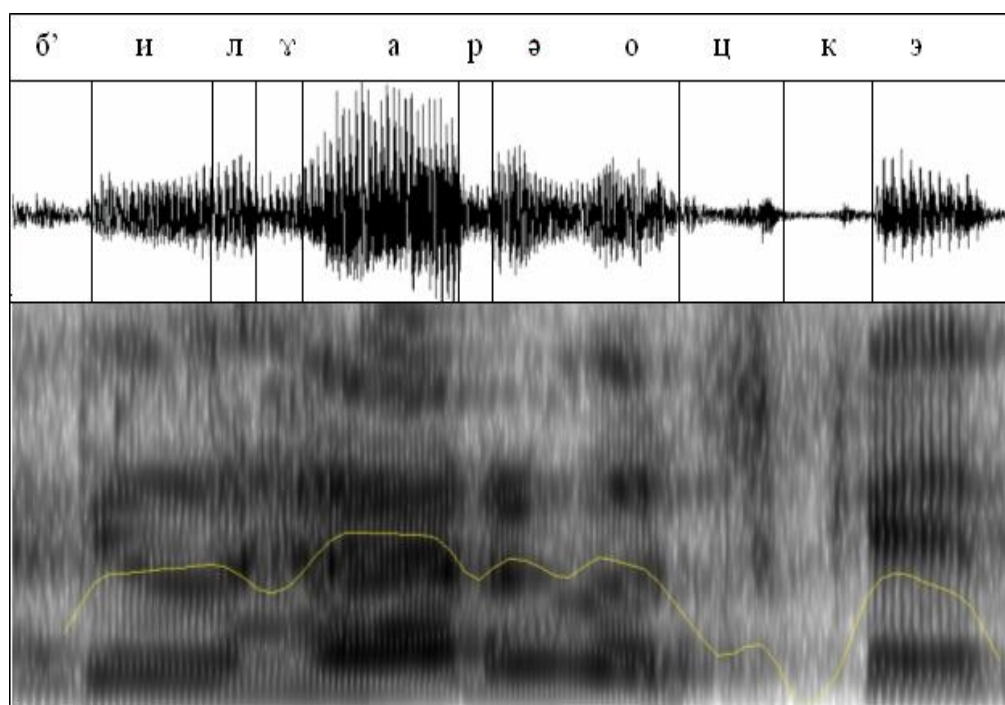

Рис. 2.9. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *л[иёё]су* из фразы: *тут взяли нарубили этого лёсу* (с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)

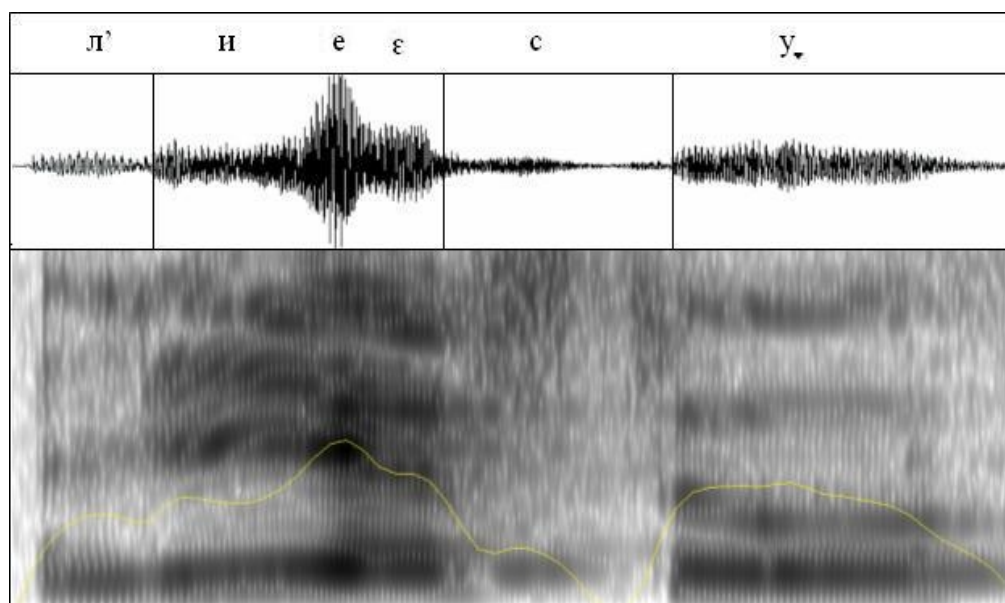

Рис. 2.10. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы карт[уоб̄]ику из фразы: *И тах-то в лагерь возили картбишку, капу́сту, свёклу там ка́кую* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

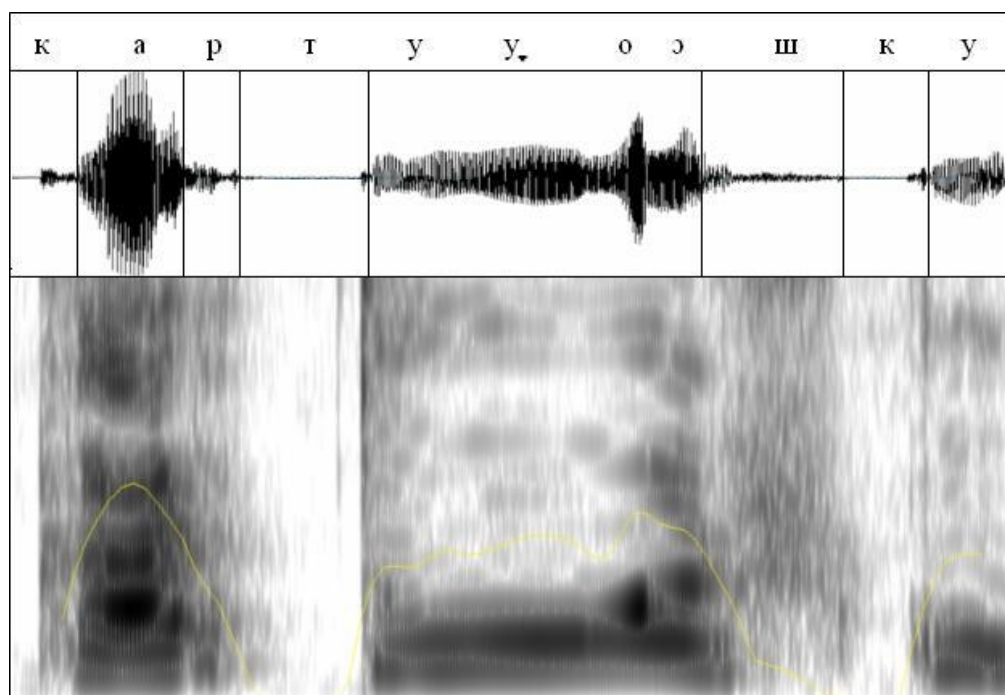

Рис. 2.11. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы ведр[’иѡ́а] – изолированное произнесение (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

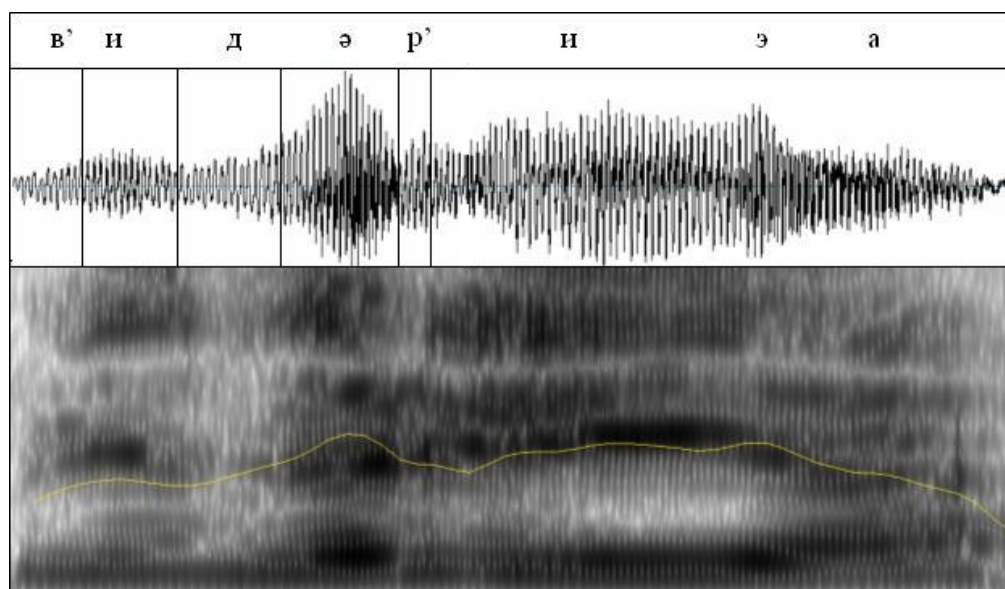

Рис. 2.12. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *молок*[y^oo^a] из фразы: *то – молоко* (с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)

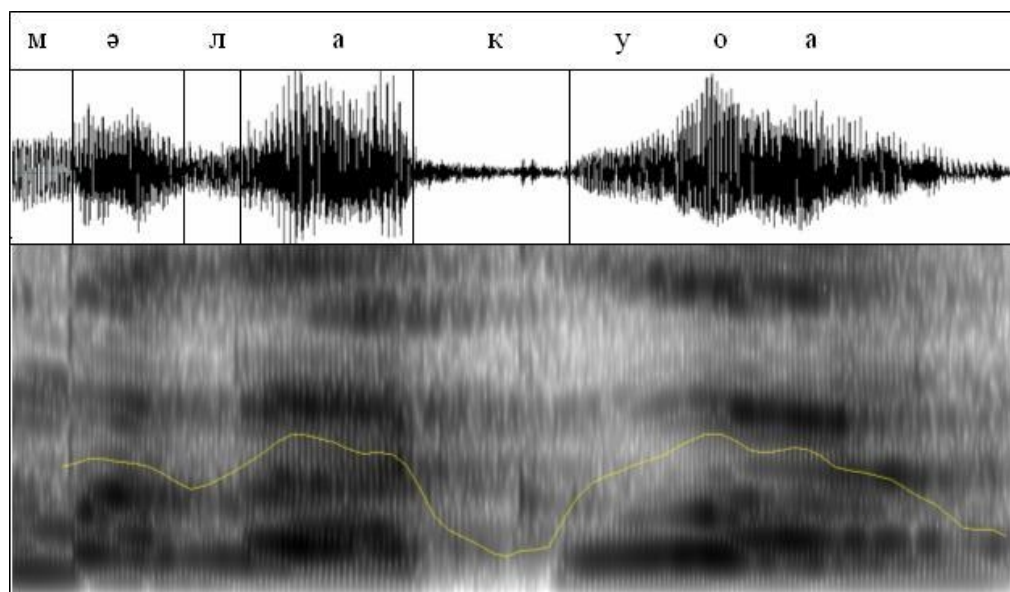

Рис. 2.13. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *на друг*[y^oʁ^æ]и (с. Отскочное Хлевенского р-на Липецкой обл.)

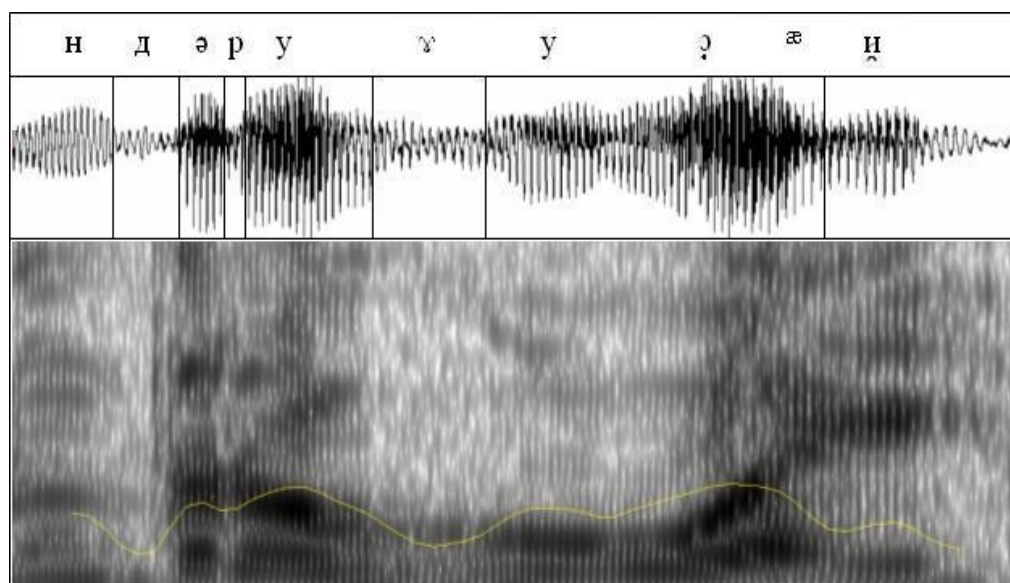
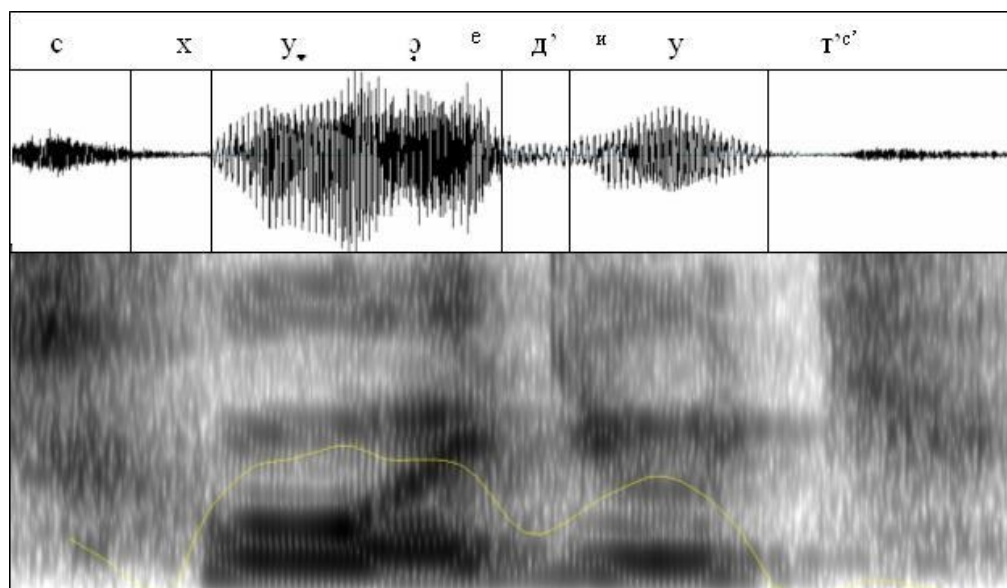

Рис. 2.14. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *сх[уѳѳ]дють* (с. Источное Репьёвского р-на Воронежской обл.)

2.3.3. Дифтонгоиды и монофтонги

Иногда фонемы /ω/ и /ѳ/ реализуются дифтонгоидами [уѳ] и [иѳ] с незначительным изменением тембра: *на бол[уѳ]те, б[уѳ]льше, наг[уѳ]ю, м[уѳ]й, б[иѳ]лим, б[иѳ]гать* и др.; их у-образная и и-образная части обычно не превышают 30 % общей длительности звука, на слух эти гласные воспринимаются как монофтонги верхне-среднего подъема. Подобные дифтонгоиды с неконтрастным противопоставлением частей, одна из которых значительно преобладает над другой, представляют собой переходные звукотипы и появляются в результате постепенной монофтонгизации соответствующих дифтонгов.

Этот процесс протекает с разной степенью интенсивности во многих архаических южнорусских говорах. Практически в любой системе фонемы /ω/ и /ѳ/ могут реализоваться не только дифтонгами, но и различными монофтонгами, особенно часто однородные гласные фиксируются в безакцентных участках высказывания, при отсутствии выделенности слова. Кроме того, гласный, реализующий фонему /ѳ/ между мягкими согласными, имеет тенденцию к повышению уровня образования [Высотский 1977б: 23]; неслучай-

но в некоторых диалектных системах в указанном положении произносится исключительно звук верхне-среднего подъема [e̞], что может быть характерно как для сильной, так и для слабой фразовых позиций.

Последовательное развитие процесса монофтонгизация дифтонгов на месте /ѣ/ и /ѡ/, как правило, приводит к деградации семифонемной системы вокализма. Поскольку фонемы как верхне-среднего, так и среднего подъёмов воплощаются в монофтонгах, их зоны рассеивания значительно сокращаются. Это требует более сильного напряжения речевого аппарата при произнесении соответствующих аллофонов, что входит в противоречие с развивающейся в большинстве южнорусских говоров тенденции к уменьшению напряженности артикуляционной базы [Касаткин 1999: 131–139]. В результате происходит наложение зон рассеивания /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/, то есть начинается постепенный переход к системе вокализма, различающей три степени подъема, что отмечается, например, в уже упоминавшемся говоре Веретья.

Однако даже при наличии в диалектной системе всего пяти гласных фонем, в сильных (чаще – в «гиперсильных»²²) фразовых позициях могут сохраняться следы прежнего распространения семифонемной системы вокализма: произношение на месте этимологических фонем /ѣ/ и /ѡ/ «полноценных» дифтонгов [и̞е̞] и [у̞о̞]. Подобная особенность характерна, например, для курских говоров: по материалам Н.А. Волковой, «дифтонгический след» этимологических фонем верхне-среднего подъема «встречается по всей Курской области довольно часто в широкоупотребительной бытовой лексике <...> преимущественно при эмфатическом произношении»: *рабу́дтэл'и*, *хэрашү́д*, *т'и́жалү́д*, *н'и́ету*, *л'и́етам*, *хл'и́ебэ* и др. [Волкова 2003: 61–67; Волкова, Праведников 1999: 66, 88, 94]. В качестве конкретного примера можно привести говор с. Анненково Фатежского р-на Курской обл., который характеризуется пятифонемной системой вокализма. Однако при эмфазе,

²² Термин Р.Ф. Касаткиной [2013: 22].

а также при удлинении гласного на месте /ѣ/ и /ѡ/ под ударением встречаются дифтонги: *халаднѡа́*, *воѡт*, *с'м'иѣху* [Касаткина (ред.) 1999: 66].

В ряде диалектологических работ утверждается, что для некоторых архаических южнорусских систем в соответствии с фонемами /ѣ/ и /ѡ/ характерно исключительное употребление монофтонгов верхне-среднего подъема [e̞] и [o̞]. Так, Е.С. Клейменова отмечает в говоре с. Кирейково на месте /ѣ/ и /ѡ/ «особые закрытые напряженные звуки [ê] и [ô]», но одновременно пишет о полном отсутствии в этой позиции дифтонга [yô] при единичных случаях появления дифтонга [iê] [Клейменова 1956б: 62, 87]. По данным Ю.Т. Листровой, в говоре с. Отскочное «дифтонгическое произношение *о* и *е* не наблюдается», в редких случаях возможны только закрытые *о* и *е*: *кѡт*, *пѡт*, *сарѡка*, *снѣх*, *пѣт'* и т.д. [Листрова 1952: 8; Листрова 1955: 200].

Диалектный материал, приведенный во второй главе данной работы, опровергает эти категорические утверждения: дифтонги и более сложные звуковые комплексы на месте /ѣ/ и /ѡ/ характерны как для говора с. Кирейково, так и для говора с. Отскочное, см. формы *д[ъ'иѣ]вкиной*, *д[ъ'иѣ]лали*, *за ст[уѡ]л*, *скул[уѡ]*, *карт[уѡѡ]шку*, *на друг[уѡѣ]й*, представленные на рис. 2.2, 2.3, 2.5, 2.6, 2.10, 2.13. Указание на бытование в говоре с семью гласными фонемами (или со следами их бывшего различия) «пар дифтонгов *yô*, *iê* и пар монофтонгов *o̞*, *e̞* более соответствует реальному положению дел, чем категорическое утверждение, что говору свойственно употребление лишь какой-то ограниченной комбинации» [Высотский 1967: 15].

Особо следует остановиться на утверждении З.В. Жуковской о том, что в западных воронежских говорах, характеризующихся пятифонемным составом вокализма со следами различия /ѡ/ и /о/, на месте /ѣ/ совершенно отсутствуют дифтонгические образования (так же как и монофтонг верхне-среднего подъема [e̞]). По ее словам, эти «наблюдения подтверждаются материалами

экспедиции в соседние с Нижнедевицким районы Воронежской обл. – в 30 пунктах записано всего 3 случая с *é* на месте *ѣ*» [Жуковская 1954: 66, 87].

Описанная З.В. Жуковской частная система вокализма выглядит нереальной с точки зрения общих фонетических закономерностей, широко представленных как в других южнорусских говорах, так и в русском литературном языке. Во-первых, процесс нейтрализации /ѣ/ и /е/ обычно развивается за счет распространения на месте обеих фонем неоднородных гласных типа [и^е] и [и^е]. Подобная ситуация отмечена, например, в близкородственных говорах Кондрашовки и Стадницы, где фонемы /ѣ/ и /е/ чаще всего бывают представлены дифтонгами и дифтонгоидами с большей или меньшей степенью закрытости начального элемента гласного [Фомина 1982: 147]. Отсутствие дифтонгических образований при пятифонемном вокализме отмечено на южнорусской территории «лишь в говорах Курской обл., непосредственно соседящих с говорами украинского языка, для которых ровное начало *о*, *е* типично» [Высотский 1967: 24].

Во-вторых, дифтонгоидность реализаций /е/ свойственна и русскому литературному произношению, причем «этот признак считается характерным и относительно доступным для восприятия простым слухом при заострении внимания к оценке качества гласных» [Высотский 1967: 22]. Наконец, дифтонгические реализации /ѣ/ и сегодня широко распространены на территориях, непосредственно граничащих с Нижнедевицким р-ном: в с. Истобное Репьёвского р-на Воронежской обл., в с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.²³, о чем свидетельствуют материалы последних экспедиций. См. рис. 2.15 и 2.16, на которых представлены формы *челов*[’и^е]к и *д*[’и^е]вки, записанные в этих диалектных системах.

Однако не всегда монофтонгизация дифтонгов приводит к утрате оппозиций /ѣ/ ~ /е/, /ѡ/ ~ /о/. Во-первых, зоны рассеивания фонем /ѣ/ и /ѡ/, лока-

²³ До 1928 года это село входило в Нижнедевицкий уезд Воронежской губ., до 1954 года – в Шаталовский р-н Воронежской обл.

лизующиеся в области верхне-среднего или среднего подъемов, могут не смешиваться с зонами рассеивания фонем /e/ и /o/ благодаря общему увеличению артикуляционного пространства. Так, понижение основных реализаций фонем /e/, /o/ и /a/ наблюдается в говоре с. Солдатское и способствует стабильному сохранению здесь семифонемной системы вокализма, а также архаических типов аканья и яканья.

Во-вторых, противопоставление монофтонгов на месте фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ последовательно проводится в тех говорах, которые сохраняют общую напряженную артикуляционную базу. Ранее зависимость между высокой степенью напряженности артикуляции и стабильным сохранением семифонемного вокализма была описана для некоторых севернорусских говоров Вологодской и Кировской областей [Касаткина (ред.) 1991: 210–215]; подобная особенность отмечена также в одном архаическом калужском говоре.

2.3.4. Монофтонги на месте /ѣ/ и /ѡ/ в одном калужском говоре

Е.С. Клейменова, обследовавшая одиннадцать населенных пунктов Ульяновского р-на Калужской обл., писала: «В говорах с. Кирейкова и Верхней Передели обнаружены факты употребления особых закрытых напряженных звуков *ê* и *ô*, преимущественно на месте старых *ѣ* и *о*, исторически находившегося под восходящим ударением» [Клейменова 1956а: 3]. В с. Кирейково автором записаны следующие примеры: *двѡр*, *кѡт*, *балѡта*, *салѡма*, *мнѡуа*, *прѡмалѡл*, *акнѡ*, *ѡблаи*, *у ѡрѡт*, *сл'анѡй старѡх'и*, *с'им'анѡѡ*, *п'арѡ*; *д'ѡла*, *н'ив'ѡста*, *ст'ѡнка*, *ѡхат'*, *ч'ѡлав'ѡк*, *скв'ѡрна*, *р'ѡтка*, *да св'ѡту*, *на м'ит'ѡл'и*, *м'ѡд'и*, *м'ѡс'ицаѡ*, *св'ѡш'ку*, *р'ѡжы* [Клейменова 1956б: 62, 86].

Материал, собранный в 2009 году, свидетельствует о том, что в говоре Кирейкова и сегодня представлена достаточно последовательно выдержанная семифонемная система вокализма. Основными аллофонами фонем верхне-среднего подъема должны быть признаны монофтонги [ɛ̞] для /ѣ/, [ɔ̞] для /ѡ/, эти звуки, наряду с дифтонгами и дифтонгоидами, отмечаются как в сильной, так и слабой фразовой позиции. По данным спектрального анализа, основные

аллофоны соответствующей пары имеют симметричный уровень подъема: среднее значение F_1 у этих гласных составляет 450–560 Гц для [ɔ], 430–540 Гц для [ɛ]. Далее приведены примеры, иллюстрирующие приблизительное количественное соотношение основных звукотипов на месте /ʙ/ и /ω/:

Фонема /ʙ/: *от табл[ʙ'иэ]ток, п[ʙ'иэ]ли, б[ʙ'иэ]лють, нед[ʙ'иэ]ли, тел[ʙ'иэ]ги, кр[ʙ'иэ]пко, л[ʙ'иэ]том-то, л[ʙ'иэ]с, в[ʙ'иэ]с, л[ʙ'иэ]т, оболб[ʙ'иэ]ла (оболбеть ‘остолбенеть’), соб[ʙ'иэ], у Москв[ʙ'иэ], сестр[ʙ'иэ], д[ʙ'иэ]ти, б[ʙ'иэ]лой, понед[ʙ'иэ]льник, по ст[ʙ'иэ]нкам, пов[ʙ'иэ]шать (=повесить), забол[ʙ'иэ]ли, б[ʙ'иэ]лим, б[ʙ'иэ]гать; хл[ʙ'э]ба, хл[ʙ'э]бушка, хл[ʙ'э]бный, по хл[ʙ'э]б, д[ʙ'э]д, м[ʙ'э]ста, сн[ʙ'э]г-то, об в[ʙ'э]тку, не пов[ʙ'э]рите, д[ʙ'э]лать, не зар[ʙ'э]зали, б[ʙ'э]женцы, с[ʙ'э]яли, нас[ʙ'э]яно, отд[ʙ'э]льно, заgn[ʙ'э]тка, жел[ʙ'э]зной, понед[ʙ'э]льник, сос[ʙ'э]дки, д[ʙ'э]тская, с д[ʙ'э]тства, соб[ʙ'э], тар[ʙ'э]лку-ту, челов[ʙ'э]к, совс[ʙ'э]м, везд[ʙ'э], забол[ʙ'э]ла, бол[ʙ'э]ть, за-красн[ʙ'э]лся, Федос[ʙ'э]й, ко мн[ʙ'э], за т[ʙ'э]м, за ч[ʙ'э]м, ц[ʙ'э]лы.*

Фонема /ω/: *нар[ω'о]ду, дом[ω'о]й, прист[ω'о]л, за ст[ω'о]л, бол[ω'о]то, поз[ω'о]ним, пор[ω'о]г, прив[ω'о]дить, кол[ω'о]тють, бычк[ω'о]в, гнезд[ω'о], сел[ω'о], ведр[ω'о], скул[ω'о] (‘часть русской печи’), за скул[ω'о], Из[ω'о]тов, сел[ω'о], карт[ω'о]шку, засл[ω'о]нь (‘печная заслонка’), нак[ω'о]сють, на бол[ω'о]те, до раб[ω'о]ты, б[ω'о]льше, ног[ω'о]ю, у слеп[ω'о]й, год[ω'о]в; к[ω'о]нчил, к[ω'о]сишь, не п[ω'о]мню, не х[ω'о]четь, вор[ω'о]чала, по в[ω'о]семьдесят, Н[ω'о]виков, на лад[ω'о]нь, перев[ω'о]дчик, на перев[ω'о]дке, позв[ω'о]ним, окол[ω'о]тках, пароб[ω'о]з (=паровоз), раб[ω'о]ты, прораб[ω'о]тал, раб[ω'о]тала, за ст[ω'о]л, на дв[ω'о]р, кор[ω'о]вам, хор[ω'о]шие, похор[ω'о]нен, помол[ω'о]же, под[ω'о]ить, стан[ω'о]вють, т[ω'о]лько, ск[ω'о]лько, об[ω'о]рками, лут[ω'о]шки (‘куски*

липовой коры, лыка'), *кот[ǫ]рая, познак[ǫ]мила, немн[ǫ]жко, бит[ǫ]ны, шт[ǫ]ры, зак[ǫ]нных,дох[ǫ]ды, колх[ǫ]зу, шк[ǫ]лы, ваг[ǫ]н, не вопр[ǫ]с, молокозав[ǫ]т, маслоб[ǫ]йку, Ант[ǫ]н, Ег[ǫ]рий, Ег[ǫ]р, пот[ǫ]м, ел[ǫ]вых, Ел[ǫ]вка* (улица в Кирейкове), *из Поздняк[ǫ]вой* (название деревни), *в Поздняк[ǫ]вой, в конак[ǫ]вском, скол[ǫ]ла, дом[ǫ]й, зим[ǫ]й, весн[ǫ]й, по как[ǫ]й-то, у так[ǫ]й-то, у как[ǫ]й-нибудь, тяжел[ǫ], дамн[ǫ], большинств[ǫ], жерел[ǫ]* ('переднее отверстие печи'), *ведр[ǫ], бревн[ǫ], добр[ǫ], час[ǫ]в, цвет[ǫ]в, год[ǫ]в, шест[ǫ]го, друг[ǫ]е.*

Результаты сравнения современных данных с материалами Е.С. Клейменовой свидетельствуют о том, процесс монофтонгизации дифтонгов, реализующих /ѣ/ и /ѡ/, протекает в говоре Кирейкова на протяжении длительного времени, однако он не приводит к общей деградации семифонемной системы вокализма. Этот факт обусловлен одной отличительной особенностью говора: наличием более напряженной артикуляционной базы, что проявляется в некоторых звеньях местной фонетической системы. Во-первых, здесь функционируют апикальные переднеязычные согласные *т, д, н, л*, которым свойственна бóльшая напряженность, чем дорсальным [Кузнецова 1969: 59–60; Касаткин 1999: 136–137]. И хотя сегодня в речи жителей Кирейкова отмечаются лишь следы апикальной артикуляции переднеязычных (более последовательно – у представителей старшей возрастной группы), очевидно, что еще в недалеком прошлом апикальные согласные были широко распространены в местных говорах (Е.С. Клейменова обратила внимание на существование *л*-среднего [Клейменова 1956а: 9]).

Во-вторых, с высокой степенью напряженности произносятся глухие согласные: **а)** заднеязычный взрывной согласный *к*, что приводит к его спирализации: *к^хǫс'им, пэлэtk^х'ú* (=платки), *з^əа кǫ̀эк^хǫ̀ǫ̀ǫ̀, влстǫк^х'иeǫ̀, кǫ̀eз'ǫ̀eл'ск^х, пǫ̀тǫ̀ллуǫ̀бǫ̀ж^х*; **б)** некоторые другие взрывные согласные на конце

слова (на это указывает появление гласного пазвука или придыхания): *пэт*²⁴, *малақзава́рт*²⁴, *пра́йдбо́ут*²⁴, *н'и ч'ис'т'ит'*^ε, *нэкрэва́йўт*²⁴, *вот*^h;
в) переднеязычный фрикативный *s*, что иногда приводит к его аффрикатизации: *цаб'и́е*, *ц вараб'јо́нк'и*, *цва́д'ба*²⁴. Кроме того, повышение интенсивности и напряжения некоторых звонких согласных в анлауте приводит к их оглушению перед гласными или сонорными: *с тл'инэм'и*, *сна́ши*, *тэ́н'ишк'и* (=денежки), *хóрлушкэ* и др.

Наконец, при значительной степени напряжения произносятся и гласные, что отмечается не только в слоге под ударением, но также в 1-м предударном и в заударном конечном слогах (см. § 1.3.2). В частности, об этом свидетельствует появление в описанных позициях неоднородных звуков: долгих двуморных гласных, а также дифтонгов и полифтонгов, произношение которых «требует более сложной работы артикулирующих органов, чем произношение монофтонгов за то же время» [Касаткин 1999: 135]. Как известно, расщепление «напряженных гласных на два компонента является типичным источником дифтонгов» [Кодзасов, Кривнова 2001: 430].

Сохранению последовательного противопоставления фонем /ʙ/ ~ /e/ и /ω/ ~ /o/ в местном говоре также способствуют, во-первых, наличие звуко-типов [ε] и [ɔ] на месте /e/ и /o/, что поддерживает значительный контраст между гласными 2-й и 3-й ступеней подъема, во-вторых, сочетаемость фонем /ʙ/ и /e/ с согласными различного фонологического качества: /Cʙ/ и /Ce/ (подробнее см. § 2.4.6).

2.3.5. Фонема /ω/ после мягких согласных

Фонема /ω/ может употребляться не только после твердых, но и после мягких согласных, а также после отвердевших шипящих. Эти случаи, как правило, отмечаются в суффиксах и флексиях и «могут быть объяснены как явившиеся по аналогии»: *плеч'о́*, *бель'јо́* (как *сел'о́*), *горяч'о́*, *хорош'о́*

²⁴ Эти формы можно рассматривать и как гиперкорректные, появившиеся в результате отхода от соканья.

(как *тепл/ѡ/*)²⁵, *Селезн/ѡ/в*, *Вороб/ѡ/в* (как *Петр/ѡ/в*), *земл/ѡ/ѣ*, *семь/ѡ/ѣ* (как *сестр/ѡ/ѣ*), *на ч/ѡ/м* (как *на т/ѡ/м*) и т.д. [Васильев 1929: 23; Аванесов 1949: 54]. Эта особенность не ограничивается только суффиксами и окончаниями, а распространяется также и на некоторые корни: *т/ѡ/тка*, *т/ѡ/пло*, *б/ѡ/рдо*. Первые две формы широко распространены не только в южнорусских (калужских, рязанских, липецких, воронежских, тамбовских), но и в севернорусских говорах, см. [Шахматов 1964 (1912): 117; Гецова 1959: 107; Касаткина (ред.) 1999: 165; Касаткин 1999: 368; Тер-Аванесова 2008: 84²⁶]. Форма *б/ѡ/рдо* (бёрдо) зафиксирована только в говоре с. Кирейково и не подтверждается другими диалектными материалами.

Вопрос о вариациях дифтонга [y̯o], обусловленных мягкостью предшествующего согласного, по словам С.С. Высотского, остается одним из самых малоработанных [Высотский 1967: 26]. В южнорусских говорах /ѡ/ после мягких согласных так же, как и после твердых, реализуется восходящим дифтонгом (или полифтонгом), но в отличие от «классического вида» имеет в экскурсии короткую переходную фазу с тембром переднего гласного, за которым сначала следует упрежденная *y̯*-образная часть с низким уровнем лабиализации ($F_2=1200-1400$ Гц), а затем *o*-образная часть, образующаяся в зоне среднего или средне-нижнего подъема (типа [и̯y̯o] или [и̯y̯o]). На рис. 2.17 и 2.18 представлены осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности форм *т[’y̯wob̂]тку* и *плеч[’y̯ob̂]*, записанных в Липецкой и Калужской областях. Разложение сложного гласного образования на два слога, отмеченное в первом примере, свидетельствует о динамике местной диалектной системы: о постепенной монофтонгизации дифтонгов, что напрямую связано с развитием в говорах липецко-воронежского ареала нейтрализации

²⁵ Форма *вс/ѡ/*, возможно, также появилась под влиянием подобных примеров с /ѡ/ в ауслауте. С.В. Бромлей считает, что источником аналогии в данном случае стало произношение *т[ѡ]* [Бромлей 1949: 42]. Однако наличие фонемы /ѡ/ в местоимении *то* характерно далеко не для всех русских говоров, по мнению Л.Л. Васильева, «форма *tō* новее формы *to*» [Васильев 1929: 128].

²⁶ По мнению А.В. Тер-Аванесовой, появление /ѡ/ на месте **e* в форме *т/ѡ/тка* объясняется «влиянием типа *вѡдка*».

фонем /ω/ и /o/ (см. § 2.2.1). Важно отметить, что в говоре представлена особая модель монофтонгизации, не зависящая от влияния литературного языка, см. [Касаткина 2009: 109].

Описанная особенность, то есть наличие после мягких согласных на месте /ω/ гласных образований, адекватных по уровням подъема соответствующим звукотипам после парных твердых согласных, характерна далеко не для всех архаических южнорусских систем. Например, в с. Веретье после мягких согласных как соответствии с /ω/, так и в соответствии с /o/ фиксируется гласный среднего подъема [’o] с небольшим *и*-образным начальным элементом, что свойственно и литературному языку [Аванесов 1956: 101]. Наличие этого единого звукотипа в позиции после мягких согласных указывает на общую низкую значимость в местном говоре фонологической оппозиции /ω/ ~ /o/. По данным К.В. Горшковой, фонемы /ѣ/ и /ω/ дольше сохраняются в тех говорах, где «в результате морфологических процессов возникает сочетание “мягкий согласный + /ô/” – /с’ô/, устанавливается фонологическое противопоставление /ô/ – /ê/ с ДП “лабиализованность-нелабиализованность”» [Горшкова 1972: 116].

2.3.6. Фонема /ѣ/ после твердых согласных

Употребление особых реализаций /ѣ/ после твердых согласных обычно представлено либо во флексиях типа *на концѣ/ѣ/*, *при отцѣ/ѣ/*, *в шалашѣ/ѣ/*, *в души/ѣ/*²⁷, либо в корнях: *цѣ/ѣ/лый*, *цѣ/ѣ/вка*, *цѣ/ѣ/п*, *цѣ/ѣ/ны*. В некоторых южнорусских говорах с семифонемной системой вокализма в этой позиции произносятся различные дифтонги (и более сложные гласные образования), а также монофтонги верхне-среднего подъема, несколько отодвинутые в сторону передне-среднего ряда: *ц[ѣѣ]лый*, *ц[ѣѣ]п*, *ц[ѣѣ]вку*, *ц[ѣѣ]вка*, *ц[ѣѣ]лы* и др. (форма *ц[ѣѣ]вку* и *ц[ѣѣ]вка*, записанные в Рязанской и Калужской областях, представлены на рис. 2.19 и 2.20).

²⁷ Кроме тех говоров, в которых распространены формы типа *на концѣ[ѣ]*, *при отцѣ[ѣ]*, *в шалашѣ[ѣ]*, *в души[ѣ]*, *на концѣ[ѣ]*, *при отцѣ[ѣ]* и т.д. [ДАРЯ 1989: карта 20; Букринская 1983: 89–91; Обнорский 1927: 292–293].

Наличие особых аллофонов фонемы /ѣ/ после отвердевших шипящих и [ц], отличающихся от аллофонов /е/ (*ц[бѣ]вка*, но *ц[ѣ]рка*), можно признать архаической диалектной чертой, которая исключительно важна для фонологической интерпретации звукотипов на месте исконных *ѣ и *е. Различение этих гласных в положении после согласных, внепарных по твердости/мягкости, «позволяет говорить о противопоставлении в говорах <ѣ> и <е>» [Касаткин 1999: 396; Высотский 1967: 52].

Однако во многих южнорусских говорах, сохраняющих особые реализации фонем верхне-среднего и среднего подъемов, в положении после отвердевших согласных происходит совпадение /ѣ/ и /е/ в монофтонге типа [э] или [ѣ]. Подобная особенность характерна для липецко-воронежского диалектного ареала. Например, в селах Стадница и Кондрашовка в этой позиции встречается однородный гласный «средненижнего подъема [ѣ] с макс. F₁ – 640 гц <...> (*цех, ц'ен, жеч'*)» [Фомина 1982: 147]. Монофтонг [э] на месте /ѣ/ отмечен и в с. Верхняя Колыбелка Хлевенского р-на Липецкой обл.: *цэвка* [Касаткина (ред.) 1999: 125].

Рис. 2.15. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *челов[’иѐ]к* (с. Истобное Репьёвского р-на Воронежской обл.)

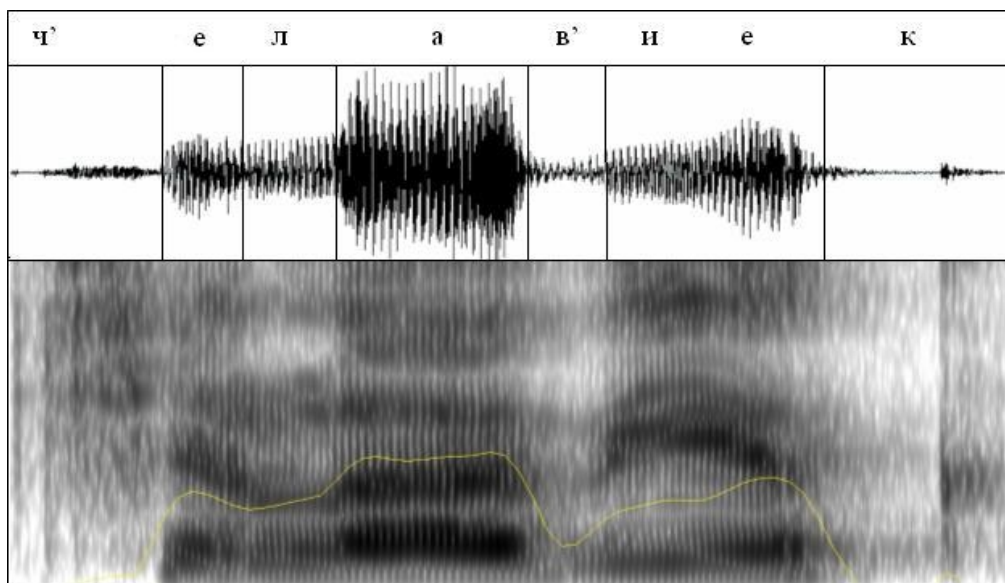

Рис. 2.16. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *д[’иѐ]вки* (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

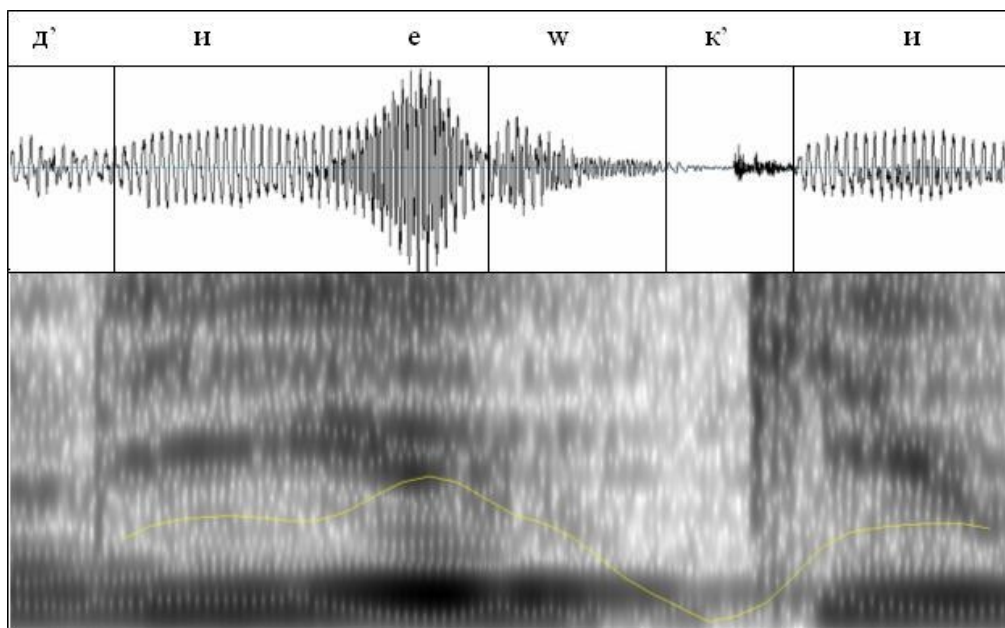

Рис. 2.17. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $m[\text{'ywo}\acute{o}]mky$ (с. Отскочное Хлевенского р-на Липецкой обл.)

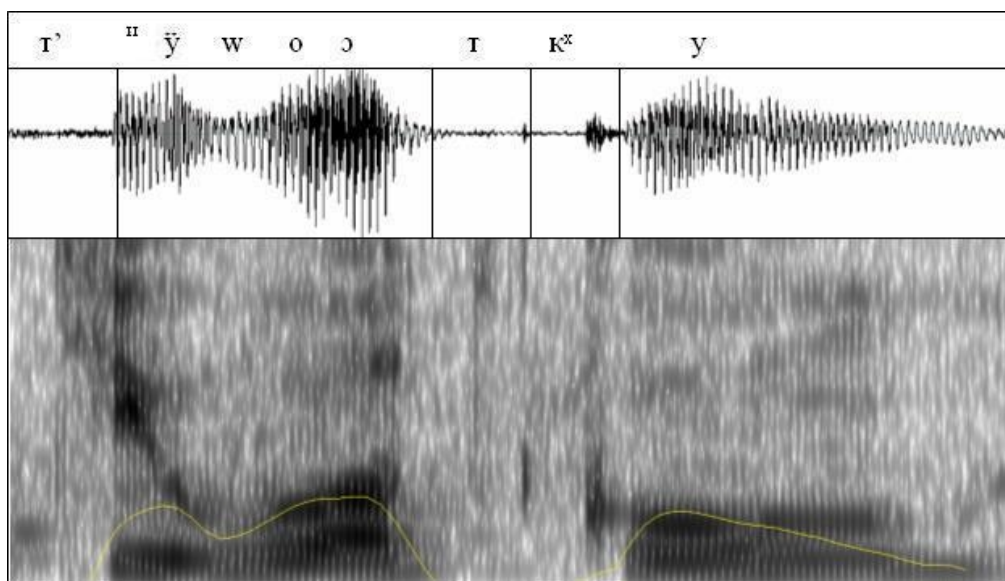

Рис. 2.18. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $плеч[\text{'y}\acute{o}\acute{o}]$ (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

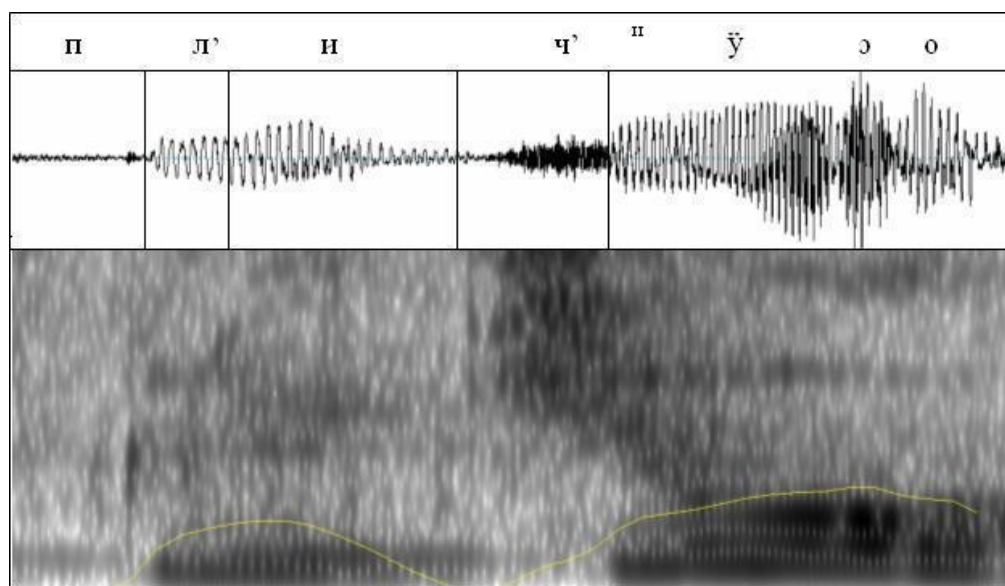

Рис. 2.19. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $ц[\underline{ь}\underline{ѐ}']вк\bar{у}$ (с. Новосёлки Рыбновского р-на Рязанской обл.)

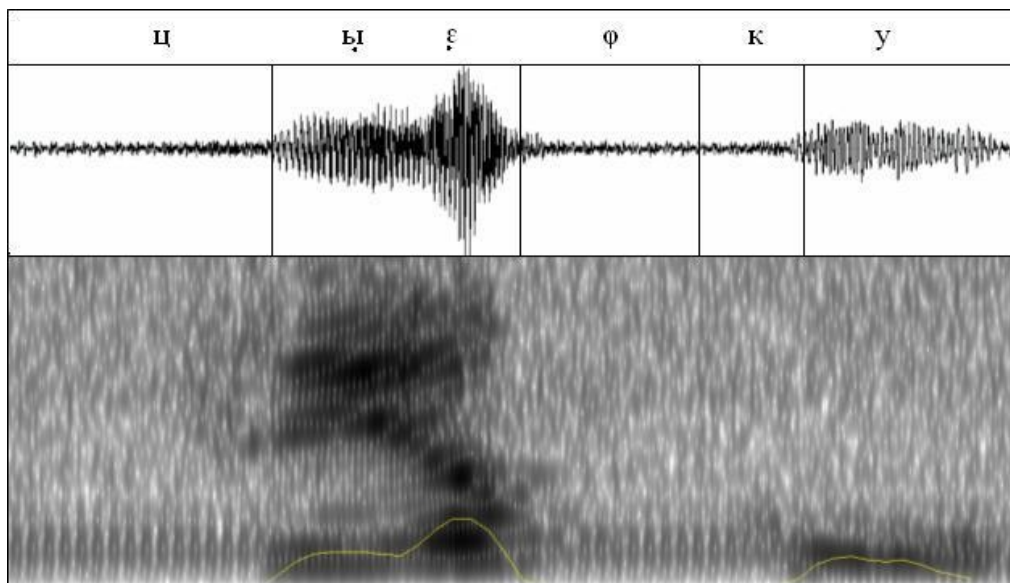
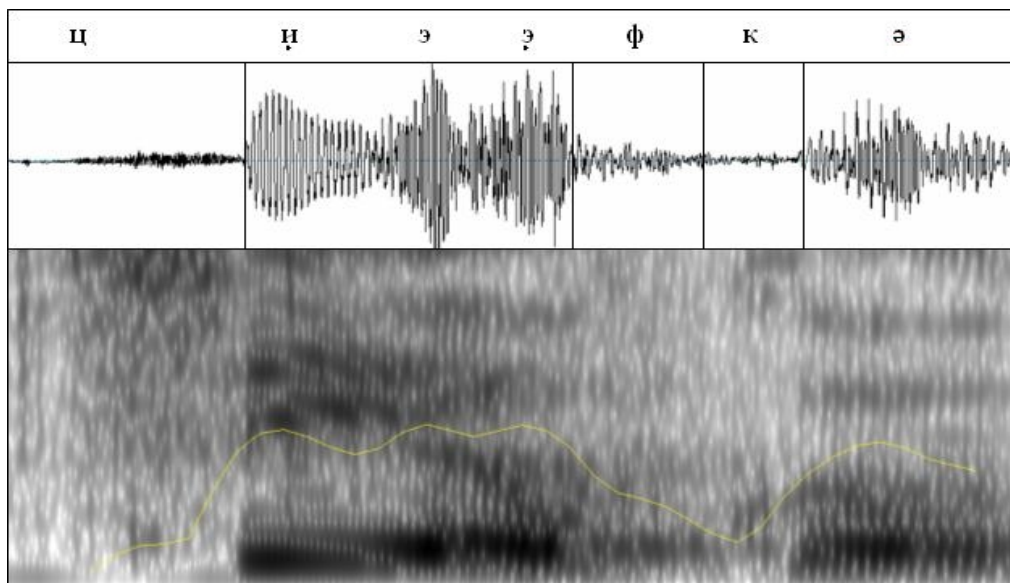

Рис. 2.20. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $ц[\underline{и}\underline{э}']вк\bar{а}$ (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

2.3.7. Дифтонг [оу] в соответствии с фонемой /ω/

В исследованиях некоторых диалектологов содержится указание на то, что фонема /ω/ в ряде южнорусских систем может реализовываться не только восходящими дифтонгами типа [уо], но и нисходящими дифтонгами типа [оу]. Например, З.В. Жуковская приводит следующие примеры, записанные в нижнедевицких говорах: *ноу́жык*, *коу́жын*, *скоу́л' на́да*, *поу́т* ('часть печи'), *т'оу́тка* [Жуковская 1954: 65]. Е.С. Клейменова зафиксировала в говорах Кирейкова и Верхней Передели Ульяновского р-на Калужской обл. формы: *удоу́бна*, *дароу́га*, *хвоу́с* [Клейменова 1956: 63].

Инструментальный анализ дифтонгов, реализующих /ω/ в южнорусских говорах различной локализации, противоречит наблюдениям упомянутых выше авторов: эта фонема всегда представлена открывающимися звуковыми комплексами (дифтонгами и полифтонгами) с восходящей силой звука. Пик интенсивности этих дифтонгических образований никогда не соприкасается с их абсолютной границей, однако последняя фаза гласного произносится со значительно ослабленной артикуляцией [Высотский 1967: 29] и обычно образуется на том же или более низком уровне подъема, что и его слоговая часть. Изредка в позиции ауслаута или перед губным согласным возможно некоторое повышение подъема гласного в рекурсии, однако оно незначительно и практически не воспринимается на слух.

Кроме того, перед аллофонами фонемы /ω/ произносятся согласные со значительной степенью лабиализации, что особенно заметно у губных и заднеязычных согласных: *к^оу́от*, но *к^озы*, *раб^оу́ты*, но *бэх* и т.д., см. [Высотский 1949: 11–12]. Подобная сочетаемость, как правило, способствует восприятию гласного образования на месте /ω/ как дифтонга [уо] при возможной незначительной у-образной фазе в его экскурсии. Описанная ситуация характерна, например, для говора с. Солдатское, где перед гласным [о], реализующим в большинстве случаев фонему /ω/, произносится сильно лабиализован-

ный согласный, что создает на перцептивном уровне отсутствие контраста между этим монофтонгом и дифтонгическими образованиями типа $[\widehat{y\omicron}]$ на месте $/\omega/$, но противопоставляет эти гласные аллофонам фонемы $/o/$.

Очевидно, что говоры, для которых характерен дифтонгический переход между гласным и согласным типа $C^o\widehat{y\omicron}$, представляют собой более архаичные системы по сравнению с теми, в которых дифтонгический переход выражен слабее, а тембровая окраска первых фаз гласного создается исключительно за счет сильной лабиализации предшествующего согласного: C^o ; это же верно и относительно пары $C'\widehat{ie}$ и $C'e$. Очевидно, что изменение $C^o\widehat{y\omicron} \rightarrow C^oo$ и $C'\widehat{ie} \rightarrow C'e$ демонстрирует переход от силлабем, то есть нерасчлененных сочетаний согласного с последующим гласным, к отдельным фонологическим единицам, составляющим слог, где определяющую роль играют консонантные элементы. Как известно, силлабемы представляют переходное состояние фонетической системы от вокалической к консонантной [Аванесов 1974: 243–251].

2.3.8. Соотношение основных реализаций $/\text{ʲ}/$ и $/\omega/$

Фонетическая структура основных дифтонгических реализаций фонем $/\text{ʲ}/$ и $/\omega/$ обнаруживает полный параллелизм как в тембральных характеристиках их частей (при возможной несимметричности последних фаз, что было описано выше), так и в структуре распределения силы звука; подобное соотношение основных аллофонов $/\text{ʲ}/$ и $/\omega/$ характерно и для некоторых архаичных севернорусских говоров [Пауфошима 1965: 9; Высотский 1967: 31]. Таким образом, скольжение тембра от верхнего к среднему подъему (с постепенным нарастанием интенсивности) может быть признано конститутивным признаком фонем $/\text{ʲ}/$ и $/\omega/$.

Фонемы $/\text{ʲ}/$ и $/\omega/$ отличаются от соответствующей пары $/e/$ и $/o/$ не только дифтонгичностью или уровнем подъема своих основных аллофонов, но и качеством предшествующего согласного: перед различными реализациями фонемы $/\text{ʲ}/$ обычно произносятся мягкие согласные, перед реализа-

циями /e/ – твердые согласные или согласные с более слабой степенью смягчения; перед реализациями /ω/ – сильно лабиализованные согласные, перед /o/ – согласные с низкой степенью лабиализации.

Подобный параллелизм отношений между аллофонами /ѣ/ и /ω/ существует в говорах с последовательно проведенным семифонемным вокализмом (при отсутствии тенденции к разрушению системы дифтонгов), о чем свидетельствует симметричное распределение их вариантов. Например, в говоре с. Татарино Каменского р-на Воронежской обл. дифтонг [иѣ] в соответствии с /ѣ/ отмечается в 76 % случаев, [уо] на месте /ω/ – в 72 % случаев, такая же картина характерна и для говора Истобного Репьёвского р-на Воронежской обл. (71 % и 72 % соответственно).

Тенденция к монофтонгизации в первую очередь затрагивает дифтонгические образования на месте /ω/, и лишь во вторую – на месте /ѣ/. Постепенное развитие этого процесса приводит к появлению ассиметричных систем вокализма, которые характеризуются статистически значимым преобладанием дифтонгов типа [иѣ] над дифтонгами типа [уо]. Так, в с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл. звукотип [иѣ] фиксируется в 68 % случаев, тогда как [уо] – только в 39 %, то есть практически в два раза реже, что указывает на деградацию архаической системы вокализма [Дьяченко 2012: 37].

2.4. Качественная характеристика аллофонов /e/ и /o/ в южнорусских говорах

2.4.1. Монофтонги [e] и [ɔ]

В отличие от /ѣ/ и /ω/, фонемы /o/ и /e/ в южнорусских архаических говорах не имеют обобщенного звукотипа определенной структуры и могут реализовываться целым спектром различных гласных: как монофтонгов, так и более сложных образований, локализующихся в зонах верхнего, верхне-

среднего, среднего и средне-нижнего подъемов. Аллофоны этих фонем обладают одной характерной особенностью, связанной с их динамической структурой: все они отличаются резким возрастанием интенсивности в начальных фазах гласного и максимальной концентрацией энергии в его центральной части. Как правило, у этих гласных образований отсутствуют начальные переходные элементы, в результате чего характерный тембр звукотипа, реализующего фонемы /e/ и /o/, достигается в его первых же сегментах. Кроме того, аллофоны /e/ и /o/ имеют слабую степень аккомодации с предшествующим согласным, что также обуславливает специфику их звучания.

Самыми распространенными аллофонами /e/ и /o/ в южнорусских говорах следует признать гласные [e] и [ɔ]. Такое широкое распространение систем с несимметричным уровнем подъема гласных на месте фонем /e/ и /o/, возможно, обусловлено следующей особенностью: при наличии «одинакового числа фонем в передней и задней сериях зоны безопасности оказываются уже в задней области, чем в передней, и этим частично объясняются различия в поведении этих двух серий» [Мартине 1960: 132], см. также [Журавлев 1963: 17].

Как уже отмечалось выше, звукотип [ɔ] выявляется далеко не во всех материалах, собранных в середине XX в. при подготовке ДАРЯ. Как писал С.С. Высотский, массовый собиратель в большинстве случаев просто «забыл проверить звучания других лексико-морфологических примеров, где согласнo истории языка можно было бы встретить [q] (o открытое), заметно отличающееся от [o] литературного языка» [Высотский 1975: 4]. Впрочем, этот звукотип не был выявлен и интерпретирован как значимая структурная единица в работах и более опытных диалектологов (см. уже упоминавшиеся диссертации З.В. Жуковской [1954], Е.С. Клейменовой [1956], Ю.Т. Листровой [1953] и некоторых других). Это связано с тем, что качество звуков речи, подвергавшихся затем фонологической интерпретации, определялось этими исследователями только на основании слуховой оценки диалектного произношения, без возможности его многократного воспроизведения и проверки

слуховых образов с помощью инструментального анализа (это не позволило выявить в архаических южнорусских говорах также ряда других важных черт, например, архаического типа аканья).

Необходимо иметь в виду, что носителями литературного языка произношение [ɔ] не воспринимается как яркая диалектная черта: этот гласный «идентифицируется с [o] в отличие от [ɔ], воспринимаемого преимущественно как [y]» [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 24].

2.4.2. Монофтонги [ɛ] и [o]

В ряде исследований, затрагивающих синхронические и диахронические аспекты фонологии, констатируется синхронность изменений соответствующей пары гласных /ɤ/ и /ω/, /e/ и /o/: «Отметим, что территорию распространения [ɛ] в восточнорусских говорах можно примерно представить <...> по ареалам произношения открытого o во всех позициях, – на основании имеющегося по крайней мере в части этих говоров параллелизма развития гласных среднего подъема» [Гер-Аванесова 2006: 51]. Данные современных говоров различной локализации свидетельствуют о некорректности подобных высказываний: наличие определенного звукотипа на месте /o/ вовсе не свидетельствует о наличии звукотипа переднего ряда, адекватного первому по уровню подъема. Кроме того, гласные [ɛ] и [ɔ], локализующиеся на симметричном уровне подъема, могут иметь разную статистическую значимость в рамках общей системы вокализма.

В некоторых говорах с последовательно сохраняющимся семифонемным вокализмом действительно проявляется тенденция к симметричности отношений между гласными 2-го уровня подъема. Она развивается в двух направлениях. Во-первых, геометризация может быть достигнута за счет последовательного перехода основного звукотипа, реализующего фонему /o/, в зону среднего подъема, что отмечено в говоре с. Татарино (четвертый тип состава гласных, схема 2.8). Звукотип [ɔ] сохраняется здесь как реликт и фик-

сируется в единичных примерах: *г[ɔ́]да, т[ɔ́]нко*, на месте /e/ в 41 % употреблений также отмечается гласный среднего подъема [e], то есть происходит частичная синхронизация отношений между членами соответствующей пары.

Во-вторых, тенденция к симметричности отношений может приводить к появлению на месте фонемы /e/ гласных средне-нижнего подъема, что характерно, например, для говора села Солдатского (второй тип состава гласных, схема 2.6). Приблизительно в 8 % случаев в соответствии с фонемой /e/ здесь произносится гласный [ɛ]: *з[ʹɛ́]ркала, возм[ʹɛ́]мся*. Разумеется, распространение гласного средне-нижнего подъема в соответствии с /e/ происходит не сразу: этот звукотип постепенно вытесняет все остальные возможные реализации этой фонемы (дифтонг [eɪ], монофтонги [e], [ɛ], [ɨ]) и некоторое время находится с ними в отношении свободного варьирования.

Переход от восходящего дифтонга [eɪ] к монофтонгу [ɛ] происходит в результате понижения подъема обеих частей дифтонга до [e̞e̞] и его последующей монофтонгизации: *в[e̞e̞]чер → в[e̞e̞]чер → в[e̞e̞]чер → в[e̞e̞]чер → в[ɛ́]чер*. Наиболее последовательно эта тенденция проведена в говоре села Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл., вокалическая система которого представляет отдельный, пятый тип состава гласных при семифонемном вокализме (схема 2.10). Здесь монофтонги соответствующей пары имеют симметричный уровень подъема: среднее значение F_1 у гласных средне-нижнего подъема – 580–740 Гц для [ɔ] и 580–770 Гц для [ɛ] и его более открытого варианта [æ].

2.4.3. Монофтонг [ɛ]

В ряде говоров основной реализацией фонемы /e/ становятся гласные верхне-среднего или даже пониженно-верхнего подъема. Например, в с. Татарино в 59 % случаев в соответствии с /e/ произносятся гласные [ɛ] и [ɨ], они характерны для сильной и слабой фразовых позиций и употребляются как

перед следующими мягкими, так и перед твердыми согласными, а также на конце слова: *пл[’ѐ]сть, в[’ѐ]чером, ч[’ѐ]шем, нь[’ѐ]те, хм[’ѐ]лю, зов[’ѐ]м, натр[’ѐ]шь, спек[’ѐ]шь; у дер[’ѝ]вьях, пл[’ѝ]сть, из ов[’ѝ]чьей* и др.

Наличие того или иного звукотипа, реализующего /e/, а также тенденции развития частной системы гласных напрямую обусловлены особенностями артикуляционной базы говора. Так, для диалектной системы с. Татарино свойственна более передняя артикуляция ударных гласных; в результате чего «аллофоны фонем /и/ и /е/ продвигаются вперед и вверх, зона их пересечения становится больше» [Дьяченко 2011: 65]. Видимо, этой особенностью обусловлен переход в зону среднего подъема и основного аллофона фонемы /o/ – общее упреждение артикуляционной базы гласных способствует увеличению зоны безопасности между /o/ и /ω/ (см. цитату А. Мартине, приведенную на с. 141).

Несмотря на формальное совпадение в ряде случаев фонем /ѣ/ и /е/ в звуке [ѐ], отмеченное в говоре с. Татарино, их нейтрализации не происходит. На месте /ѣ/ монофтонг верхне-среднего подъема появляется только при отсутствии выделенности слова, в «теневом контексте», тогда как на месте /е/ он произносится в сильной фразовой позиции, а также при нейтральном произнесении слова. Это различие выражается в более напряженной артикуляции звука [ѐ], а также в его повышенной длительности и интенсивности на месте /е/.

Появление гласных верхнего подъема на месте /е/ разного происхождения перед мягкими согласными широко отмечается в среднерусских говорах Московской, Тверской, Владимирской, Ульяновской областей, а также республики Татарстан [Копорский 1945: 13–14; Высотский 1949: 18; Булатова 1949: 80; Алексеев 1954: 62; Антонова 1974: 28–29]. С.А. Копорский и В.Н. Сидоров считают, что эта специфическая языковая черта образовалась в результате взаимодействия говоров. Одна диалектная система имела на месте ударного ѣ перед мягкими согласными гласный [и], другая – гласный [е]

(так же как и на месте *e*). Контактное влияние этих говоров привело к тому, что [и] распространился «на всякое *e* в положение между мягкими согласными» [Копорский 1945: 13–14; Сидоров 1966: 93–95].

Однако Р.Д. Антонова, исследовавшая инструментально-фонетическими методами владимирско-поволжский тип вокализма д. Белой Зеленодольского р-на Татарстана, показала, что возникновение этой диалектной особенности имеет сугубо фонетическое объяснение. По сравнению с литературным языком, а также многими другими диалектными системами говору д. Белой присуща более передняя артикуляция ударных гласных, которые «могут быть охарактеризованы как выдвинутые в пределах того же самого ряда». Произношение [и] на месте /*e*/ между мягкими согласными «связано с упрежденным характером ударного [е] в говоре, т.к. окружающие мягкие согласные еще более упреждают гласный [е], который достигает зоны переднего ряда, характерного для ударного [и]. Это в свою очередь влияет на уровень подъема <...>» [Антонова 1974: 54–57].

Напротив, в тех говорах, где в соответствии с /*e*/ возможны гласные средне-нижнего подъема [ɛ] или [æ], ударные гласные переднего ряда обычно последовательно перемещаются в более задний ряд и более низкую зону образования, о чем свидетельствуют их средние значения F_1 и F_2 .

2.4.4. Монофтонг [ɔ]

Фонема /*o*/ в некоторых диалектных системах также может реализовываться гласным верхне-среднего подъема [ɔ]. Так, Е.С. Клейменова писала, что в говоре Кирейкова и Верхней Передели «спорадически \hat{o} выступает и в иных условиях – на месте *o* под нисходящим ударением или *o* из \hat{y} : *vôc*, *y rôÿ*, *vôлка*, *xôлат*, *ÿôлат*, *ÿôрла*, *kôлас*, *c nôлам*, *y gôрат*, *kъcôj*, *mâльdôj*» [Клейменова 1956б: 62]. Случаи употребления [ɔ] на месте /*o*/ обнаружены и в магнитофонных записях, сделанных в Кирейкове в 2009 г.: *под[ɔ]хнеть*, *пром[ɔ]ешь*, *[ɔ]сенью*, *д[ɔ]м*, *д[ɔ]ма*, *дв[ɔ]е*, *бег[ɔ]м*, *круг[ɔ]м*, *нож[ɔ]м*, *чу-*

гун[ó]м, жерел[ó]м, не т[ó], от нег[ó], нечег[ó], слеп[ó]й. В этой позиции возможно произношение гласного [о]: н[о]чь, д[ó]чь, с[ó]лечки, хт[о], пос[ó]дють, дв[ó]е, тр[ó]е, д[ó]сточки, кр[ó]вь, м[ó]ром, на п[ó]хороны, п[ó]тпол, з[ó]рлушко, нап[ó]ить, свекр[ó]вьи, свекр[ó]вья, т[ó]же, п[ó] воду, сос[ó]к, плат[ó]к, цвет[ó]чки, горш[ó]чки, верх[ó]м, у нег[ó], нож[ó]м, как[ó]й-то, слеп[ó]й, больш[ó]й.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в местной диалектной системе в ряде позиций происходит смешение аллофонов фонем /о/ и /ω/ (хотя значительно чаще на месте /о/ произносятся э-образные гласные). По всей видимости, распространение гласных [о] и [ɔ] на месте /о/ также связано с особенностями артикуляционной базы говора. Более напряженная артикуляция, свойственная местной фонетической системе (см. § 2.3.4), обуславливает меньший челюстной раствор, чем в некоторых других южнорусских говорах, например, в рязанских или белгородских. В речи практически всех информантов в соответствии с /а/ отмечается гласный [ǎ] или дифтонг с начальным участком средне-нижнего подъема (F₁ 600–750 гц), наиболее часто – после переднеязычных согласных.

Как показывают данные южнорусских архаических систем, звукотипы [ɔ] и [ǎ] обычно не сосуществуют в пределах одного говора, поскольку возникает частичное наложение зон рассеивания /о/ и /а/ [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 14]. Как правило, оно устраняется за счет понижения подъема у аллофонов фонемы /а/, что отмечено, например, в вокалической системе Солдатского (подробнее см. § 2.6). В исследуемом говоре этому препятствует меньшая степень челюстного раствора, поэтому происходит постепенное передвижение фонемной границы /о/, на месте которой появляются гласные среднего и даже верхне-среднего подъемов, а также дифтонги с о-образной и ɔ-образной частями (см. § 2.4.5). Это способствует лучшему контрастированию аллофонов фонем /о/ и /а/, но создает условия для утраты противопос-

тавления /ω/ ~ /o/. В речи любого информанта фонема /o/ в одних и тех же позициях может реализовываться несколькими звукотипами: [ɔ], [o], [ɔ] или дифтонгами: $\partial[\overline{\omega}]_m$, $\partial[\varepsilon]_m$, $\partial[o]_m$ и $\partial[\varepsilon]_m$; $\partial v[\acute{\varepsilon}]_e$, $\partial v[\acute{o}]_e$ и $\partial v[\acute{\varepsilon}]_e$; *ведр[$\acute{\varepsilon}$]м* и *нож[$\acute{\varepsilon}$]м*; *молод[$\acute{\varepsilon}$]й* и *слеп[$\acute{\varepsilon}$]й* и т.д.

Звукотип [ɔ] в исследуемом говоре постепенно расширяет в сферу употребления и обычно произносится в новых словах: *бит[$\acute{\varepsilon}$]ны*, *шт[$\acute{\varepsilon}$]ры*, *зак[$\acute{\varepsilon}$]нных*, *дох[$\acute{\varepsilon}$]ды*, *колх[$\acute{\varepsilon}$]зу*, *шк[$\acute{\varepsilon}$]лы*, *ваг[$\acute{\varepsilon}$]н*, *молокозав[$\acute{\varepsilon}$]д*, вопреки мнению Е.С. Клейменовой, что «все новые слова со звуком *o* под ударением <...> произносятся с *o*: *калхóс*, *саўхóс*, *тóкар'*, *пáп'ирóса*» и т.д. [Клейменова 1956: 67]. Монофтонг [ɛ] на месте /e/ фиксируется в единичных случаях (*н[$\acute{\varepsilon}$]кому*, *н[$\acute{\varepsilon}$]куды*, *с н[$\acute{\varepsilon}$]ю*), чаще отмечаются дифтонгические образования с ε -образным участком (*рем[$\acute{\varepsilon}\acute{\varepsilon}$]нь*, *дер[$\acute{\varepsilon}\acute{\varepsilon}$]мни*, *дет[$\acute{\varepsilon}\acute{\varepsilon}$]й*, *Коз[$\acute{\varepsilon}\acute{\varepsilon}$]льск*).

Таким образом, распространение [ɛ] и [ɔ] в соответствии с гласными 2-го уровня подъема обусловлено разными причинами и обычно не происходит параллельно. Например, в описанном выше говоре с. Татарино звукотип [ɛ] на месте /e/ отмечается в 59 % случаев, а звукотип [ɔ] на месте /o/ – только в 8 %.

2.4.5. Дифтонгические сочетания

Под фразовым ударением фонемы /e/ и /o/ могут реализовываться дифтонгоидами с первой более открытой и длинной фазой и второй – более короткой и закрытой. На рис. 2.21–2.24 представлены осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности форм *огур[$\acute{\varepsilon}\acute{\varepsilon}$]ц*, *з[$\acute{\varepsilon}\acute{\varepsilon}$]млю*, *подб[$\acute{\omega}$]жник*, *лот[$\acute{\omega}$]к*, записанные в Белгородской, Липецкой, Рязанской и Воронежской областях. Значения F_1 первой и второй частей дифтонгоидов в среднем отличаются не более чем на 100 Гц, эти гласные имеют *e*-образный и *o*-образный тембр на всем своем протяжении. Длительность второй более закрытой части составляет около 30 % от длительности первой.

В некоторых рязанских и воронежских говорах на месте /o/ после переднеязычных согласных отмечаются сложные гласные, части которых отличаются друг от друга не уровнем подъема, а степенью продвинутости и лабиализованности: *m[ə̞o]к, c[ə̞o̞]рта, d[ə̞o̞]ски, н[ə̞o̞]чью, d[ə̞o̞]м, d[ə̞o̞]чери, d[ə̞o̞̞]лго* (в частности, подобные формы отмечены С.В. Дьяченко в селах Истобное и Веретье). Как правило, в этих дифтонгических сочетаниях преобладает лабиализованный участок, локализующийся в области заднего ряда (см. рис. 2.25, на котором представлена форма *d[ə̞o̞̞]лго*).

Л.Л. Касаткин предположил, что «квази-дифтонги» типа [ε̞ε], [ə̞o] или [ə̞o̞] воспринимаются как настоящие дифтонги потому, что «при таком развертывании динамики тембра оказывается нарушенным стереотип скольжения тембра гласного в русском литературном произношении: ведь обычно наблюдается “сползание” гласного под ударением по подъему, если этому не препятствуют комбинаторные условия». Поэтому короткая конечная фаза гласного, локализующаяся на более высоком уровне подъема, или начальная фаза, характеризующаяся более сильной лабиализацией, воспринимаются «как полноправный компонент дифтонга» [Касаткин 1999: 385].

Реже фонемы /e/ и /o/ реализуются дифтонгоидами с обратными отношениями: с первой более короткой и закрытой фазой и второй – более длинной и открытой. Как правило, открывающиеся звуковые комплексы отмечаются на месте /e/ после мягких согласных и имеют в экскурсии короткую переходную *и*-образную фазу (см. рис. 2.26 и 2.27, на которых представлены формы *из c[ʲe̞e̞̞]рдца* и *под вен[ʲe̞e̞̞]и*).

Для большинства южнорусских диалектных систем характерна принципиальная монофтонгичность реализаций /e/ и /o/ при их возможной непоследовательной дифтонгизации только в сильной фразовой позиции, однако в говоре с. Кирейково отмечена иная ситуация. Здесь фонемы /o/ и /e/ могут быть представлены различными сложными звуковыми комплексами с «хао-

тичной» неоднородностью структуры, которую нельзя объяснить только особенностями консонантного окружения или просодическими условиями. Если фонемы верхне-среднего подъема в местной диалектной системе в определенных ритмико-просодических условиях могут реализовываться открывающимися дифтонгами [ȳo] и [īe], реже – их более сложными модификациями, то на месте фонем среднего подъема в различных фразовых позициях появляются сложные звуки (дифтонги, дифтонгоиды, полифтонги), артикуляция которых предполагает различные переходы от одного звукотипа к другому. Скольжение тембра встречается в максимально возможных пределах, части подобных звуковых комплексов обычно соотносимы по количественным характеристикам, а их неоднородность может быть обусловлена как изменением по ряду, так и изменением по подъему.

В таблице 2.1 представлены некоторые дифтонги, реализующие фонему /o/ в сильной фразовой позиции. На рис. 2.28 представлены осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы к[$\overline{\text{о}}$]зы, данные см. в таблице 2.1.

Таблица 2.1. Дифтонги на месте /o/ в говоре с. Кирейково
Ульяновского р-на Калужской обл.

Словоформа	Дифтонг	Первая фаза		Вторая фаза	
		F ₁ (Гц)	F ₂ (Гц)	F ₁ (Гц)	F ₂ (Гц)
γ $\overline{\text{о}}$ да	$\overline{\text{о}}$	640	1200	580	1400
т $\overline{\text{о}}$ лст $\overline{\text{э}}$ ыц	$\overline{\text{о}}$	620	1400	570	1100
св'ит $\overline{\text{о}}$ й	$\overline{\text{о}}$	710	1400	520	1300
д $\overline{\text{о}}$ м	$\overline{\text{о}}$	600	1300	570	1100
$\overline{\text{о}}$ бл $\overline{\text{э}}$ 'т'и	$\overline{\text{о}}$	610	1200	560	1100
к $\overline{\text{о}}$ зы	$\overline{\text{о}}$	620	1200	580	1100
с $\overline{\text{э}}$ хн'ит'	$\overline{\text{о}}$	600	1200	480	930
п $\overline{\text{о}}$ л'э	$\overline{\text{о}}$	550	1000	670	1300
д $\overline{\text{о}}$ н $\overline{\text{у}}$ шк $\overline{\text{у}}$	$\overline{\text{о}}$	560	800	760	1200
з' $\overline{\text{а}}$ к $\overline{\text{э}}$ к' $\overline{\text{о}}$ д $\overline{\text{э}}$	$\overline{\text{о}}$	570	1100	720	1400
к $\overline{\text{о}}$ л'е $\overline{\text{э}}$	$\overline{\text{о}}$	570	1100	660	1400

Фонема /e/ также реализуется сложными гласными образованиями. При этом наряду с открывающимися и закрывающимися дифтонгами на месте /e/ отмечаются примеры, где два стационарных участка дифтонга образуются на одном уровне подъема, но отличаются рядом, то есть скольжение происходит за счет передвижения в более передний или более задний ряд. В таблице 2.2 представлены некоторые дифтонги, реализующие фонему /e/ в сильной фразовой позиции, а на рис. 2.29 – осциллограмма и спектрограмма формы *полотёнцами*, где у дифтонга при стабильной F₁ скольжение тембра происходит от гласного передне-среднего ряда [ɛ] к гласному переднему ряду [e]. На рис. 2.30 представлены осциллограмма и спектрограмма формы *отёц*, где происходит значительное понижение подъема ударного гласного: от среднего на первом стационарном участке до нижнего – на втором при одновременном переходе из переднего в передне-средний ряд, данные см. в таблице 2.2.

Рис. 2.21. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *огур[’έε]ц* (с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)

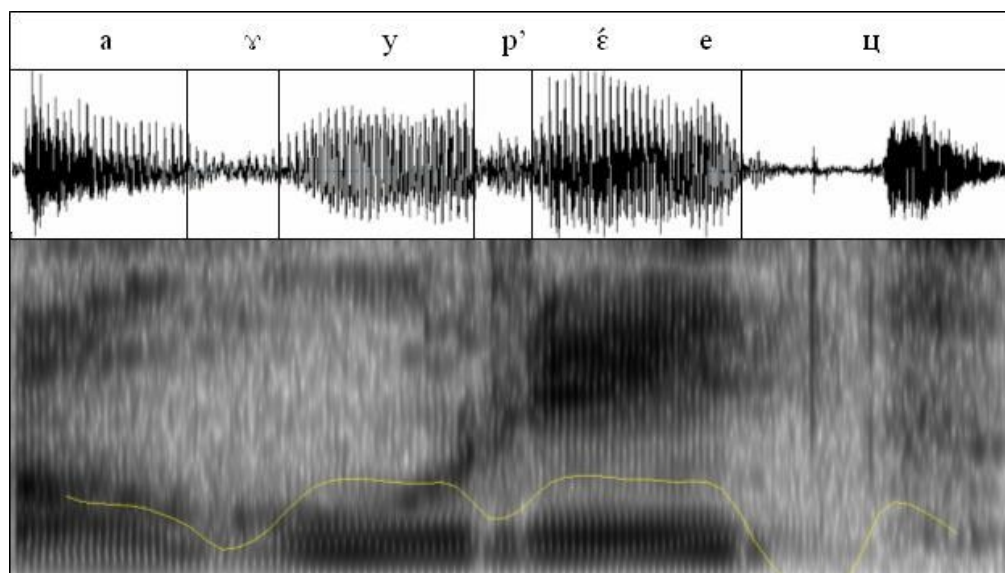

Рис. 2.22. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы з[^ре̑]млю
(с. Верхн. Колыбелька Хлевенского р-на Липецкой обл.)

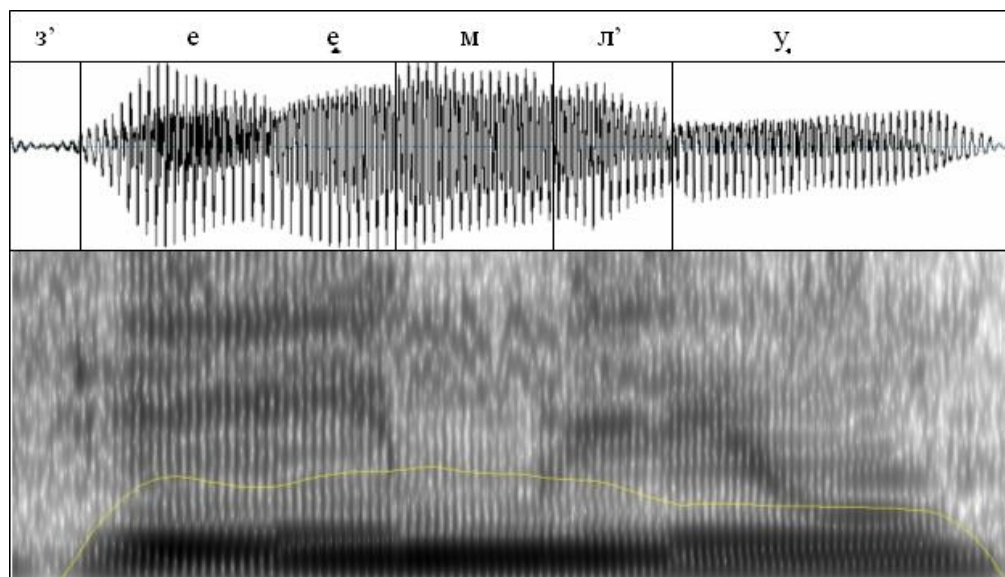

Рис. 2.23. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы подб[^бо]жник
(с. Боршевое Милославского р-на Рязанской обл.)

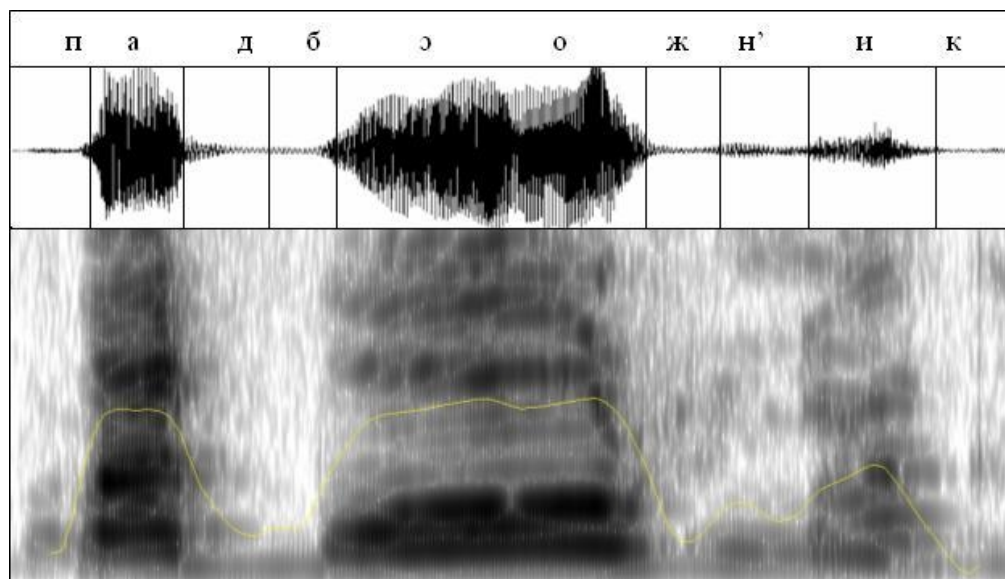

Рис. 2.24. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $лот[\overset{\circ}{о}к]$
(с. Истобное Репьёвского р-на Воронежской обл.)

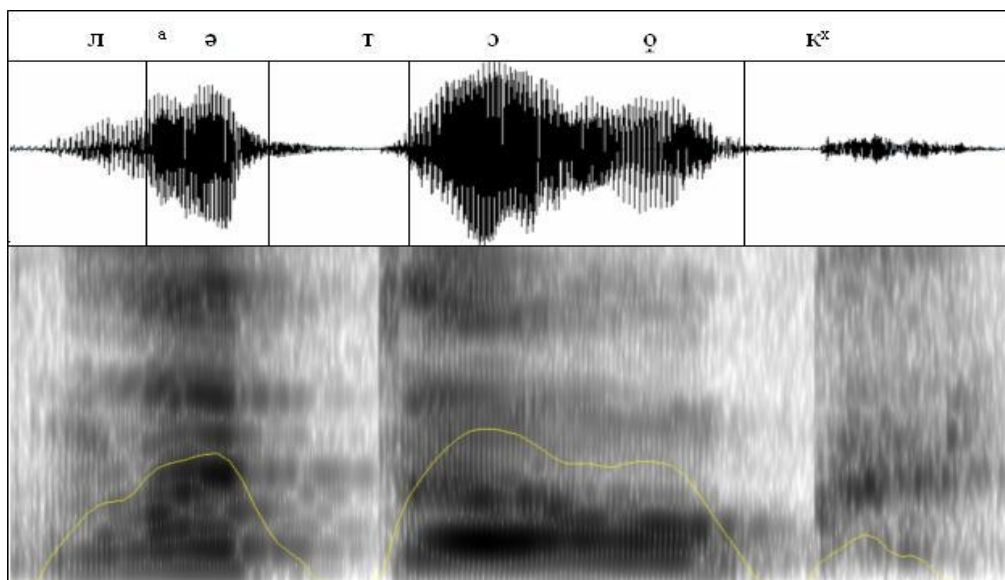

Рис. 2.25. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $д[\overset{\circ}{э}]лго$
(с. Новосёлки Рыбновского р-на Рязанской обл.)

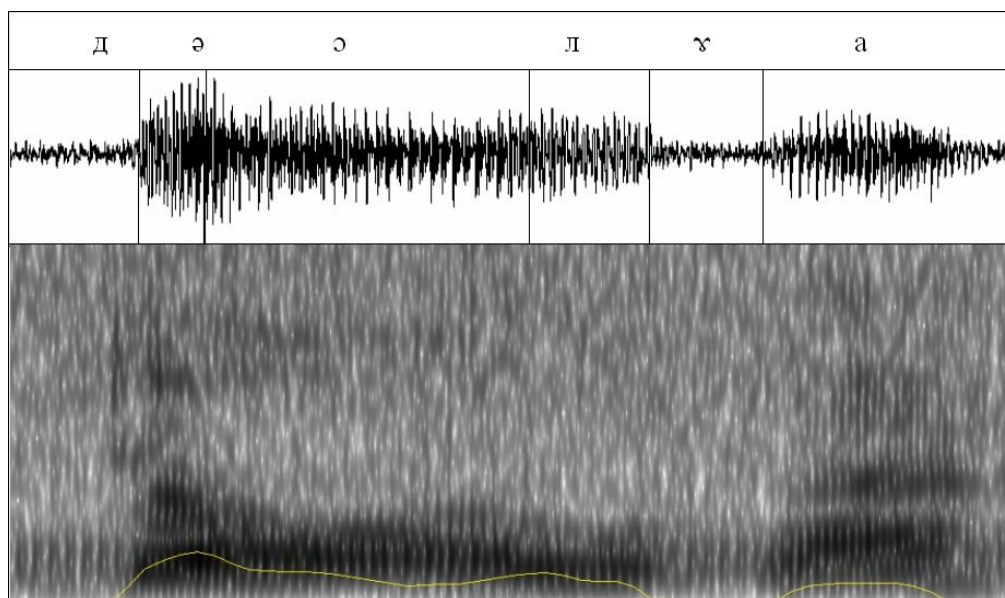

Рис. 2.26. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы из с[[̄]ѣ]рца (с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)

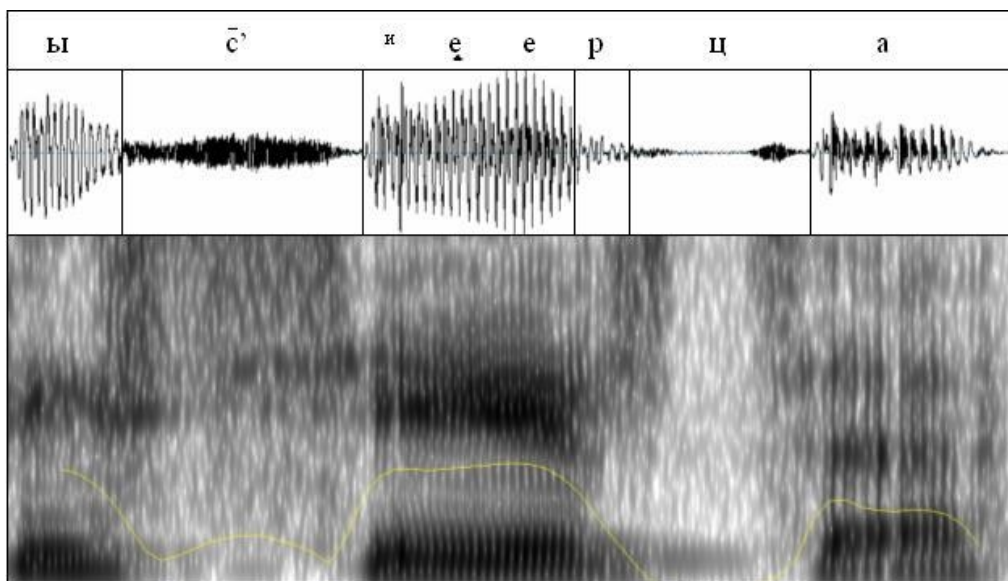

Рис. 2.27. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы под вен[[̄]ѣ]ц (с. Отсочное Хлевенского р-на Липецкой обл.)

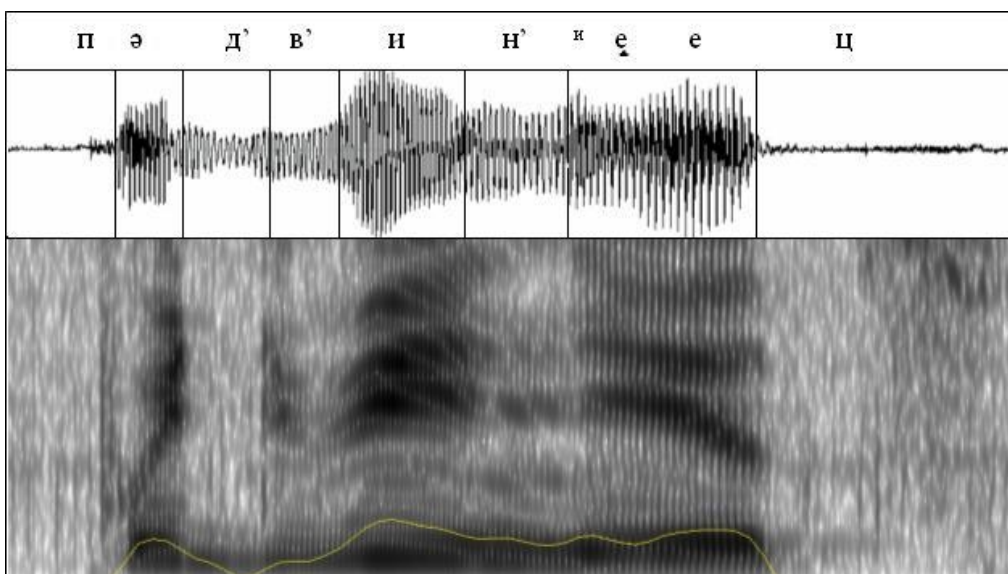

Рис. 2.28. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы к[$\overline{\text{о}}$]зы
(с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

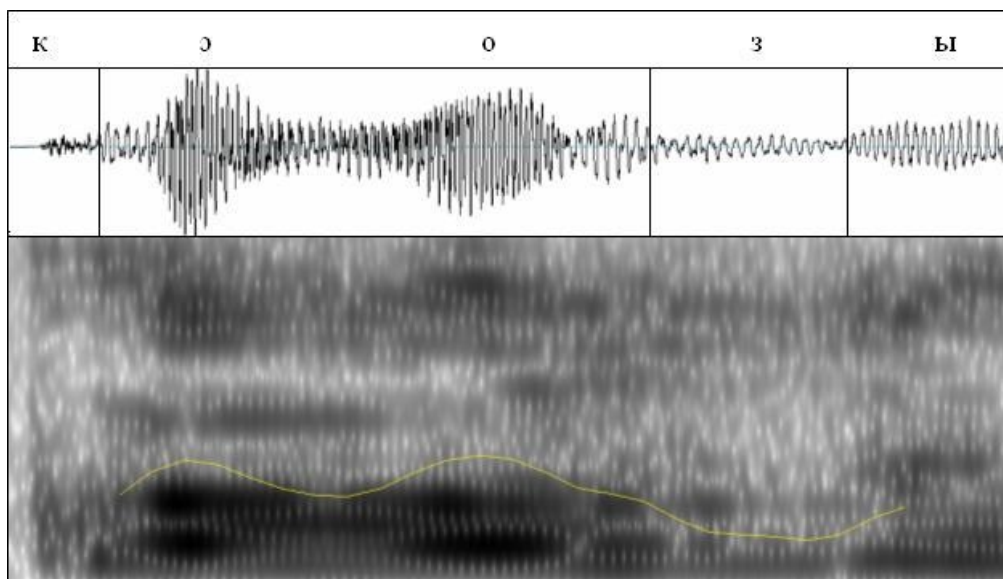

Рис. 2.29. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы полот[$\overline{\text{е}}$]ницами
(с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

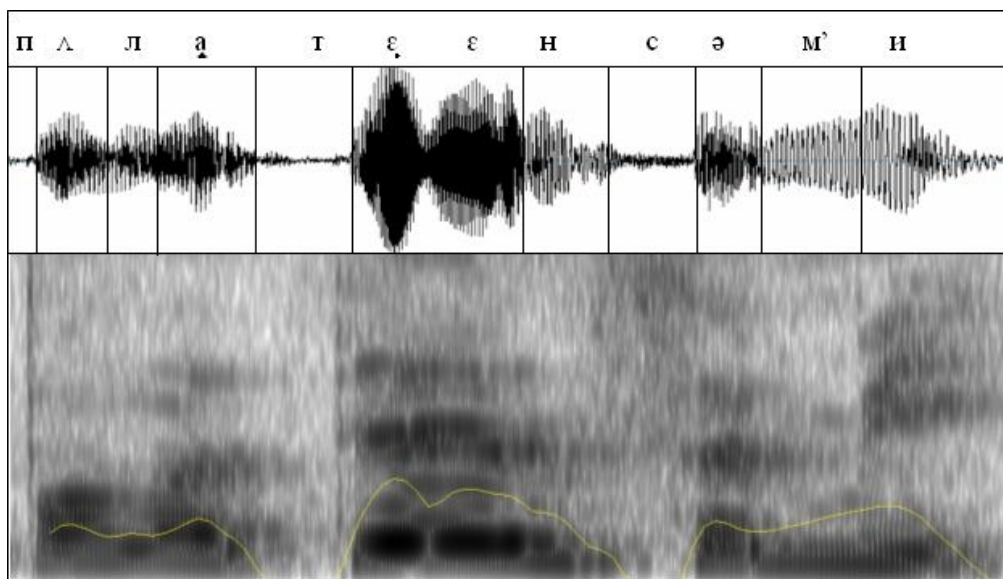

Рис. 2.30. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *от[[̂]е̄æ]ц* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

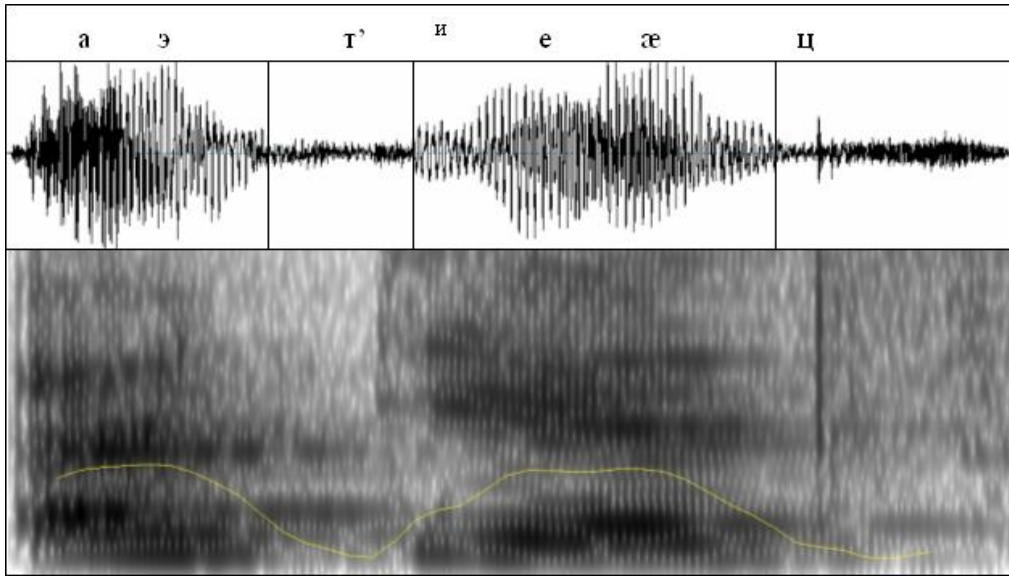

Таблица 2.2. Дифтонги на месте /е/ в говоре с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.

Словоформа	Дифтонг	Первая фаза		Вторая фаза	
		F ₁ (Гц)	F ₂ (Гц)	F ₁ (Гц)	F ₂ (Гц)
<i>пə ш̄ε̄ε̄йи</i>	$\overline{\varepsilon\varepsilon}$	600	2100	600	2400
<i>пл̄а̄т̄ε̄̄нс̄ам'и</i>	$\overline{\varepsilon\varepsilon}$	590	2100	600	2300
<i>у м'ен̄ε̄̄</i>	$\overline{\varepsilon\varepsilon}$	710	2400	710	2200
<i>р'им̄ε̄̄н'</i>	$\overline{\varepsilon\varepsilon}$	700	2500	460	2200
<i>з'ε̄̄мл'у</i>	$\overline{\varepsilon\varepsilon}$	430	2400	620	2400
<i>ат̄ε̄̄л'е̄ца</i>	$\overline{\varepsilon\varepsilon}$	450	2300	730	2400
<i>а̄эт'е̄̄ǣц</i>	$\overline{\varepsilon\varepsilon}$	570	2400	800	2200
<i>рубл'ε̄̄̄̄й</i>	$\overline{\varepsilon\varepsilon}$	770	2400	950	2600
<i>д̄ε̄̄н'</i>	$\overline{\varepsilon\varepsilon}$	560	2200	770	2400
<i>ч'ит̄в̄ε̄̄̄̄рх</i>	$\overline{\varepsilon\varepsilon}$	560	2100	670	2200
<i>у н'ε̄̄̄̄й</i>	$\overline{\varepsilon\varepsilon}$	630	2300	670	2300

Довольно часто у аллофонов фонем /о/ и /е/ происходит незначительное изменение тембра на всем протяжении их артикуляции, при этом гласные имеют два пика интенсивности, что обычно свойственно дифтонгу. Отсутствие тембровой контрастности различных участков дает право квалифицировать подобные звуки как монофтонги. Очевидно, что и тембральная неодно-

родность и тем более долготы двумерных гласных в этих позициях не могут быть признаны конститутивными признаками фонем /o/ и /e/.

2.4.6. Качество согласного перед аллофонами фонемы /e/

Как видно из таблицы 2.2, перед аллофонами /e/ в некоторых южнорусских диалектных системах могут произноситься немягкие согласные: твердые и полумягкие (невеляризованные), такое произношение отмечено в некоторых говорах Белгородской, Воронежской, Калужской, Рязанской, Тульской, Тамбовской областей [Никольский 1950: 124, 131; Захарова 1959: 8; Фомина 1982: 146; Касаткин 1999: 391–395; Касаткина (ред.) 1999: 45]. Однако примеры этого явления обычно единичны и «не дают возможности судить о степени его распространенности в говоре» [Касаткин 1999: 391].

Фонологическая дифференциация сочетаний /С'ѣ/ и /Се/ осуществляется за счет различий в аккомодации гласного с предшествующим согласным: аллофоны фонемы /ѣ/ обычно отличаются своей экскурсией от аллофонов /e/. Для реализаций /ѣ/ характерно высокое *и*-образное начало. Звуковые сочетания на месте /e/ могут иметь пониженную *e*-образную первую фазу, однако переходный участок в экскурсии может отсутствовать: в этом случае они отличаются резким возрастанием интенсивности и достигают основного тембра гласного в первых же его фазах.

Как известно, в большинстве русских говоров развитие фонетической системы шло по пути становления категории «твердость–мягкость» у согласных, что, в частности, проявилось в распространении мягкого коррелята перед фонемой /e/. В результате аллофоны /e/, как и /ѣ/, сохраняя своеобразие реализаций, постепенно развивают в экскурсии *и*-образную фазу, что дает возможность адаптироваться к рекурсии мягких согласных. См. рисунки 2.29 и 2.30, на которых представлены формы *полот*[^ѣнцями и *от*[^ѣц], записанные в Калужской обл. В первом примере после /т/ у гласного образования на месте /e/ отсутствует начальная *и*-образная фаза, во втором – после /т'/ она появляется.

Во многих южнорусских диалектных системах немягкий согласный перед /e/ характеризует лишь отдельные слова или формы слова, например в говорах липецко-воронежского ареала записаны примеры: *вез[´э]м, нек[´э]м, отсек[´э]м, м[э́]льницу*. Как правило, после немягкого согласного здесь отмечаются качественно однородные гласные, без *и*-образного начала (после веляризованного согласного аллофоны /e/ обычно локализуются в области средне-нижнего подъема: *м[э́]льницу, ш[э́]я*), тогда как после мягкого – дифтонги и дифтонгоиды [Фомина 1982: 147]. Эта закономерность в целом характерна и для литературного произношения [Бондарко 1998: 55–56, 111–112]. В дальнейшем парные твердые согласные в указанной позиции произносятся лишь в некоторых местоименных наречиях: *отт[э́]да, отс[э́]да*, а также в косвенных падежах формы ед.ч. ж.р. *одна: с одн[э́]ю, у одн[э́]й*.

Наиболее последовательное немягкие согласные перед /e/ сохраняются в периферийных южнорусских говорах – тамбовских и калужских [Касаткин 1999: 391–395; Клейменова 1956: 86]. Так, в говоре с. Кирейково немягкие согласные перед /e/ произносятся не только в ударной позиции, они отмечаются также в 1-м предударном слоге: *сир´е́ош, у м´енéé, дер´е́емн´и, пән´ед´эл´н´ик, дэрэжál´и*, реже – во 2-м предударном и заударных слогах: *нц плат´ул´и, н´и нав´эр´итэ, о́с´ин´йу*. См. также примеры, записанные в д. Липовка Пичаевского р-на Тамбовской обл.: *д´у́в´ер´, йéс´ен´, вьскр´ис´ен´йь* [Касаткин 1999: 393].

О более позднем формировании категории «твердость-мягкость» в говорах, распространенных в верховьях Оки и Дона, указывает также отсутствие здесь регулярного перехода [e] в [´о] [Филин 1972: 201; Півторак 1988: 107–108]. В частности, эта черта, то есть произношение под ударением перед твердыми согласными гласного [e] из *e и *ь, входит в общую группу диалектных особенностей, называемых Р.И. Аванесовым «“рязанскими”», которые отличают соответствующие говоры от южновеликорусского запада (ус-

ловно называемого “тульским”» [Аванесов 1952а: 168], см. также [Сидоров 1949: 284–285; 1969: 83].

В курских, орловских, а также юго-восточных калужских говорах отмечаются лишь отдельные случаи неперехода [e] в [’o], причем наиболее последовательно [e] представлено в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения [Котков 1951: 108–110; Волкова 2003: 64; Клейменова 1956: 71–72]. Для Тульской диалектной группы сохранение *e* перед твердыми согласными, в том числе в соответствующих глагольных формах, нехарактерно [Филин 1949: 281–282; Родина 2012: 55; Касаткина (ред.) 1999: 101–102]. По данным К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, распространение «двух типов глагольных парадигм I спряжения, объединенных возможностью произношения во всех или части форм тематического гласного *e* под ударением: *нес/é/ш*, *нес/é/т*, *нес’б/м*, *нес/é/те* (в западной части говоров) или *нес/é/ш*, *нес/é/т*, *нес/é/м*, *нес/é/те* (в восточной части говоров)», является характерной чертой южной диалектной зоны, которая охватывает все говоры Южнорусского наречия, кроме тульских [Захарова, Орлова 1970: 94–96; ДАРЯ 1986: карта 38; 1989: карта 82].

2.4.7. Фонема /o/ в форме Р.п. ед.ч. местоимений типа *его*

Особенности реализации ударного гласного в форме Р.п. ед.ч. местоимений типа *его* в южнорусских говорах привлекли к себе внимание в связи с исследованием типов предударного вокализма после мягких согласных и их зависимости от ударного вокализма. Так, Н.Н. Дурново, разобравший записи В.И. Тростянского из Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии, отмечает, что «перед слогом со старым ударяемым *o* здесь является в предударных слогах то *a*, то *e*». При этом звук *e* фиксируется только перед таким ударным *o*, который не изменился в *yo*, что в частности характерно для «местоимений и частичных слов» *его*, *моего*, *твоего*, *своего*, *чего*, *сегодня*, *лебо*. Произношение *o* вместо *yo* в этих формах объясняется «слабоударяемостью данных местоимений и частиц» [Дурново 1917а: 43].

Л.Л. Васильев, обнаруживший и исследовавший письменные источники, в которых графически передается различие между ω и o ²⁸, указывает, что «род. пад. ед. ч. местоимений с окончанием на -гб в памятниках всегда имеет напряженное \hat{o} <...> Русские говоры в отношении разбираемой особенности резко распадаются на две группы: 1) северновеликорусские, в которых напряженное o сохраняется очень хорошо и 2) южновеликорусские, в которых напряженность o потеряна» [Васильев 1929: 130–132].

А.А. Зализняк, проанализировавший территориально различные памятники письменности, а также говоры «с великорусским принципом распределения / ω / и / \hat{o} /», отмечает, что в памятниках и говорах северного типа, к которым по этому признаку примыкает также переходная (центральная) группа, в Р.п. ед.ч. местоимений типа *его* под ударением обычно фиксируется фонема / \hat{o} /, тогда как в южных – / ω / [Зализняк 1985: 175, таблица 4].

Эти материалы могут быть дополнены данными других южнорусских говоров, имеющих следы различия под ударением фонем / ω / и / o /.

Магнитофонные записи свидетельствуют о том, что в большинстве южнорусских говоров под ударением в форме Р.п. ед. местоимений типа *его* произносятся гласные средне-нижнего подъема: они широко распространены на юго-восточной территории, отмечаются также и в некоторых юго-западных говорах. **Юго-восток: Рязанская обл.**, Милославский р-н, с. Боршевое – *у ко*[$\gamma\acute{o}$], *ниче*[$\gamma\acute{o}$], *е*[$\gamma\acute{o}$]; **Липецкая обл.**, Хлевенский р-н, д. Верхн. Колыбелка – *че*[$\gamma\acute{o}$] и с. Отскочное – *е*[$\gamma\acute{o}$], *ниче*[$\gamma\acute{a}\acute{o}$]²⁹; **Тамбовская обл.**, Староюрьевский р-н, д. Поповка – *у ко*[$\gamma\acute{o}$]; **Белгородская обл.**, Новооскольский р-н, д. Большая Яруга – *у ко*[$\gamma\acute{o}$], *е*[$\gamma\acute{o}$], *ниче*[$\gamma\acute{o}$]; та же область, Губкинский р-н, с. Присынок – *нико*[$\gamma\acute{o}$], *е*[$\gamma\acute{o}$]; та же обл., Алексеевский р-н, с. Афанасьевка – *ни у ко*[$\gamma\acute{o}$],

²⁸ В своей работе Л.Л. Васильев опирается на два источника XVI в., которые имеют новгородское происхождение [Зализняк 1985: 213–214].

²⁹ Форма представлена на рис. 2.31.

у не[γó], е[γó], ниче[γó], мое[γó]; **Воронежская обл.**, Семилукский р-н, с. Стадница – ниче[γó]; та же обл., Репьёвский р-н, с. Истобное – ниче[γó], е[γó]; та же обл., Острогожский р-н, с. Веретье: ко[γó], нико[γó], ниче[γó]. Юго-запад: **Калужская обл.**, Хвастовичский р-н, д. Бояновичи – у ко[γó], е[γó], ниче[γó].

При прослушивании этих магнитофонных записей обращает на себя внимание одна характерная особенность. Гласные средне-нижнего подъема в соответствии с фонемой /о/ наиболее последовательно произносятся именно в форме Р.п. ед.ч. указанных местоимений. Возможно, это связано с положением ударного гласного после заднеязычного согласного [γ], который во многих южнорусских говорах довольно устойчиво употребляется во флексии -ого у прилагательных и местоимений. Например, в с. Присынок при пятифонемном вокализме гласный средне-нижнего подъема [ɔ] в соответствии с фонемой /о/ спорадически отмечается только после согласного [γ]. Кроме упомянутых выше нико[γó] и е[γó] в речи старшего поколения здесь также зафиксированы формы [γó]да, [γó]лот, [γó]ловы, [γó]ря (также от[хó]ды, где [ɔ] – на месте этимологической фонемы /ω/).

Однако в некоторых юго-западных говорах южнорусского наречия в Р.п. ед.ч. местоимений типа *его* под ударением произносится монофтонг верхне-среднего подъема [ɔ̞]: **Калужская обл.**, Юхновский р-н, д. Старые Рыляки – е[вó], ниче[вó] [Касаткина (ред.) 1999: 54]; та же обл., Ульяновский р-н, с. Кирейково – ниче[вó], от не[вó]; **Тульская обл.**, Белёвский р-н, с. Зайцево – от не[вó], ниче[вó], е[вó].

Следует отметить, что наличие окончания -о[в]о в Р.п. ед.ч. прилагательных и местоимений характерно для большинства говоров Тульской обл., а также для некоторых говоров сопредельных Калужской, Рязанской, Орловской и некоторых др. областей (см. [ДАРЯ 1989, карта 44], а также карту, приведенную в [Савинов 2002: 263]). Говоры с. Зайцево, с. Кирейково

и д. Старые Рыляки находятся на периферии указанной территории: во флексиях местоимений отмечается согласный [в], однако здесь же обнаруживаются следы различия /ω/ и /о/. Развивающаяся в большинстве русских говоров нейтрализация этих фонем создает условия для смешения их репрезентантов, приводит к этимологически неверному употреблению звуков [ɔ] и [ɔ], а также определяет возможность их зависимости от качества предшествующего согласного [Фомина 1982: 144–145]. В результате под влиянием согласного [в] в форме Р.п. ед.ч. местоимений появился гласный [ɔ], который заменил собой более раннее [ɔ]. В частности о вторичности этого [ɔ] свидетельствует система предупредного вокализма говоров с. Зайцево и с. Кирейково, представленная после мягких согласных архаическим диссимилятивно-умеренным яканьем: *от н[’ивѡ]*, *нич[’ивѡ]*, [йивѡ], *вс[’ивѡ]*, но *ч[’асѡ]в*, *в[’аснѡ]й*, *в св[’атѡ]м*, *у сл[’апѡ]й*, *в Поздн[’акѡ]вой* (подробнее см. § 5.1.1).

Следует также отметить, что появление фонемы /о/ на месте исконной /ω/ в Р.п. ед.ч. местоимений типа *его* в южнорусских говорах нельзя объяснять исключительно их слабоударяемостью в речи, как считали, например, Н.Н. Дурново [1917: 43] и Р.И. Аванесов [1947: 220–221]. Являясь заместителями знаменательных слов и имея меньшую коммуникативную значимость, местоимения, как правило, «не имеют сильного ударения». Однако приобретая «информативную значимость, местоимение становится сильноударным» [Розанова 1978: 106]. Возможно, на южных территориях, где в прочих позициях сохраняется конечное ударное [ɔ], в исследуемой форме [ɔ] возникло под влиянием морфологических факторов [Стадникова 1984: 153]. Ср. наличие в древненовгородском диалекте форм Р.п. ед.ч. местоимений с окончанием *-ога/-ега* (типа *тога*, *цега*, *моега*), которые, возможно, отражали воздействие именного склонения [Зализняк 1995: 110, 133; Крысько 1998: 373].

2.4.8. Фонема /о/ после мягких согласных

В архаических говорах с семифонемным вокализмом фонема /о/ после мягких согласных может быть представлена дифтонгами [ѳо], [ѳѳ], [ѳѳ], [иѳ] или [иѳ]: *Сер[’ѳѳ]ж, од[’ѳѳ]жка, при бамб[’ѳѳ]жке, Ф[’ѳѳ]кла, вс[’ѳѳ], сер[’ѳѳ]дка, мн[’иѳ]м, вез[’ѳѳ]те, узайд[’иѳ]шь* и др. Следует отметить, что именно после мягкого согласного особенно сильно проявляются упрежденность и слабая лабиализация звука [ѳ]: F₂ в этой позиции обычно составляет 1500–1600 Гц (перед твердыми согласными) и 1700 Гц (перед мягкими согласным), см. рис. 2.32, на котором представлены осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *мнѳм*.

2.4.9. Смещение аллофонов /ѳ/ и /е/, /ѳ/ и /о/ и переход к пятифонемной системе вокализма

Со становлением категории твердости-мягкости согласных в южнорусских говорах связано появление на месте /е/ открывающихся дифтонгических образований типа [ѳе] или [ѳе] (см. § 2.4.5). В отдельных случаях возможно значительное увеличение начального элемента с *и*-образным тембром, что приводит к появлению на месте /е/ дифтонгов типа [иѳ], то есть происходит полное совпадение аллофонов /ѳ/ и /е/. На рис. 2.33 и 2.34 представлены осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности форм *пост[’иѳ]лки-то* и *полот[’иѳ]нцами*, где на месте /е/ выступает восходящий дифтонг [иѳ] с плавным нарастанием интенсивности, что обычно свойственно реализациям фонемы /ѳ/.

Дифтонг [иѳ] или дифтонгоид [иѳ] на месте /е/ обычно произносятся под акцентным выделением, что характерно, например, для говора с. Вережье: *бер[’иѳ]шь, зов[’иѳ]м, н[’иѳ] было, напик[’иѳ], с[’иѳ]рдце, зайд[’иѳ]шь, н[’иѳ]рвых, от[’иѳ]ц* и др., иногда в этой позиции отмечается монофтонг

верхне-среднего подъема [ɛ̞] (наиболее часто – перед мягким согласным³⁰):
 ɔ[’ɛ̞]нег, ɔ[’ɛ̞]ньги, ɔ[’ɛ̞]рево, м[’ɛ̞]нее, н[’ɛ̞]сть, ɔ[’ɛ̞]сять, ɔ[’ɛ̞]нь,
 рожд[’ɛ̞]ния, на з[’ɛ̞]мь, также з[’ɛ̞]млю, н[’ɛ̞] были, жив[’ɛ̞] и др. Гласный [ɛ̞]
 как основная реализация фонем /ѣ/ и /е/ зафиксирован в некоторых говорах
 липецко-воронежского ареала [Фомина 1982: 147]³¹.

В результате происходит расширение зоны неразличения /ѣ/ и /е/, то
 есть развивается процесс нейтрализации этих фонем. Параллельно также
 разрушается оппозиция /ω/ ~ /о/, что, в частности, проявляется «в появлении
 у-образного начала у дифтонга, репрезентующего <q>» [Фомина 1982: 145].
 Развитие этих процессов приводит к становлению пятифонемной системы
 вокализма, сохраняющей лишь отдельные следы противопоставления /ѣ/ ~ /е/
 и /ω/ ~ /о/.

Система с рефlekсами семифонемного вокализма обнаружена, напри-
 мер, в говоре с. Апухтино Одоевского р-на Тульской обл.: фонема /е/ в речи
 старшего поколения «стабильно представлена восходящим дифтонгом [и̞э̞]»
 со второй частью, локализуемой в области передне-среднего ряда средне-
 нижнего подъема (F₁=580–640 Гц, F₂=1800–2100 Гц): ов[’и̞э̞]ц, ср[’и̞э̞]дняя,
 дер[’и̞э̞]вни, бер[’и̞э̞]зник, в[’и̞э̞]рх, н[’и̞э̞]рвой, тогда как в соответствии с фо-
 немой /ѣ/ обычно произносится восходящий дифтонг [и̞э̞] со второй частью,
 локализуемой в области переднего ряда среднего подъема (F₁=500–580 Гц,
 F₂=2200–2700 Гц): за ɔ[’и̞э̞]дой, закуп[’и̞э̞]ла, кип[’и̞э̞]ла, на сторон[’и̞э̞],
 хл[’и̞э̞]б, б[’и̞э̞]лой, на л[’и̞э̞]то, с[’и̞э̞]мьи, вс[’и̞э̞], забол[’и̞э̞]ла и др. (на рис.

³⁰ Подобная особенность характерна и для литературного произношения [Бондарко 1998: 112].

³¹ Произношение в некоторых севернорусских говорах монофтонга [ɛ̞] или дифтонга [и̞э̞] в соответствии с /е/ у существительных, оканчивающихся на -ец, а также в отрицательной частице не- (от[и̞э̞]ц, н[ɛ̞] было) Й.М. Ваахтера трактует как остатки «так называемого нового ѣ» [Ваахтера 2009: 180–186]. Однако использование термина «новый ѣ» в данном случае некорректно, поскольку традиционно он обозначает структурно иное явление: «Понятие т. н. “нового ятя” (но не само название) в 1870 г. предложил Потебня, особенно активно его разрабатывал Соболевский в своей работе “Очерки из истории русского языка” (1884 г.). В отличие от прасл. ě (“старого ятя”), этот звук употреблялся только в “новозакрытых слогах” (т.е. в слогах, которые стали закрытыми в результате утраты ѵ), чередуясь с е в открытых слогах» [Шевельов 2002: 388].

2.35 и 2.36 представлены осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности форм *бер*[’*йе́*]зник и *с*[’*йе́*]мы, данные см. в табл. 2.3)³².

Таблица 2.3. Дифтонги на месте /е/ и /ѣ/ в говоре с. Апухтино Одоевского р-на Тульской обл.

Словоформа	Дифтонг	Первая фаза		Вторая фаза	
		F ₁ (Гц)	F ₂ (Гц)	F ₁ (Гц)	F ₂ (Гц)
<i>а́в’е́дз</i>	<i>е́е</i>	520	2,7	620	1,8
<i>п’у́ервэй</i>	<i>у́е</i>	480	3,1	640	1,9
<i>в’и́ерх</i>	<i>и́е</i>	400	2,4	700	1,8
<i>д’ир’и́емн’и</i>	<i>и́е</i>	410	2,4	610	1,9
<i>б’ир’и́ез’н’ик</i>	<i>и́е</i>	400	2,5	630	2,0
<i>ус’и́ем</i>	<i>и́е</i>	360	2,8	580	2,6
<i>л’и́ет</i>	<i>и́е</i>	430	2,8	500	2,8
<i>ди́елал</i>	<i>и́е</i>	430	2,9	580	2,7
<i>с’и́ем’и́и</i>	<i>и́е</i>	350	2,8	520	2,7
<i>хл’и́еп</i>	<i>и́е</i>	390	3,0	520	2,7

Подобное соотношение характерно (менее последовательно) и для этимологических /о/ и /ω/: «при сознательном акцентировании, а также в сильной фразовой позиции» в речи некоторых информантов на месте фонемы /о/ зафиксирован восходящий дифтонг [у́о]³³: *с*[у́о]чные, *пос*[у́о]хла, при этом фонема /ω/ «стабильно представлена восходящим дифтонгом [у́о]»: *заб*[у́о]ты, *выс*[у́о]ко, *дом*[у́о]в, *за дор*[у́о]гой, *кор*[у́о]ва, *мн*[у́о]го, *нар*[у́о]ду, *хор*[у́о]ш, *через дор*[у́о]гу, *бык*[у́о]в.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу: «Итак, в системе ударного вокализма апухтинского говора в речи большинства диалектоносителей представлено семь фонем: <а>, <е>, <ѣ>, <о>, <ô>, <у>, <и>» [Родина 2012: 35–48]. Однако слабый контраст между звукотипами

³² Выражаю М.А. Родиной благодарность за предоставленную возможность познакомиться с записями, сделанными в с. Апухтино.

³³ Наряду с [у́у]. В целом различие между реализациями этимологических /ω/ и /о/ менее контрастно, чем между /ѣ/ и /е/.

[и^е] и [и^{е̃}], [у^о] и [у^{о̃}] противоречит этому категоричному утверждению и делает выделение в местной системе фонематической оппозиции /ѣ/ ~ /е/ и /ѡ/ ~ /о/ проблематичным.

Инструментально-фонетические исследования выявляют в южнорусских пятифонемных системах вокализма и другие рефлексy этимологические /ѣ/ и /ѡ/, противопоставляющих их /е/ и /о/. Так, в говоре с. Матѣра Луховицкого р-на Московской обл., относящего к Тульской группе межзональных говоров типа Б, на месте /ѡ/ «возможно появление гласного отодвинутого назад по ряду», а на месте /ѣ/ – «сохранение одинаковой длительности ядра и НПЭ, что придает гласному *и^е*-образное звучание» [Кульшарипова 1974: 102, 107].

Рис. 2.31. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *ничег*[а̃] (с. Отскочное Хлевенского р-на Липецкой обл.)

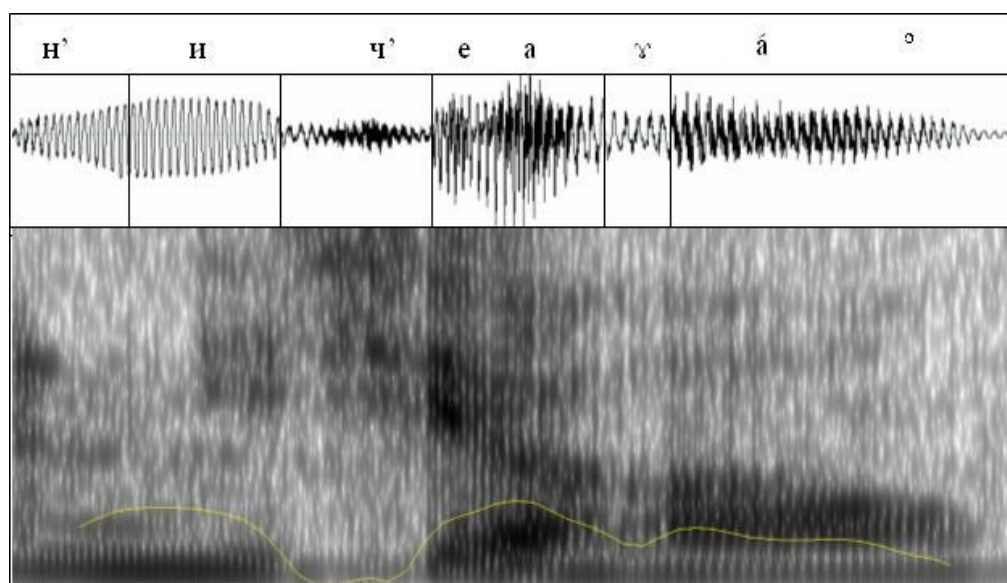

Рис. 2.32. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $mn[\tilde{e}]\tilde{m}$
 (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

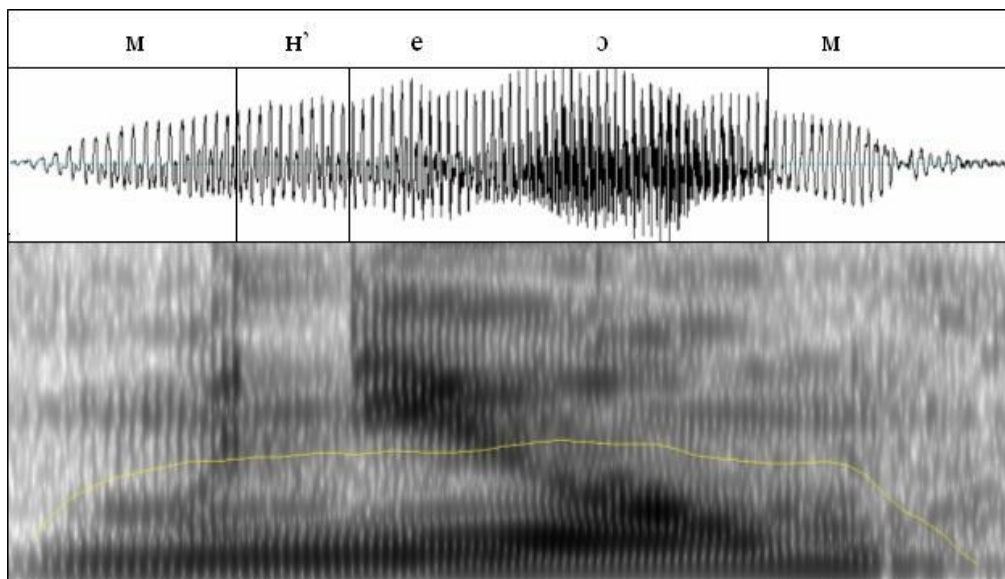

Рис. 2.33. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $post[\overset{\sim}{ie}]\overset{\sim}{li-to}$
 (с. Боршево Милославского р-на Рязанской обл.)

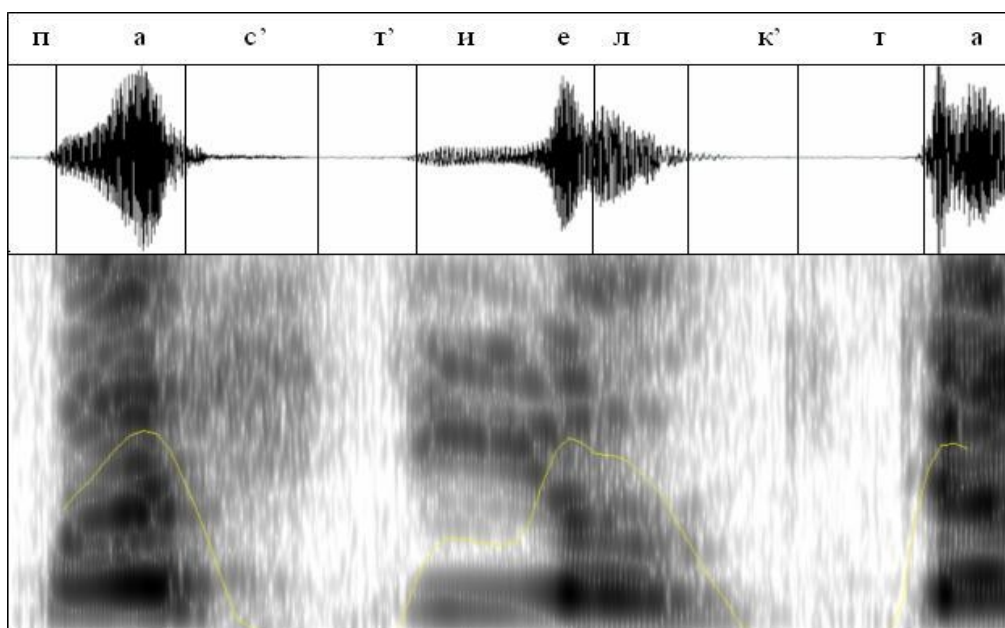

Рис. 2.34. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *полот[’иѐ]нцами* (с. Отсочное Хлевенского р-на Липецкой обл.)

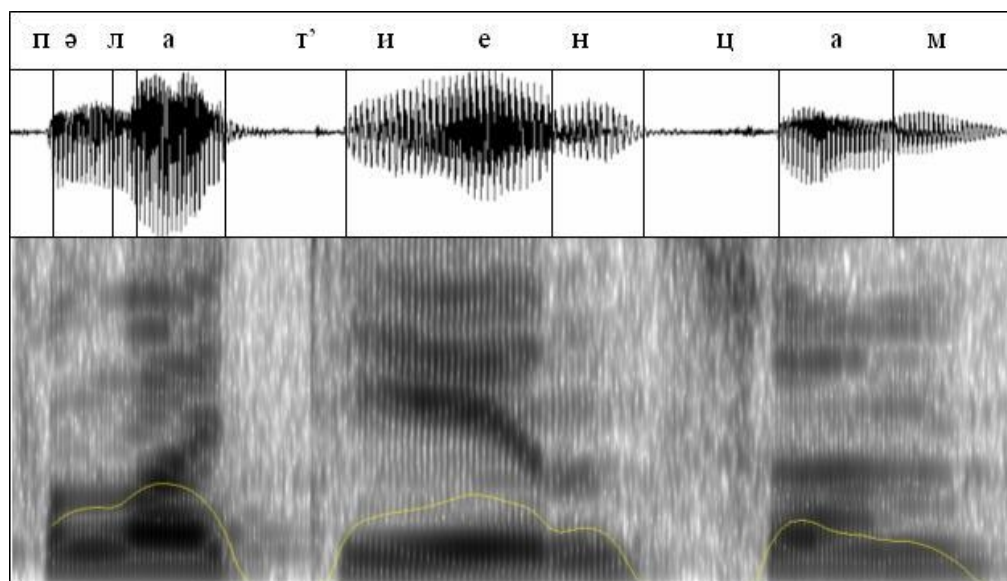

Рис. 2.35. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *бер[’иѐ]зник* (с. Апухтино Одоевского р-на Тульской обл.)

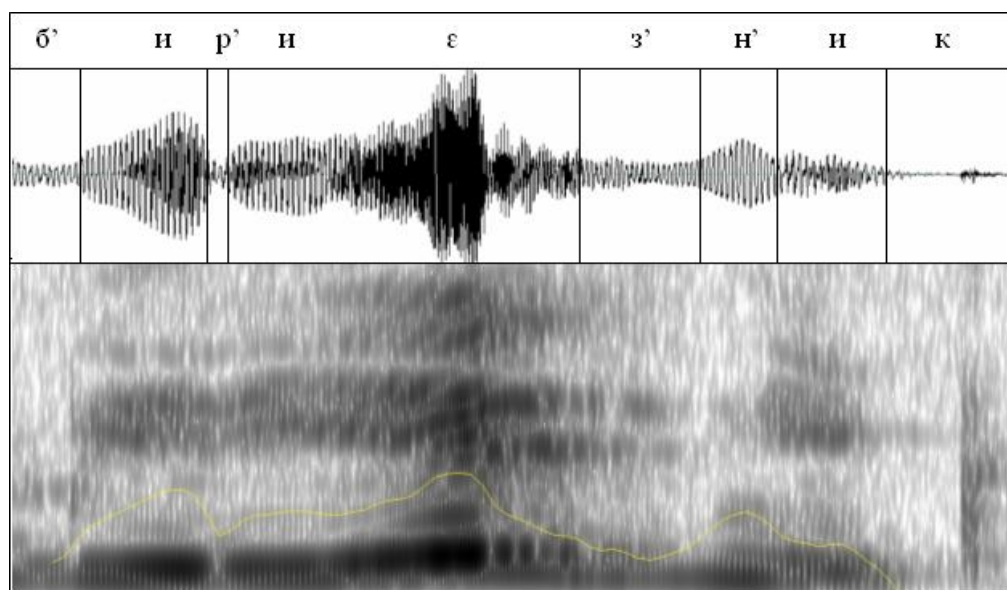
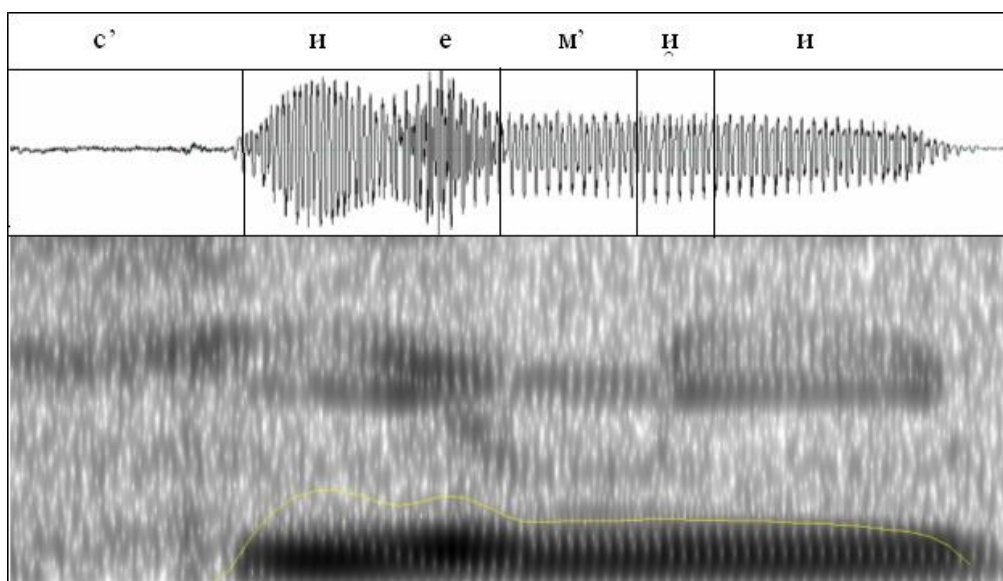

Рис. 2.36. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $c[{}^{\prime}i\acute{e}]{}_{mьи}$ (с. Апухтино Одоевского р-на Тульской обл.)

2.5. Качественная характеристика аллофонов /и/ и /у/ в южнорусских говорах

2.5.1. Аллофоны фонемы /у/

Во многих южнорусских говорах фонемы /и/ и /у/ реализуются звуками пониженного образования, см. например данные, представленные в работах [Фомина 1980: 8–9; Дьяченко 2012: 38–40; Корпечкова 2012: 95; Касаткина (ред.) 1999: 137]. Особенно часто гласные пониженного верхнего или верхне-среднего подъема отмечаются на месте /у/: подобные звукотипы зафиксированы в Белгородской, Воронежской, Липецкой, Орловской, Рязанской, Калужской областях, а также в некоторых севернорусских и среднерусских диалектных системах [Пауфошима 1965: 9; Кульшарипова 1975: 114; Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 29]. Произношение пониженных гласных на месте фонемы /у/ в архаических системах вокализма всегда поддерживается наличием, во-первых, гласного средне-нижнего подъема [э] в соответствии с /о/, во-вторых, дифтонгических образований на месте /ω/, конститутивным признаком которых является скольжение тембра между основными реализациями /у/ и /о/ (см. § 2.3.1).

В некоторых диалектных системах значение F_1 аллофонов фонемы /y/ может достигать значения 500–550 Гц (при обычном 350–450 гц). Очевидно, что наличие в ряде южнорусских говоров на месте /y/ гласных верхне-среднего подъема может создавать условия для смешения аллофонов фонем /ω/ и /y/. Особенно часто у-образные гласные в соответствии с /ω/ отмечаются в с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл., что, по-видимому, связано с общей напряженностью артикуляционной базы местного говора, в частности с напряженным характером гласного верхне-среднего подъема [ɔ]: *м[ý]лишься, пом[ý]лится, мол[ý]ли, б[ý]льше, пораб[ý]тали, хор[ý]шая, дор[ý]гу, нал[ý]гом, год[ý]в, в свят[ý]м, уво втор[ý]м, в восьм[ý]м* и некоторые др. На рис. 2.37 приведены осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *нал[ý]гом*: формантная структура ударного гласного характеризуется слиянием F_1 и F_2 в области 470–650 Гц, что отражает сильную степень лабиализации, которая может быть свойственна только аллофонам /y/ [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 29].

Следует отметить, что ни в одном русском говоре указанная тенденция к переходу напряженного гласного [ɔ] в [y] не приобрела «устойчивости, а встречается лишь как случайное явление речи» [Высотский 1967: 43]. При этом в описанном калужском говоре намечается некоторая лексическая и грамматическая прикрепленность употребления звукотипа [y] на месте /ω/. Так, формы глагола *молиться* и его производных с ударением на основе обычно имеют гласный [y]: *м[ý]лишься, пом[ý]лишься, пом[ý]лится*, так же как и формы П.п. ед.ч. прилагательных, числительных и местоимений: *в свят[ý]м, уво втор[ý]м, в восьм[ý]м в одн[ý]м* (на такое произношение обратила внимание Е.С. Клейменова [1956б: 62]). Видимо, эта особенность обусловила появление флексии -ум и в безударном положении: *в дев[ý]т[у]м, в п[é]рв[у]м, в конак[ó]вск[у]м* (см. материалы ДАРЯ: *у кр[á]снум, у заур[á]н 'ишнум, у з'ил'óнум, у т[ó]нкум* [Запад-728, лист 87]).

Гласный на месте фонемы /у/ может иметь неоднородную структуру, примыкая по соотношению стационарных участков к дифтонгам. Как правило, фазы такого дифтонга имеют на всем протяжении у-образный тембр, отмечается незначительное изменение по ряду (переход в более передний или более задний ряд) или по подъему (обычно от более открытого участка к более закрытому). На рис. 2.38 представлены осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *оттуда* с дифтонгом [уу], F_1 которого на всем протяжении равняется 550 Гц, а F_2 повышает свое значение с 880 Гц на первом стационарном участке, до 1100 Гц – на втором. Дифтонгические рефлекс фонемы /у/ характерны и для некоторых других русских говоров, что свидетельствует о глубокой архаичности их вокалических систем [Касаткин 1999: 378; Касаткина 2009: 108; Варбот 2008].

Неоднородная структура может быть характерна также для аллофонов /у/, находящихся после мягких согласных, однако в обследованных говорах подобные примеры немногочисленны: полноценные дифтонги в этой позиции встречаются значительно реже, чем на месте /'о/ и /'а/ (например, в Кирейково была зафиксирована форма Л[еу]дка, представленная на рис. 1.24). Значительно чаще в этой позиции произносится упрежденный гласный [у,], его значение F_2 может достигать 1900 Гц.

Это наблюдение подтверждается данными Н.А. Волковой, которая отметила в курских говорах дифтонги только в соответствии с /а/ и /о/, находящимися в позиции после мягких согласных: *пр'и́ал'и*, *кр'ич'и́ал'и*, *л'и́он*, при этом «в реализации фонемы /у/ в курских говорах практически нет диалектной специфики» [Волкова 2003: 58, 60, 63].

2.5.2. Аллофоны фонемы /и/

Как правило, аллофоны фонемы /и/ после мягких согласных имеют более низкие значения F_1 по сравнению с аллофонами /у/, то есть локализуются на более высоком уровне подъема (см., например, данные С.В. Дьяченко

[2011: таблица 2] и Е.В. Корпечковой [2012: 95] по говорам Белгородской и Воронежской обл.); эта особенность, характерная и для русского литературного языка, связана с известной асимметричностью «трапецоида», отражающей «особенности строения ротовой полости и возможности движений языка» [Касаткин 2006: 33; Высотский 1967: 66].

Спорадически в архаических южнорусских говорах в позиции перед [и] отмечаются немягкие согласные, особенно часто – переднеязычные [т], [д], [н]. Подобные примеры записаны в 2009 г. в с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.: *нѣт 'к'и, н'е ад'ѣн, ан'ѣ, у нѣх, кѣс'ѣш, пады* (=пойди); а также в 1964 г. Л.Л. Касаткиным и Ю.Г. Сохацкой в д. Липовка Пичаевского р-на Тамбовской обл.: *пт'ѣць, платк'ѣ, ан'ѣ, см'ал'ѣ, мат'ѣф* [Касаткин 1999: 393]. Указания на «неумягчительные звуки *е, и*» в ряде калужских говоров встречаются в работах диалектологов XIX–XX веков [Дурново 1903: 20–21; Никольский 1950: 124].

Как правило, перед [ѣ] в этих примерах произносится невелиаризованный апикальный согласный, что и создает перцептивный эффект полумягкости, а сам гласный несколько отодвинут назад по сравнению с литературным [и]. Как известно, подобная особенность характерна и для украинского литературного языка. Об оттянутом характере украинского [и] свидетельствует значение его $F_2=1800$ Гц [Тоцька 1973: 111], что «представляет собой наследие прошлой веляризации согласных» [Чекман 1979: 45].

Помимо литературного [ы], образующегося в зоне среднего ряда, в южнорусских говорах отмечается два особых звукотипа: [ы́] и [ы̀]; первый звукотип, локализующийся в задней зоне и отличающийся значительной напряженностью, характерен для некоторых калужских говоров [Касаткина (ред.) 1999: 38], второй упрежденный звукотип – для говоров воронежско-липецкого ареала [Фомина 1980: 9]. Как в первом, так и во втором случае [ы] может реализовываться неоднородным гласным, представляющим изменение по ряду: от более заднего к более переднему.

На рис. 2.39 и 2.40 представлены осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности двух словоформ с различными звукотипами на месте ударного [ы]: во-первых, форма *был* с дифтонгом [ы̆ы̆], записанная в Калужской обл., и во-вторых, форма *мыкать* с дифтонгом [ы̆й̆], записанная в Липецкой обл. На обоих графиках хорошо видна дифтонгичность [ы]; в первом случае начальная фаза этого гласного образуется в зоне средне-заднего ряда, затем гласный продвигается в среднюю зону образования (F_2 от 1300 до 1600 Гц), во втором – неоднородный гласный представляет переход от средне-среднего к переднему ряду (F_2 от 2000 до 3000 Гц). Дифтонгичность [ы] характерна также и для русского литературного произношения [Томсон 1910: 163, 239, 240; Бондарко 1998: 56].

2.6. Качественная характеристика аллофонов /a/

Наиболее распространенный аллофон фонемы /a/ в архаических южно-русских говорах – упередненный гласный нижнего подъема [a] с $F_1=700-900$ Гц, $F_2=1500-2000$ Гц; высокие значения F_2 свидетельствуют о более переднем, чем в литературном языке, образовании этого гласного [Фомина 1980: 5]. По данным З.М. Альмухамедовой и Р.Э. Кульшариповой звукотип [ạ] «характерен для тех говоров, в которых употребителен [o] или [q]», что дает возможность увеличения контраста между аллофонами /a/ и /o/. Подобная особенность, то есть упереднение основных реализаций /a/, отмечается и в других южно-русских говорах: тульских, орловских, калужских, воронежских [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 13].

В некоторых оскольских говорах происходит значительное понижение подъема аллофонов /a/ (появление на месте этой фонемы звукотипа [ạ] с $F_1=1000$ Гц) [Корпечкова 2012]. Подобное изменение связано, во-первых, с общей тенденцией звукового строя говора к локализации непередних гласных в более низкой зоне, во-вторых, с конкуренцией старой (диссимилятивной) и новой (ассимилятивной) связей, оформляющих фонетическое слово

в целостную единицу: понижение подъема ударного [a] создает необходимый контраст с *a*-образными гласными 1-го предударного слога, образующимися на более высоком уровне подъема (см. § 1.4).

Реализации фонемы /a/ также могут быть представлены дифтонгами и полифтонгами: как правило, сложный звук на месте /a/ состоит из двух фаз – первой (более закрытой) и второй (более открытой), хотя иногда в этой позиции отмечаются и закрывающиеся дифтонги типа [a̠a̠]. На рис. 2.41 представлены осциллограмма и спектрограмма формы *держали*, записанной в Калужской обл. На графике видно, что фонема /a/ реализована открывающимся дифтонгом [a̠a̠]: F₁ от 670 до 750 Гц, F₂ 1700 Гц на всем протяжении. Иногда в речи информантов старшей возрастной группы первый участок подобного звукового комплекса может образовываться в зоне передне-среднего ряда повышено-нижнего подъема и имеет *ε*-образный тембр: *ведр[ε̠a̠]*, *у бинт[ε̠a̠]х* (для начальной фазы характерна F₁ в области 640–700 Гц и F₂ – 1800–2000 Гц, см. рис. 2.42).

После мягкого согласного на месте /a/ довольно часто произносятся дифтонги или дифтонгоиды с начальной *e*-образной или *и*-образной фазами: *в лагер[ε̠a̠]х*, *ч[ε̠a̠]с*, *оставл[ε̠a̠]ть*, *кол[ε̠a̠]ска*, *пр[ε̠a̠]ли*, *нелъз[ε̠a̠]*, *оп[ε̠a̠]ть*, *сто[jε̠a̠]ть*, *на плеч[ε̠a̠]х*, *по пятьдес[ε̠a̠]т*, *удар[ε̠a̠]ть*, *п[ε̠a̠]тнами* и др. Подобные примеры широко распространены в различных южнорусских говорах и могут встречаться в диалектных системах, не обладающих другими архаическими чертами, например в говорах Тульской группы (см. рис 2.42, на котором представлена форма *оп[ε̠a̠]ть*, записанная в окрестностях Тулы). Следует отметить, что перед дифтонгом [ε̠a̠] могут произноситься твердые согласные: *м'итε̠а̠шка*, *рε̠адэм*, *лэ̠шэдε̠а̠х*, *фс̠ε̠а̠к'иш* [Касаткина (ред.) 1999: 127], что дает возможность интерпретировать эти гласные звуки как представители особой фонемы /a̠/ [Касаткин 2005а: 32] или /я/ [Тер-Аванесова 2008: 72–73].

Рис. 2.37. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *нал[у̇]гом* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

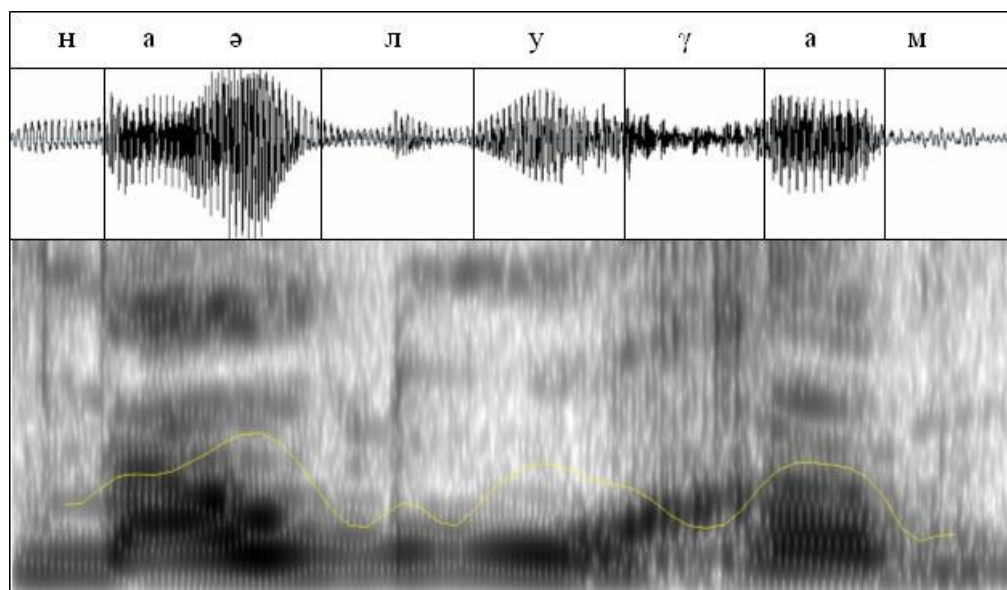

Рис. 2.38. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *отт[у̇]да* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

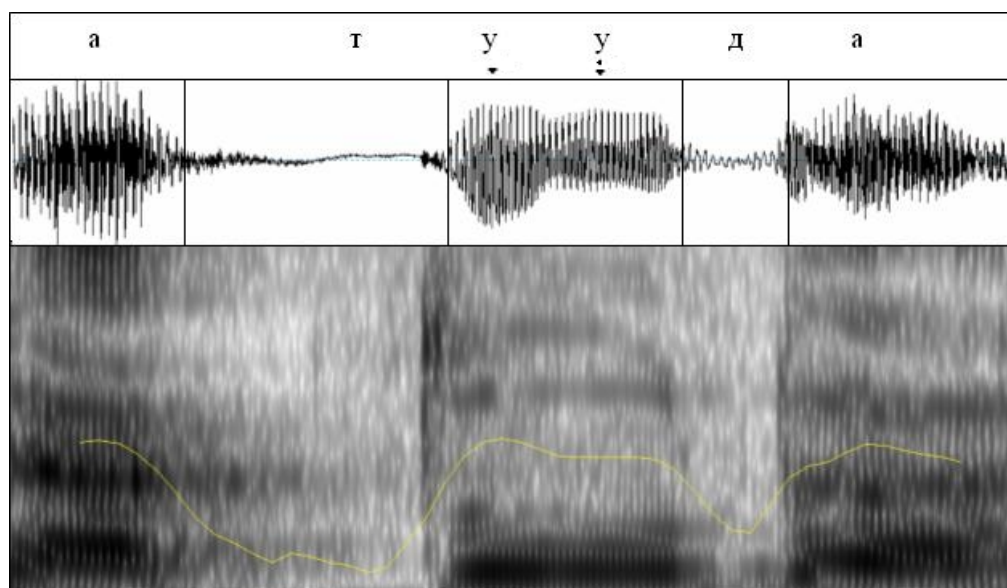

Рис. 2.39. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы б[ы́]л (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

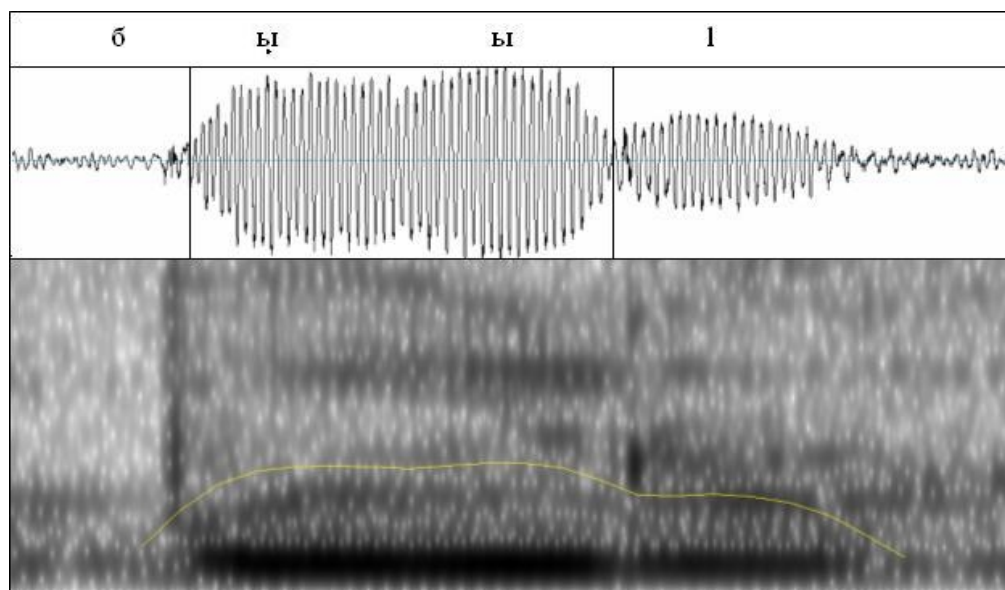

Рис. 2.40. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы м[ы́]кать (с. Отскочное Хлевенского р-на Липецкой обл.)

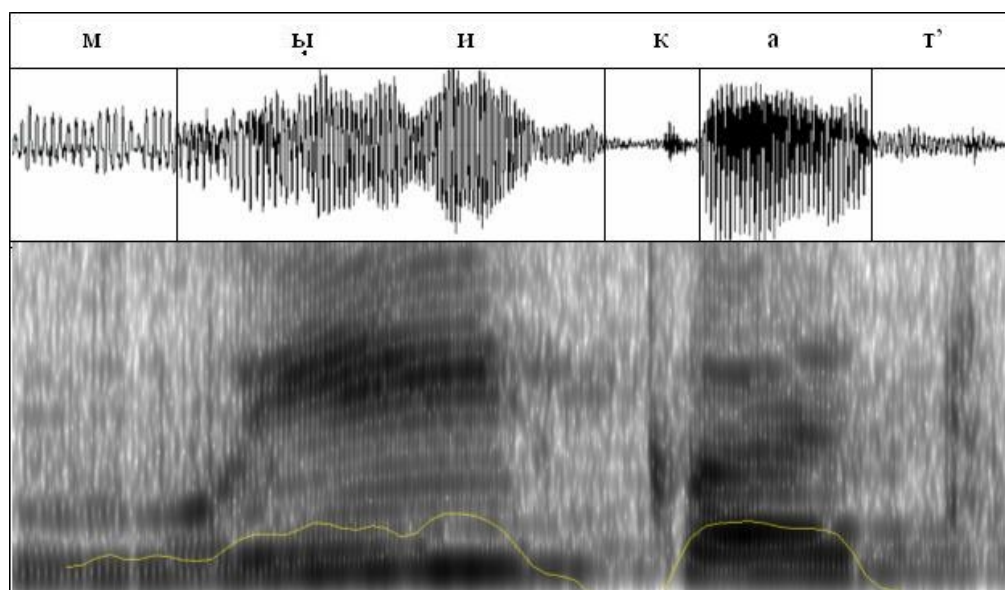

Рис. 2.41. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы держ[а́]ли
(с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

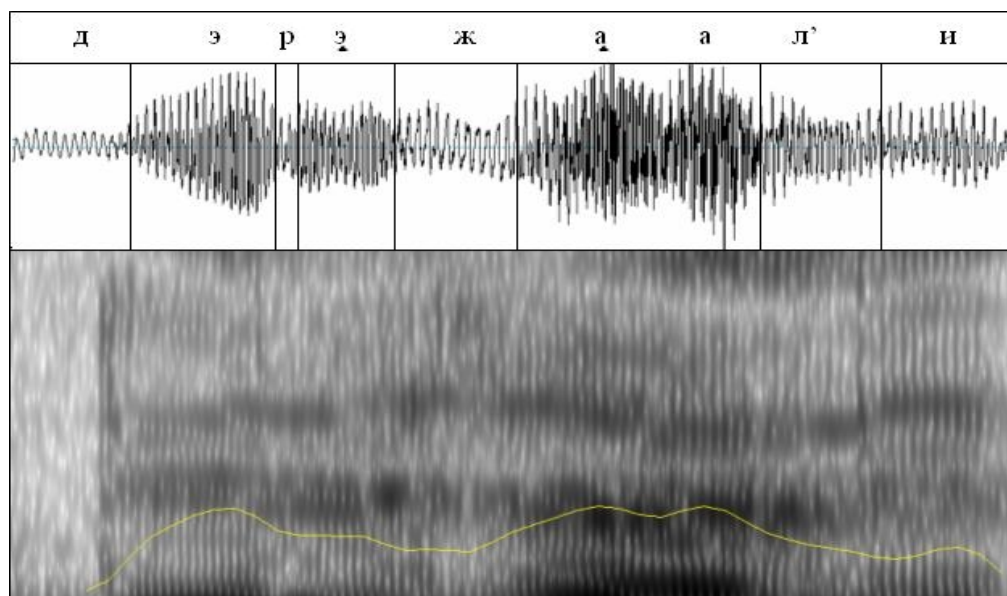

Рис. 2.42. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы Р.п. ед.ч. ведр[э́]а
(с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

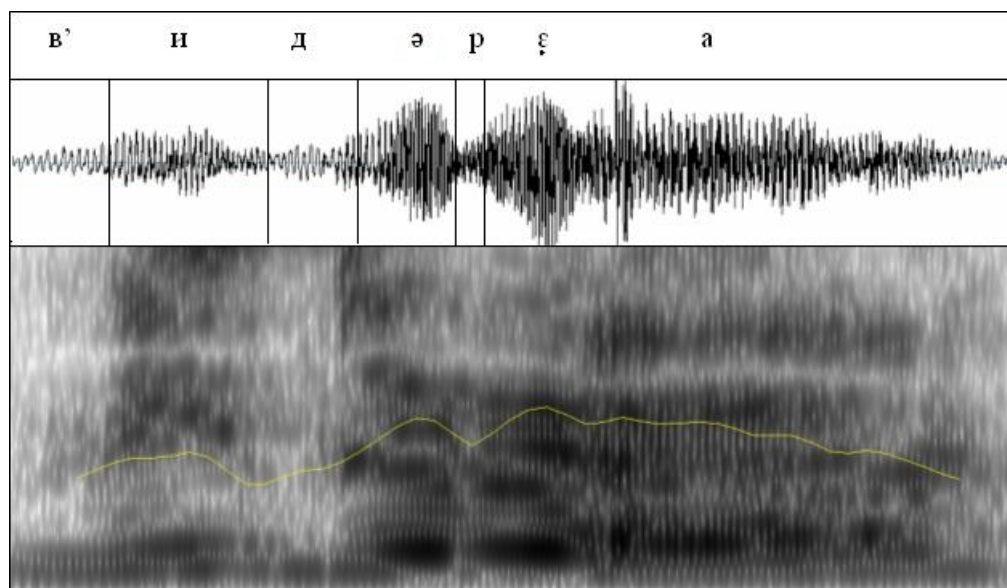
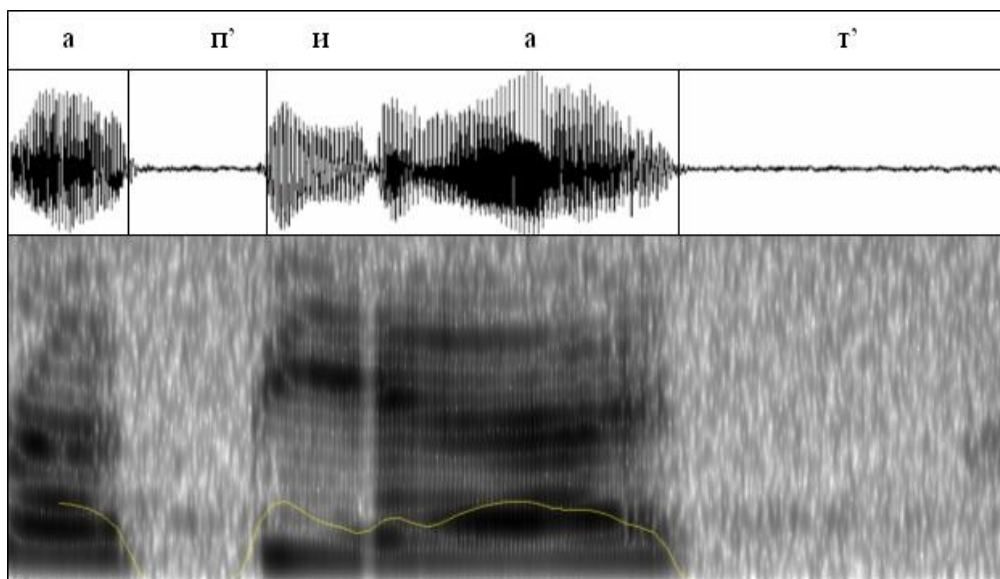

Рис. 2.43. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *он[[́]и́а]ть* (с. Никольское Щёкинского р-на Тульской обл.)

2.7. Диахроническая интерпретация представленного материала

Проблема происхождения фонем /*ω*/ и /*o*/, /*ѣ*/ и /*e*/, их артикуляционных особенностей и позднейших трансформаций в восточнославянских языковых ареалах рассматривалась во многих работах диалектологов и историков языка. В обобщенном виде многочисленные гипотезы, высказанные по этому вопросу, можно свести к двум основным реконструкциям, см. [Горшкова, Хабургаев 1997: 65]. Первая реконструкция предполагает, что в древнерусском языке фонема /*ѣ*/, а также фонема /*ω*/ (вошедшая в систему позднее) реализовывались гласными неоднородного тембра. Эта теория была выдвинута А.А. Шахматовым³⁴: «В весьма древнюю эпоху жизни русского языка имело место диалектологическое явление, по которому исконное *o* в положении под ударением за согласною переходило в дифтонг *ѡ̄* <...>. Утверждает меня в таком предположении параллельное развитие *ѣ̄* – *ê* в тех говорах, где известны *ѡ̄* – *ô*; едва ли подлежит сомнению, что *ѣ̄* (из древнего *ѣ*) древнее *ê* (на месте

³⁴ Впрочем, еще Ф.Е. Корш и Ф.Ф. Фортунатов писали о дифтонгическом характере *ѣ* в общерусском языке [Корш 1881: 139; Фортунатов 1952: 14, 50, 55].

ѣ)» [Шахматов 1964 (1912): 117]³⁵, см. также [Шахматов 1915: 81–82, 114–116].

Теория А.А. Шахматова была развита в работах Н.Н. Дурново, который также считал, что «гласные ѣ и о старое (не из ѣ) под восходящим ударением <...> звучали как гласные смешанной артикуляции, начинавшейся с верхнего подъема, или как дифтонги с гласной верхнего подъема в первой части», что подтверждается данными «архаических северновеликорусских и северномалорусских говоров»; неоднородность тембра гласного /ѣ/ древнерусский язык унаследовал из праславянского [Дурново 2000 (1924): 112, 179, 184–185; Дурново 1929: 717–718]. Эту теорию разделял также В.В. Виноградов, по мнению которого на дифтонгический характер древнерусского ѣ указывают не только материалы современных говоров, но и некоторые слова, заимствованные литовцами из древнерусского языка [Виноградов 1922: 168], см. также [Кульбакин 1919: 20, 25].

Другая реконструкция связана с именем А.М. Селищева³⁶. Полемизируя с Н.Н. Дурново, А.М. Селищев писал: «Прежде чем отодвигать вологодские или северноукраинские, словацкие, сербохорватские *ie* в эпоху праславянскую, требуется дать ответ на вопрос: не появились ли того или иного вида *ie* данных групп в их отдельной жизни? Ведь *ie* в этих говорах может быть и вместо **e*, подвергшегося удлинению и вместе с тем сужению \bar{e} <...>. Параллельно с этим происходила судьба \bar{o} : $\bar{o} \rightarrow \bar{uo}$... [Селищев 1968 (1927): 175–176]; в поздней работе: «<...> \bar{e} (ѣ) представлял собою в давнее время не дифтонг *ie*, как некоторые думают, а гласный высокого, напряженного обра-

³⁵ Указанная работа А.А. Шахматова предназначалась к печатанию в кн. 4 «Известий ОРЯЗ» за 1912 г., однако «она не увидела света по причинам, хорошо изложенным Л.Л. Васильевым [1927: 15 и сл.]: А.А. Шахматов решил подождать с печатанием своей статьи до появления в свет работы Л.Л. Васильева» [Колесов 1964: 107].

³⁶ О. Брок, обнаруживший дифтонги на месте ѣ и ѡ в говоре с. Шуйского Тотемского уезда Вологодской губ., также считал, что сочетания [иѣ] и [ѡѣ] представляют собой дальнейшее развитие первоначальных однородных гласных [ê] и [ô], являются результатом «распадения» последних [Брок 1907: 31–32, 50–51].

зования, \hat{e} , с мягкостью предшествующего согласного» [Селищев 1941: 91]³⁷. Подобной точки зрения придерживались К.В. Горшкова и Г.А. Хабургаев, по мнению которых «с исторической точки зрения больше оснований предполагать, что древнерусский звук, обозначавшийся буквой ѣ, являлся узким долгим монофтонгом, который в отдельных говорах мог преобразовываться в узкий дифтонг типа [иѣ] <...>. Параллельно [ê:] в древнерусских говорах развивался узкий лабиализованный гласный непереднего ряда [ô:]» [Горшкова, Хабургаев 1997: 65]; см. также [Горшкова 1972: 109, 114].

Приведенный выше материал свидетельствует о том, что в центре внимания большинства исследователей находилась проблема эволюции фонем /ѣ/ и /ѡ/, но оставались в стороне вопрос о развитии их коррелятов /е/ и /о/, а также проблема практической реализации противопоставления /ѣ/ ~ /е/ и /ѡ/ ~ /о/ на различных исторических этапах развития. Подобное изолированное рассмотрение судьбы фонем верхне-среднего подъема (вне общего вокалического контекста) было определено общим уровнем знания о языковой системе русского диалектного языка. Теоретические схемы, созданные изначально как гипотетические диахронические модели, затем всегда верифицируются фактами современных говоров, сохраняющих в своей массе архаические пережитки различных этапов развития. Однако в конце XIX – первой половине XX века исследователи еще не имели в своем распоряжении необходимого фактического материала: артикуляционные и акустические характеристики гласных как элементов различных фонологических систем, характерных для русских говоров, долгое время оставались малоисследованной областью диалектологии. Такое положение препятствовало детальному изучению компонентов языковой структуры.

³⁷ Гипотезе А.М. Селищева близка другая концепция, которая констатирует изначальную вариативность диалектных реализаций /ѣ/, но признает основным вариантом этой фонемы монофтонг верхне-среднего подъема [e̞]: «<...> в древнерусском языке фонема /ѣ/, помимо типичного для нее варианта – закрытого гласного [ê], могла реализоваться также в [e] и дифтонгах [iê] или [iê̞], распространение которых в большинстве случаев было ограничено некоторыми позиционными условиями и диалектными ареалами» [Жовтобрюх та ин. 1979: 238]; о вариативности фонемы /ѣ/ в древнерусском языке см. также [Житецкий 1889: 90–81; Филин 1972: 176–177; Півторак 1988: 110; Иванов 1990: 70, 190].

Много нового для решения вопроса вокалической реконструкции дала обработка материалов по ДАРЯ, а также экспериментально-фонетическое изучение русских говоров, проведенное С.С. Высотским, Р.Ф. Касаткиной, Л.Л. Касаткиным. В результате этой работы был создан «фонд объективных, свойственных определенному звуковому строю данных», полученных «в результате точных физических и математических методов измерения компонентов звуков речи – тембра, длительности, интенсивности, высоты» [Высотский 1967: 5]. Правильное представление о физической природе гласных образований имеет существенное значение не только для их фонологической интерпретации, но и для выявления этапов исторического развития вокализма различных говоров, неслучайно постепенное накопление нового материала, а также развитие инструментальных методов исследования в фонетике способствовали уточнению и пересмотру старых эволюционных концепций.

Так, С.С. Высотский обнаружил в говоре д. Лека, который ранее обследовал А.А. Шахматов, не только дифтонги [иѐ] и [уо] в соответствии с фонемами /ѣ/ и /о/, но также дифтонги [еи] и [оу], произносящиеся на месте этимологических *е, *ь, *о под нисходящем ударением и *ъ [Высотский 1949: 24–31]. Такое противопоставление «н и с х о д я щ и х дифтонгов, а чаще – дифтонгоидов $\widehat{\delta}^v$, \widehat{e}^u дифтонгическим образованиям обратной структуры – в о с х о д я щ и м $\widehat{y}o$, $\widehat{u}e$ создает в говоре значительный контраст, способствующий различению фонем /о/ и /ѡ/, /е/ и /ѣ/» [Высотский 1967: 44]. В различных русских говорах были отмечены и другие дифтонги: [оу] (в соответствии с [у]) [Касаткин 1999: 378], [ьи] (в соответствии с [ы]) [Томсон 1910: 163, 239, 240; Высотский 1967: 39; 1978б: 98–109; Антонова 1974: 52], [еа], [иа], [ео], [ио], [иу] [Бубрих 1913: с. 315–317; Касаткин 1999: 152, 162–164, 376–378; Пауфошима 1983: 37–41; Тер-Аванесова 2001: 152].

Наличие в некоторых диалектных системах под ударением разнообразных дифтонгов Л.Л. Касаткин объясняет архаичностью их вокалических систем: «Исторический процесс развития русского языка характеризуется процессом монофтонгизации дифтонгов, еще не завершившимся в ряде говоров до сих пор» [Касаткин 1999: 390]. Проанализировав структуру распределения гласных неверхнего подъема в подобных архаических русских говорах различной локализации, Л.Л. Касаткин пришел к выводу, что в наиболее архаичном виде semifонемная система вокализма реализовалась как система восходящих и нисходящих дифтонгов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов: $[\widehat{y}o] \sim [\widehat{o}y]$ и $[\widehat{ie}] \sim [\widehat{ei}]$, таким образом, эта система может быть признана прототипичной для всех остальных разновидностей semifонемного вокализма, представленных в русских диалектах [Касаткин 1999: 388–389], см. схему 2.11; стрелки на этой схеме показывают основное движение дифтонгов, реализующих фонемы /ѣ/, /о/, /е/ и /о/.

Схема 2.11

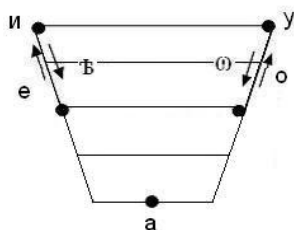
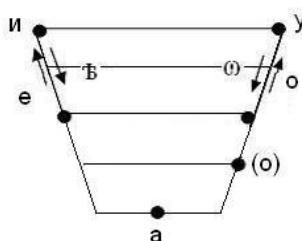

Схема 2.12

Материал южнорусских говоров полностью подтверждает это предположение: наличие однотипных образований определенной структуры на месте /ѣ/ и /о/ в говорах различной локализации свидетельствует о дифтонгической природе этих гласных в древнерусском языке. В пользу данного предположения говорит также характер субституций фонемы /ѣ/ в севернорусских, украинских и белорусских говорах: здесь отмечаются различные монофтонги верхнего, верхне-среднего, среднего подъемов, а также различные

сложные гласные образования, которые легко возводятся к дифтонгу **ie*³⁸ [Касаткин 2005а: 32–33; Бевзенко 1980: 41–42; Карский 1955: 206–211; Крывіцкі 2003: 164–165, 184, 202–209, 212].

Вероятно, дифтонги на месте /ѣ/ обладали в древнерусском языке диалектной спецификой, связанной с распределением интенсивности и длительности между их компонентами. Так, в русских говорах новгородского типа, а также в подавляющем большинстве украинских говоров ѣ изменился в [и] ([i]) уже в XII–XIV веках [Зализняк 1995: 57; Жовтобрюх та ін. 1979: 240–241]. «Такое раннее изменение дифтонга на месте ѣ в *i* объясняется тем, что в соответствующих восточнославянских говорах издавна более отчетливо произносилась начальная закрытая часть дифтонга *ie*» [Вступ 1966: 104]. В других диалектных системах первая часть звукового комплекса *ie* была более краткой и/или менее интенсивной, что акустически сближало его с монофтонгом [e] и обусловило в дальнейшем переход ѣ в [e], см. [Горшкова 1972: 110]. Восточнославянские говоры, сохраняющие дифтонги на месте /ѣ/³⁹, и сегодня демонстрируют диалектные различия в распределении силы звука и соотношении компонентов соответствующих гласных образований, см. [Высотский 1967: 28–31; Касаткин 1999: 379–382; Тер-Аванесова 2006: 45, 49, 53; Іщенко 2010; Іщенко 2011].

Р.Ф. Касаткина обратила внимание на еще одну особенность, связанную с историей развития системы ударного вокализма в русском языке. В слободских говорах Харовского р-на Вологодской обл. она обнаружила следующую закономерность: в соответствии с **o* под нисходящим ударением в говоре произносится дифтонг [ou̯] и монофтонг [ɔ], а в соответствии с **ъ* – почти исключительно [ɔ]. Эту особенность Р.Ф. Касаткина интерпретирует как со-

³⁸ Ср. у Ю. Шевелёва: «В итоге можно утверждать, что во всех протоукраинских диалектах из *ě* развился дифтонг *ie*, который сохранился (под ударением) в Полесье, но перешел в *’ě* в юго-западном наречии и, вероятно, также на Киевщине» [Шевельов 2002: 262–263].

³⁹ А также на месте /ω/ в соответствии с различными принципами распределения /ω/ и /o/, свойственными восточнославянским диалектам [Зализняк 1985: 173–174].

хранение следов «древнего различия *o под нисходящим ударением и *ъ», то есть монофтонг [ɔ] был типичным воплощением фонемы /ъ/ в сильной позиции [Пауфошима 1983: 35–36; Касаткин 1999: 388]. Таким образом, вид исходной прототипичной системы может быть несколько уточнен, см. схему 2.12 (знак в скобках обозначает наличие факультативного варианта у фонемы /o/).

Однако «дифтонг – само по себе неустойчивое сочетание звуков», поэтому монофтонгизация «принадлежит к числу очень частых и распространенных явлений в языках мира» и возможна «как неспецифическая реакция на любые возмущающие обстоятельства» [Чекман 1979: 146]. В русском языке утрата дифтонгов связана с развитием тенденции к уменьшению напряженности артикуляционной базы: дифтонги – это неоднородные звуки, которые образуются в результате сложного комплекса движений артикуляционных органов [Касаткин 1999: 135].

Актуализация названной тенденции приводит к трансформации исходной прототипичной системы ударного вокализма, к преобразованию дифтонгов [y̆o] ~ [ŏy] и [ĭe] ~ [ĕi] в монофтонги. Этот процесс проходит в два этапа: на первом этапе монофтонгизируются нисходящие дифтонги, представляющие фонемы /o/ и /e/, на втором – восходящие. В зависимости от конкретной системы на месте фонемы /o/ появляются звуки верхне-среднего и среднего подъемов [ɔ] и [o], на месте фонемы /e/ – звуки среднего и средне-нижнего подъемов [e] и [ɛ]; основными реализациями фонемы /ъ/ становятся гласные [ɛ] и [e], фонемы /е/ – гласный [e].

Монофтонгизация дифтонгов перестраивает вокалическую систему говоров. И хотя в результате количество гласных фонем остается прежним (в отдельных системах возможно лишь появление зон неразличения), в артикуляционном пространстве увеличивается число звукотипов. Например, раньше основными реализациями фонем /o/ и /e/ были сложные звуки [y̆o] ~ [ŏy], отличавшиеся друг от друга восходящей или нисходящей артикуляцией (в за-

висимости от места слогового элемента) и противопоставленные аллофонам фонем /y/ и /a/ прежде всего как дифтонги – монофтонгам. После преобразования системы стало больше монофтонгов, следовательно, вариативность артикуляторных характеристик, присущих основным аллофонам фонем /y/, /ω/, /o/ и /a/, значимо уменьшилась. Сокращение зон рассеивания звукотипов требует более сильного напряжения речевого аппарата при их произнесении, что снова входит в противоречие с развивающейся тенденцией к уменьшению напряженности артикуляционной базы. Существует два пути устранения этого противоречия.

Во-первых, возможно упрощение самой системы предупредительного вокализма, устранение противопоставления фонем /ѣ/ ~ /е/ и /ω/ ~ /о/. Как показывают данные современных говоров, сначала утрачивается противопоставление /ѣ/ ~ /е/, затем /ω/ ~ /о/, что связано с особенностями протекания процесса монофтонгизации (подробнее см. [Касаткин 1999: 393]). Как правило, в результате складывается пятифонемная система вокализма, сходная в общих чертах с системой литературного языка. Подобное развитие характерно для Курско-Орловской и Тульской групп: здесь представлены пятифонемные системы вокализма, которые могут сохранять лишь следы прежнего различения /ѣ/ ~ /е/ и /ω/ ~ /о/ (примеры см. в [Касаткина (ред.) 1999: 66, 84–85, 89; Волкова 2003: 61–67]) или лексикализованное произношение [и] в соответствии с фонемой /ѣ/ в словах *дѣверь* ‘брат мужа’, *ѣсть* (*ѣисть*) ‘есть, кушать’, *сѣвер*, *сѣверко* ‘холодный северный ветер’, *свидѣтель* ‘свидетель’, а также в производных типа *дѣверев*, *дѣвернин* ‘принадлежащий деверю’, *поѣсть* (*пойѣсть*) ‘поесть’ *засѣвереть* ‘похолодать’ и т.д. [СОГ 3: 56; 4: 81, 159; 10: 100; 13: 70, 114; СДГВО 2: 42, 344, 347; 4: 323; 5: 177; СВГ 2: 178; КСВГ].

Во-вторых, расширение артикуляционных зон семи гласных фонем возможно за счет увеличения челюстного раствора. Очевидно, что чем «больше челюстной раствор, тем меньшая напряженность артикуляции нуж-

на, чтобы произвести “нужное” качество звука» [Касаткин 1999: 133]. При расширении артикуляционного пространства основными реализациями фонем /o/ и /e/ становятся исключительно гласные средне-нижнего подъема [ɔ] и [ɛ], причем гласный [ɔ] может смещать локус в зону аллофонов фонемы /a/ литературного языка, соответственно, на месте фонемы /a/ в такой системе появляются более открытые или упередненные звуки, что отмечается, например, в некоторых белгородских говорах. Аллофоны фонем /ɤ/ и /ω/ обычно локализуются в зоне среднего подъема. Подобный вариант развития возможен только при наличии в говорах тенденции к симметричности, «геометризации» отношений между гласными. Ее действие приводит к развитию систем противопоставлений /ɤ/ ~ /e/ и /ω/ ~ /o/ как оппозиции двух степеней подъема: средний ~ средне-нижний.

Очевидно, что развитие системы гласных по второму пути развития следует ожидать лишь в том случае, если на месте фонемы /e/ появляется гласный средне-нижнего подъема, то есть звукотип, соответствующий по степени подъема основной реализации фонемы /o/. Результатом подобной трансформации системы становится сохранение семи гласных фонем при увеличении их зоны рассеивания, что соответствует общему условию изменений – уменьшению напряженности артикуляционной базы.

Однако различие четырех степеней подъема, как правило, довольно быстро устраняется системой: семь гласных фонем в большинстве русских говоров могут последовательно функционировать только при стабильном сохранении дифтонгических образований на месте /ɤ/ и /ω/. Исключение представляют лишь некоторые северо-восточные (вологодско-вятские) и юго-западные (калужские) говоры, отличающиеся напряженной артикуляционной базой.

Поэтому даже в тех говорах, где происходит расширение артикуляционного пространства, вокалическая система со временем также упрощается за счет совпадения фонем /ω/ и /o/, /ɤ/ и /e/. Алгоритм подобного изменения

представлен в некоторых рязанских говорах. Здесь формируется особая вокалическая система, при которой звук [ɔ], реализующий фонему /o/, с одной стороны, противопоставляется [o], реализующему /ω/, с другой – постепенно становится свободным в употреблении, распространяясь на новые слова, а также спорадически заменяя [o] на месте этимологического ω. В этих говорах отмечаются примеры типа *т[ɔ]рф*, *анекд[ɔ]т*, *[ɔ]черк*, *колх[ɔ]з*, *фр[ɔ]нт*, *гер[ɔ]й*, *зак[ɔ]н*, *шк[ɔ]ла*, *вин[ɔ]*, и даже *д[ɔ]брого*, *на γ[ɔ]рку*, *к[ɔ]нчил*, *х[ɔ]дя*, *раб[ɔ]тала*, *ик[ɔ]ны* (подобные вокалические системы представлены в говорах сел Боршевбе и Липяги Милославского р-на Рязанской обл.). В результате такого развития может появиться система, при которой «вместо двух фонем – <ω> и <o> – существует лишь одна, однако репрезентированная не звуком [o], как в большинстве южнорусских говоров, но звуком [q]» [Высотский 1975: 4].

Описанная тенденция приводит к формированию пятифонемной системы вокализма. Ее главная особенность: фонемы /o/ и /e/ реализуются в гласных более пониженного подъема, чем в литературном языке: на месте /o/ произносится открытый слабо лабиализованный [ɔ], на месте /e/ – [ɛ]. Наличие большой зоны рассеивания для реализаций фонем /и/ и /у/ определяет потенциальную возможность сохранения ими пониженной зоны образования (подобные вокалические системы представлены в некоторых рязанских, тульских, а также среднерусских акающих говорах [Кульшарипова 1974: 114; Касаткина (ред.) 1999: 137]). Пятифонемную систему вокализма с гласными средне-нижнего подъема [ɔ] и [ɛ] на месте /o/ и /e/ любого происхождения С.С. Высотский отмечал также в Солодчинском р-не Рязанской обл. [Высотский 1967: 25].

Произношение неоднородных гласных на месте [ы] также можно признать архаической диалектной чертой, которая, по всей видимости, свидетельствует о том, что в праславянский период «делабиализация *и:₁ проходи-

ла через стадию дифтонгизации (но не бифонемизации!) *u: > **[чⁱ]» > *y:» [Попов 2004: 152]. На изначальную дифтонгичность славянского *у указывают многочисленные факты, приведенные Л. Мошинским [1972: 64–65], см. также [Чекман 1979: 192–193].

В результате делабиализации древнего *ū появился гласный заднего ряда [ш], который затем через стадию дифтонга начал продвигаться в более передний ряд. Это изменение было обусловлено общим давлением системы: в частности развитием в славянских языках «нового» и (из дифтонгов *аи и *оу)⁴⁰. Однако долгое время упреждение гласного [ы] было ограничено. По всей видимости, до формирования противопоставления согласных по твердости-мягкости в русских говорах твердые (немягкие) согласные произносились не только перед [ы], но и перед [и]. Эти гласные выступали в одной и той же позиции и представляли на этом этапе разные функциональные единицы. Основной реализацией фонемы /и/ был звук [и̣], сдвинутый (как в украинском языке) в область передне-среднего ряда, основной реализацией фонемы /ы/ – гласный заднего ряда [ы̣]⁴¹.

Возможно, контраст между аллофонами /ы/ и /у/ создавался не только наличием/отсутствием лабиализации, но и основной зоной их локализации: в соответствии с фонемой /у/ произносились гласные пониженно-верхнего или верхне-среднего подъема. Лишь после утверждения у согласных фонологической категории твердости-мягкости происходит упреждение гласных [и] и [ы], что обусловило и возможность повышения подъема основных реализаций фонемы [у]. Таким образом, можно согласиться с Р.Э. Кульшариповой, которая считает звукотип [у̣] верхне-среднего подъема более архаичной (по сравнению с [у] верхнего подъема) реализацией фонемы /у/ [Кульшарипова 1974: 114].

⁴⁰ По мнению Л. Мошинского, «изменение праиндоевр. *ū в ѓи в праславянском языке было последствием изменения праиндоевр. *ou, *au > *ū₂» [Мошинский 1972: 64].

⁴¹ Рефлексы подобной системы до сих пор отмечаются в некоторых архаических русских говорах [Касаткин 2005а: 32].

Очевидно, что фиксация в говоре с пятифонемным вокализмом звуков пониженного образования на месте /y/, /o/ и /e/ может свидетельствовать об архаичности этой системы, о наличии в недалеком прошлом противопоставления /ω/ ~ /o/ и /ѡ/ ~ /e/.

Упередненность реализаций фонемы /a/, фиксирующаяся в архаических русских говорах [Фомина 1980: 5; Пауфошима 1964], также может свидетельствовать о том, что в диалектной системе различается или различалось в недалеком прошлом семь гласных фонем.

2.8. Выводы

1. В большинстве говоров конститутивным признаком фонем /ѡ/ и /ω/ должно быть признано скольжение тембра от верхнего к среднему подъему (с постепенным нарастанием интенсивности), что свидетельствует о том, что в таких системах «отсутствует – по крайней мере с фонетической точки зрения – четыре уровня подъема гласных, а часть фонем реализуется сочетанием реализаций некоторых других фонем» [Ваахтера 2009: 107]. Следует также иметь в виду, что противопоставление верхне-среднего и среднего подъемов, постулируемое иногда для фонем /ѡ/ ~ /e/ и /ω/ ~ /o/, в целом «достаточно неустойчиво и обычно поддерживается (сопровождается) каким-то другим признаком» [Попов 2004: 236].

2. Фонетическая структура основных дифтонгов в соответствии с /ѡ/ и /ω/ обнаруживает полный параллелизм, что, во-первых, свидетельствует о дифтонгической природе гласного /ѡ/ в древнерусском языке; во-вторых, подтверждает мнение о том, что фонема /ω/ появилась как задний коррелят фонемы /ѡ/ в результате развития тенденции к симметризации структуры древнерусской фонологической системы [Журавлев 1963: 18; Мошинский 1965: 10; Хабургаев 1979: 59; Попов 2004: 151].

3. Иное соотношение отмечается между основными аллофонами /e/ и /o/, что объясняется общими различиями в поведении передних и задних

гласных. То есть тенденция к симметризации вокалической системы всегда «принципиально ограничена асимметрией речевого аппарата» [Журавлев 1986: 178] и проявляется в большинстве говоров с семифонемным вокализмом как тенденция, которая обычно не получает последовательного выражения.

4. Нарушение динамической структуры звукового комплекса на месте фонем /ѣ/ и /ѡ/, нередко сочетающееся с изменением его тембральных свойств, а также с модификацией слоговой структуры фонетического слова, свидетельствует о развивающемся процессе монофтонгизации дифтонгов, что обычно приводит к устранению противопоставления фонем /ѣ/ ~ /е/ и /ѡ/ ~ /о/.

5. Противопоставление монофтонгов на месте фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ может проводиться последовательно только в тех говорах, которые сохраняют общую напряженную артикуляционную базу. Подобные диалектные системы характерны как для ряда севернорусских говоров, так и для некоторых южнорусских говоров юго-западной зоны. Наличие этой архаической особенности в некоторых диалектных системах с ярко выраженной южнорусской основой свидетельствует о том, что общая напряженность артикуляционной базы когда-то была присуща всем говорам русского языка.

6. Некоторые южнорусские пятифонемные системы вокализма сохраняют рефлексы этимологических /ѣ/ и /ѡ/, противопоставляющих их /е/ и /о/. Так, на месте /ѡ/ может появляться гласный, отодвинутый назад по ряду, а на месте /ѣ/ – дифтонг с одинаковой длительностью *e*-образного ядра и *i*-образного начального элемента.

7. Фиксация в говоре с пятифонемным вокализмом звуков пониженного образования на месте /y/, /o/ и /e/ может свидетельствовать об архаичности этой системы, о наличии в недалеком прошлом противопоставления /ѣ/ ~ /е/ и /ѡ/ ~ /о/.

8. Наличие дифтонгов различной степени продвинутости по ряду в соответствии со звуком [ы], по-видимому, указывает на дифтонгическое разви-

тие в праславянском $*\bar{i} \rightarrow *y$ с постепенным продвижением из заднего в более передний ряд.

9. Значительное понижение подъема аллофонов /a/, отмечающееся в некоторых южнорусских говорах, связано, во-первых, с общей тенденцией звукового строя говора к локализации непередних гласных в более низкой зоне, во-вторых, с конкуренцией старой (диссимилятивной) и новой (ассимилятивной) связей, оформляющих фонетическое слово в целостную единицу: понижение подъема ударного [a] создает необходимый контраст с *a*-образными гласными 1-го предударного слога, образующимися на более высоком уровне подъема.

ГЛАВА 3.

Архаические типы диссимилятивного аканья и яканья

3.0. Введение

Вопрос об эволюции южнорусских систем предударного вокализма неоднократно затрагивался в исследованиях диалектологов и историков языка, однако и сегодня его нельзя считать в достаточной степени изученным. Прежде всего, причины этого кроются в недостаточном знании и использовании при диахронической интерпретации фактического диалектного материала: анализ хрестоматийных схем аканья и яканья без учета всего комплекса языковых фактов приводит к неверным выводам и порождает обобщения, неадекватные действительности. Это заведомое упрощение реальной картины отнюдь не способствует научной разработке вопроса и, в конечном счете, препятствует созданию типологии систем предударного вокализма.

Архаические типы предударного вокализма также не стали исключением: их описанию посвящена большая литература, однако, как правило, внимание лингвистов было приковано исключительно к произношению гласных в 1-м предударном слоге конкретной разновидности аканья или яканья. Кроме того, сами системы анализировались на основании вторичных источников, например, материалов, собранных для ДАРЯ [Захарова 1959; 1961; 1970; 1971], что сразу же накладывало на исследование определенные ограничения: собранный материал не всегда давал возможность установить и интерпретировать специфические особенности системы ударного вокализма, а также характер связи между типами аканья и яканья. Очевидно, что только комплексный подход, учитывающий все элементы общей системы вокализма, позволит проанализировать существующие архаические типы предударного вокализма как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах.

Под архаическими типами предударного вокализма понимаются такие модели аканья и яканья, которые по-разному реагируют на гласные верхнего и верхне-среднего подъемов, с одной стороны, и на гласные среднего и ниж-

него подъемов — с другой (см. таблицу 3.1). Как известно, архаическое яканье было открыто и описано в начале XX века [Васильев 1905: 336–355; Дурново 1917: 40–73], соответствующий тип аканья был обнаружен дважды: в 1920-х годах Н.Н. Дурново [Дурново 1929: 317] и в 1950-х – И.С. Делюсиной⁴², а затем Т.Ю. Строгановой [Строганова 1955: 94–103]. Но и Н.Н. Дурново, и И.С. Делюсина, и Т.Ю. Строганова производили анализ материала на основании только слуховой оценки диалектного произношения, без подтверждения слуховых образов с помощью инструментального анализа, поэтому вплоть до 1970-х годов существование этой модели подвергалось сомнению некоторыми учеными, например Ф.П. Филиным [Филин 1968: 59].

Таблица 3.1. Архаические типы диссимилятивного вокализма

Типы вокализма	Гласные под ударением		Гласные в 1-м предударном слоге	
	и, ъ,	у ѡ	о, а	е
Архаическое диссимилятивное аканье			а	э
Архаическое диссимилятивное яканье Задонского типа			а	е
Архаическое диссимилятивное яканье Обоянского типа			а	и

Магнитофонные записи, сделанные в 1960–80-е годы в различных южнорусских говорах, документально подтвердили существование этого типа вокализма: он был обнаружен в некоторых населенных пунктах Новооскольского и Алексеевского р-нов Белгородской обл., Россошанского р-на Воронежской обл., Хлевенского р-на Липецкой обл. (образцы звучащей речи из

⁴² И.С. Делюсина, аспирантка С.С. Высотского, в начале 1950-х годов «собрала материал, подтверждающий существование этого типа аканья, но результаты своих наблюдений опубликовать не успела. В 1955 году появилась статья Т.Ю. Строгановой, где на материале говоров нескольких деревень Воронежской, Липецкой и Белгородской областей описана модель диссимилятивного аканья архаического типа, параллельная модель диссимилятивного аканья обоянского типа [см. Строганова 1955]» [Касаткина, Щигель 1995: 295].

этих населенных пунктов приведены в [Касаткина (ред.) 1999]). Архаические модели диссимилятивного вокализма и сегодня функционируют в южнорусских говорах как живая закономерность, которой подчиняются не только старые, но и новые слова, вошедшие в говор сравнительно недавно. Диалектологические экспедиции Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН 1999–2010 гг. выявили архаические типы аканья и яканья в селах Роговатое и Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл., в с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл., в с. Татарино Каменского р-на Воронежской обл., в селах Исто́бное и Красноли́пье Репьёвского р-на Воронежской обл. Следы архаического аканья, сочетающегося с диссимилятивно-умеренным яканьем архаической разновидности, отмечены в с. Зайцево Белёвского р-на Тульской обл. и с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.

3.1. Основные звукотипы в 1-м предударном слоге после твердых согласных

Отличительной особенностью говоров с архаическими типами вокализма является наличие в 1-м предударном слоге двух степеней редукции гласных неверхнего подъема – как после твердых, так и после мягких согласных. Так, в позиции после твердых согласных и перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъемов здесь обычно произносится долгий интенсивный звук [a], тогда как перед ударными гласными среднего и нижнего подъемов – звуки [ə], [a̠], [ə^o], значительно сокращенные и ослабленные.

По своим количественным и спектральным характеристикам звукотип, отмечающийся перед ударными /и/, /у/, /ѣ/ и /ω/, как правило, соответствует основному аллофону /a/, характерному для говоров с архаическими типами вокализма (подробнее см. § 2.6). Длительность этого предударного гласного обычно составляет 120–140 мсек, он отличается значительной напряженностью и интенсивностью, превосходя по этим параметрам соответствующие ударные гласные верхнего и верхне-среднего подъемов. Так же как и основ-

ной аллофон фонемы /a/, гласный [a] в отмеченной позиции характеризуется пониженным и упрежденным образованием (его F_1 может достигать 1000–1100 Гц, F_2 – 1800–2000 Гц) и зачастую имеет неоднородную структуру. Как правило, сложный звук состоит из двух фаз – первой более закрытой и второй более открытой, в позиции перед мягким согласным последняя фаза подобного гласного образуется в зоне передне-среднего или даже переднего ряда.

Этот звукотип по количественным и качественным параметрам значительно отличается от предударного [a], характерного для речи носителей литературного языка (на слух воспринимается как «полоротый a») ⁴³, и имеет почти исключительное распространение в позиции перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъемов.

На рис. 3.1 и 3.2 представлены словоформы *доктори́ца* и *колéнки*, записанные в с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. На графиках отчетливо видно, что сложный гласный, произнесенный в 1-м предударном слого, состоит из трех частей. В первом примере начальная фаза, составляющая 34 мсек, или около 27 % общей длительности гласного, локализуется в зоне нижнего подъема передне-среднего ряда ($F_1=730$ Гц, $F_2=1800$ Гц), в центральной части (45 мсек, 35 %) гласный значительно открывается, несколько отодвигаясь назад ($F_1=880$ Гц, $F_2=1700$ Гц), а затем – сохраняя общий уровень подъема, он значительно упреждается (последняя фаза составляет 50 мсек, или 45 % длительности; $F_1=860$ Гц, $F_2=2100$ Гц). Во втором примере отмечено следующее соотношение сегментов гласного: первая *a*-образная фаза – 39 мсек, 29%; $F_1=710$ Гц, $F_2=1700$ Гц, вторая *a*-образная фаза – 62 мсек, 46%; $F_1=870$ Гц, $F_2=1700$ Гц, третья упрежденная *a*-образная фаза (33 мсек, 25%; $F_1=870$ Гц, $F_2=2000$ Гц) ⁴⁴.

⁴³ Как известно, в русском литературном языке при «произнесении [a] в первом предударном слого язык не доходит до крайне нижнего положения, более точное его обозначение [a³]: [тра³ва́]» [Касаткин 2006: 150–151].

⁴⁴ Попутно необходимо заметить, что ударный гласный в форме *колéнки* при однородности своей формантной структуры сохраняет восходящий сильноконечный динамический контур, свойственный дифтонгическим реализациям фонемы /ѣ/.

В положении перед ударными /e/, /o/ и /a/ могут произноситься [э], [э^o], [а], [а], а также некоторые другие звуки. Появление того или иного гласного объясняется сегментными (консонантное окружение, качество ударного гласного, а также гласного 2-го предударного слога) и суперсегментными (тип фразовой позиции) факторами. В окружении губных и заднеязычных согласных, а также перед /o/ или после /y/ в 1-м предударном слоге отмечаются лабиализованные гласные, после переднеязычных согласных – гласные повышенного подъема типа [э̠] или [ы̠], перед /a/ – *a*-образные гласные, перед /e/ и /^o/ – упрежденные гласные типа [э̠] или [э̠]. Такое разнообразие акустических воплощений звукотипа не-[a], по всей видимости, связано с их общей низкой длительностью, что обуславливает деформацию гласных 1-го предударного слога перед гласными среднего и нижнего подъемов, их ассимиляцию, коартикуляцию сегментному окружению. В целом длительность гласных 1-го предударного слога [э], [а], [ы], представляющих звукотип не-[a], составляет чуть более 50 % длительности ударного гласного, см. [Сталькова 1971: 46; Градационная фонология 1985: 104–109; Межецкая 2010: 98]. Подобную неустойчивость артикуляции [э] отмечал в говорах западной Брянщины А.Б. Пеньковский: «Возникающий как результат диссимиляции “не а” гласный представляет собой весьма неустойчивый артикуляторно и нечеткий в акустическом отношении редуцированный гласный звук, который благодаря своей неустойчивости легко смещается и по подъему, и по ряду, легко приобретает дополнительные артикуляции (например, лабиальную), отзываясь на ближайшее фонетическое окружение, и показывает *mutatis mutandis*, каким образом возникла пестрая мозаика соответствий общеславянским ъ, ѣ, наблюдаемая в различных славянских языках и диалектах» [Пеньковский 1966: 106].

В сильных фразовых позициях (под синтагменным или фразовым ударением, акцентным выделением слова) звукотип не-[a] в архаических диалектных системах может реализовываться гласными пониженного подъема

[ǣ], [ǣ] или [a] (подробнее см. § 1.4). Появлению *a*-образных гласных в этой позиции способствует не только просодическая выделенность слова, но и вокальный контекст: наиболее часто эти звуки отмечаются в позиции перед ударными [a] и [ɔ]: захв[ǣрǣ]ла, грох[ǣтǣ]ть, изд[ǣвнǣ], к[ǣакǣ]й, мол[акǣ]м и др.

Для южнорусских говоров с архаическим диссимилятивным вокализмом характерны пониженные значения верхней границы F_1 гласного [a] в 1-м предударном слоге перед ударными /e/, /o/ и /a/ ($F_1=650-750$ Гц), по сравнению с [a] перед ударными гласным верхнего и верхне-среднего подъемов ($F_1=800-1100$ Гц). Иными словами, *a*-образные гласные, репрезентующие звукотип не-[a], обычно локализуются на более высоком уровне подъема, чем *a*-образные реализации звукотипа [a].

Эти гласные отличаются не только подъемом, но и рядом, а также долготными характеристиками. Если основным реализациям звукотипа [a] свойственны высокие значения F_2 , достигающие 1800–2000 Гц, то верхняя граница F_2 гласных [ǣ] и [a], представляющих звукотип не-[a], как правило, не превышает 1300–1600 Гц, что указывает на их локализацию в зоне среднего, отодвинутого среднего или средне-заднего ряда. Значительные различия наблюдаются и в собственной длительности звукотипов [a] и не-[a]. Гласные, представляющие звукотип не-[a], обычно составляют около 50–70 % длительности реализаций звукотипа [a].

Перестройка словесной просодии в говорах с архаическим диссимилятивным вокализмом в первую очередь затрагивает такие характеристики предударного гласного, как качество и интенсивность, при этом его собственная длительность обладает значительно большей устойчивостью. Поэтому кажется неправомерным мнение И.Л. Стальковой, что «количественные отношения между ударным и безударным вокализмом не являются решающими для осуществления внутри слова диссимилятивного принципа» [Сталькова 1971: 47].

На рис. 3.3 и 3.4 представлены словоформы *базáр* и *лапиá*, записанные в с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. В первом примере неоднородный гласный, реализующий звукотип не-[а], в начальных фазах локализуется в зоне среднего подъема средне-заднего ряда ($F_1=560$ Гц, $F_2=1200$ Гц), затем происходит его постепенное продвижение вперед и вниз (F_1 конечной фазы составляет 700 Гц, F_2 – 1650 Гц). Длительность этого звукового комплекса составляет 54 % длительности ударного [а] и около 65 % длительности полифтонгов на месте звукотипа [а] в приведенных выше формах *докторíца* и *колéнки*.

Во втором примере (рис. 3.4) звукотип не-[а] представлен однородным гласным [а], локализующимся в зоне нижнего подъема среднего ряда ($F_1=740$ Гц, $F_2=1600$ Гц). На графике отчетливо видно, что в позиции после сонанта происходит сильная количественная редукция гласного 1-го предударного слога: его длительность равняется 39 мсек, что составляет всего 26 % длительности ударного [а]. Такое значительное уменьшение долготы предударного гласного компенсируется усилением предшествующего согласного [л].

В трехсложных словах, имеющих структуру CTRГСА(СГС), где R – сонорный согласный, наблюдается еще более значительная редукция 1-го предударного гласного – вплоть до его полного исчезновения, что приводит к вокализации сонорного. Например, в говоре с. Роговатое записаны следующие примеры: *вэртá*, *у вэртáх*, *нэ скэвэрдáх*, *крэсндáр*. На рис. 3.5 представлены спектрограмма, осциллограмма и огибающая интенсивности формы *Краснодáр*. На графике отчетливо видно отсутствие 1-го предударного гласного, а также заместительное удлинение сонорного [н], который в этой позиции становится слоговым согласным.

Диереза гласных 1-го предударного слога неверхнего подъема после сонорных и перед [á] отмечается и в других южнорусских говорах, имеющих диссимилятивную основу вокализма, например, в воронежских, курских и орловских: *вэртá*, *пат галвá*, *галдáли* [СВГ 1: 247; 2: 75], *д'ир'в'áннаја*, *пар-*

с́ятм, *скаварда́* [КСВГ], *дирв́яннаи*, *на пька́рни* [Баркалова 2011: 54, 127], *вартá* [Титовская 1955: 238], *парс'áты* [Черенкова 2009: 34], *парс'áта* [Шапалова 2011: 340], *у галв́ах*, *у гьлв́ашкьх*, *парс́ят*, *парс́ятък* [СОГ 2: 157; 9: 24; 10: 182], *у галв́ашки* [Дурново 1917а: 27]⁴⁵ и др. В дальнейшем подобное произношение может устойчиво сохраняться в некоторых лексемах, охватывая всю парадигму (например, *голв́а* → *на голв́е*, *порс́ята* → *порсёнок*), а также в устойчивых сочетаниях типа *под голв́ашками*, *у голв́ашках* 'в изголовье', широко распространенных в курских и орловских говорах [Доп. к опыту 1858: 35; Кардашевский 1957: 243; СОГ 2: 157], или в присловьях типа *Варвара ночь ворвала* [Ефремова 1997: 89], что поддерживается силлабической структурой текста.

Впрочем, форму *порсёнок* можно рассматривать и как рефлекс архаического диссимилятивного аканья. Так, на территории Воронежской обл. примеры типа «Запри **парсёнка** в закути», «Малинькай **парсёначик** сафсем *закаж́анил* (то есть 'исхудал, зачах')», «**Парсёнку** дала» фиксируются в Репьёвском, Хохольском и Острогожском районах [КСВГ; Титовская 1955: 102], говорам которых свойственны архаические типы аканья и яканья или следы их былого существования. На территории Орловской обл. подобное произношение характерно для ливенских говоров⁴⁶, которые устойчиво сохраняют архаическую диссимилятивную основу после мягких согласных: щигровское диссимилятивное яканье и умеренно-диссимилятивное яканье на новосёлковской основе [Селищев 1968: 410; Котков 1951: 60–65; ДАРЯ 1986: карта 8]. То же можно сказать и о формах типа *дирв́енский*, *дир'в́енскайа*, отмеченных в некоторых населенных пунктах Хохольского р-на Воронежской обл. [Собинникова 1954: 78; КСВГ].

По данным Н.Т. Войтович, диереза 1-го предупредительного гласного свойственна также и некоторым северо-восточным белорусским говорам: «В говорах

⁴⁵ Формы *варта* и *галва* как характерные для говоров с диссимилятивным аканьем (без более точной локализации) приведены в [Дурново 1969: 160].

⁴⁶ В «Словаре орловских говоров» представлено две отдельные словарные статьи *порсёнок* [СОГ 9: 24–25] и *порсёнок* [СОГ 10: 182], что следует признать лексикографической небрежностью.

с диссимилятивным аканьем возможны случаи сильной редукции гласного в слоге перед ударением, которая приводит к полному исчезновению гласного: *кыр́ас' – кър́ас' – крас'* (Чав<уски>⁴⁷); *крас'* (Гарад<оцкі>, Лёзн<енскі>); “час-та *крас'*” (Віц<ебскі>); *крас' – кър́ас'* (Бых<аўскі>); *пубарнўйши* (Пол<ацкі>)» [Вайтовіч 1968: 18]. Произношение *крась* встречается также в смоленских и западных псковских говорах [ССГ 11: 236; ПОС 13: 489; СРНГ 15: 203]. Однако следует обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, диереза 1-го предударного гласного перед [á] фиксируется в западных русских и восточных белорусских говорах исключительно в одном слове, ее распространение не подтверждается другим лексическим материалом. Во-вторых, в «Словаре смоленских говоров» и СРНГ статья *крась* снабжена примерами, иллюстрирующими употребление этой лексемы только в косвенных падежах с ударением на окончании: *крася́, красі́* и т.д. Наконец, подобное произношение отмечено не только в говорах с диссимилятивным вокализмом, но также в Островском и Пыталовском районах Псковской обл., для которых характерно сильное аканье (см. карту 1 на с. 92).

Можно предположить, что форма *крась* возникла под влиянием косвенных падежей с ударным окончанием (типа *крася́*), а не наоборот; ср., например, замечание А.А. Никольского, что в калужских говорах повсеместно распространено произношение *красі́* ‘караси’ (но не *крась*) [Никольский 1950: 144]. Не исключено также, что появлению подобной формы способствовало сближение слов *карась* и *красный*: «У нас у возири много *красей*, лапки *красныи* <...>»; «У крыся лапки *красныи нь баке* <...>» [ССГ 11: 236].

⁴⁷ Названия районов, где зафиксированы примеры.

Рис. 3.1. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы доктори́ца (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

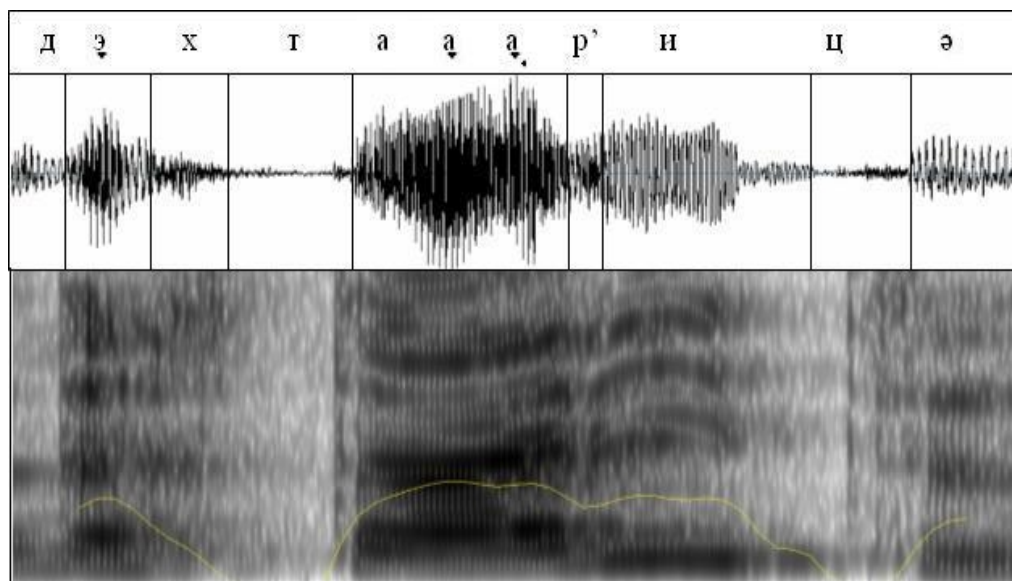

Рис. 3.2. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы колéнки (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

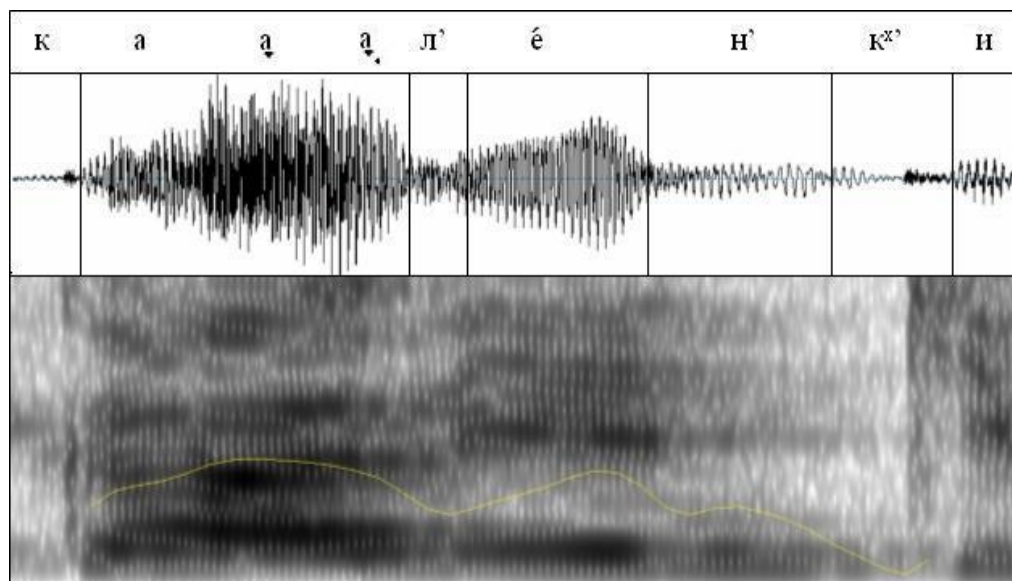

Рис. 3.3. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *базáр* (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

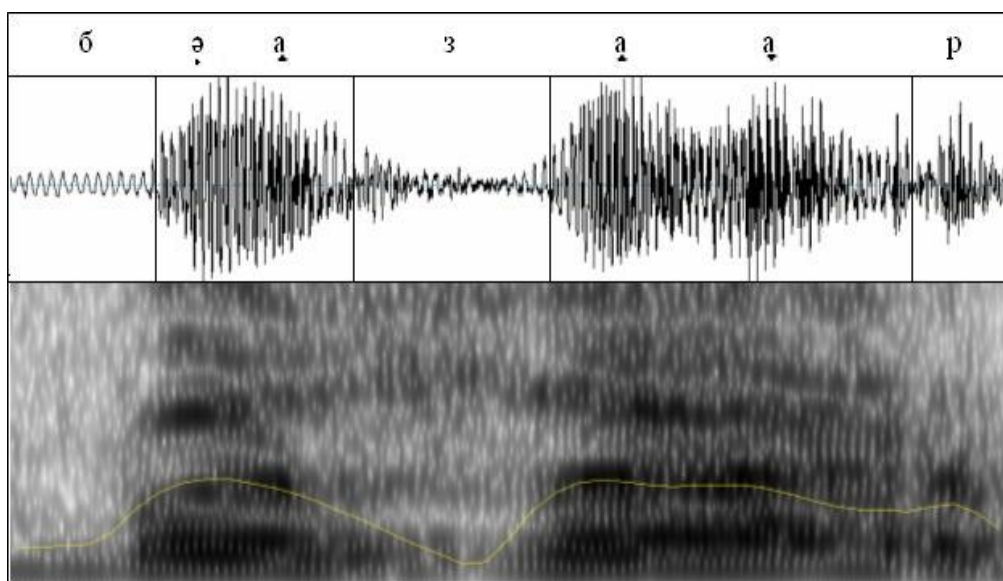

Рис. 3.4. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *лапиá* (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

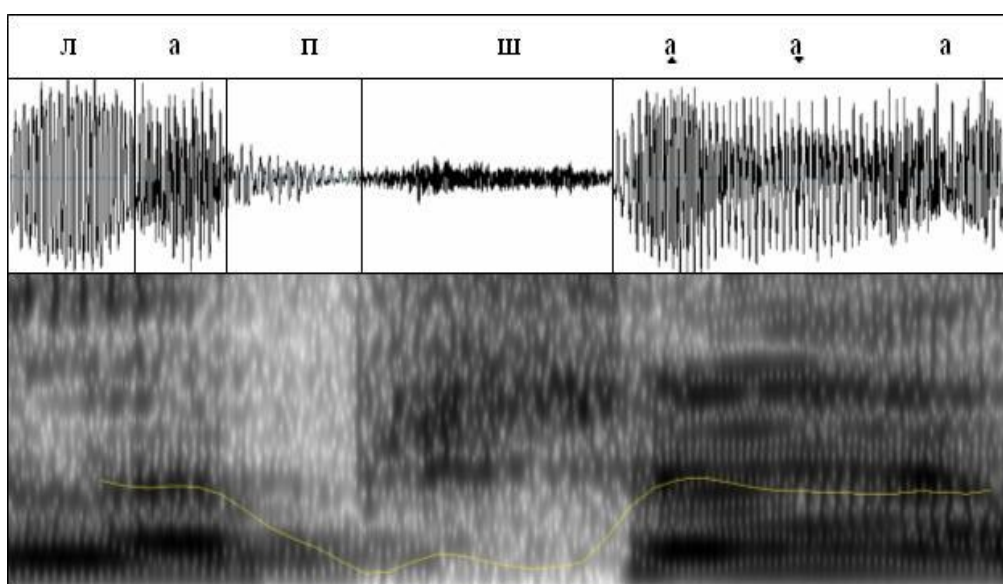
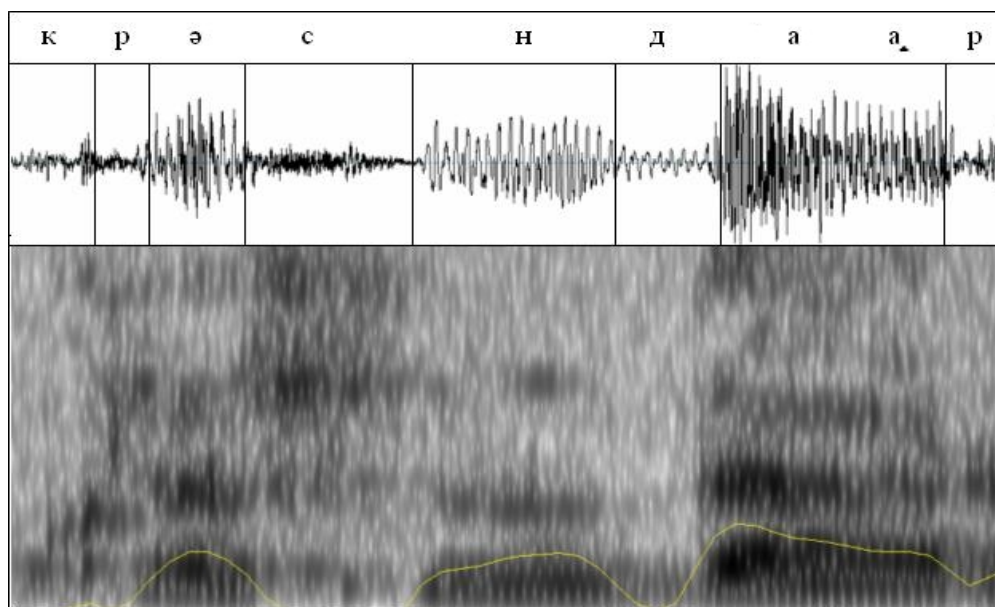

Рис. 3.5. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *Краснодар* (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

Однако далеко не всегда звуковое окружение обуславливает наличие определенного варианта, реализующего звукотип не-[a]: так, «лабиализованный гласный может появляться при отсутствии непосредственного лабиализующего фактора – *р[ʲ°]дня, н[ʲ°]ябрь, хол[ʲ°]дѣц*» [Градационная фонология 1985: 112], см. также [Строганова 1975: 51–52]. В различных говорах с архаическим диссимилятивным аканьем зафиксированы примеры, типа *р[о]жái, ст[о]я́ть, с[э°]жа́ть, не р[э°]стра́ивайси, т[о]да́, д[э°]и́лѧ* и многие другие, где нет условий для лабиализации гласного. Возможно, появление дополнительной артикуляции у гласного не-[a] обусловлено тенденцией к сохранению диссимилятивной системы предударного вокализма – стремлением к фонологизации противопоставления звукотипов в 1-м предударном слоге, повышением контраста между ними.

Общее развитие фонетической системы к упрощению системы вокализма предопределяет постепенную смену ритмической модели слова, а также переход к более «простым» типам предударного вокализма. В процессе эволюции новые структурные элементы вступают в конкуренцию со старыми, что приводит к подвижности вокалической системы в целом. По всей ви-

димости, этот эволюционный процесс активизировался в XX веке. По данным Т.Г. Фоминой, лабиализованные гласные в соответствии со звукотипом не-[a] отсутствуют в материалах, собранных в архаических южнорусских говорах в конце XIX – первой половине XX веков [Градационная фонология 1985: 111]⁴⁸, при этом они «достаточно регулярно» встречаются в ответах по программе ДАРЯ [ДАРЯ 1986, комментарии: 86–87; Строганова 1975: карта 2].

Постепенное «размывание» прежней ритмической модели слова (см. § 1.4) приводит к полной утрате позиционной прикрепленности гласных [a] и [ə] в 1-м предударном слоге, в результате *a*-образные гласные на месте звукотипа не-[a] произносятся не только в словах, маркированных фразовым ударением, но и при нейтральном произнесении. Наличие или отсутствие позиционной прикрепленности этих гласных на просодическом уровне особенно заметно в конструкциях с лексическим и синтаксическим параллелизмом, характеризующихся определенным типом интонации, «которую можно было бы квалифицировать как соотносительную» [Собинникова 1969: 80].

Сильной позицией в подобных конструкциях обычно оказывается начало фразы, первое произнесение слова из лексически тождественных членов предложения, при этом все последующие употребления оказываются более «смазанными», что отражается на количественных и качественных характеристиках вокального каркаса соответствующих слов. В случае отсутствия позиционной прикрепленности звукотипов [a] и не-[a] внешне благоприятная фразовая позиция не сопровождается необходимыми сегментными характеристиками гласного 1-го предударного слога, то есть отмечается свободное варьирование вокальных компонентов, не связанное ни с сегментными, ни с суперсегментными условиями. Например, во фразе: «*Я вот катáла [катанку⁴⁹], моя мама катáла, щас моя дочь катáя*», запи-

⁴⁸ Это не совсем верно, например, в «Диалектологических разысканиях» Н.Н. Дурново приведены следующие примеры из Обоянского, Елецкого и Новосильского уездов: *пъ^vгнали, спръ^vвадила, пъ^oмажу, ни по нашьму, попашу* (зв. ф.), *попашу* (вин. ед.), *устовай, ворá, товарка, рукова, руковам* [Дурново 1917а: 27].

⁴⁹ *Катанка* – «особый вид традиционной каши <...>, блюдо, приготовляемое из пшена, муки и яиц», подробнее о катанке см. [Тихонова 2012: 129–132].

санной в говоре с. Роговатое, первое и третье употребление форм глагола *катать* характеризуется предударным [ə], второе – предударным [a] (длительность (t), интенсивность (i) и F₁ этих гласных представлены в таблице 3.2, первые две формы – на рис. 3.6 и 3.7). Приведенный пример свидетельствует о том, что гласные [a] и [ə] могут занимать разные позиции как по отношению к ударному гласному, так и по отношению к просодическому центру фразы. При этом для абсолютно слабой позиции (например, конец синтагмы с выраженной нисходящей интонацией) характерно произношение в 1-м предударном слоге ə-образных гласных, что отмечается не только в говорах с сильным аканьем, но и в литературном языке: «Сильной редукции, вплоть до полного исчезновения, могут подвергаться гласные любого по отношению к слабоударному слога (эта особенность деформации гласных в словах со слабым ударением распространяется также и на гласные верхнего подъема)» [Розанова 1978: 127].

Таблица 3.2

звуки	t (мсек)	i (dB)	F ₁ (Гц)
<i>к[ə]тáла (я вот катáла)</i>			
ə	88	70	620
<i>к[a]тáла (моя мама катáла)</i>			
a	87	69	750
<i>к[ə̣]тáя (щас моя дочь катáя)</i>			
ə̣	38	56	480

В некоторых случаях перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъемов может произноситься гласный средне-нижнего подъема [ạ], близкий по звучанию литературному [a^b], что также связано с общим ослаблением диссимилятивного принципа организации системы вокализма. Например, в селах Кондрашовка и Стадница Т.Г. Фомина отметила следую-

щие примеры: «сам[a^b]цвѣт, ог[a^b]рѡд, в[a^b]трѹшка, р[a^b]звѡд, час[a^b]вщѹк» [Градационная фонология 1985: 110]. Значительное распространение гласного [a] на месте звукотипа [a], по всей вероятности, связано с особенностями артикуляционной базы, а также обусловлено сегментным окружением – прежде всего качеством ударного гласного. По данным С.В. Дьяченко, в говоре с. Татарино, которому свойственны более передняя артикуляция гласных, а также последовательно выдержанная семифонемная система вокализма, гласный [a] в соответствии со звукотипом [a] отмечается перед реализациями фонем /o/, /и/, /y/, но наиболее последовательно – перед /ѣ/ [Дьяченко 2013].

3.2. Основные звукотипы в 1-м предударном слоге после мягких согласных

В 1-м предударном слоге после мягких согласных и перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъемов обычно отмечается упрежденный пониженный гласный [a], схожий по своим основным характеристикам с предударным [a] после твердых согласных, а также с основным аллофоном фонемы /a/. Так же как и основной аллофон /a/, находящийся после мягких согласных, звукотип [a] в этой позиции может реализовываться неоднородными гласными типа [ea], [ia]. Однако в отличие от положения под ударением, где дифтонг [ea] может сочетаться с предшествующим твердым согласным, в 1-м предударном слоге перед этим гласным, как правило, произносятся мягкие согласные.

Перед фонемами /e/, /o/ и /a/ в зависимости от конкретной системы в 1-м предударном слоге могут произноситься *и*-образные или *е*-образные гласные, что служит основой для выделения задонской и обоянской разновидностей архаического диссимилятивного яканья. Наличие в говоре одной из систем противопоставлений: [a] – не-[a] или [и] – не-[и] определяет функциональную специфику предударного вокализма после мягких согласных.

Например, в соответствии со звукотипом [и], характерным для обоянского типа, обычно произносятся монофтонги верхнего, реже – пониженно-верхнего подъема [и] или [и̣]. В говорах с задонским типом ему соответствует звукотип не-[а], который может реализовываться не только однородными гласными [е], [е̣], [и̣], [ε], но и дифтонгами типа [ӣе], [ӣε], [е̄ε].

Наличие в говорах с задонским диссимилятивным яканьем тенденции к формированию нового ритмического контура «сильный центр и слабая периферия», а также расширение артикуляционного пространства приводит к значительному понижению *e*-образной части подобных дифтонгов, к ее смещению в зону нижнего подъема (особенно часто – в сильной фразовой позиции). В результате на месте звукотипа не-[а] появляются гласные образования типа [е̄а], что ведет к ослаблению корреляции [а] – не-[а]. На рис. 3.8 представлены осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *не тák*, записанной в с. Роговатое. На графике видно, что звукотип не-[а] реализуется неоднородным гласным типа [е̄а̣], первая фаза которого образуется в области переднего ряда среднего подъема ($F_1=560$ Гц, $F_2=2500$ Гц), вторая фаза – в области переднего ряда нижнего подъема ($F_1=800$ Гц, $F_2=2200$ Гц), третья фаза – в области передне-среднего ряда нижнего подъема ($F_1=800$ Гц, $F_2=1900$ Гц).

Видимо, именно этой структурной особенностью – возможностью произношения *a*-образных гласных в соответствии со звукотипом не-[а] – объясняется фиксация в говоре с. Роговатое в начале XX века сильного аканья и яканья: *вадá, самá, хадí, тапóр, траву, давай, тапары, гарадить, скаряй; в пяску, пряду, лягушка, бяды, сяло, пясок, пяти, няси, десяти, вядеть, глядеть, вядерный, зялёный, вяла, нясла, ряка, твятами* и др. [Труды МДК 1928: 28–29].

На ослабление противопоставления [а] – не-[а] после мягких согласных указывает также произношение на месте звукотипа [а] более закрытых гласных, что отмечается, например, перед мягкими согласными, а также перед ал-

лофонами /и/ и /ѣ/. В этом случае вторая часть дифтонга может не достигать широкой *a*-образной фазы, она локализуется в зоне переднего ряда среднего или средне-нижнего подъема ($F_1=600\text{--}680$ Гц, $F_2=2000\text{--}2200$ Гц). На рис. 3.9 и 3.10 представлены осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности форм *печѣи*, записанной в с. Роговатое, и *глядѣть*, записанной в с. Солдатское. В соответствии со звукотипом [а] здесь произносятся неоднородные гласные типа [e̞a] и [e̞ɛ] (форма *n[’e̞a]чѣи* – *e*-образная часть: $F_1=500$ Гц, $F_2=2500$ Гц; *a*-образная часть: $F_1=670$ Гц, $F_2=2200$ Гц; форма *gl[’e̞ɛ]дѣть* – *e*-образная часть: $F_1=510$ Гц, $F_2=2100$ Гц; *ɛ*-образная часть: $F_1=580$ Гц, $F_2=2200$ Гц).

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае появление более закрытых образований обусловлено не только мягкостью следующего согласного, но и наличием под ударением гласных переднего ряда. Это подтверждается примерами типа *n’ѣ̞екл’ѣи*, *b’ѣ̞лк’ѣи*, отмеченными в тех же говорах, где сложный гласный с F_1 , не превышающей 650 Гц, произносится на месте звукотипа [а] перед твердым согласным и перед ударным [и].

В системе обоянского архаического яканья появление *a*-образных гласных на месте звукотипа [и] не представляет собой последовательную смену артикуляций, как при задонской разновидности, и всегда ограничено определенными грамматическими категориями. Например, в говоре с. Солдатское, для которого также характерны смена словесной ритмической модели и расширение артикуляционного пространства, после мягких согласных *a*-образные гласные перед [á] отмечается только в некоторых формах: *p[’a]бáя*, *np[’a]мáя*, *вz[’a]лá*, *приподн[’e̞a]лáсь*. Система обоянского диссимилятивного яканья здесь сохраняется достаточно стабильно.

Рис. 3.6. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $\kappa[\text{э}]тáла$ (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

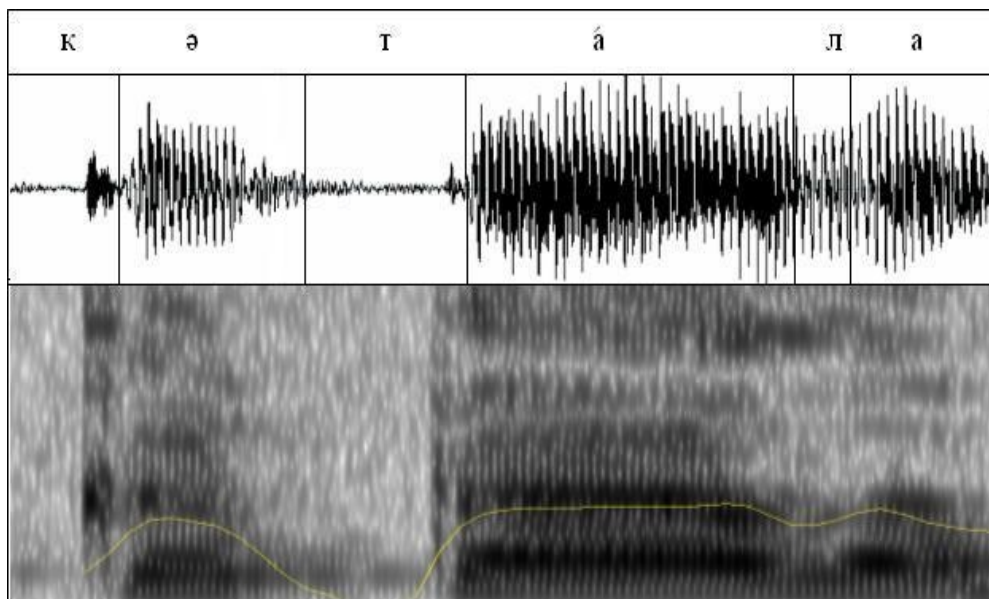

Рис. 3.7. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы $\kappa[\text{а}]тáла$ (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

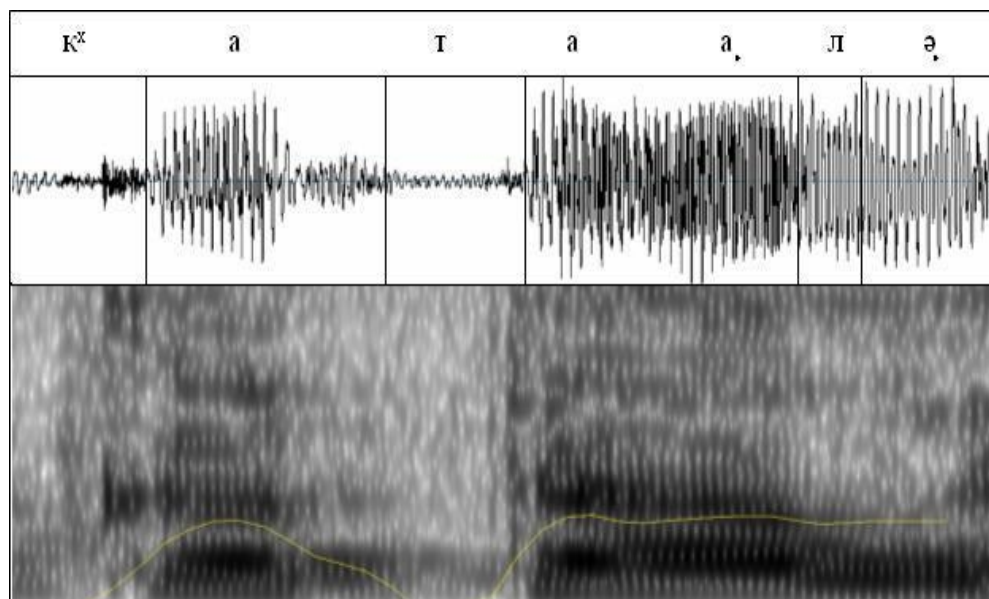

Рис. 3.8. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *не тák* (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

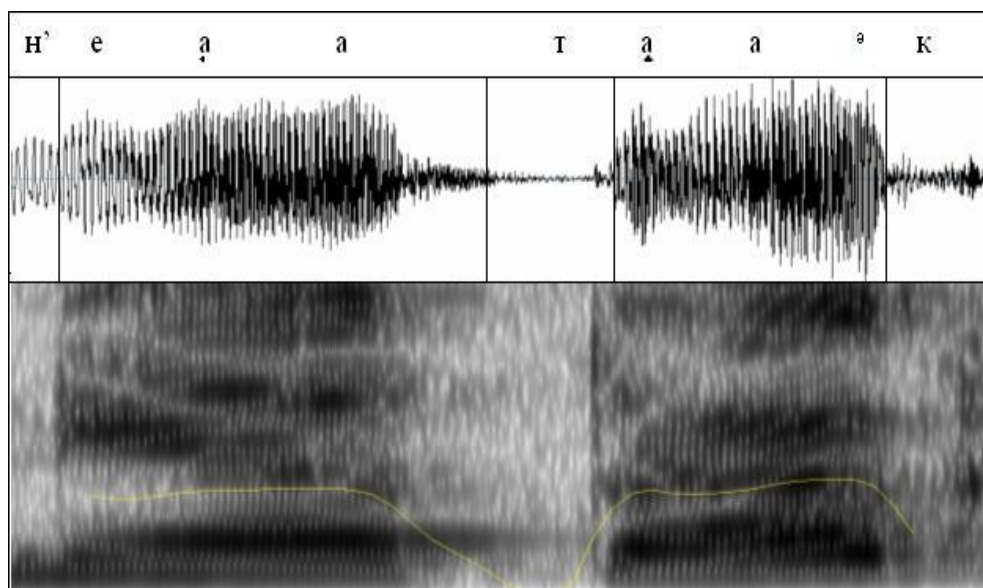

Рис. 3.9. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *печú* (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.)

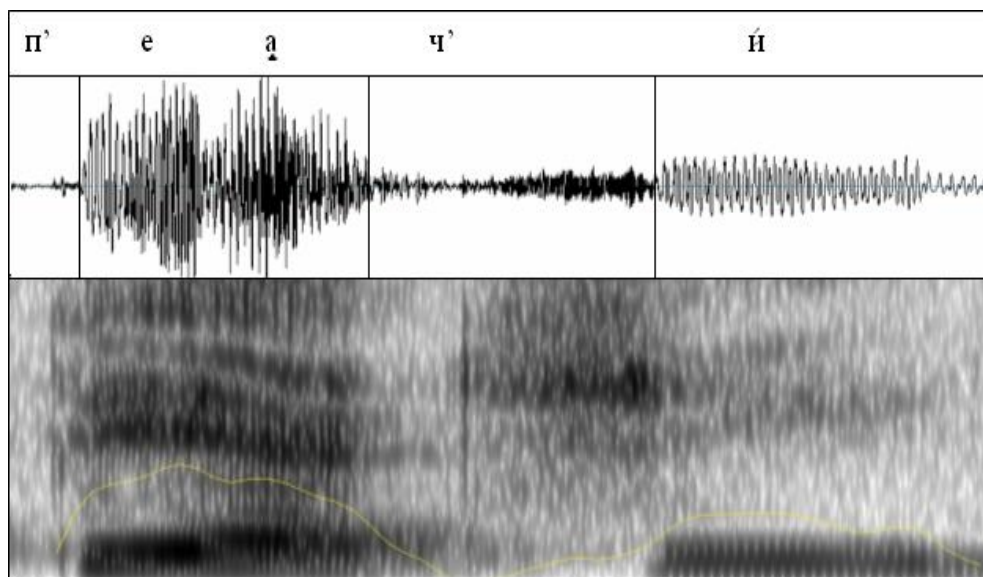
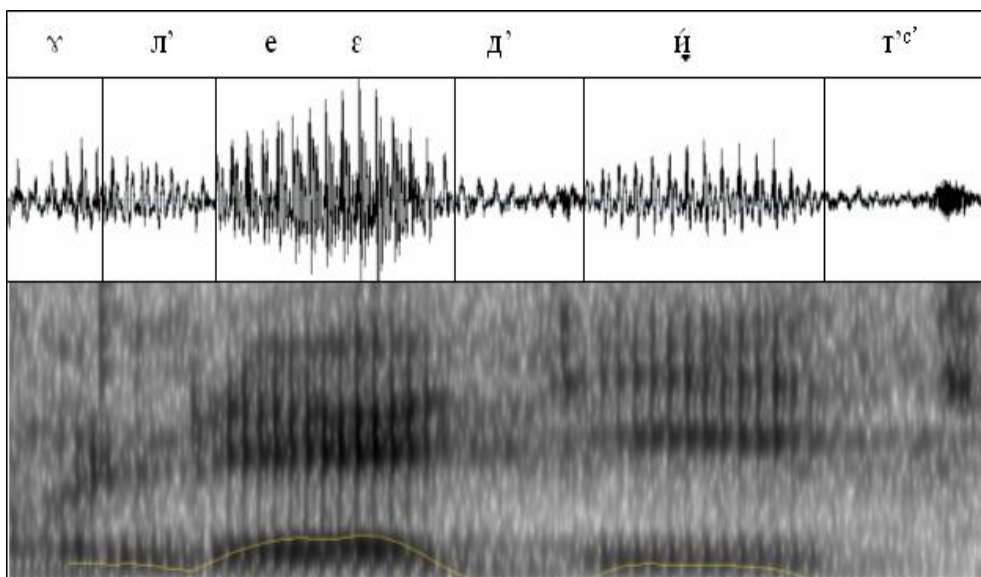

Рис. 3.10. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *глядѣть* (с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)

3.3. Соотношение между архаическими типами аканья и яканья.

Их связь с особенностями артикуляционной базы говора

К.Ф. Захарова выделяла в современных южнорусских говорах два вида диссимилятивного яканья: «фонетический вид, при котором чередование гласных *a* и не-*a* зависит только от качества ударенных гласных, и вид нефонетический, при котором чередование гласных *a* и не-*a* перед ударенными гласными неверхнего подъемов не зависит от их качества, а является <...> чередованием фонем, служащих для добавочного различения некоторых грамматических категорий». К фонетически закономерной разновидности относятся задонская и обоянская модели архаического яканья, последняя – при условии наличия под ударением семи гласных фонем, а также архаический тип диссимилятивного аканья. К нефонетическому типу может принадлежать только обоянская разновидность, сочетающаяся с пятифонемной системой вокализма: «При утрате фонетических основ существования обоянского типа в его системе появляется возможность сохранения гласного не-*a*, равного *и*, в таких словах и грамматических категориях, где это *и* по существу перехо-

дит в фонему *и*». Именно этой особенностью объясняется его бóльшая устойчивость «по сравнению с системами всех других типов архаического вокализма» [Захарова 1970: 5–10].

Из приведенного рассуждения К.Ф. Захаровой следует, что элементы архаического аканья всегда сосуществуют в частной диалектной системе с семифонемной системой вокализма и с задонской или обоянской моделями архаического яканья; обоянское диссимилятивное яканье, в свою очередь, может сочетаться в говорах с диссимилятивным аканьем неархаических типов. Таким образом, архаическая основа предударного вокализма значительно лучше сохраняется после мягких согласных, чем после твердых.

Последние исследования позволяют пересмотреть эти утверждения. Во-первых, следы архаического вокализма после твердых согласных обнаруживаются не только в говорах с задонским и обоянским диссимилятивным яканьем, но также с другими типами предударного вокализма после мягких согласных: умеренно-диссимилятивным [Межецкая 2010: 66–74, 104–113], диссимилятивно-умеренным [Клейменова 1956б: 94–100, 134–144; Савинов 2000: 14–25, 48–55], ассимилятивно-диссимилятивным [Просодический строй 1996: 239–240]; умеренным [Савинов 2000: 35–36, 87–94; Родина 2012: 53–54, 68].

Во-вторых, для диалектных систем с преимущественным распространением архаических типов яканья (в том числе и обоянского) обычно характерно также и архаическое диссимилятивное аканье. Например, по данным ДАРЯ, в с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл. архаическое диссимилятивное яканье обоянской разновидности сочетается с жиздринским диссимилятивным аканьем; кроме того, здесь происходит постепенный переход к пятифонемной системе вокализма [Захарова 1959: 29–31]. Однако материалы экспедиции 2009 г. показали, что в этом говоре архаический диссимилятивный вокализм проводится достаточно последовательно как после мягких, так и после твердых согласных, наличие этих моделей поддерживается хорошо сохранившейся системой семифонемного вокализма (см.

§ 2.2.2). Другие типы диссимилятивного аканья (прохоровское и жиздринское) обычно сосуществуют с переходными моделями диссимилятивного яканья: обоянско-шигровской или дмитриевско-суджанской (подробнее см. главу 4).

Наконец, на исследуемой территории отмечены такие говоры, где диссимилятивное архаический вокализм значительно лучше сохраняется после твердых согласных, чем после мягких. Подобная ситуация отмечена, например, в с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл. (примеры приведены по [Дьяченко 2010]).

После твердых согласных перед /a/, /e/, /o/: к[э́са́]ми, под[э́шлá], к с[э́ба́]чьим, к[э́рма́], на сух[э́р'á]х, напр[э́вл'á]ешь, м[э́'та́]ется, обр[э́'ба́]тывали, доб[э́'вл'á]ть, б[э́'já]тся, н[э́'па́]ли, непр[э́'зра́]чный, в[э́'л'á]ется, з[э́'двá]дцать; за н[э́'бо́]м, н[э́'со́]к, до т[э́'гó], к[э́'гó], пор[э́'шó]к, н[э́'жó]м, по пл[э́'тó]чку, ряд[э́'вó]й, с[э́'во́]к, мол[э́'дó]й, гор[э́'цкó]й, н[э́'г'рó]б, н[э́'с'ень], н[э́'тó]лише, м[э́'хó]тки, б[э́'л'шó]й, у к[э́'гó], н[э́'тсо́]лнухи, н[э́'крó]в, н[э́'тсо́]вывали, н[э́'с'ó]череда, пом[э́'зó]чек, в[э́'с'мо́]й, н[э́'бó]жники, пл[э́'тó]чки; др[э́'жжé]й, пр[э́'вл'э́]ние, бл[э́'жé]нная, к[э́'н'э́]чно, мол[э́'д'й]и, хол[э́'д'й]и, р[э́'жд'й]ния, н[э́'ч'н'э́]шь, з[э́'с'н'э́]м, н[э́'с'м'э́]рть, р[э́'в'э́]ники, поп[э́'д'э́]тся, в[э́'з'м'э́]м, мол[э́'д'э́]и, х[э́'рч'э́]й, роз[э́'ч'э́]й, понакл[э́'д'э́]м, н[э́'п'э́]нши, з[э́'д'э́]ньги.

После твердых согласных перед /и/, /y/, /ѣ/, /ѡ/: т[э́'п'й]сь, т[э́'к'й]е, к[э́'с'й]ли, н[э́'ашл'й], мам[э́'алы́]га, сн[э́'апы́], ст[э́'албы́], пр[э́'ажбы́]ли, н[э́'асту́]х, красн[э́'ату́], ст[э́'ару́]хи, з[э́'абу́]дкою, с[э́'аиду́]тятся; р[э́'абубó]тали, пост[э́'анубó]вишь, б[э́'алубó]то, н[э́'амубó]лисси, н[э́'алгó]ть, г[э́'атгó]вим, м[э́'алгó]денький, к[э́'алгó]тются, н[э́'алгó]г, н[э́'азгó]р, в[э́'ас'мо́]м, г[э́'алó]вку, р[э́'абó]тал, заг[э́'атó]вку, н[э́'арó]г, х[э́'арó]шая, вт[э́'арó]го, м[э́'алó]денькие, г[э́'алó]се(т), х[э́'алó]дный, д[э́'амó]й, к[э́'арó]ва,

д[амно́]; с[аб'и́е], г[ар'и́е]ли, на дв[ар'и́е], на г[ар'и́е], с[ас'и́е]ди, х[ат'и́е]лося, п[аб'и́е]гли, у к[ал'и́е]ны, на в[аин'и́е], усё н[а с'в'е́]те, по-з[а р'е́]чкою, на в[ад'е́], на гол[ав'е́], по з[ар'е́], сг[ар'е́]ли, у кр[ав'е́], постр[ажé]й, пох[ат'е́]-лось, раскр[ас'н'е́]ются, у Караг[ан'д'е́].

После мягких согласных перед /а/, /е/, /о/: в[и́з]ать, з[и́в]ать, хл[и́б]айте, с[и́д]ая, сгр[и́б]али, зв[и́н]а, подн[и́л]а, предс[и́д]атель, с[и́стр]а, с д[и́т'а́]ми, с[и́м'я́], д[и́н'я́]ми, н[и пр'а́]ли, ст[и́б]ать, опре-д[и́л'а́]ть, пом[и́рл]а, запр[и́е́]м, дов[и́р'а́]ла; св[и́кр]овья, с[и́д]б[и́], св[и́т]б[и́], земл[и́н]б[и́], в[и́н]б[и́]чек, ч[и́сн]б[и́]к, м[и́ш]б[и́]к, [и́и]б[и́], н[и́стр]б[и́]гие, н[и́]б[и́]чень, н[и́]б[и́]чка, н[и́м]б[и́], с[и́д]б[и́], с[и́д'м]б[и́], с[и́л]б[и́]м, ветр[и́к]б[и́]м, зв[и́н]б[и́]м, м[и́ш]б[и́]к, н[и́с]б[и́]к, б[и́л]б[и́]к, нич[и́и]б[и́], н[и́шк]б[и́]м, в[и́рх]б[и́]м, б[и́з]б[и́]чере́ди, чер[и́з]б[и́]д, с[и́р'б]б[и́]жку, у в[и́з'б]б[и́]нках, у б[и́р'б]б[и́]зе, пос[и́р'б]б[и́]дке, н[и́н'б]б[и́]к, р[и́б'б]б[и́]нка, с р[и́м'н'б]б[и́]м; пл[и́т'е́]нь, дер[и́в'е́]нской, д[и́т'е́]й, в[и́с'е́]нный, [и́ч'м'е́]нь, т[и́п'е́]рь, зад[и́р'е́]шь, в[и́з'е́]м, запл[и́т'е́], пер[и́в'е́]сь, н[и́]жéнится, чер[и́з]г[р'е́]йдер, д[и́т'и́]й, в[и́д'и́]т[и́]ся (=ведется), чер[и́з]д[и́]нь;

После мягких согласных перед /и/, /у/, /ѣ/, /ѡ/: л[а́п'и́], отд[а́л'и́]лися, подв[а́л'и́], з[а́мл'и́], м[а́шк'и́], в[а́нк'и́], до п[а́т'и́], р[а́д'и́]ску, р[а́ды́], св[а́кльи́], ч[а́сы́], шерст[а́нби́]е, пят[а́ры́]х, с ч[а́ты́]рна́дцати, хр[а́сцы́], л[а́жбы́], р[а́шы́]ли, чер[а́с тр'и́], н[а́] бл[и́]жний, н[и́кльи́], д[и́т'и́]шек, пригл[и́д'и́]ть, с[и́м'я́], с[и́стр'и́]на, н[и́с'и́]те, кр[и́с'т'и́]ли, н[и́кльи́], н[и́]п[и́]ли, н[и́]шл[и́], чер[и́с тр'и́], н[и́]слы́шала, н[и́]пр[и́]де; б[а́ру́]ть, зав[а́рну́], л[а́пл'у́], л[а́ч'у́], пр[а́ду́], бер[а́гу́], по м[а́шкú], по зв[а́ну́], по

сн[’ау́], гл[’ажу́], у д[’ар’у́]жку, сор[’ивну́]емся, б[’иру́]ть, в[’изу́]ть, н[’искú], пов[’ирхú], н[’исú]ть, н[’и бú]дет, чер[’из зу́]бы, чер[’из лу́]г;

дев[’ан^о]сто, в[’асн^о]ю, ум[’арл^о], т[’апл^о], з[’арн^о], с[’адл^о], м[’ашк^о]в, с[’ад^о]го, к с[’ад^о]му, с[’ад^о]й (ж.р., Р.п.), н[’а р^о]дный, [иау́]рий, в[’асн^о]й, з[’арн^о], про зв[’ан^о], вес[’ал^о], кол[’ас^о], м[’ашк^о]в, в[’анк^о]в, звень[иав^о]й, у св[’ат^о]м угле, пер[’ав^о]дють, н[’а сх^о]де, н[’а х^о]дим, дев[’ан^о]сто, с[’ад’м^о]го, сем[’ан^о]в, д[’ад^о]в, за н[’ам^о]го, в[’адр^о], с[’ал^о], ч[’ас^о]в, н[’а п^о]мню, у в[’идру^о], вес[’ил^о], д[’ил^о]в, с[’ид’м^о]го, н[’и п^о]мню, в[’исн^о]ю, н[’е п^о]мню, н[’е х^о]дють; в[’арт’и^е]лась, н[’ав’п^е]стка, в кур[’ан’п^е], у моём зв[’ан’п^е], у другом с[’ал’п^е], к ст[’ан’п^е], у гр[’аз’п^е], н[’а б’п^е]лый, чер[’аз р’п^е]чку, б[’аз д’п^е]ла, н[’ад’э]ли, у н[’ав’э]с-ти, у пон[’ад’э]льник, б[’ал’э]ты (=билеты), гл[’ад’э]ли, в Ал[’акс’э]евку, в[’арт’э]лися, вес[’ал’э]й, к с[’астр’э], у зв[’ан’э], на н[’ач’э], коло в[’арб’э], по гр[’аз’э], пч[’ал’э], н[’а св’э]тя, чер[’аз р’э]чку, чер[’аз м’э]сяц, н[’а јэ]ли, по н[’ад’э]ли, н[’ав’э]ска, гл[’ад’э]ли, см[’ашн’э]й, у каждой с[’ам’јэ], у н[’ач’э], на св[’акл’э], с[’астр’э], в но[иабр’э], чер[’аз р’э]чку, пер[’аур’э]ешь, н[’а д’э]лали, н[’а үр’э]ли, вес[’ил’и^е]е, Ал[’икс’п^е]евка, по з[’им’п^е] (=по земле), н[’и в’п^е]шают, н[’и д’п^е]лали, Ал[’икс’э]евку, н[’и јэ]здили, пер[’ијэ]хал, н[’и в’э]шаный и мн.др.

Представленный материал свидетельствует о том, что противопоставление [э] ~ [а] в 1-м предупредном слоге после твердых согласных сохраняется достаточно последовательно, однако старая система вокализма после мягких согласных активно разрушается: архаическое яканье обоянской разновидности сосуществуют здесь с элементами иканья. Деграция архаической системы вокализма, связанная с утратой в местном говоре семифонемной систе-

мы вокализма (см. § 2.2.4), в первую очередь проявляется в приставках, предлогах и частицах, находящихся в позиции 1-го предударного слога, то есть в категории слов, «которые раньше других подвергаются изменению в чистом обоянском типе диссимилятивного яканья» [Захарова 1961: 42]: *н[’и п’и́]ли*, *н[’и шл’и́]*, *чер[’ис тр’и́]*, *н[’и слы́]шала*, *н[’и пр’и́]де*, *н[’и б́у]дет*, *чер[’из з́у]-бы*, *чер[’из л́у]г*, *н[’и п́о]мню*, *н[’е х’о́]дють*, *н[’и в’и́]шают*, *н[’и д’и́]лали*, *н[’и ј́э]здили*, *пер[’иј́э]хал*, *н[’и в’и́]шаный*. Распространению [и] в 1-м предударном слоге способствует также наличие следующего мягкого согласного.

Лучшее сохранение архаического диссимилятивного вокализма после твердых согласных связано с тем, что артикуляционный контраст между гласными непереднего ряда [а] и [э] оказывается гораздо менее четко выраженным, чем между гласными переднего ряда, более удаленными друг от друга в артикуляционном пространстве [Касаткина 2000: 102]; различие звуко-типов после твердых согласных не осознается носителями говора и потому легко превращается в особую ритмическую модель. Разумеется, это происходит в том случае, если в говоре сохраняется традиционная ритмическая модель слова, то есть отсутствует тенденция к становлению ритмического контура «сильный центр и слабая периферия».

Консервации архаического диссимилятивного вокализма способствует также общее упреждение артикуляционной базы, свойственное некоторым южнорусским диалектным системам. Например, более передняя артикуляция гласных, характерная для говора с. Татарино (см. § 2.4.3), обуславливает и некоторые специфические черты системы предударного вокализма: во-первых, отсутствие *a*-образных гласных перед ударными /a/, /o/, /e/, во-вторых, переход от задонского к обоянскому диссимилятивному яканью, что ограничивает возможности дальнейшего развития системы предударного вокализма после мягких согласных.

Последовательное сохранение задонского диссимилятивного яканья в с. Стадница Семилукского р-на Воронежской обл., отмеченное еще

К.Ф. Захаровой [1959: 47], также объясняется наличием в местном говоре повышенного и упередненного гласного в соответствии со звукотипом не-[a]. Границы F₁ этого гласного «располагаются в диапазоне 370–500 Гц, а максимум F₁ служит частота 400 Гц. Максимум F₂ проявляется обычно на частоте 2,56 кГц» [Градационная фонология 1985: 107].

Параллелизм изменений вокальных систем, который обычно объясняется действием живых фонетических тенденций, характерен только для говоров с задонским диссимилятивным яканьем. Так, общее расширение артикуляционной базы, а также действие ассимилятивных тенденций ведет к формированию на основе архаических типов новых вокалических моделей, где принципиально возможным становится употребление *a*-образных гласных перед ударными /a/ и /o/. Отличия между возникающими моделями аканья и яканья касаются лишь отдельных деталей, но обычно не носят системного характера. Ср. развитие архаических типов аканья и яканья в говорах сел Верхн. Колыбелка и Отскочное, описанное в [Касаткина, Щигель 1995].

Наличие в говоре обоянского диссимилятивного яканья всегда ограничивает действие указанных тенденций, поэтому расширение артикуляционной базы ведет к распространению *a*-образных гласных только после твердых согласных, а после мягких согласных последовательно сохраняется старая система вокализма (разумеется, при стабильном функционировании под ударением семи гласных фонем). Так, по подсчетам Е.В. Корпечковой, в говоре с. Солдатское случаи произношения [a] после твердых согласных перед ударными /a/ и /o/ составляют 15–20 % от общего числа примеров, в то время как случаи отступления от обоянского типа яканья составляют не более 5 %.

3.4. Архаические типы аканья и яканья и системы ударного вокализма

Можно ли считать выбор того или иного звукотипа при архаических типах вокализма, поддержанных последовательно проведенной семифонемной системой вокализма, **фонетически** закономерным, как считала К.Ф. Захарова?

Постулируя фонетическую зависимость между гласными 1-го предударного и ударного слогов, К.Ф. Захарова приводит многочисленные примеры, противоречащие этому утверждению. Так, в д. Бол. Яруга⁵⁰ отмечены следующие формы: *ст'акло́, с'ало́, в'асно́йу, т'акло́, з'арно́, в'асло́, с'астро́й, йау́ор, н'а по́мн'у, н'ар'о́мнай, пьн'амно́шку, з'амл'о́йу, н'ич'иу́о, пр'исто́л'най, у в'адро́, т'в'ато́w, зь р'акóйу, ун'аздо́, ст'ано́йу, в'адро́, к р'абóй; з'ирно́м, в'исло́м, ст'икло́м, сл'ипóй, с'идóй, в'идро́м, т'в'ито́ч'к'и, р'ибóй, с п'итно́м, п'ито́к, к'ип'итко́м, п'ин'о́к; т'амн'е́т', а с'астр'е́, у з'арн'е́, у ун'аз'д'е́, у в'адр'е́, н'ав'е́ск'и, ул'ат'е́л'и, н'ад'е́л'а, т'ал'е́уа, н'а с'ейил'и; у т'иб'е́, д'ир'е́wn'а, т'ик'е́, т'ип'е́р', п'ик'е́т', с'им'е́йствъ, д'ит'е́й и т.д. [Захарова 1959: 10]. См. также материалы Т.Ю. Строгановой, собранные в этом говоре: *пълатно́, вадóй, дамóй, науóйу, варóна, дарóуа, карóва, бал'ота, домów, хал'однъва, п'ирашкów, халóдныйи, пьмаг'о́жа, карóвы, кар'о́ва, кал'од'ис', нъуар'о́д'а, пьуаро́дъх, хар'о́шайа; пьт стъло́м, тькóй (м.р.), кълхóс, кълъсо́ч'к'и, пь^око́рм'а, пьсо́хла, дъжсо́ч'к'и, дъ штó'и, бал'шóй (м.р.), калхóзы; пьлт'е́нцы, клъд'е́т', н'и въз'м'е́ш, лъшьд'е́й, свъйе́й, пьм'е́рл'и, дъл'о́ка, зав'е́тца, найм'е́ш, хълад'е́ц', нарв'е́м; с Маскв'е́, сматр'е́ла, нъ стал'е́, нъ вад'е́, нъ нау'е́, к аб'е́ду, у слъбад'е́, ува wс'е́х, нъ двар'е́, пьуар'е́л'и и др. [Строганова 1955: 100–101].**

⁵⁰ Образец звучащей речи из этого населенного пункта приведен в [Касаткина (ред.) 1999: 110–111].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что выбор того или иного звукотипа при архаических типах аканья и яканья обусловлен не какими-то акустическими характеристиками ударного гласного, а **фонологической** позицией: перед фонемами /ʙ/ и /ω/ произносится гласный [а], перед /е/ и /о/ – гласные [э], [е] и [и]. Даже наличие «неэтимологических звукотипов средне-верхнего, среднего и средне-нижнего подъемов» в соответствии с /ʙ/, /ω/, /е/ или /о/ никак не отражается на звукотипе в 1-м предударном слоге: он употребляется в соответствии с этимологией ударного гласного. Иначе говоря, в подобных говорах «диссимиляция как живой фонетический принцип утрачена» [Фомина 1980: 8].

Следует также отметить, что архаическая система предударного вокализма в целом может проводиться значительно более последовательно, чем различение под ударением семи гласных фонем, то есть фонетический контраст между формами типа *больно́й* (старик) – *больно́й* (старухи) может преимущественно создаваться за счет гласных 1-го предударного слога, о чем свидетельствуют материалы аудиторского анализа, проведенного Т.Г. Фоминой (подробнее см. § 1.4 и § 2.2.1). На это же указывают многочисленные примеры, записанные в говоре с. Веретье (см. § 3.3).

Лишь появление значительных зон неразличения между фонемами верхне-среднего и среднего подъемов обычно приводит к общей деградации архаических типов предударного вокализма. Важно отметить, что лексикализация и грамматикализация произношения гласных 1-го предударного слога может затрагивать не только обоянский тип яканья (сохранение [и] в формах типа *св[’и]крóвь* или *ч[’и]гó*), но и архаический тип аканья (сохранение [э] в формах типа *б[э]льно́й* или *пор[э]сёнок⁵¹*). Сохранение *э*-образных предударных гласных в И.п. ед.ч. м.р. прилагательных отмечается в ряде говоров с умеренно-диссимилятивным, диссимилятивно-умеренным и умеренным

⁵¹ См. замечание Е.С. Клейменовой о том, что в некоторых архаических говорах Ульяновского р-на Калужской обл. слово *пор[э]сёнок* «является почти лексикализированным в данном произношении» [Клейменова 1956б: 96], подробнее см. § 5.3.

типами яканья и, по-видимому, указывает на их архаическую основу: *тэкóй-тэ*, *бэл'нóй* [Савинов 2000: 32, 36], *бэл'шóй*, *малэдóй* [Межецкая 2010: 68], [кэ]кóй [Родина 2012: 53].

3.5. Диахроническая интерпретация представленного материала

Вопрос о причинах и времени возникновения аканья до сих пор остается открытым. Традиционно аканье считается поздним явлением, связанным с редукцией безударных гласных неверхнего подъема, и относится ко времени после падения редуцированных [Аванесов 1947: 138; Иванов 1990: 203–215; Борковский, Кузнецов 1965: 146–151]⁵².

Р.И. Аванесов считал, что аканье зародилось на территории курско-орловских, тульских и рязанских говоров, которые «едины в своей исторической основе», а различия между этими группами «носят по большей части вторичный, позднейший характер» [Аванесов 1952б: 40–41]. По его мнению, а также по мнению ряда других ученых, наиболее древний тип аканья был диссимилятивным, и лишь затем на его основе сформировались другие модели предупредительного вокализма [Аванесов 1952б: 38–43; Горшкова, Хабургаев 1997: 109–115]⁵³. Однако существующая сегодня зависимость предупредительного гласного от степени подъема ударного гласного, характерная для диссимилятивного вокализма, исторически не первична, и причиной появления и развития подобных типов аканья и яканья «не могла быть диссимиляция – стремление говорящих <...> расподобить подъемы гласных» [Касаткин 2010: 82].

Можно предположить, что диссимилятивный вокализм в своем развитии должен был пройти два этапа [Горшкова, Хабургаев 1997: 117]: первый – нейтрализация безударных гласных неверхнего подъема, второй – формиро-

⁵² По мнению некоторых исследователей, «оканье и аканье относятся к числу явлений, сосуществовавших в различных диалектах восточных славян еще задолго до возникновения славянской письменности» [Филин 1941: 160], в этом случае развитие аканья обычно связывается с совпадением в праславянском языке *o* и *a* в одном гласном [Мейе 1951: 44; Георгиев 1963; Филин 1972; Півторак 1988: 93–99]. Гипотезы о субстратном происхождении аканья (см. [Лыткин 1965; Лекомцева 1980]) «не исключены, но трудно доказуемы» [Филин 1968: 92].

⁵³ Высказывалось также предположение, что исходным был тип сильного аканья, на основе которого развилось аканье диссимилятивное [Филин 1968: 89–90; Чекмонас 1987: 343, 346].

вание новой системы зависимости между ударным и безударными гласными, основанной на фонетико-просодических параметрах. Возможный алгоритм первого этапа изменения представлен в статье Л.Л. Касаткина. По его мнению, в древности в южнорусских говорах фонемы /a/, /o/, /ɔ/ различались не только под ударением, но и в безударном положении⁵⁴, в этой позиции их основными реализациями были монофтонги [a], [ɔ] и [ɔ̃]. Изменения шли по следующей модели: «Вначале с [a] после твердых согласных совпал [ɔ], представлявший /o/, так возникло аканье. В этот процесс включился и [ɔ̃], представлявший /ɔ/» [Касаткин 2010: 88]⁵⁵.

На втором этапе, постепенно вызревавшем в недрах первого, происходило зарождение и развитие диссимилятивной зависимости между гласными. Унификация дифференциальных признаков безударных гласных неверхнего подъема приводила не только к резкому сокращению различительных единиц, но и к неустойчивости фонетической системы в целом. Именно в этой ситуации происходило формирование принципиально новой просодической модели слова, что стало закономерной реакцией на происходящие изменения. Таким образом, нейтрализация безударных гласных неверхнего подъема актуализировала новые дистактные связи между гласными в фонетическом слове, в результате старая волнообразная динамическая модель претерпела изменения (см. § 1.6).

Безударная позиция способствует ослаблению и сокращению гласного, уменьшению артикуляционного напряжения при его произношении и, как следствие, изменению его артикуляции. Только под ударением в акающих говорах гласные неверхнего подъема продолжают различаться, произносятся

⁵⁴ Л.Л. Касаткин обнаружил различие этих фонем в безударном положении в некоторых севернорусских архаических говорах [Касаткин 2010: 87; Касаткин 2012а: 280]. Таким образом, мнение В.К. Журавлева, что «диалектная оппозиция (ɔ̃ : o) зародилась сразу же как нейтрализуемая в безударном положении» [Журавлев 1986: 187], следует признать неверным.

⁵⁵ О. Брок считал, что перед возникновением аканья в южнорусских говорах гласные неверхнего подъема совпали в звуках [ъ] и [ь], которые представляли собой «относительные гласные положения безразличия» [Брок 1916: 26]. По мнению Л.Л. Касаткина, была «только такая ступень редукции безударных гласных, которая привела к совпадению гласных неверхнего подъема в [a], реализовывавшийся при краткости в некоторых позициях звуком [ə] после твердых согласных и [e] после мягких» [Касаткин 2010: 86].

с наибольшей интенсивностью и силой. Поэтому ярче всего новые дистактные связи проявляются между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога. Создаются благоприятные условия для усиления центральной части слова, правда, на этом этапе формирующееся акцентное ядро еще не было резко противопоставлено периферийным слогам. Происходившие изменения регулировались правилами, актуальность которых проявлялась не в пределах сочетания отдельных слогов, но в пространстве всего слова, объединенного единой просодической программой. Гласные «выступают как целостный блок, объединяющий взаимосвязанные компоненты, когда выбор гласного определяется вокальным компонентом следующего слога» [Калнынь 2001: 26].

Развитие новой динамической модели становится стабилизирующим фактором для фонетической системы в целом. Информативность безударных гласных вновь повышается: дополнительным средством различения становится общая ритмическая структура слова, то есть соотношение позиционных длительностей.

При решении вопроса о том, какие отношения между гласными акцентного ядра были первичны при формировании архаического диссимилятивного вокализма – количественные или качественные, нельзя опираться только на синхронные данные. В.Н. Сидоров писал: «Современное распределение долготы слогов в акающей произносительной модели слова не позволяет правдоподобно представить то, как образовалось диссимилятивное аканье» [Сидоров 1969: 20]. Было бы некорректным проецировать закономерности, характерные для современных диссимилятивно акающих говоров, на прошлые состояния этих диалектных систем и утверждать, что определяющим при формировании диссимилятивного аканья были именно качественные, а не количественные связи, как считала, например, И.Л. Сталькова [1971: 47]. Качественная диссимиляция – это «лишь результат фонетических процессов, происходящих в определенных позициях, но она никогда не является их причиной» [Касаткин 2010: 82]. Не вызывает сомнений первичность именно количественных отношений между гласными: долготная характери-

стика ударного гласного в этой системе predeterminedяла всю ритмико-динамическую структуру слова. Таким образом, модель с квантитативными отношениями между гласными можно считать наиболее архаическим типом диссимилятивного предударного вокализма.

Однако для русского языка нехарактерно противопоставление гласных по длительности, долгота и краткость не были их дифференциальными признаками⁵⁶. Позиционные варианты безударных гласных не обобщались в звукотипы, слабо контрастировали между собой, а их количественные характеристики находились в отношении свободного варьирования, что обусловило нестабильность квантитативных отношений при диссимилятивном вокализме. Кроме того, действующие тенденции способствовали упрощению вокалической системы, сведению всего множества вариантов к нескольким функциональным единицам.

В результате произошло качественное разграничение предударных гласных в зависимости от их квантитативных характеристик. Возможные количественные модификации были обобщены в два звукотипа: [a] — не-[a]. Долгий широкий [a] стал произноситься перед гласными верхнего и верхне-среднего подъемов, а более короткие и закрытые [ə] и [e]⁵⁷ — перед гласными среднего и нижнего подъемов, соответственно, способы оформления фонетического слова были сведены к двум унифицированным схемам (подробнее см. § 1.6).

Появление архаического диссимилятивного аканья напрямую обуславливалось наличием под ударением семифонемной системы вокализма, которая была представлена в прототипичном виде — как система восходящих и нисходящих дифтонгов [yō] — [ou] и [ie] — [ei] в соответствии с фонемами /ω/ и /o/, /ѡ/ и /e/ [Касаткин 1999: 388].

⁵⁶ «В русском нет долгих по природе гласных, отличных от кратких, и, следовательно, русским чуждо стремление удлинять какие-либо гласные больше других <...>» [Щерба 1957: 99].

⁵⁷ Возможно, изначально как после твердых, так и после мягких согласных произносился гласный среднего ряда среднего подъема [ə]; этот звук и сегодня спорадически отмечается в некоторых южнорусских системах с архаическим диссимилятивным яканьем задонской разновидности.

Развитие актуальных тенденций (к упрощению системы гласных и к уменьшению напряженности артикуляционной базы) приводит к трансформации исходной семифонемной системы ударного вокализма. В результате во многих диалектных системах происходит монофтонгизация дифтонгов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов, что обуславливает переход к пятифонемной системе вокализма (см. § 2.3.3).

Однако в ряде южнорусских говоров процесс монофтонгизации дифтонгов сопровождается тенденцией к симметричности изменений системы ударного вокализма. В результате ее действия на месте фонемы /e/ появляется гласный средне-нижнего подъема [ɛ], то есть звукотип, соответствующий по степени подъема основной реализации фонемы /o/. Таким образом, с одной стороны, сохраняется параллелизм системы гласных фонем, с другой – этот параллелизм способствует консервации самой системы семифонемного вокализма (см. § 2.4.2). Для всех аллофонов фонемы /e/ характерно несколько общих особенностей. Во-первых, переднеязычные согласные *m, d, n, p* в позиции как перед гласными [ẽ], [e], [ɛ], так и перед [ẽẽ] или [ɛ] могут быть немягкими. Во-вторых, даже в том случае, если перед [ɛ], [e] или [ɛ] отмечается мягкий согласный, у гласного отсутствует начальный [и]-образный переходный участок, что создает акустическое впечатление твердого согласного, разумеется, подобного [и]-образного участка нет и перед твердым согласным (см. § 2.4.6).

Наконец, гласные 1-го предударного слога, находящиеся в позиции перед /e/, имеют тенденцию уподобляться ударному гласному не только по ряду, но и по подъему: например, в 1-м предударном слоге после твердых согласных перед [ɛ] могут произноситься на месте /o/, /a/ гласные [a] или [æ], а перед [ɛ] и [ɨ] – [ə] или [ɚ]. Подобную черту впервые обнаружили Р.Ф. Касаткина и Е.В. Щигель в говоре д. Верхн. Колыбелка Хлевиенского р-на Липецкой обл. – в этом говоре с архаическими типами предударного вокализма гласный [ə] перед ударным [e] становится более передним [Касаткина,

Щигель 1995: 298]. На рис. 3.11, 3.12, 3.13, 3.14 представлены осциллограммы и спектрограммы форм *ат'эц*, *малэд'ун'иц*, *пат кэн'иэ'эц* и *тэрудэдн'аэ'эц* (трудодней), на которых видно, что форманты гласных 1-го предударного слога подстраиваются под форманты ударных гласных. То есть реализации фонемы /e/ имеет большой «ассимилирующий» потенциал.

Рис. 3.11. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *от'эц* (с. Солдатское Старооскольского р-на Белгородской обл.)

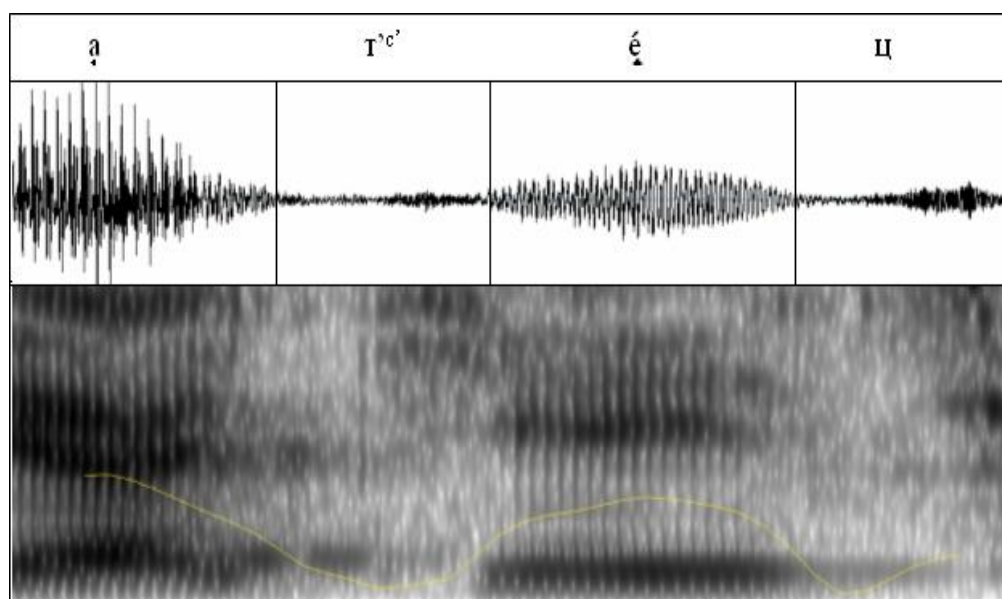

Рис. 3.12. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *молод'энец* (с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл.)

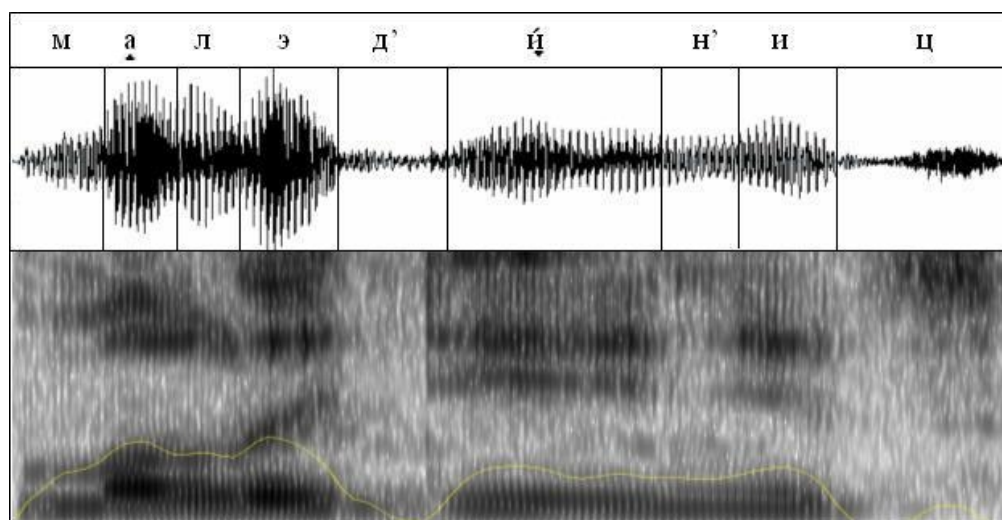

Рис. 3.13. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *под конѐц*
(с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

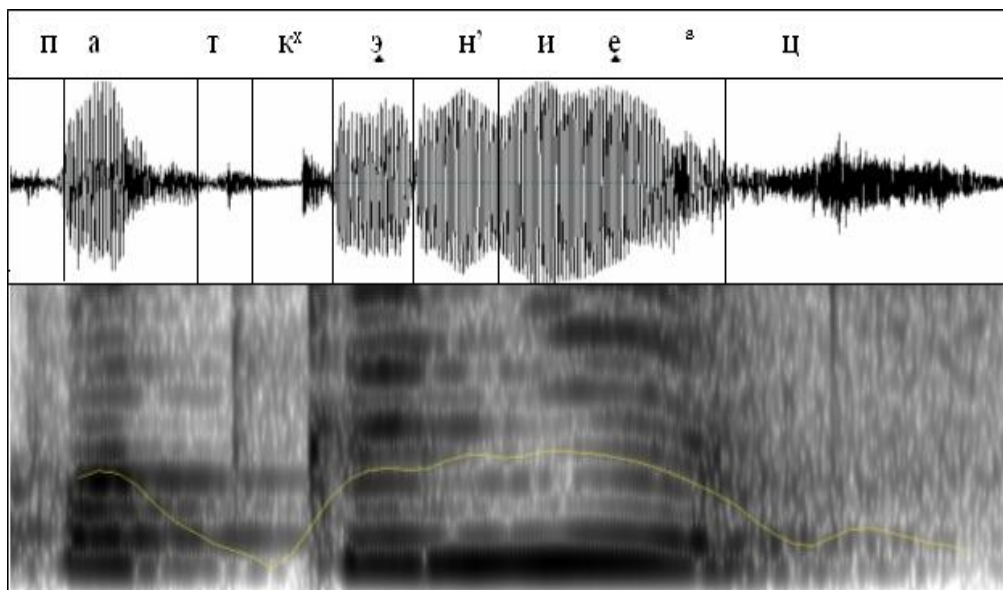
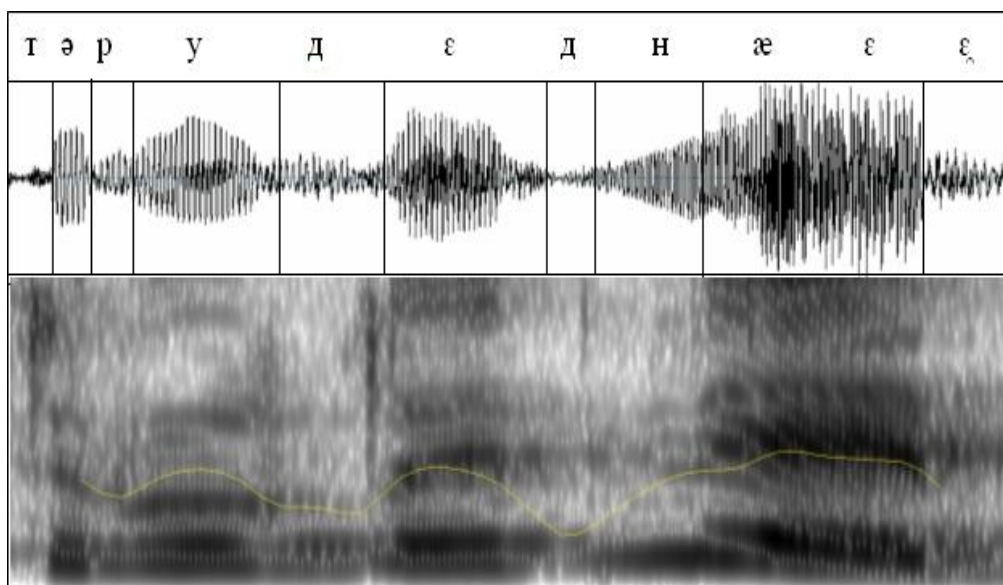

Рис. 3.14. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *трудоднѐй*
(с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

3.6. Дальнейшее развитие архаических типов вокализма

Тенденции к упрощению системы гласных и уменьшению напряженности артикуляционной базы активно действовали и на безударные гласные. Архаические типы диссимилятивного аканья и яканья, имевшие в 1-м предударном слоге противопоставление [a] — не-[a], с момента своего образования подвергались ассимилирующему воздействию ударных гласных. Кроме того, произношение перед реализациями фонемы /e/ звуков [e] и [э] (имеющего в этой позиции склонность к переходу в более передний ряд), что характерно для этих архаических систем, не может считаться диссимиляцией, но свидетельствует в пользу ассимилятивных отношений между гласными акцентного ядра слова. Этот факт, видимо, также способствовал развитию в южнорусских говорах межслоговой гармонии, которая, тем не менее, проявлялась в рамках сложившейся системы архаического диссимилятивного вокализма.

Можно предположить, что действие ассимилятивных тенденций изначально было позиционно ограничено положением перед гласными верхне-среднего и среднего подъемов. К такому выводу можно прийти в результате структурного анализа различных типов вокализма, имеющих ярко выраженную архаическую диссимилятивную основу. Разумеется, в разных региональных вариантах трансформация архаического вокализма происходила неодинаково, однако изменения на первом этапе всегда захватывали позиции перед ударными гласными /e/, /o/, /ѣ/, /ω/: это характерно для формирования многих вторичных типов аканья и яканья.

В русском языке межслоговая вокальная ассимиляция может затрагивать признаки ряда, подъема и лабиализации. Эти типы ассимилятивных изменений имеют разную значимость для системы вокализма: так, лабиализация или упереднение гласного [э] перед ударными /o/, /e/ структурно не значимы. Однако изменение подъема и появление звуков [ε] или [ǣ] на месте [e] и [э] перед ударными /o/ и /a/, а также упереднение и повышение подъема [a] перед реализациями фонемы /ѣ/ входят в противоречие со старой диссимиля-

тивной системой, хотя на этом этапе и не вызывают качественной трансформации ее структуры.

Постепенно в южнорусских говорах накапливался новый языковой материал, который сначала встраивался в прежнюю модель вокализма и сосуществовал со старыми диссимилятивными отношениями, хотя отчасти и предвосхищал будущие изменения. На данном этапе развития системы гласных вокальная гармония не была фактом языка: примеры с ассимилятивными изменениями безударных гласных подчинялись действующей в речи тенденции, но не имели статуса фонетического закона. Сохранению прежних диссимилятивных отношений между гласным 1-го предударного слога и ударным гласным способствовала существовавшая динамическая модель слова: перед гласными среднего и нижнего подъемов был возможен только звукотип не-[a], перед остальными гласными – только звукотип [a].

Говоры Курско-Орловской группы, а также елецкие и оскольские наиболее долго сохраняли подобную структуру ритмического оформления слова. Поэтому на указанных территориях диссимилятивные типы вокализма сохраняются до сих пор, во всяком случае после мягких согласных. Изменение [e] > [и], которое произошло после распространения перед звуком [e] мягких согласных, привело к формированию новой модели архаического яканья – обоянской. Фонологизация корреляции гласных в 1-м предударном слоге обусловила прекращение действия прежних фонетических закономерностей, в частности, привела к ограничению действия ассимилятивных тенденций. Впредь гармония гласных может проявляться только как речевая, коартикуляционная особенность, незначимая с точки зрения системы.

В зависимости от различных условий звук [и], являющийся основным вариантом фонемы /и/, противопоставляется гласному [a], реализующему фонемы /a/, /o/, /e/. Поэтому даже в системе обоянского архаического яканья, поддержанного семифонемным вокализмом, выбор предударного гласного уже не регламентируется фонетическими правилами. Так, для обоянской системы вокализма свойствен параллелизм произношения гласных 1-го преду-

дарного слога в позиции перед мягкими и перед твердыми согласными в примерах типа *пл[’а]чó*, *б[’а]льĕ* (как *с[’а]лó*), *з[’а]млĕй* (как *с[’а]стрóй*) *Сел[’а]знĕв* (как *П[’а]трóв*), *пл[’а]тнĕв* (как *л[’а]сóв*) и т.д. Разумеется, подобное произношение поддерживается системой ударного вокализма: в архаических южнорусских говорах фонема /*ω*/ может употребляться не только после твердых, но и после мягких согласных, что характерно для некоторых суффиксов и флексий (см. § 2.3.5). Однако даже при отсутствии после мягких согласных особых реализаций фонемы /*ω*/ параллелизм произношения предударных гласных в твердой и мягкой разновидностях парадигмы сохраняется, что обусловлено «прикрепленностью» звукотипа не-[и] к некоторым грамматическим формам. Например, в с. Веретье, где после мягких согласных под ударением отсутствует различие /*ω*/ и /*o*/, отмечаются формы *п[’ин’ó]к*, *пос[’ир’ó]дке*, *р[’иб’ó]нка*, *с р[’им’н’ó]м*, *С[’ир’ó]жку*, но *б[’ал’jó]*, *с[’ам’jó]ю*, *Гул[’ájó]вы* (фамилия), что следует признать характерной чертой обоянской системы вокализма, распространенной в местном говоре [Дьяченко 2010: 134].

В большинстве русских говоров под действием актуальных тенденций происходит постепенная монофтонгизация дифтонгов, что, в свою очередь, ведет к устранению противопоставления фонем верхне-среднего и среднего подъемов. Если же в говоре трансформация ударного вокализма приводит к появлению на месте /*e*/ гласного [ɛ], что свидетельствует о стабильности системы в целом, архаическое аканье и обоянское диссимилятивное яканье также последовательно сохраняются, отмечаются лишь единичные исключения. Если развитие системы ударного вокализма не приводит к появлению [ɛ] как возможной реализации фонемы /*e*/, с развитием монофтонгизации дифтонгов [иĕ] и [уó] начинается постепенная утрата противопоставления /*ѣ*/ ~ /*e*/, что провоцирует изменения систем аканья и яканья. Прежде всего это выражается в разрушении системы диссимилятивного яканья, и лишь затем

– диссимильятивного аканья, вопреки существовавшему ранее мнению [Захарова 1959: 42].

В качестве примера можно привести говоры с. Веретья Острогожского р-на Воронежской обл. и Солдатского Старооскольского р-на Белгородской обл. В первом говоре звук [ɛ] как реализация фонемы /e/ не отмечен, противопоставление фонем /ʔ/ и /e/, /ω/ и /o/ постепенно утрачивается, что сразу же приводит к нарушениям в системе диссимильятивного яканья обоянской разновидности, к появлению элементов иканья. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в системе частиц, предлогов и отрицаний, находящихся в позиции 1-го предударного слога: гласный [и] в этой позиции возможен перед любым гласным (см. § 3.3).

В говоре Солдатского, напротив, звук [ɛ] – одна из возможных реализаций фонемы /e/, наряду с [ɛ̃], [e], [ẽi], соответственно, в этом говоре практически нет отклонений от модели обоянского яканья. Система частиц, приставок и отрицаний подчиняется общей системе чередований.

3.7. Выводы

1. В большинстве южнорусских говоров стабильное сохранение архаических типов аканья и яканья поддерживается наличием под ударением семи гласных фонем. При этом сами архаические типы предударного вокализма следует признать не фонетическими, а фонологическими моделями. Произношение конкретного звукотипа на месте фонем /ʔ/ и /e/, /ω/ и /o/ непосредственно не влияет на выбор гласного 1-го предударного слога: употребление [a], [ə] или [и] в этой позиции зависит от лишь от этимологии ударного гласного: [a] – перед /ʔ/ и /ω/, [ə], [e] и [и] – перед /e/ и /o/.

2. В части диалектных систем словоформы типа *больно́й* (старик) – *больно́й* (старухи) различаются только гласными 1-го предударного слога, что свидетельствует о системной значимости корреляции [a] ~ не-[a]. В дальнейшем при переходе к другим типам аканья возможны лексикализация или

грамматикализация [э] перед ударным [о], восходящим к этимологическим *ъ, *о и *е: *п[э]сóхла, д[э]мóк, т[э]кóй, б[э]льнóй, к[э]гó, пор[э]сёнок*. Иными словами не только при архаическом диссимилятивном яканье обоянской разновидности, но и при архаическом диссимилятивном аканье появление того или иного звукотипа зависит уже не от фонетической позиции, но также от различных фонологических или лексико-грамматических условий.

3. В ряде южнорусских говоров с архаической диссимилятивной основой вокализма в результате постепенного формирования ритмического контура «сильный центр и слабая периферия» *a*-образные гласные начинают произноситься не только перед гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов, но и перед ударными [э] и [а]. Однако *a*-образные гласные, репрезентирующие звукотип не-[а], отличаются от *a*-образных реализаций звукотипа [а] уровнем подъема, рядом, а также долготными характеристиками. Если основным реализациям звукотипа [а] свойственны высокие значения F_1 (800–1100 Гц) и F_2 (1800–2000 Гц), то у гласных [а̣] и [а̤], представляющих звукотип не-[а], верхняя граница F_1 , как правило, не превышает 650–750 Гц, а F_2 – 1300–1600 Гц, что указывает на их локализацию в зоне отодвинутого среднего или средне-заднего ряда и повышено-нижнего или средне-нижнего подъема. Кроме того, гласные, представляющие звукотип не-[а], обычно составляют около 50–70 % длительности реализаций звукотипа [а].

4. В некоторых южнорусских говорах с архаическим диссимилятивным вокализмом в трехсложных словах, имеющих структуру СГРГСА́(СГС), где R – сонорный согласный, наблюдается значительная редукция 1-го предударного гласного в позиции перед ударными гласными нижнего, реже – среднего подъёмов. Лексикализованные случаи типа *голв́а* или *порсёнок*, широко распространенные в говорах Курско-Орловской диалектной группы, можно рассматривать как рефлекс архаического диссимилятивного аканья. В говорах Восточной диалектной группы отмечаются случаи типа *прасёнок, платёнце, глав́а* [Голубева 1985: 77], которые, по-видимому, свидетельствуют о раннем

формировании на указанной территории ритмического контура «сильный центр и слабая периферия».

5. Появление лабиализованных гласных в соответствии со звукотипом не-[a] перед /a/ обусловлено тенденцией к сохранению диссимилятивной системы предударного вокализма – стремлением к фонологизации противопоставления звукотипов в 1-м предударном слоге, повышением контраста между ними.

6. Для диалектных систем с преимущественным распространением архаических типов яканья (в том числе и обоянского) обычно характерно также и архаическое диссимилятивное аканье. Другие типы диссимилятивного аканья (прохоровское и жиздринское) обычно сосуществуют с переходными моделями диссимилятивного яканья: обоянско-щигровской или дмитриевско-суджанской. В целом диссимилятивный архаический вокализм значительно лучше сохраняется после твердых согласных, чем после мягких, что связано со значительно меньшей выраженностью артикуляционного контраста между гласными непереднего ряда [a] и [ə], чем между гласными переднего ряда, более удаленными друг от друга в артикуляционном пространстве.

7. Параллелизм изменений вокальных систем, который обычно объясняется действием живых фонетических тенденций, характерен только для говоров с задонским диссимилятивным яканьем. Наличие в говоре обоянского диссимилятивного яканья всегда ограничивает действие указанных тенденций, поэтому расширение артикуляционной базы ведет к распространению *a*-образных гласных только после твердых согласных, а после мягких согласных последовательно сохраняется старая система вокализма (при стабильном функционировании под ударением семи гласных фонем).

ГЛАВА 4.

Щигровский, дмитриевский и суджанский типы диссимилятивного яканья; прохоровский тип диссимилятивного аканья

4.0. Введение

Общая деградация семифонемной системы ударного вокализма ведет к утрате архаических типов предупредного вокализма. В результате обоянское архаическое яканье может трансформироваться в щигровский, дмитриевский или суджанский типы диссимилятивного яканья, а архаическое диссимилятивное аканье – в жиздринский или прохоровский типы диссимилятивного аканья. Таким образом, эти модели представляют собой следующую ступень развития по отношению к архаическим моделям. Зачастую разделение обоянской и щигровской, дмитриевской и суджанской моделей предупредного вокализма проводится условно – в зависимости от количества грамматических категорий и отдельных слов, в которых отмечается варьирование гласных [а] или [и]: *с[’и]дóй* или *с[’а]дóй* (м.р.), *б[’и]гóм* или *б[’а]гóм*, *в с[’а]лé* или *в с[’и]лé*, *з[’а]млéй* или *з[’и]млéй*, *н[’а]вéста* или *н[’и]вéста* и т.д., см. [Захарова 1970: 17–20]. Прохоровское аканье, обычно сочетающееся с суджанской разновидностью яканья, также не проводится последовательно, и для некоторых говоров Курско-Орловской группы подобный тип вокализма может быть классифицирован как прохоровско-жиздринский (в зависимости от количества примеров произношения [э] перед /е/ и /о/).

Характерной особенностью щигровской, дмитриевской и суджанской разновидностей диссимилятивного яканья является их наличие в говорах с пятью гласными фонемами [Захарова 1970: 6, 17]. Различение звукотипов [и] – не-[и] перед этимологическими гласными верхне-среднего и среднего подъемов сохраняется при отсутствии реального фонологического противопоставления /ѣ/ ~ /е/, /ѡ/ ~ /о/, а выбор определенного звукотипа в этой пози-

ции регламентирован произносительными особенностями конкретных слов и грамматических форм.

4.1. Щигровский тип диссимилятивного яканья

Впервые щигровская разновидность яканья была отмечена Н.Н. Дурново в некоторых населенных пунктах Курской, Воронежской и Тульской губерний и получила название по одному из районов фиксации [Дурново 1917а: 105–118]. Однако Н.Н. Дурново не был уверен в реальном существовании этого типа вокализма, что обуславливалось скудостью, непоказательностью приведенного исследователем материала; эти сомнения были настолько сильны, что во втором выпуске «Диалектологических разысканий» щигровское яканье не упоминается вовсе [Дурново 1917б]. Несколько позднее А.М. Селищев подтвердил наличие компактного ареала этой вокалической модели в Щигровском уезде Курской губернии и в Ливенском уезде Орловской губернии [Селищев 1968: 410].

Структурные закономерности и территориальные особенности щигровского диссимилятивного яканья подробно описаны в работах К.Ф. Захаровой [Захарова 1970: 17–20; 1971: 7–11], основанных на материалах ДАРЯ. По данным атласа, эта модель предупредительного вокализма распространена на восточной периферии ареала суджанского яканья и фиксируется в восточных районах Орловской и Белгородской областей, а также в западных районах Воронежской обл. [ДАРЯ 1986: карта 8]⁵⁸; диалектных систем, «в которых отмечается щигровский тип, немного, и они не занимают сплошной территории <...>» [Захарова 1971: 7].

Как известно, щигровское диссимилятивное яканье предполагает произношение [и] перед ударными /е/ (из **e* и **ь*), /'о/ и /а/, в остальных позициях, в том числе и перед /е/ (из **ѣ*), употребляется гласный [а]: *д[’и]тѣй*, *б[’и]рѣза*, *с[’и]стрá*, но *л[’а]скí*, *с[’а]стрý*, *с[’а]стрóу*, *с[’а]стрóй*, *с[’а]лó*,

⁵⁸ Этот тип вокализма также отмечается на севере Ростовской обл.

с[’а]л^ом, с[’а]стр^е, в с[’а]л^е. Однако этот тип вокализма довольно редко бывает представлен в хрестоматийном виде: в конкретных диалектных системах он «имеет разное количество словоформ, произносящихся с *a* и с *u* перед ударным *o* из *ъ*» [Захарова 1971: 8].

4.1.1. Системы с непоследовательно выдержанным щигровским типом яканья

Наибольшее количество отступлений от щигровского яканья, выявляющих архаическую основу системы вокализма, обнаруживают говоры Белгородской обл., что зачастую позволяет классифицировать подобную модель как переходную обоянско-щигровскую. Так, в говоре с. Присынок Губкинского р-на отмечены следующие примеры (материал приведен по [Корпечкова 2010: 146–147; Савинов 2002: 266]):

Перед /a/, /e/ (из **e* и **ь*), /’o/: с[’и]стр^а, св[’и]кр^ами, дв[’и]р^ями, сл[’и]п^ая, стр[’и]в^ать, в[’и]з^ала, прод[’и]р^жала, н[’и]к^ла, н[’и]л^зя, [йи]г^нятками, т[’и]л^яты, з[’и]м^ля, с[’и]м^ья, в[’и]тр^яга, тр[’и]т^ьяк, н[’и]т^надцати, б[’и]з п^амяти, б[’и]з м^атери, чер[’и]з гр^абли, н[’и] б^айковая, н[’и] ст^ала, н[’и] н^адо, н[’и] д^ал, н[’и] н^айдешь, н[’и] л^яжешь, н[’и] с^яд^ють, н[’и] пр^яла; в[’и]ч^ерить, д[’и]р^евня, дер[’и]в^енскому, н[’и]б^есная, т[’и]п^ерь, с[’и]м^ейство, н[’и]т^елечку, под[’и]ш^евлело, Кр[’и]щ^енья, пл[’и]т^ешь, прин[’и]с^ешь, стер[’и]г^ешь; пр[’и]д^ешь, прин[’и]с^е, б[’и]р^ется, соб[’и]р^емся, д[’и]т^ей, в[’и]щ^ей, ст[’и]р^ечь; н[’а] гр^ебовала (гр^ебовать ‘брезгать’), н[’а] л^эзла, б[’а]з п^енсии; с[’и]р^ежка, л[’и]п^ешку, з[’и]л^еный, с[’и]р^едке, вп[’и]р^ед, в[’и]р^евки, коч[’и]р^ежка, в[’и]д^ерок, м[’и]т^елку, ч[’и]т^вertoго, р[’и]б^еночка, жер[’и]б^еночка, пл[’и]т^еные; Кис[’а]л^эв, з[’а]м^лей, н[’а]н^эк, за пл[’а]ч^о, пер[’а]сч^ет, б[’а]з т^етки, н[’а] ш^ел, пер[’а]д св^екром, чер[’а]з ч^ерный.

Перед /и/, /у/, /e/ (из **ь*), /o/: д[’а]т^ми, ветр[’а]к^и, по[йа]ск^и, п[’а]н^ки, м[’а]ш^ки, т[’а]л^илась, н[’а]к^ли, напр[’а]д^и, гл[’а]д^и, дев[’а]т^и, тр[’а]п^ичники,

[йа]ды́, цв[’а]ты́, с[’а]стры́, шерст[’а]ны́е, звен[йа]вы́е, ч[’а]ты́ре; ч[’и]ты́рнадцать, ч[’и]ты́рнадцатого, н[’а] прѝмутъ, н[’а] мѝло, н[’а] вѝжу, пер[’а]бы́ли, н[’а] сы́плу, н[’а] ды́шим, пер[’а]ры́ву, б[’а]з мы́льца; т[’а]плу́шки, л[’а]гу́шки, зв[’а]здѹ, с[’а]стру́, [йа]му́, в[’а]кѹ, с[’а]лу́, заб[’а]ру́ть, отпр[’а]дѹть, прин[’а]су́ть, подм[’а]шу́, руб[’а]лю́, кип[’а]чу́, нал[’а]плю́, см[’а]ю́ться, б[’а]з му́жа, н[’а] хѹже, н[’а] чу́ю, н[’а] пѹю́ть, б[’а]з ю́бки; н[’а]вѣстки, н[’а]дѣлю́, н[’а]вѣсту, в[’а]рѣ́тья, Ал[’а]ксѣями, т[’а]рпѣ́ть, бл[’а]стѣ́ли, л[’а]тѣ́ли, пот[’а]мнѣ́л, в сент[’а]брѣ́, зв[’а]нѣ́, вес[’а]лѣ́й, ч[’а]стнѣ́й, поб[’а]лѣ́й, н[’а] рѣзала́сь, н[’а] дѣвочка, н[’а] ѣздила, н[’а] вѣрь, н[’а] съѣла, пир[’а]мѣ́нки, пер[’а]рѣзала́, б[’а]з хлѣ́ба, чер[’а]з лѣс; пом[’а]ло́, с[’а]ло́, ст[’а]кло́, в[’а]дрѹ́, р[’а]дно́, с[’а]дло́, з[’а]рно́, ч[’а]сов, цв[’а]ткѹ́в, р[’а]дѹ́в, с с[’а]стрѹ́й, п[’а]трѹ́ва, бел[’а]кѹ́ва, звень[йа]во́й (ж.р.), сн[’а]сло́; с[’и]ло́, с[’и]дѹмо́й (ж.р.), с[’и]дѹмо́м; н[’а] по́мню, н[’а] хо́чуть, чер[’а]з по́лог; св[’а]крѹ́вья, п[’а]шкѹ́м, в[’а]рхѹ́м, д[’а]дѹ́к, сн[’а]жѹ́к, вет[’а]рѹ́к, р[’а]дѹ́чек, б[’а]ло́к, м[’а]шѹ́к, б[’а]лкѹ́м, м[’а]шкѹ́м, м[’а]джѹ́м, рем[’а]шкѹ́м, цв[’а]то́чками, з[’а]рно́м, [йа]йцо́м, с[’а]рпо́м, глухон[’а]мо́й, н[’а]мо́й, шерст[’а]но́й, сл[’а]по́й (м.р.), [йа]го́, ч[’а]го́, вс[’а]го́; св[’и]крѹ́вьина, св[’и]крѹ́вью, св[’и]ко́льные, б[’и]го́м, п[’и]со́к, м[’и]шѹ́к, б[’и]ло́к, д[’и]дѹ́к, б[’и]лкѹ́м, цв[’и]то́чках, [йи]го́, ч[’и]го́, нич[’и]го́, вос[’и]мьсо́т, п[’и]тьсо́т, нар[’и]жѣ́нная, т[’и]жѣ́лый; н[’а] ко́нчила, н[’а] трѹ́нута, н[’а] ро́дный, пер[’а]со́хли, пер[’а]д бо́гом, чер[’а]з по́ле, чер[’а]з го́д.

Представленные данные свидетельствуют о стабильном различении в местной диалектной системе звукотипов [и] – не-[и] перед /е/ разного происхождения. В звукозаписях, сделанных в 2000 и 2008 годах, исключений в этой позиции не отмечено, однако в рукописных материалах ДАРЯ зафиксированы формы *м’ат’ѣт’*, *с’т’ир’ау’ѣш* [Юг-448], что свидетельствует о возмож-

ности обобщения гласного основы в глаголах: *м[’а]тѣть, стер[’а]гѣшь* (как *м[’а]тѹ, стер[’а]гѹ*).

Перед /’о/ также довольно последовательно произносится гласный [и]: *с[’и]рѣжка, л[’и]нѣшку, з[’и]лѣный* и т.д. Звук [а] в этой позиции появляется только перед таким /’о/, который находится в некоторых суффиксах и флексиях и ассоциируется с исконной фонемой /о/: *Кис[’а]лѣв, з[’а]млѣй, запл[’а]чѣ*. Очевидно, что эту особенность щигровский тип вокализма унаследовал от своего прототипа – архаического яканья обоянской разновидности. Проявлением архаической диссимилятивной основы следует признать и непоследовательность произношения гласных 1-го предударного слога перед фонемой /о/, восходящей к *ъ и *о. Гласный [а] наиболее последовательно произносится в И.п. ед.ч. м.р. прилагательных: *н[’а]мѣй, шерст[’а]нѣй, сл[’а]нѣй*, а также в Т.п. ед. ч. существительных II склонения (за исключением примеров, имеющих в И.п. финаль -ок): *[йа]йцѣм, з[’а]рнѣм, с[’а]рнѣм*.

В остальных формах перед фонемой /о/, восходящей к *ъ и *о, характерно свободное варьирование гласных. Можно отметить, что гласный [а] преобладает в наречиях типа *в[’а]рхѣм, н[’а]шкѣм, б[’а]гѣм* (но *б[’и]гѣм*), а также в И. и Т.п. существительных с суффиксом -ок: *сн[’а]жѣк, рем[’а]шѣк, вет[’а]рѣк, м[’а]дкѣм, рем[’а]шкѣм* (но *д[’и]дѣк, цв[’и]тѣчка* – у старшей группы информантов).

Звук [и] наиболее последовательно произносится, во-первых, в И. и Т.п. существительных с финалью (не суффиксом!) -ок: *н[’и]сѣк, м[’и]шѣк, н[’и]сѣкѣм, м[’и]шкѣм*, во-вторых, в форме Р.п. ед.ч. местоимений типа *его*: *[йи]гѣ, ч[’и]гѣ, нич[’и]гѣ* (но *ч[’а]гѣ, вс[’а]гѣ* – у младшей группы информантов), в-третьих, в формах И. и В.п. числительных типа *пятьсѣт*: *н[’и]тѣсѣт*,

*вос[’и]мьсѡт*⁵⁹, в-четвертых, в словах различных частей речи с постоянным ударением на основе: *св[’и]крѡвью*, *св[’и]кѡльные*.

В последних трех группах примеров стабильное сохранение [и] перед /о/ характеризует речь представителей старшей возрастной группы. Так, у информантов 1900–1910-х гг. рождения в соответствующих словах и их формах фиксируется только гласный [и], тогда как в речи информантов 1920–1930-х гг. рождения возможен также гласный [а]. По данным Е.В. Корпечковой, произношение *св[’а]крѡвья* спорадически отмечается лишь в речи одной женщины 1937 г.р. – самого «молодого» информанта из обследованной группы [Корпечкова 2010: 149].

Еще более отчетливо тенденция к постепенному распространению [а] перед фонемой /о/ проявляется при сравнении аудиозаписей 2000 и 2008 годов с материалами ДАРЯ. Данные, собранные в начале 1950-х годов, свидетельствуют о том, что еще в середине XX века перед фонемой /о/ (из *ѡ), как правило, произносился гласный [и]: *п’ишкѡм*, *к’ип’итѡк*, *м’ишѡк*, *в’идрѡм*, *за р’иднѡм*, *с’идѡй стар’ик*, *сл’ипѡй*, *п’ищѡт*, но также *кат’алѡк*. Переход от обоянского диссимилятивного яканья к щигровскому был обусловлен изменениями, происходившими с системой ударного вокализма: утратой корреляции /ѡ/ ~ /е/, /ѡ/ ~ /о/, которая должна была произойти незадолго до первой фиксации говора в середине 1950-х годов. Видимо, на относительно позднее совпадение фонем /ѡ/ и /о/ указывает наличие в местной диалектной системе особого звукотипа [ѡ] в соответствии с фонемой /о/ после согласного [γ], что характерно для представителей старшей возрастной группы (см. § 2.4.7). Как, известно, в некоторых южнорусских говорах особые реализации фонемы /о/ обычно сохраняются дольше, чем соответствующие реализации фонемы /ѡ/, см. [Гецова 1959: 118].

⁵⁹ В остальных падежах эти числительные характеризуются изменением слоговой структуры: *пятьсѡт* – *пятисѡт*, *пятистѡм* и т.д.

Возможно, перед /о/ (независимо от происхождения) формируется новая тенденция: произношение звукотипа [и] в позиции перед мягкими согласными, о чем могут свидетельствовать формы числительного *седьмо́й*, где [и] последовательно произносится перед /о/ из **ω*: с[’и]д^ьмо́й (ж.р.), с[’и]д^ьмо́м. Как мягкие воздействуют на гласный 1-го предударного слога и отвердевшие шипящие: нар[’и]ж^ьённая, т[’и]ж^ьёлый, д[’и]ш^ьёвые. Однако действие этой тенденции ограничено описанными выше случаями параллелизма между твердой и мягкой разновидностями основы (типа *Кис[’а]л^ьёв*, *з[’а]мл^ьёй*, а также *сн[’а]ж^ьо́к*, *п[’а]н^ьёк* – под влиянием *д[’а]д^ьо́к*, *л[’а]с^ьо́к*).

Особую систему в говоре представляют префиксы, предлоги и частицы, находящиеся в позиции 1-го предударного слога: гласный [и] произносится только перед фонемой /а/, а гласный [а] – во всех остальных позициях (включая позиции перед /’о/ и /е/ из **e* и **ь*), то есть в проклитиках отмечается жиздринская модель диссимилятивного яканья: б[’и]з *па́мяти*, б[’и]з *ма́тери*, чер[’и]з *гра́бли*, н[’и] *ба́йковая*, н[’и] *ста́ла*, н[’и] *на́до*, но н[’а] *ви́жу*, пер[’а] *би́ли*, н[’а] *си́плу*, н[’а] *ды́шим*; б[’а]з *му́жа*, н[’а] *ху́же*, н[’а] *чу́ю*; н[’а] *по́мню*, н[’а] *хо́чуть*, чер[’а]з *по́лог*; н[’а] *ко́нчила*, н[’а] *ро́дный*, пер[’а] *со́хли*, пер[’а]д *бо́гом*, чер[’а]з *по́ле*; н[’а] *ре́залась*, н[’а] *де́вочка*, н[’а] *э́здила*; н[’а] *гре́бала*, н[’а] *ле́зла*; пер[’а] *сче́т*, б[’а]з *те́тки*, н[’а] *ше́л*, пер[’а]д *све́тром*, чер[’а]з *че́рный*.

Впервые на эту характерную особенность, присущую щигровскому диссимилятивному яканью, указал А.М. Селищев. Появление подобных примеров произношения ученый объясняет влиянием аналогии: «Отметим прежде всего префиксы и предлоги с гласным *e* (*пере-*, *без-*, *через-*): находясь непосредственно перед ударяемым слогом, они нередко представляют гласный *’а* вместо *и* (перед удар. слогом с *e*, *’о*), по сходству с тем положением, когда за этими префиксами следовал слог с удар. *у*, *о*, *ы*, *ѣ*, *и*: *пир’ам’от*, *пир’ан’ос*, *пир’ат’ор*; *чир’асве́рх* (= верхом), *чирашишэ́жу* (= через шею), *чир’аз-б’орда*,

б'аз-дэн'ах, б'аздэннижнај. Но перед слогом с удар. *а* (после мягкого и твердого согласного) – результат диссимилятивного яканья *и*: *пирин'ат', пиридат', пиришила, пирис'аду, чириз-јаму, чиризлавку, биспалај* (= без пальцев), *биз матири, биз баби*» [Селищев 1968: 419].

С.И. Котков сомневался в том, что гласный [а] перед ударными /е/ и /'о/ распространился в результате «унификации огласовки проклитик». По его мнению, появление [а] в префиксе *пере-* и предлоге *через* связано с былой твердостью согласного [р] [Котков 1951: 63–64]. Однако эта гипотеза не объясняет появление [а] в остальных предлогах, приставках и частицах, в частности *без* и *не*.

Как известно, проклитики, находящиеся в позиции 1-го предударного слога, могут свободно употребляться перед различными ударными гласными [Дурново 1917а: 75]⁶⁰; здесь отсутствуют условия для лексикализации и грамматикализации звукотипов [и] и не-[и], что свойственно системе щигровского диссимилятивного яканья. Иначе говоря, выбор гласного в предлогах, приставках и частицах, оказывающихся в 1-м предударном слоге, должен подчиняться продуктивной произносительной модели: отношения между ударным и предударным гласными в этом случае могут быть только фонологически обусловленными, как и в положении после твердых согласных. Именно поэтому в местном говоре распределение гласных в проклитиках (жиздринское диссимилятивное яканье) отличается от типа предударного вокализма после мягких согласных, характерного для значимых слов (щигровское диссимилятивное яканье), но полностью соответствует вокалической модели после твердых согласных (жиздринское диссимилятивное аканье).

⁶⁰ За исключением единичных примеров типа *небось*, где отрицание *не-* выделяется только этимологически. Эта форма восходит к глаголу **bojati se* [Berneker I, с.68], а точнее – к форме повелительного наклонения *не бойся*.

4.1.2. Системы с последовательно выдержанным щигровским типом яканья

Наименьшее количество исключений из щигровского типа яканья отмечается в говорах Воронежской и Ростовской областей. Так, на хуторах Морбóзовский, Казáнская-Лопáтино, Рубéженский и Пухлякóвский Верхнедонского р-на Ростовской обл. зафиксированы следующие примеры (материал приведен обобщенно по всем четырем пунктам):

Перед /a/, /e/ (из *e и *ь), /o/: *молодн[’и]кá, вос[’и]мнáдцатого, в н[’и]скáх, нач[’и]лáсь, л[’и]жáл, л[’и]тáли, загр[’и]бáеть, в[’и]зáли, т[’и]гáли, м[’и]шáться, сем[’и]нá, д[’и]лá, с[’и]стрá, ноч[’и]вáли, в л[’и]сá, стр[’и]сáем, од[’и]ялом, д[’и]в́ятом, в кур[’и]н́ях, с[’и]м́ья, з[’и]м́ля, р[’и]б́ят, колд[’и]з́я (=колодцы), мат[’и]р́ья, н[’и] знáю, н[’и] спáли, н[’и] нáдо, н[’и] жáлуюсь, н[’и] спрáвуются, н[’и]грáмотной, н[’и] плáкала, н[’и] стáла, н[’и] пáхла, пер[’и]жáрки, б[’и]з мáтери, б[’и]з пáмяти; в д[’и]р́евни, заб[’и]р́еменела, нас[’и]л́ение, воскр[’и]с́енье, н[’и]ч́енье, т[’и]п́еря, с нам[’и]р́ением, н[’и]р́едний, об[’и]сп́ечивают, д[’и]ш́евле, д[’и]т́ей, четв[’и]рт́ей, дв[’и]р́ей, с[’и]б́е (Р.п. ед.ч), у м[’и]н́е; н[’а] грéбовали, н[’а] с́ этой, чер[’а]з́ этот, пер[’а]в́ерня (=перевернёт); л[’и]п́ешки, в ч[’и]т́вёртом, в с[’и]р́едку, с[’и]ст́ёр, б[’и]ч́ёвы, в[’и]ч́ёрки, в в[’и]д́ёрке, в[’и]с́ёлая, з[’и]л́ёные, д[’и]в́чонки, коч[’и]р́ёжкой, поп[’и]р́ёк, ви[’и]р́ёд, см[’и]ёмси, доб[’и]р́ёмси, подв[’и]з́ёте, исп[’и]ќеть, пр[’и]д́ёшь (=прядёшь); прикр[’а]пл́енная, пл[’а]т́енный, пл[’а]т́нём, пл[’а]ч́о, н[’а] п́еть.*

Перед /и/, /у/, /е/ (из *ѣ), /о/: *м[’а]ќину, перев[’а]з́ли, л[’а]ч́ил, бо[йа]н́ист, гл[’а]д́ишь, н[’а]ќли, д[’а]л́иться, д[’а]т́ьми, в[’а]нќи, кур[’а]н́и, под [йа]з́ык, р[’а]ш́или, б[’а]ж́ить, н[’а]м́ье, дерв[’а]н́ье, д[’а]д́ы; в ч[’и]т́ырнадцатом, ч[’и]т́ыре; н[’а]ч́исто, н[’а] ч́истил, н[’а] в́ышибеешь, н[’а] в́ытянешь, не пер[’а]ж́ил, пер[’а]с́ыпеть; в пл[’а]н́у, не т[’а]н́ула, в р[’а]д́у, на*

сн[’а]гү, не зав[’а]дуть, св[’а]түя, д[’а]рюжки, ос[’а]нью, н[’а] буду, н[’а] үмер, н[’а]трудо, б[’а]з ручек; н[’а]вэсту, н[’а]вэстка, с[’а]ргей, в[’а]здé, вес[’а]лэй, погл[’а]дétь, прил[’а]тél, в сент[’а]брé, на п[’а]чé, на руб[’а]жé, к в[’а]снé, в ст[’а]нé, в з[’а]млé, с[’а]стрé; т[’и]лэга, н[’и]дélю, пон[’и]дёлник; н[’а] всё, н[’а] дéлаем, н[’а] вéрила, н[’а] нёмцы, н[’а] лés, пер[’а]éхали, пер[’а]рézала, б[’а]здётная; дев[’а]нóсто, с [йа]гóрия (престольный праздник), хр[’а]нóвник (травя), в[’а]рбóвка, св[’а]лó, пов[’а]лó, кол[’а]сó, з[’а]рнó, [йа]рмó, не л[’а]хкó, с[’а]дъмóго, в с[’а]дъмóm, д[’а]лóв, до кл[’а]нкóв (=до клёнов), орд[’а]нóв, с с[’а]стрóю, н[’а] пómню, н[’а] хóчешь, н[’а] мóжешь; св[’а]крóвья, земл[’а]нóй, св[’а]тóй, с[’а]дъмóй (м.р.), н[’а]сók, т[’а]лók, ч[’а]лнók, р[’а]дók, н[’а]сóчком, т[’а]лóчкя, цв[’а]тóчки, в[’а]рхóm, н[’а]шкóm, тел[’а]шóm, по[йа]скóm, з[’а]рнóm, кип[’а]ткóm, рем[’а]шкóm, [йа]гó, вс[’а]гó, т[’а]жóлой, н[’а] тó что, н[’а] гóж, н[’а] трóгали, н[’а]сóлка (≠несолёная), чер[’а]з мóст, чер[’а]з гóру, б[’а]збóжно.

В местных диалектных системах стабильно сохраняется различие звукотипов [и] и не-[и] перед фонемой /е/ в зависимости от ее происхождения. Однако отмечено несколько исключений из этой закономерности: для речи всех обследованных информантов характерно употребление гласного [и] перед /е/ из *ѣ в словах н[’и]дéля, пон[’и]дёлник, т[’и]лэга; при этом в других словах с постоянным ударением на основе последовательно произносится гласный [а]: н[’а]вэста, н[’а]вэстка, в[’а]здé.

Перед фонемой /о/ исключений, указывающих на архаическую основу вокализма, не отмечено: св[’а]крóвья, н[’а]сók, н[’а]сóчком, [йа]гó, вс[’а]гó и т.д. Распространение гласного [а] на месте [и] в слове св[’а]крóвь с постоянным ударением на корне может быть обусловлено влиянием, во-первых, однокоренных слов типа свёкор, где гласный основы находится в сильной позиции, и во-вторых, междиалектных соответствий типа св[’а]крьí или

св[ʼа]крúха; форма *свекрúха* характерна также для украинских говоров, распространенных на южных территориях России [Авдеева 2012: 194].

Характерной особенностью местных диалектных систем, отличающей их от описанного в предыдущем параграфе белгородского говора, является последовательное произношение в 1-м предударном слоге звука [а] перед мягкими согласными и перед фонемой /о/, а также перед отвердевшими шипящими: с[ʼа]дьмóй, с[ʼа]дьмóго, в с[ʼа]дьмóм, т[ʼа]жéлой, д[ʼа]шéвой. Гласный [а] более широко распространен и в позиции перед /ʼо/: он отмечается не только в примерах типа *пл[ʼа]чó, пл[ʼа]тнём*, где его появление поддерживается формами *с[ʼа]лó, с[ʼа]лóm*, но также и перед суффиксами *-ён, -ённ*, не имеющими параллельных форм после парных твердых согласных: *прикр[ʼа]плённая, пл[ʼа]тёный*. При этом перед фонемой /ʼо/, находящейся в корне слова, а также в других суффиксах, стабильно сохраняется звук [и]: *л[ʼи]пёшки, в с[ʼи]рёдку, с[ʼи]стёр, б[ʼи]чёвы* и т.д.

Т.А. Хмелевская, обследовавшая русские говоры Ростовской обл., зафиксировала в станице Шумилинской, а также на хуторах Поповка и Стоги Верхнедонского р-на особый тип диссимилятивного яканья, который она назвала по месту фиксации шумилинским. Этот тип, по данным Т.А. Хмелевской, отличается от щигровской модели произношением гласного [а] перед /ʼо/; в работе приведены следующие примеры: *вʼанцý, мʼакʼýна, пʼакý, дʼарʼушка, мʼатлó, зʼарнóм, үрʼибʼашóк, бʼалʼйó, плʼатʼóнка, рʼамнʼóм, тʼаплʼéй, ф-сʼтʼанʼé, тʼамнʼéй, вʼазʼдʼé, хрʼисʼтʼéц, сʼирʼéбрʼиный, дʼитʼéй, бʼирʼétʼ, вʼидʼétʼ, нʼисʼéц:а, надʼивáйтʼ, зʼирнá, бʼилʼйá, тʼилʼátʼнʼик* [Хмелевская 1970: 178].

Представленный Т.А. Хмелевской материал свидетельствует о том, что [а] в 1-м предударном слоге возможен только перед такой фонемой /ʼо/, которая находится в некоторых суффиксах и окончаниях: *плʼатʼóнка, бʼалʼйó, рʼамнʼóм*, что является характерной особенностью щигровского типа вока-

лизма; примеры, иллюстрирующие иные позиции (типа *сестёр* или *вечёрки*), в работе отсутствуют. Можно предположить, что в обследованных Т.А. Хмелевской населенных пунктах функционирует щигровская разновидность диссимилятивного яканья, идентичная разновидности, зафиксированной на хуторах Морозовский, Казанская-Лопатино, Рубеженский и Пухляковский (последние два находятся в непосредственной близости от хутора Поповка, обследованного Т.А. Хмелевской). Выделение особого структурного типа, отличного от щигровского, для этих говоров неправомерно.

Префиксы, предлоги и частицы, находящиеся в позиции 1-го предударного слога, представляют особую систему, отличающуюся от типа вокализма, характерного для значимых слов. Звукотип [и] произносится только перед /а/, звукотип не-[и] – перед остальными ударными гласными: н[’и] *плáкала*, н[’и] *стáла*, н[’и] *пáхла*, пер[’и] *жáрки*, б[’и]з *мáтери*; но н[’а] *чúстил*, н[’а] *вúшибешь*, н[’а] *вúтянешь*, н[’а] *úмер*, н[’а] *трúдно*, б[’а]з *рúчек*, н[’а] *вéрила*, н[’а] *нёмцы*, н[’а] *лэс*, пер[’а] *эхали*, б[’а]з *дэтная*, н[’а] *пóмню*, н[’а] *хóчешь*, н[’а] *мóжешь*, н[’а] *грéбовали*, н[’а] *с éтой*, чер[’а]з *этот*, пер[’а] *вёрня*, н[’а] *пьётъ*, н[’а] *гóж*, н[’а] *трóгали*, чер[’а]з *мóст*, чер[’а]з *гóру* и т.д.

Очевидно, что так же, как и в говоре с. Присынок (см. § 4.1.1), проклитики в позиции 1-го предударного слога репрезентуют модель жиздринского диссимилятивного яканья, параллельную типу предударного вокализма после твердых согласных. Таким образом, эта особенность может быть признана характерной чертой, свойственной говорам с щигровской разновидностью диссимилятивного яканья.

4.2. Дмитриевский тип диссимилятивного яканья

Дмитриевский тип диссимилятивного яканья, впервые обнаруженный в 1923 г. С.И. Дмитриевым в д. Новый Бузец Дмитриевского уезда Курской губернии, предполагает следующее распределение гласных в 1-м предударном

слоге после мягких согласных: [и] – перед /а/, /е/ и /о/ (из *ъ, *ь, *е), [а] – перед /и/, /у/, /о/ (из *ω). В работе С.И. Дмитриева приведены следующие примеры: з'ил'ина́йа, пр'ив'иза́л, зб'ир'иула́, стр'ива́л, заб'иуа́л, рас'т'в'ила́, щирна́, б'ила́; у дир'эвну, к в'ир'ейушки, на с'ир'эбр'инай, на н'им'ецки, д'ит'ей, щ'ис'т'ей; б'ил'еица́, наб'ис'едъват', ур'им'ел; с'в'икр'ов'йу, пис'ок, л'ис'оцик, т'в'ит'оцик, в'ин'оцик, кар'ин'оцики, майив'о, твайш'о, н'иц'ив'о, б'ир'обушка, з'ир'он, л'иб'одушка, н'ив'ис'облайа, з'ил'обнай, с'в'ит'ол, пр'ид'от, с'н'иб'ос; б'алу́га, с'авр'у́га, сп'ашу́, йаму́, кы б'алу́; з'амл'и́, ул'ад'ит', с'ир'ад'и́, с'астр'и́цам, в'адр'ину́, щат'ыр'и, уър'ам'ишну́йу, л'аж'ы́т, п'эв'аж'ы́т'а; йау'ор, п'ар'о, в'адр'о, пл'ащ'о, см'ашн'о, уър'ащ'о, з'ил'ан'о, сн'ау'ов, з'ил'ан'ова, з'имл'ан'ова, у з'ил'ан'ом, к с'ад'ой, т'ис'овым и т.д. [Дмитриев 1947: 38–39].

В ходе обследования по программе ДАРЯ подобный тип вокализма, помимо с. Старый Бузец⁶¹ (Ю-241), был зафиксирован в некоторых населенных пунктах Обоянского и Беловского р-нов Курской обл. (Ю-386, 389, 390), а также Ивнянского р-на Белгородской обл. (Ю-417, 492, 493), см. карту 2 на с. 270, а также [ДАРЯ 1986: карта 8]. Отмеченное в местных диалектных системах противопоставление звукотипов [и] – не-[и] перед /о/ разного происхождения стало основой для выделения этой разновидности вокализма как отдельной структурной единицы [Русская диалектология 1964: 52].

Новые данные, собранные в 2008–2009 годах в курском и белгородском ареалах дмитриевского диссимилятивного яканья, дали возможность более подробно изучить структурные и функциональные особенности этого типа вокализма. Так, с. Старый Бу́зец Железногорского р-на Курской обл. отмечено следующее распределение гласных 1-го предударного слога после мягких согласных (расшифровка Е.В. Корпечковой):

⁶¹ В некоторых диалектологических работах этот тип диссимилятивного яканья называется старобузским [Колесов 1972: 105].

Перед /a/, /e/, /o/ (из *ъ, *ь, *е): н[’и]тáк, в[’и]зáнки, по[йи]сá, сем[’и]нá, с[’и]стрá, м[’и]жá, песн[’и]кá, в[’и]дрá, м[’и]шкáми, на пл[’и]чáх, сл[’и]пáя, н[’и]тнáдцать, запр[’и]гáли, в[’и]зáли, ноч[’и]вáли, ср[’и]зáть, подн[’а]лáсь, приб[’и]гáла, л[’и]жáла, в д[’и]вáтом, дер[’и]внá, з[’и]млá, од[’и]я́лка, д[’и]тjáм, гл[’и]дjáть, н[’и] знáю, н[’и] пáхнеть, б[’и]сплáтно; н[’и]вéсткой, т[’и]лéга, н[’и]дéлю, гл[’и]дéть, б[’и]лéй, на пл[’а]чé, на з[’а]млé, н[’и] вéрите, н[’и] éздила, н[’и] съéсть, чер[’и]з рéчку, чер[’и]з лés, на пер[’и]мéнках; д[’и]рéвня, б[’и]рéмя, т[’и]пéрь, ч[’и]кмéнь, на з[’и]мéльке, хр[’и]стéц, ч[’и]пéц, д[’и]тéй, пр[’и]дém, н[’и]сéть; с[’и]стёр, в[’и]рёвочка, л[’и]пéшку, н[’и]тёрка, в[’и]сёлка, С[’и]рёга, ст[’и]рэг, д[’и]вчóнка, пл[’и]тёной, запл[’и]тёны, с[’а]мьёю, з[’а]млéй, на пл[’а]чó, б[’а]льё, б[’а]лэвые (белёвый ‘подвергнутый отбелке, белёный’), [йа]йцó, м[’а]сцó, лед[’а]нцóв; земл[’а]нóй, сл[’а]пóй, н[’а]мóй, св[’а]тóй, с[’а]дъмóй (м.р.), с[’а]рпóм, дер[’а]вóм, бр[’а]внóм, кип[’а]ткóм, л[’а]дóк, с[’и]дъмóй (м.р.), н[’и]сóк, б[’и]лóк, м[’и]шóк, сл[’и]дóк, р[’и]дóк, ч[’и]лнóк, н[’и]сóчком, кип[’и]ткóм, в[’и]рхóм, н[’и]шкóм, б[’и]гóм, с[’и]мсóт, н[’и]тсóт, [йи]гó, ч[’и]гó, св[’и]крóвья, н[’и] брóшу, н[’и]рóдной.

Перед /и/, /у/, /о/ (из *ω): н[’а]тí, на з[’а]мí, [йа]йчко, с[’а]мьí, пл[’а]чíстые, л[’а]чíли, стер[’а]глí, прив[’а]злí, л[’а]глí, перев[’а]лí, гр[’а]блí, кр[’а]стíли, л[’а]чíли, св[’а]тíть, погл[’а]дíte, б[’а]сílси, зам[’а]нítь, с[’а]стрý, р[’а]бýм, хр[’а]сцý, ч[’и]тýре, ч[’и]тýрнадцать, н[’и] вíдели, н[’и] вьíволокли, н[’и] вьíшла, н[’и]мьíтые, кл[’а]тýшки, вс[’а]мú, [йа]мú, с[’а]стрú, у м[’а]шкú, на сн[’а]гú, сл[’а]пúю, напр[’а]мúю, пл[’а]тúть, пр[’а]дúть, не б[’а]рúть, н[’а]сúть, гл[’а]жú, сп[’а]шú, д[’а]жúрная, н[’а]нькú, с[’а]мьú, д[’а]рjúги, н[’а]чúрки, см[’а]júся, н[’и] бúдеть, н[’и] кú-

шал, н[’и] дьўже, н[’и]пьющие, б[’и]з мўжа; дев[’а]нóсто, з[’а]рнó, кол[’а]сó, в[’а]дрó, н[’а]тнó, б[’а]льмó, д[’а]лóв, в[’а]кóв, тро[йа]кóв, с[’а]стрóй, не-дал[’а]кó, кисл[’а]кóв, с[’и]лó, зв[’и]нó, з[’и]рнó, дал[’и]кó, м[’и]шкóв, П[’и]трóвна, н[’и] вспомню, н[’и] хочешь, пер[’и]вóдчиком, пер[’и]стрóила, пон[’и]мнóжечку, н[’а]мнóжско.

Приведенный материал свидетельствует о том, что противопоставление гласных [а] и [и] перед /о/ разного происхождения выдержано недостаточно последовательно. Так же как в говоре с. Присынок с щигровским диссимилятивным яканьем, в местной диалектной системе предударный [а] возможен не только перед /о/ из **ω*, но и перед /о/ из **ъ*, что отмечается в И.п. ед.ч. м.р. прилагательных: земл[’а]нóй, сл[’а]нóй, н[’а]мóй, в Т.п. ед. ч. существительных II склонения: с[’а]рпóм, дер[’а]вóм, бр[’а]внóм, в единичных случаях – в И. и Т.п. существительных с суффиксом -ок: л[’а]дóк, кип[’а]ткóм (но также б[’и]лóк, сл[’и]дóк, р[’и]дóк, кип[’и]ткóм). В остальных словах и грамматических формах в этой позиции стабильно произносится гласный [и]: в[’и]рхóм, с[’и]мсóт, ч[’и]гó, св[’и]крóвья и т.д.

Основное отличие щигровской разновидности диссимилятивного яканья от дмитриевской разновидности заключается в следующем. Если щигровский тип вокализма развивается в основном за счет закрепления в 1-м предударном слоге гласных [и] и [а] перед /е/ и /о/ в определенных словах и грамматических формах, то формирование дмитриевского типа происходит в результате действия двух тенденций. Первая – грамматикализация и лексикализация гласных [и] и [а] перед /о/ (как и при щигровском типе). Вторая – тенденция к «умеренности», то есть к распространению гласного [и] в 1-м предударном слоге перед мягкими согласными в позиции перед ударными гласными среднего подъема /е/ и /’о/: н[’и]вéсткой, т[’и]лéга, гл[’и]дéть, д[’и]рéвня, хр[’и]стéц, д[’и]тéй, пр[’и]дém, с[’и]стёр, в[’и]рёвочка, л[’и]пёшку и др. В говоре с. Старый Бузец тенденция к «умеренности» про-

водится непоследовательно. Во-первых, местной диалектной системе свойственно сохранение параллелизма в позиции перед мягкими и перед твердыми согласными в примерах типа *с[’а]мьёю, з[’а]млëй, на пл[’а]чó, б[’а]льë, б[’а]лëвые*. Во-вторых, гласный [а] отмечается перед /е/ (из *ѣ) в некоторых падежных окончаниях существительных: *на пл[’а]чë, на з[’а]млë*. Наконец, гласный [а] произносится в структуре С’АС’СО: *б[’а]льмó* или *с[’а]дьмóй*, что указывает на зависимость гласного 1-го предударного слога не только от твердости-мягкости согласного, но и от качества ударного гласного.

Более последовательно тенденция к «умеренности» выражена в говорах с дмитриевским диссимилятивным яканьем, распространенных в белгородском ареале. Например, в с. Берёзовка Ивнянского р-на Белгородской обл. отмечены следующие примеры:

Перед /а/, /е/, /о/ (из *ъ, *ь, *е): *в[’и]снá, м[’и]шкá, з[’и]рнá, сем[’и]нá, л[’и]сá, в[’и]зáли, л[’и]жáла, хл[’и]бáешь, пон[’и]слá, н[’и] знáю, н[’и] нáдо, н[’и] ржáвлиный, б[’и]сплáтно, б[’и]з пáлки; з[’и]рнé, с[’и]лé, пос[’и]дëла, погл[’и]дëла, н[’и]вëста, н[’и]дëлю, н[’и] дëло, н[’и] éли, н[’и] éзжу, н[’и] рéжешь, н[’и] дëлана; д[’и]тëй, р[’и]мëнь, в[’и]чёр, т[’и]пéрича, д[’и]рëвня, н[’и]бéсное, б[’и]рëшь, нап[’и]кëшь, н[’и]сét, н[’и] пьét, пер[’и]вэрнешь; с[’а]дóй, св[’а]тóй, дерв[’а]нóй, земл[’а]нóй, шерст[’а]нóй (м.р.), с[’а]лóm, в[’а]дрóm, м[’и]шóк, л[’и]сók, п[’и]сók, б[’и]лók, л[’и]скóm, п[’и]скóm, б[’и]лкóm, б[’и]льмóm, м[’и]шóчик, погр[’и]бóчек, б[’и]гóm, в[’и]рхóm, п[’и]шкóm, [йи]гó, н[’и]чегó, у н[’и]гó, св[’и]крóвья, св[’и]кóлочку, н[’и] гóдная, н[’и] пóлную, н[’и]плóхо, н[’и] прóтив, чер[’и]з гóд; з[’а]млëю, з[’и]млëю, гр[’и]бëночкой, д[’и]тëнков, з[’и]лëная, пов[’и]зëшь, разв[’и]дëшь, св[’и]щëною, п[’и]нëк, пл[’и]чó, б[’и]льë, тр[’и]льë, п[’и]нькóm, пл[’и]чóm, б[’и]льëm.*

Перед /и/, /у/, /о/ (из *ω): м[’а]шкí, на з[’а]мí, с[’а]стрíца, п[’а]рíны, ветр[’а]кí, р[’а]зínка, кр[’а]пíсь, дерв[’а]нб́е, с[’а]стрб́, [йа]зб́к, хр[’а]стцб́, н[’и] прíмете, н[’и] вíдя, н[’и] мíло, н[’и] лíли, н[’и] рб́ла, н[’и] вб́ходишь, пер[’и]жítку; б[’а]рúть, в[’а]зúть, зав[’а]рнúли, заб[’а]рúть, с[’а]стрú, лозн[’а]кú, п[’а]чúрок, н[’и] бúду, н[’и] нúжно, н[’и] трúдно, н[’и] слúхают, н[’и] дб́жили, б[’и]з зб́б; див[’а]нб́сто, П[’а]трб́в, з[’а]рнб́, с[’а]лб́, вес[’а]лб́, в[’а]снб́й, м[’а]шкб́в, л[’а]сб́в, св[’а]тб́й (ж.р.), метс[’а]стрб́ю, с[’а]стрб́ю, Кот[’а]хб́вка (улица в Берёзовке), с[’и]стрб́ю, б[’и]льмб́, н[’и] хб́чу, н[’и] пб́мню, н[’и] бб́льше.

В говоре с. Берёзовка произношение [и] перед мягкими согласными (в позиции перед гласными /е/ и /’о/) стало системным явлением. Даже в тех формах, где произношение [а] перед /’о/ обычно поддерживается соответствующей формой твердой разновидности склонения, что характерно как для архаического, так и для щигровского типов диссимилятивного яканья, в местной диалектной системе отмечается гласный [и]: пл[’и]чб́, б[’и]льб́, тр[’и]льб́, б[’и]льмб́ (в единичных случаях возможны варианты формы: з[’а]млб́ю и з[’и]млб́ю). Материалы ДАРЯ, собранные в начале 1950-х годов, также зафиксировали варьирование гласных [и] и [а] в этой позиции: з’имл’б́у, но пл’аш’б́.

Перед /о/ (из *ъ и *о) в 1-м предударном слоге отмечается такое же распределение гласных, как и в говорах сел Старый Бузец и Присынок, с той лишь разницей, что гласный [а] здесь возможен исключительно в И.п. ед.ч. м.р. прилагательных и в Т.п. ед. ч. существительных II склонения (кроме существительных, оканчивающихся в И.п. на -ок): с[’а]дб́й, св[’а]тб́й, шерст[’а]нб́й, с[’а]лб́м, в[’а]дрб́м, но л[’и]скб́м, н[’и]скб́м, б[’и]лкб́м. Так же как и в говоре с. Старый Бузец, в местной диалектной системе перед ударным [о] (из *ω) обычно произносится гласный [а], хотя в этой позиции воз-

можен также звук [и]. Появление вариантов в идентичных грамматических формах (*медс[’а]стрóю* и *с[’и]стрóю*, *з[’а]рнó* и *з[’и]рнó*, *недал[’а]кó* и *дал[’и]кó*, *н[’а]мнóжско* и *пон[’и]мнóжечку*) свидетельствует о том, что в говорах, характеризующихся дмитриевским диссимилятивным яканьем, не выработан стереотип произношения гласных 1-го предударного слога в позиции перед /о/, что определяет возможность дальнейшего перераспределения нагрузки звукотипов и изменения модели диссимилятивного вокализма.

Префиксы, предлоги и частицы, находящиеся в позиции 1-го предударного слога, так же, как и в говорах с щигровским типом яканья, представляют особую систему, отличающуюся от типа вокализма, характерного для значимых слов. Для обследованных говоров с дмитриевским диссимилятивным яканьем в этой позиции характерно произношение [и] вне зависимости от гласного под ударением, то есть реализуется модель иканья: *н[’и] náдо*, *н[’и] ржáвлиный*, *б[’и]сплáтно*, *н[’и] дéло*, *н[’и] éли*, *н[’и] éзжу*, *н[’и] пьёт*, *пер[’и]вёрнешь*, *н[’и] хóчу*, *н[’и] пóмню*, *н[’и] гóдная*, *н[’и] пóлную*, *н[’и]плóхо*, *н[’и] прíмете*, *н[’и] вíдя*, *н[’и] мíло*, *н[’и] рýла*, *н[’и] вь́ходишь*, *н[’и] б́уду*, *н[’и] н́ужно*, *н[’и] тр́удно*.

Указанная структурная особенность, а также наличие во всех говорах с дмитриевским диссимилятивным яканья последовательного произношения гласного [а] перед /о/ (из *ъ) в части грамматических форм противоречат утверждению, что при данном типе вокализма в положении перед твердыми согласными прослеживается та же модель, что и при обоянском типе яканья [Русская диалектология 1964: 52].

4.3. Суджанский тип диссимилятивного яканья

Суджанское диссимилятивное яканье, впервые описанное Н.Н. Дурново [1917а], широко распространено в южнорусских говорах и является одной из характерных особенностей Курско-Орловской диалектной

группы [ДАРЯ 1986: карта 8; Захарова, Орлова 1970: 130]. Стандартная схема суджанского яканья предполагает произношение [и] перед /е/ (из *ѣ и *е), /'о/ и /а/, в остальных позициях употребляется гласный [а]: с[']и]стрé, в с[']и]лé, д[']и]тéй, б[']и]рэза, с[']и]стрá, но л[']а]скí, с[']а]стры́, с[']а]стру́, с[']а]стро́й, с[']а]лó, с[']а]лóm. По данным К.Ф. Захаровой, в южнорусских говорах этот тип вокализма представлен тремя разновидностями в зависимости от количества грамматических категорий и слов, в которых произносится [а] или [и] перед /о/ (из *ъ и *о) [Захарова 1970: 20–21].

Эта вокалическая модель отмечена в магнитофонных записях, сделанных в с. Тóлстое Губкинского р-на Белгородской обл., А́нненково Фатежского р-на Курской обл., Родникí (Кали́новка) Должанского р-на Орловской обл. В целом для говоров с суджанским типом яканья характерно несколько особенностей распределения гласных [и] и [а] перед гласными среднего подъема, что свидетельствует о его структурном единстве. Во-первых, наличие параллелизма произношения гласных в твердом и мягком вариантах парадигмы: з[']а]млéй, с[']а]мьéй, б[']а]льё, пл[']а]чó, д[']а]нёк и т.д. Во-вторых, употребление гласного [а] перед /е/ (из *ѣ), находящейся в некоторых падежных формах существительных: в в[']а]дрé, в с[']а]лé, в р[']а]кé и т.д. В-третьих, частичное сохранение архаической диссимилятивной основы перед ударным /о/ (из *ъ и *о), наиболее последовательно – в Р.п. ед.ч. местоимений типа ч[']и]гó, [йи]гó, а также в словах с постоянным ударением на основе типа св[']и]крóвь. В-четвертых, произношение в префиксах, предлогах и частицах, находящихся в позиции 1-го предударного слога, гласного [и] независимо от ударного гласного: н[']и] пíли, н[']и] рýли, н[']и] вьíдернешь, н[']и] б́уду, н[']и] д́уже, н[']и] пóмню, н[']и] хóдя, н[']и] стрóгая, чер[']и]з гóру, н[']и] в éтой, н[']и] стáли (см. [Дурново 1917а: 73–98; Котков 1951: 67–68; Касаткина (ред.) 1999: 67]).

Тенденция к распространению в 1-м предударном слоге гласного [и] перед мягкими согласными и ударными гласными среднего подъема может быть выражена в говорах с суджанским диссимилятивным яканьем с разной степенью интенсивности. В одних говорах эта тенденция ограничена примерами *с[’а]мьёй*, *б[’а]льё* и *в в[’а]дрё*, *в с[’а]лэ*, описанными выше, а также случаями типа *б[’а]льмó* или *с[’а]дьмóй*, в других – она распространяется на все без исключения позиции перед мягкими согласными (или консонантными кластерами с мягким согласным), находящимися перед ударными гласными среднего подъема.

Для большинства говоров с диссимилятивным яканьем суджанского типа характерно дальнейшее распространение [и] в позиции перед гласными среднего и верхнего подъемов, то есть происходит постепенное распространение элементов иканья. На продуктивность этого процесса указывает произношение гласного [и] в префиксах, предлогах и частицах независимо от ударного гласного, что можно признать типичной чертой этой разновидности вокализма. Постепенное изменение суджанского диссимилятивного яканья в иканье характерно, в частности, для говоров юга Курской обл.: «Тип яканья в южных районах Курской области скорее можно квалифицировать как отражающий модель суджанского яканья. Наблюдения над реализацией гласных фонем при диссимилятивном яканье в дифференцирующей эти типы позиции <...> показывают, что постепенно происходит разрушение суджанского типа яканья в направлении иканья» [Волкова 2003: 84].

Таким образом, система суджанского диссимилятивного яканья характеризуется комплексом функциональных особенностей, сближающим ее с системой дмитриевского яканья, и отличается от последней только большим количеством случаев произношения [а] перед /о/ (из *ь и *о). Следовательно, дмитриевский тип может быть классифицирован как структурная разновидность суджанского типа, лучше всего сохраняющая архаическую основу; его выделение в качестве отдельной единицы нецелесообразно.

4.4. Прохоровский тип диссимилятивного аканья

Так же как обоянское архаическое яканье при утрате семифонемной системы вокализма изменяется в щигровский или суджанский типы диссимилятивного яканья, архаическое аканье постепенно трансформируется в жиздринскую или прохоровскую разновидности диссимилятивного аканья. Впервые прохоровская модель диссимилятивного аканья была выявлена Т.Ю. Строгановой в некоторых говорах севера Белгородской обл. [Русская диалектология 1964: 39] и названа по одному из районов фиксации [Касаткина (ред.) 1999: 46]. Эта разновидность предполагает следующее распределение гласных в 1-м предударном слоге: звукотип [а] произносится перед гласными верхнего подъема, звукотип не-[а] – перед гласными среднего и нижнего подъёмов.

В говорах Курско-Орловской диалектной группы этот тип вокализма никогда не бывает представлен в чистом виде, без исключений. Так, в с. Берёзовка Ивнянского р-на Белгородской области отмечены следующие примеры:

Перед /и/, /у/: [а]д^ин, [йа]д^иный, в[а]д^ила, в[а]з^ими, в[а]с^ими, д[а]и^ла, к[а]р^имила, м[а]и^ла, маг[а]з^ин, М[а]р^иночку, мол[а]т^или, мол[а]т^илка, н[а]с^ила, отд[а]х^ини, п[а]г^ибла, пад[а]ш^или, прих[а]д^или, пров[а]р^ила, р[а]д^или, р[а]д^имый, расск[а]ж^ите, ст[а]и^т, ст[а]р^инное, сxor[а]н^ила, сxor[а]н^или, тракт[а]р^ист, тракт[а]р^исткою, х[а]д^ила, хор[а]н^ить, м[а]ш^ину, н[а] К^ирове, п[а] т^ридцать, н[а] т^ри, н[а] м^ыло; св[а]ю, пр[а]д^укт, м[а]г^у, п[а]м^ру, п[а]й^ду, н[а] х^уторе, н[а] к^уртку, п[а] з^вуку.

Перед /е/, /о/, /а/: [а]б^ед, [а]д^ежду, в к[а]л^еночки, п[а]э^ла, п[а]э^хал, чел[а]в^ек, р[а]зд^елся, на г[а]р^е, н[а]р^эзала, п[а]в^есился, с[а]с^ед, [а]т в^етру, к[а]р^эц, к[а]н^эчно, хол[а]д^эц, з[а] д^ве, з[а] л^эсом, в[а]э^нное, н[а] з^эмь, з[а] д^энь, з[а] п^эрвого, н[а] ж^неве, з[а] с^эмь, д[а] в^эчера; б[а]л^ьш^ое, дор[а]г^ое, зол[а]т^ое, дор[а]г^ого, за р[а]б^оту, м[а]л^оже, дор[а]г^ого, к[а]р^овку, б[а]г^но,

с[а̣]ло́ма, [а̣]ко́сишь, д[а̣]хо́дишь, з[а̣]ко́нчил, п[а̣]то́м; пл[а̣]тко́м, пл[а̣]то́чку, б[а̣]льшо́й (м.р.), сн[а̣]по́чки, н[э] сто́л, н[э] дво́р, н[э] ло́шади, н[э]д го́ру, п[а̣]во́семь, н[а̣]мо́чишь, п[а̣] сто́, н[а̣] ко́йку, п[а̣]ло́жишь, п[а̣]-сво́ему, з[а̣]по́чтою, н[а̣] что́, д[а̣] про́са, н[а̣] до́сточку; ш[а̣]фё́р, к[а̣]тёнок, н[а̣] пчёл; к[э]па́ли, до́р[э]га́я, по́м[э]га́ю, с[э]ма́нные, з[э]ма́шние, н[э]га́, н[э]жа́луйста, бр[э]са́ют, забр[э]ла́, м[э]гла́, п[э]ля́, ст[э]я́ла, п[э]шла́, б[э]ля́ть, д[э]я́рок, сн[э]па́ми, с[э]я́ны, м[э]я́, др[л]ва́ми, отк[а̣]за́лась, по́р[а̣]ся́та, по́з[а̣]бра́ла, с[а̣]ра́ю, к[а̣]са́ми, к[а̣]пна́, ка́р[а̣]ва́й, н[э] ба́бку, н[э]ста́рую, н[э]ма́слишь, д[э] Кла́вки, з[э] Ма́нею, з[э] на́ми, з[э] ха́ту, п[э]пя́ть, р[э]звя́жут, н[а̣] Па́ску, [а̣]т па́льца, н[а̣] да́льний, д[а̣]кла́дки, н[а̣]на́шем, н[а̣]пра́здники, н[а̣]свадьбу.

В местной диалектной системе в 1-м предударном слоге перед /а/ обычно произносится звук [э], реже – более открытый [а̣]; перед гласными верхнего подъема – широкий [а], то есть в этих позициях диссимилятивных принцип организации вокализма сохраняется. Перед гласными среднего подъема отмечается свободное варьирование гласных [а] и [а̣], широкий гласный нижнего подъема обычно фиксируется перед ударным /е/; звук [а̣], несколько упрежденный ($F_2=1700-1800$ Гц), возможен в словах типа хол[а̣]де́ц, к[а̣]не́чно с финалью *-ец* или в производных от этих слов, появление гласного [а̣] в позиции перед /е/ объясняется действием ассимилятивных тенденций (см. § 3.5).

Значительно чаще звук [а̣], который приближается по качеству к предударному гласному, находящему в позиции диссимиляции перед /а/, произносится в 1-м предударном слоге перед /о/ любого происхождения (несколько чаще перед /о/ из *ъ и *о), что в целом соответствует структурным особенностям вокалической модели после мягких согласных – дмитриевскому диссимилятивному яканью (точнее – суджанскому диссимилятивному яканью, сохраняющему архаическую основу, см. § 4.2). В ряде случаев даже широкий

[a] (с $F_1=800-900$ Гц) в позиции перед /o/ уступает по длительности и интенсивности ударному гласному. На рис. 4.1–4.7 представлены осциллограммы и спектрограммы гласных [a], [ạ] и [ə] в позиции перед различными ударными гласными. На графиках видно, что более закрытый и сокращенный гласный [ạ] в 1-м предударном слоге произносится не только перед /a/, но также перед /o/ и /e/.

В приставках и предлогах, оказывающихся в положении 1-го предударного слога, так же как и в самостоятельных словах, возможно произнесение узкого [ạ], или, реже, [ə] и [ʌ] перед /a/ или /o/ любого происхождения, в остальных случаях обычно отмечается широкий гласный [a].

Рис. 4.1. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *молотѣлка* (с. Берёзовка Ивнянского р-на Белгородской обл.)

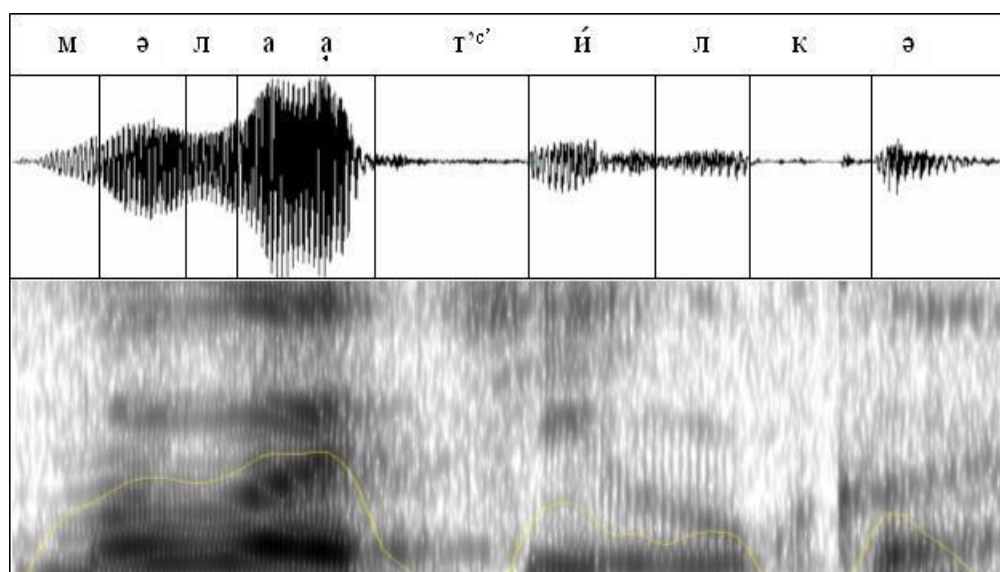

Рис. 4.2. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *старуха* (с. Берёзовка Ивнянского р-на Белгородской обл.)

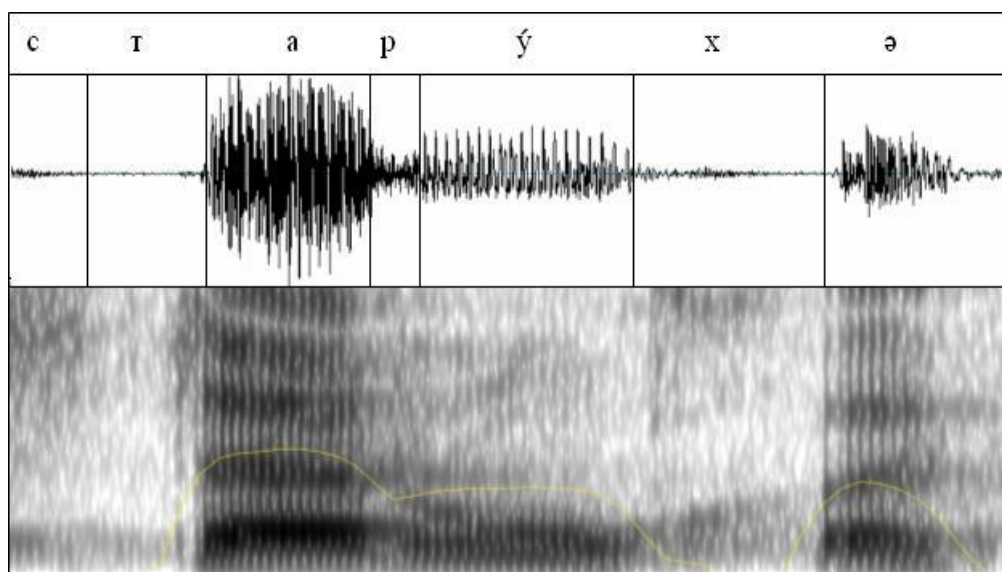

Рис. 4.3. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *дровами* (с. Берёзовка Ивнянского р-на Белгородской обл.)

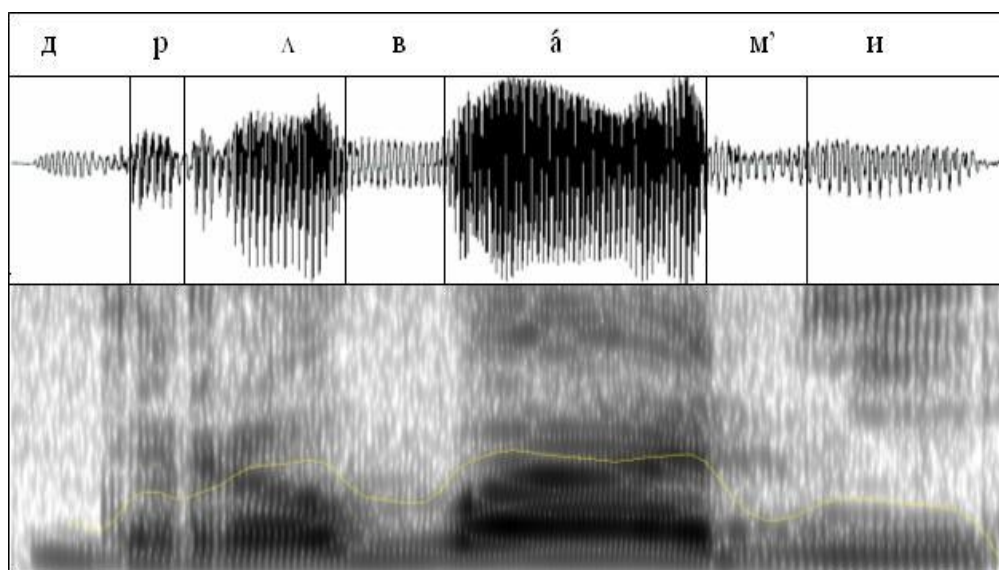

Рис. 4.4. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *дорогáя* (с. Берёзовка Ивнянского р-на Белгородской обл.)

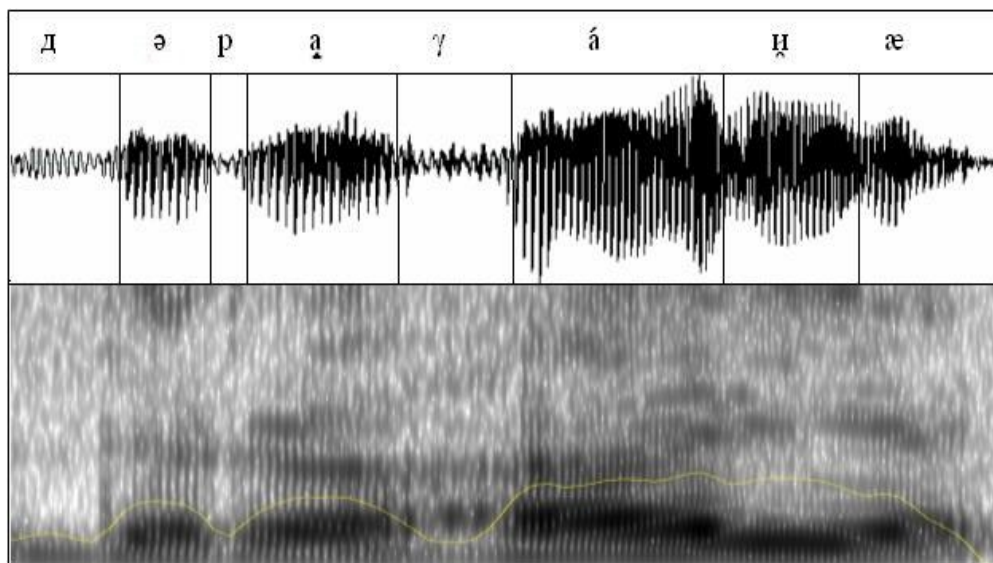

Рис. 4.5. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *солóма* (с. Берёзовка Ивнянского р-на Белгородской обл.)

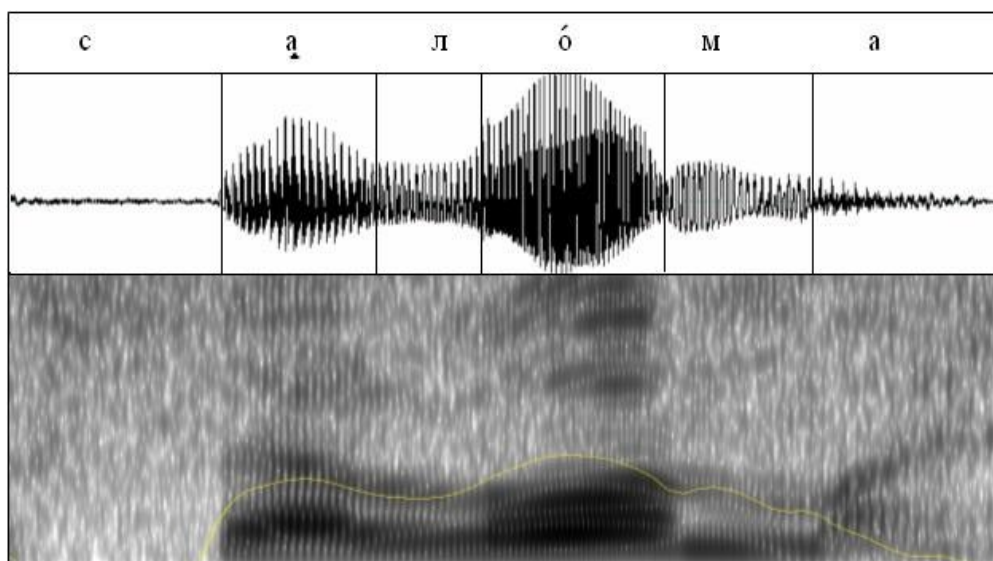

Рис. 4.6. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *закóнчил* (с. Берёзовка Ивнянского р-на Белгородской обл.)

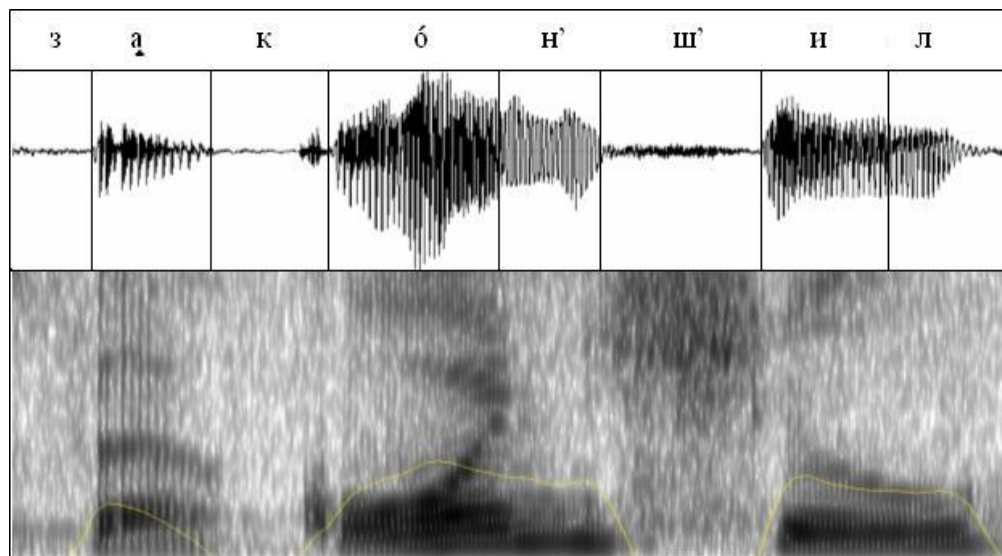
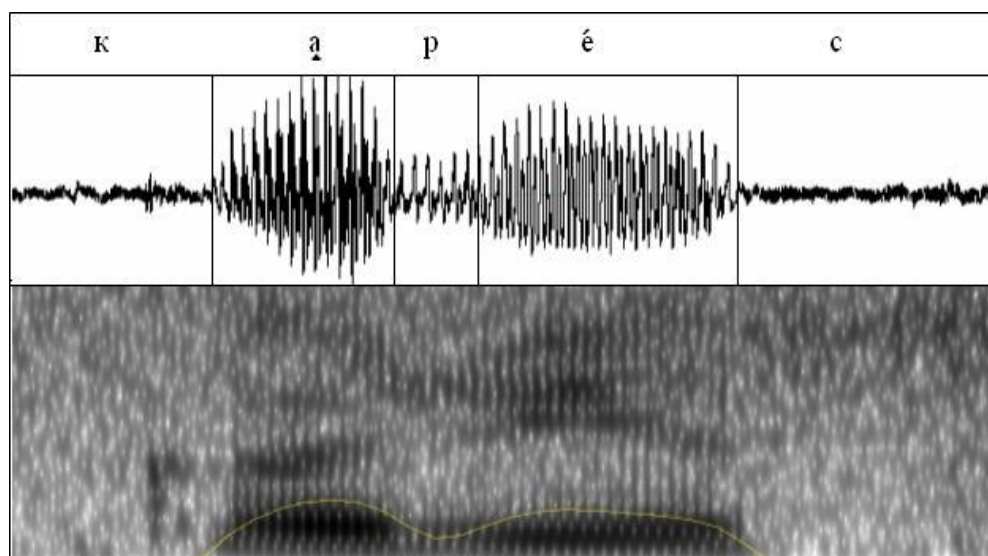

Рис. 4.7. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *корéц* (с. Берёзовка Ивнянского р-на Белгородской обл.)

О более широком распространении элементов прохоровского диссимилятивного аканья именно перед фонемой /o/ свидетельствуют материалы Н.А. Волковой, собранные в различных районах Курской обл. Здесь отмечены следующие случаи произношения гласных [ạ] и [ə̣], реализующих звуко-тип не-[a], перед ударными гласными среднего подъема: *па^бтóm*, *та^блчóк*,

к^бр^ботк'иш, сама^л'оты, у уала^бд^боўку, са^бд^боw, ши'ила^бв^бодам, ка^бр^бову, з уа^бр^бмошк^баю, нэ уа^бр^бот, ма^бр^бозы, нэ ва^бр^боты, ра^бз^боw, кэуа^бн^бош'ик, ба^бл'ш^бой, за^бх^бод'им, кара^бу^бот, мала^бд'о^бжы, на^бр^бот, сва^бд'о^ббныи, па^бтх^бод'ит', мала^бк^бо, зак^бон'ш'ил, дастал^бос', пасм^ботр'иш, хэр^башуо, хэр^бошыи, бал^ботам'и, п^бт^бом; также сас'етк^ба, кэ мн'и^бе, п^бс'еил'и, нэ р'еш'к'и, дас'эл' [Волкова 2003: 75, 76, 80].

По-видимому, прохоровское аканье, так же как и суджанское яканье, может быть представлено в нескольких структурных разновидностях. Например, в с. Писколово и д. Кораблёво Еткульского р-на Челябинской обл. также обнаружено суджанское диссимилятивное яканье. Предки современных носителей говора переселились на Южный Урал в 20-х годах XIX в. из Курского, Тимского и Щигровского уездов Курской губернии, говор этих населенных пунктов однороден и хорошо сохраняет свою южнорусскую основу. Параллельно с суджанским диссимилятивным яканьем в говоре отмечено диссимилятивное аканье, которое допускает возможность произношения не-[а] не только перед /а/, но и перед /е/: *ск^ар^ей, п^ай^ел'и, п^он'ес*. Перед /о/ звуки [э], [а^о], [у], представляющие звукотип не-[а], зафиксированы только в слове *потом*, которое отмечается с гласным [э] также во многих других системах вокализма и потому непоказательно [Иванченко 1971: 74–77].

Таким образом, систему вокализма с непоследовательным произношением звукотипов [а] и не-[а] перед ударными гласными среднего подъема, подобную описанным выше, можно охарактеризовать как жиздринское диссимилятивное аканье с элементами прохоровского диссимилятивного аканья. Т.Ю. Строганова также указывала на то, что эта модель диссимилятивного аканья обычно встречается «в сосуществовании с жиздринским типом» [Русская диалектология 1964: 39].

Следует отметить, что элементы прохоровской разновидности могут появляться в системе архаического диссимилятивного яканья при сохранении под ударением семи гласных фонем, что напрямую обусловлено особенно-

стями диалектной артикуляционной базы. Так, в говоре с. Татарино, которому свойственны последовательно выдержанная семифонемная система вокализма, а также архаический тип диссимилятивного аканья, гласный [a], представляющий звукотип не-[a], может произноситься перед ударными гласными верхнего и среднего подъемов, наиболее часто – перед ударным /ъ/ [Дьяченко 2013]. Эта особенность, по всей видимости, объясняется общей тенденцией к упреждению артикуляционной базы гласных, а также ассимилятивным влиянием передних гласных (см. § 3.1). Примеры с гласным не-[a] перед /e/ и /o/ отмечены также в материалах ДАРЯ, собранных в этом населенном пункте [ДАРЯ 1986 (комментарии): 84].

4.5. Диахроническая интерпретация представленного материала

Данные говоров с щигровским, дмитриевским и суджанским диссимилятивным яканьем свидетельствуют о том, что эти типы вокализма развились на основе обоянского архаического яканья в результате полной утраты фонетического основания для его существования, на что указывает непоследовательность произношения [a] в позиции перед /o/ из *ъ и *o [Захарова 1970: 20–22].

Щигровский тип диссимилятивного яканья формировался в результате действия **грамматических** (особенности звукового оформления различных форм существительных, прилагательных, местоимений, глаголов) и **лексических** (специфика произношения отдельных слов, имеющих постоянный ударный гласный основы) факторов. По выражению Р.И. Аванесова, в этом случае «тип предударного вокализма <...> характеризует уже не определенное звено фонологической системы, как таковой, а парадигму, группу слов или даже отдельное слово» [Аванесов 1974: 166].

Анализ суджанской и дмитриевской разновидностей диссимилятивного яканья приводит к выводу о том, что их становление происходило благодаря действию двух основных факторов. Во-первых, действовала тенденция к выравниванию звукового оформления основ (как и при щигровском типе), во-

вторых, – тенденция к произношению звукотипа [и] перед мягкими согласными, то есть его формирование происходило под действием фонологических и морфонологических факторов.

Возникает вопрос, какая из двух описанных тенденций возникла раньше? Данные южнорусских говоров свидетельствуют о том, что даже архаичским типам диссимилятивного вокализма свойственна грамматическая аналогия. Именно ее действие объясняет появление фонемы /ω/ после мягких согласных в некоторых суффиксах и флексиях – под влиянием твердой разновидности парадигмы [Аванесов 1949: 54; Захарова 1959: 11]. Перед этим «новой» фонемой /ω/ (см. § 2.3.5), так же как и перед исконной, в 1-м предударном слоге произносится звук [а]: б[’а]л/ј’ω/ и пл[’а]ч/’ω/ (как с[’а]л/’ω/), з[’а]мл/’ω/’ї и с[’а]м/ј’ω/’ї (как в[’а]сн/’ω/’ї), Кис[’а]л/’ω/в (как П[’а]тр/’ω/в), при этом различие предударных гласных основывается на фонетической зависимости от подъема ударных гласных (наряду с намечающейся зависимостью от типа парадигмы). Соответственно, после утраты фонемы /ω/ под влиянием твердой разновидности парадигмы произношение в этой позиции гласного [а] обычно сохраняется, закрепляясь за определенными грамматическими формами.

Как правило, после утраты семифонемного вокализма начинается общий отход системы от обоянского яканья, который объясняется актуализацией действия грамматических и лексических факторов. Сохранение чередования [и] || [а] перед /о/ в пределах одной парадигмы (с[’а]л’о, но с[’и]л’ом или с[’и]д’ой старик, но с[’а]д’ого старика) способствует расширению фонологической вариативности корней. Это противоречит общей тенденции грамматического развития в русском языке – к усилению аналитизма, которая выражается «в стремлении к сохранению единообразного вида морфемы» [Гловинская и др. 1971: 22], и потому устраняется системой.

Происходящие изменения не затрагивают диссимилятивную основу говора, они лишь способствуют перераспределению звукотипов перед ударными гласными среднего подъема. Разумеется, процессы аналогического выравнивания проходят с разной степенью интенсивности, они всегда ограничены определенными парадигмами и не распространяются механически, поэтому системы суджанского и щигровского типов яканья, как правило, сохраняют черты своей основы — архаического яканья обоянской разновидности. В результате в говорах отмечается неодинаковое количество слов и форм, имеющих звуки [и] и [а] в позиции перед /о/. Материал, собранный в говорах с щигровским и суджанским типами яканья, позволяет выделить три типа позиций.

I. Формы с преимущественным распространением [а] перед /о/ из *ъ:

а) И.п. прилагательных м.р.: с[’а]дóй, св[’а]тóй;

б) Т.п. существительных ср.и м.р.: с[’а]лóм, в[’а]дрóм, молодн[’а]кóм.

II. Формы, для которых обычно свойственно сосуществование перед /о/ из *ъ звукотипов [и] и [а] с постепенным распространением последнего:

а) И. и Т.п. существительных, оканчивающихся на -ок и легко соотносимых с основами существительных без этого суффикса: л[’а]сóк, сл[’а]дóк, сн[’а]жóк и л[’и]сóк, сл[’и]дóк, сн[’и]жóк; л[’а]скóм, сл[’а]дкóм, сн[’а]жкóм и л[’и]скóм, сл[’и]дкóм, сн[’и]жкóм;

б) Наречия, образованные способом адвербиализации от Т.п. существительных м.р.: б[’а]гóм, в[’а]рхóм и б[’и]гóм, в[’и]рхóм.

III. Формы, устойчиво сохраняющие перед /о/ из *ъ и *о звукотип [и]:

а) И. и Т.п. существительных с финалью -ок, не соотносимых с основами существительных без -ок: н[’и]сóк, б[’и]лóк, м[’и]шóк; н[’и]скóм, б[’и]лкóм, м[’и]шкóм;

б) Р.п. местоимений (типа *его*): [йи]гó, неч[’и]гó, мо[йи]гó;

в) Слова различных частей речи с ударением на основе: *св[’и]крѡвь*, *св[’и]кѡльный*. К этой же категории примыкают числительные типа *п[’и]тьсѡт*, которые в косвенных падежах меняют свою структуру на трехсложную с ударением на окончании.

Возникающее нерегулярное чередование звуков [и] и [а] перед ударным /о/ очень сложно идентифицировать с точки зрения принятой классификации, что дает основание для выделения новых моделей диссимилятивного яканья, реально не представляющих собой отдельных структурных единиц и являющихся разновидностями щигровского и суджанского типов. При этом сама нерегулярность, появившаяся в результате утраты прежних закономерностей, является следствием развития исходной системы и однозначно указывает на архаическую диссимилятивную основу говора.

Условно диалектные системы с суджанской разновидностью диссимилятивного яканья можно разделить на два основных типа: говоры с «наметившейся переходностью» и говоры с «развитой переходностью». Говоры первого типа, в которых выравнивание гласных основы еще не стало универсальным правилом, имеют также тенденцию к распространению в некоторых позициях гласного [и] перед /о/ из **ω*. Этот процесс связан не только с воздействием икающей нормы литературного произношения, но обусловлен логикой изменений самой системы вокализма – в частности, тенденцией к унификации звукового состава основы. В этом аспекте особую значимость приобретает факт наличия/отсутствия двух этимологических *о* (из **ω* и из **ь*) в парадигме единственного числа.

На произношение различных падежных форм существительных наибольшее влияние оказывают особенности звукового оформления именительного падежа как самого употребительного и наиболее независимого грамматически. Именно именительный падеж предопределяет закрепление одного из звукотипов ([и] или не-[и]) в форме творительного падежа существитель-

ных I и II склонения, и выбор гласного зависит от падежной парадигмы, а также от родовой принадлежности конкретного слова.

Например, при суджанском диссимилятивном яканье с «наметившейся переходностью» формы *с[’и]стрá*, *в[’и]снá* дают право на существование вариантам *с[’и]стрóй*, *в[’и]снóй*; формы *с[’а]лó*, *в[’а]дрó* – вариантам *с[’а]лóm*, *в[’а]дрóm*, а, например, *л[’и]сók*, *п[’и]сók* поддерживают сохранение форм *л[’и]скóm* и *п[’и]скóm*. Подобная направленность влияния также связана с низкой частотностью в речи форм творительного падежа. По данным М.Н. Петерсона, описавшего синтаксис говора с. Дорофеева Орехово-Зуевского р-на, падежные конструкции с творительным падежом составляют всего 6 % от общего количества падежных конструкций [Петерсон 1939: 59].

Как логическое завершение этого процесса в парадигмах с преимущественным распространением [а], например, у существительных м. и ср.р. (кроме существительных с финалью *-ок*), появляются формы типа *с[’а]лá*, *молодн[’а]кá*, но отсутствуют *с[’а]стрá*, *в[’а]снá*, что свидетельствует о сильном влиянии грамматики на ассимилятивные процессы.

Другая модель грамматической аналогии действует у прилагательных и местоимений. Имена прилагательные только в форме И.п. м.р. имеют /о/ из *ъ, для всех остальных форм как мужской, так и женской разновидностей склонения под ударением характерен /о/ из *ω. Поскольку в парадигме преобладают формы с ω в окончаниях, а И.п. прилагательных имеет значительно меньшую, чем у существительных, грамматическую независимость, выравнивание гласного основы происходит по модели косвенных падежей: *с[’а]дóй* (как лунь) ← *с[’а]дóго* или *у с[’а]дóй*.

У местоимений в форме Р.п. ед.ч. (типа *его*) при отходе от архаического вокализма предударный [и] обычно сохраняется, то есть обобщения с основой Д.п. не происходит. Видимо, это связано с высокой частотой появления (по выражению С.С. Высотского, «приболтанностью») формы Р.п. ме-

стоимений в речи⁶². Необходимо также заметить, что форму *его* со значением принадлежности можно рассматривать как неизменяемое притяжательное местоимение, которое лишь генетически связано с формой Р.п. личного местоимения *он*. Местоимения *чего* и *ничего* также могут утрачивать значение Р.п., выполняя функцию подлежащего и становясь грамматическими эквивалентами И.п., то есть, по сути – неизменяемыми формами. В ряде говоров, находящихся на периферии ареала суджанского яканья, продуктивность получает другой процесс: распространение [и] перед /у/ в формах типа [йи]мў.

Взаимовлияние произносительных особенностей различных падежей, в результате которого происходит устранение чередования [и] || [а] или сохранение однотипной закономерности перед /о/, характерно для форм словоизменения единственного числа. В том случае, если тенденция к лексикограмматическому выравниванию получает дальнейшее развитие, гласный [а] распространяется в основе всех парадигм существительных в единственном числе, что связано с общей тенденцией «выделения форм множественного числа всех существительных в особый, самостоятельный тип склонения», впервые обозначенной В.Н. Сидоровым [Воронцова 1979: 16]. В своем крайнем выражении эта тенденция представлена в некоторых говорах с щигровским яканьем, где [а] в ряде парадигм существительных распространяется на все формы единственного числа, включая даже некоторые позиции перед ударным [а].

Подобное развитие диссимилиативной системы возможно и в некоторых системах с суджанским яканьем: в говорах с «развитой переходностью», то есть с активной тенденцией к грамматическому выравниванию, отмечаются не только примеры типа з[’а]млѣй и б[’а]льѣ (под влиянием твердой разно-

⁶² Особое поведение рассматриваемых форм обнаруживается также при донском типе диссимилиативного яканья. Произношение [а] перед /о/ в Р.п. ед.ч. местоимений ([йа]зб, ч[’а]зб и т.д.) отмечается во всех говорах с донским диссимилиативным яканьем как после-довательное отступление от системы предударного вокализма (например, на хут. Нижний Гнўтов Чернышковского р-на Волгоградской обл.). Происхождение этого отступления не совсем ясно, поскольку его невозможно объяснить лишь обобщением с формой Д.п. (типа *ему*). Возможно, эта особенность свидетельствует о том, что донской тип диссимилиативного яканья сформировался на основе такого типа вокализма, который предполагал произношение [а] перед /о/.

видности), *в[’а]дрá*, *с[’а]лá* (под влиянием И. п. *в[’а]дрó*, *с[’а]лó*), но даже *л[’а]нёк* (после распространения [а] в формах типа *л[’а]сóк*), а также *с[’а]стрá*, *з[’а]мля*⁶³ (хотя при этом чаще всего к *с[’и]стрáм*, *по ст[’и]нáм*, *с цв[’и]-тáми*), что объясняется унификацией звукового оформления парадигм имен существительных в единственном числе. Дольше всего гласный [и] перед /о/ из *о и *ь отмечается у существительных типа *л[’и]сóк*, где *-ок* не является суффиксом, а также в Р.п. ед.ч. местоимений типа *его*. В словах с фиксированным ударением на основе типа *св[’и]крóвь* гласный [и], как правило, сохраняется наиболее последовательно: для появления [а] в этой позиции практически нет оснований. Так, С.И. Котков отмечал, что в говорах Орловской обл. «из системы яканья суджанского типа выпадает звучание существительного *свекровь: свикрóвья*» [Котков 1951: 67].

Однако в системах с суджанским диссимилятивным яканьем появляется новый фактор развития – тенденция к произношению [и] перед мягкими согласными, находящимися перед ударными гласными среднего подъема, то есть тенденция к «умеренности». Прежде всего, гласный [и] появляется перед /е/ (из *ѣ), действие грамматической аналогии в этой позиции ограничено, поскольку /е/ и /ѣ/ не встречаются в пределах одной парадигмы. В связи с этим закономерности произношения, характерные для позиции перед /е/ из *е и *ь, не распространяются на позиции перед /е/ из *ѣ, и наоборот. Именно этот факт, а также отсутствие тенденции к «умеренности» обуславливают сохранение противопоставления гласных 1-го предударного слога перед /е/ в зависимости от его происхождения при щигровском диссимилятивном яканье (а вовсе не более поздняя утрата противопоставления /ѣ/ ~ /е/).

Распространение звукотипа [и] перед /е/ (из *ѣ) при щигровском типе в первую очередь происходит в словах с постоянным ударением на основе

⁶³ С.И. Котков, описавший фонетику и морфологию говоров Орловской обл., отмечал, что отклонения типа *бяльё*, *зямлэй*, *пянёк*, *зямля*, *у вядрэ* характерны для многих говоров с суджанским типом диссимилятивного яканья [Котков 1951: 67–68].

(типа *н[’и]дэля*, *т[’и]лэга*), по выражению К.Ф. Захаровой, в словах «с неясной этимологией» [Захарова 1959: 11]. Гласный [а] в этой позиции наиболее последовательно сохраняется перед /е/ (из *ѣ), находящейся в падежных окончаниях (*в р[’а]кэ*, *в с[’а]лэ*) – подобное произношение может быть признано закономерным не только для щигровской, но и для суджанской разновидности диссимилятивного яканья.

Следует отметить, что фонологический фактор развития достаточно продуктивен в южнорусских говорах: суджанское диссимилятивное яканье широко распространено на севере Белгородской, в Курской и Орловской областях. Щигровский тип, сохраняющий произношение [а] перед этимологическим *ѣ, отмечается лишь в небольшом количестве населенных пунктов и не имеет ярко выраженных ареалов [Захарова 1971: 7]. Необходимо отметить, что тенденция к «умеренности» может проявляться и в некоторых системах с щигровским диссимилятивным яканьем; ее действие здесь проявляется в позиции перед /о/, во-первых, в словах структуры С’ИС’СÓ (типа *с[’и]дъмóй*), во-вторых, возможно, и перед отвердевшими шипящими (типа *нар[’и]жённóй*).

Быстрое распространение тенденции к фонологической унификации мотивировано ее функциональными особенностями: новая зависимость предударного гласного от мягкости следующего согласного очевидна, она значительно проще сложного процесса идентификации форм и потому легко встраивается в общую систему говора. Развивающаяся тенденция начинает стирать былой параллелизм произношения предударных гласных в позиции перед мягкими и перед твердыми согласными. В результате ее действия появляются варианты: *пл[’и]чó*, *б[’и]льё*, *тр[’и]пнё*. Особенно отчетливо на новую зависимость могут указывать произношения типа *б[’и]льмó* или *с[’и]дъмóго*, где под ударением /о/ (из *ω).

В тех говорах, где процессы грамматической унификации получили широкое распространение, отмечаются отдельные примеры, которые проти-

воречат новой тенденции к произношению [и] перед мягкими согласными, но сохраняют следы бывшего параллелизма между мягкой и твердой разновидностями парадигм: б[ʼа]льё, с[ʼа]мьёй. Для этих говоров также характерны формы с[ʼа]лэ, в[ʼа]дрэ, р[ʼа]кэ, с[ʼа]стрэ, которые сохраняются благодаря тенденции к унификации звукового оформления основы во всей парадигме, в том числе в И.п. ед.ч. I склонения (р[ʼа]кá, с[ʼа]стрá) и в Р.п. ед.ч. II склонения (с[ʼа]лá, в[ʼа]дрá).

По данным Г.С. Оксман, произношение [а] перед /е/ из *ѣ характерно также для вокализма после отвердевших шипящих в системе диссимилятивного яканья суджанского типа. Так, в говоре д. Ефимовка Сосковского р-на Орловской обл. она отметила следующие примеры: *жылеза, жылезный, жылет, жылел, тижылей, жыне, но жане, у пиане, у рьшате, нь жаре* и т.д. Эту особенность Г.С. Оксман трактует как «выравнивание произношения гласных неверхнего подъема после отвердевших шипящих по твердому варианту» [Оксман 1965: 98–100]. Однако широкое распространение [а] в указанной позиции не только после отвердевших шипящих, но и после мягких согласных, что характерно для суджанского типа яканья, противоречит такому утверждению. В подобной системе вокализма именно морфонологические факторы влияют на появление/сохранение звука [а] перед ударными гласными среднего подъема⁶⁴. Также кажется неправдоподобным предположение, согласно которому при суджанском типе яканья произношение [а] в указанных формах является следствием более поздней утраты /ѣ/ в падежных окончаниях существительных.

Как правило, в дальнейшем подобная система развивается за счет распространения [а] перед /а/, находящимся после твердого согласного, то есть движется к умеренно-диссимилятивному яканью на суджанской основе. Новая система обычно сохраняет отдельные лексикализованные случаи произношения [и] перед /а/, а также однотипные реализации предударных гласных

⁶⁴ В частности, это подтверждается распределением гласных [ы] и [а] перед ударным [ʼо], зафиксированным Г.С. Оксман в том же говоре: *жырѣбья, жырѣлки, но кшалѣк* [Оксман 1965: 98].

в мягкой и твердой разновидностях парадигм. Отдельные элементы ассимилятивно-диссимилятивного яканья кидусовского типа (то есть распространение гласного [а] перед /'а/) отмечаются только в формах типа з[']а]млѧ, где есть аналогия с твердой разновидностью (с[']а]стрѧ, в[']а]снѧ), или в формах типа л[']а]тѧть, появившихся под влиянием л[']а]тѧм, л[']а]тѧте, тогда как формы типа *пять*д[']и]сѧт, *стр*[']и]лѧл, *р*[']и]бѧта, *од*[']и]яло продолжают последовательно произноситься с гласным [и]. Об исконной архаической основе предударного вокализма может свидетельствовать произношение [и] перед /о/ (из *ъ и *о) в Р.п. местоимений типа *егѧ*, а также в слове *свекрѧвь*, sporadически встречающееся в системах с умеренно-диссимилятивным яканьем (см., например, материалы С.И. Коткова по Орловским говорам [Котков 1951: 72]).

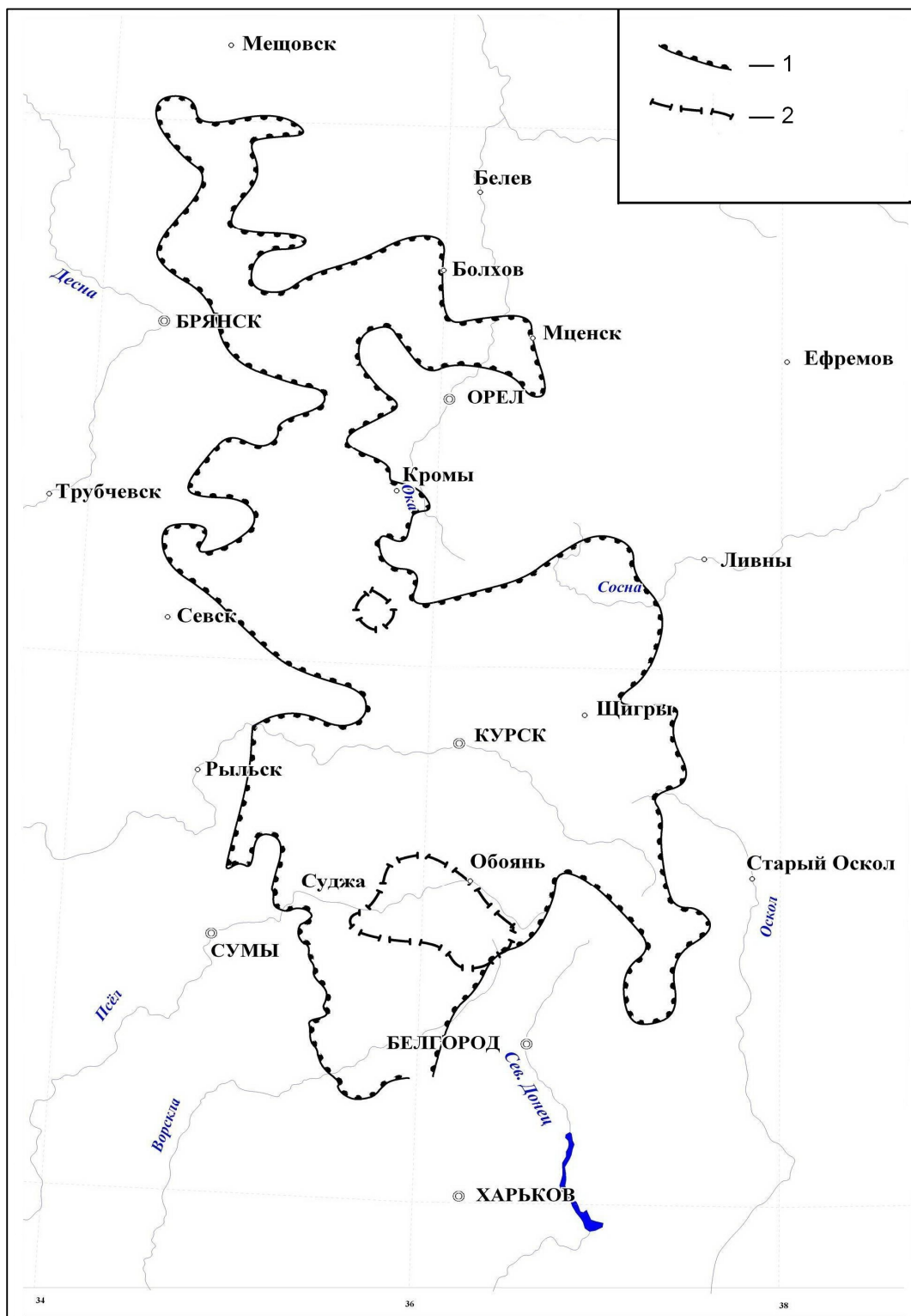
В говорах с «наметившейся переходностью» процесс морфологического обобщения основ не успел получить широкого распространения. Поскольку стереотип произношения предударных гласных перед [о] разного происхождения еще не выработан, то употребление [и] перед любым мягким согласным становится универсальной закономерностью. В этом случае фонологические факторы оказываются сильнее грамматических и лексических, например, при варьировании *нл*[']а]чѧ || *нл*[']и]чѧ или *з*[']а]млѧй || *з*[']и]млѧй вариант с гласным [и] становится основным. Распространение [и] в этой позиции свидетельствует о продуктивности новой фонологической зависимости.

Таким образом, в тех говорах, которые наиболее последовательно сохраняют архаическую основу, то есть имеют максимальное количество произношений [и] перед /о/ из *ъ и *о, в результате действия тенденции к «умеренности» формируется особая разновидность вокализма, которую обычно называют дмитриевским типом диссимилятивного яканья. Однако анализ системы предударного вокализма этих говоров показал, что дмитриевского диссимилятивного яканья как особой структурной модели не существует: это только подвид суджанского диссимилятивного яканья, в котором тенденция

к унификации звукового оформления парадигм лишь наметилась, но не получила широкого распространения. В этой системе вокализма предударные гласные не зависят непосредственно от качества ударного о, но реализуют эту связь частично, как модель произношения определенных слов и форм. Развитие подобной системы, опять-таки, не связано с более ранней утратой /ѣ/ и более длительным сохранением /ѡ/, поскольку эта разновидность яканья появляется именно в результате утраты различения /ѡ/ и /о/, /ѣ/ и /е/, то есть ее характерной чертой является наличие под ударением пяти гласных фонем.

Таблица 4.1. Типы диссимилятивного яканья

Гласные под ударением	а	о	ѡ	ы	у	а	о	е	ѣ	и	у
	Перед твердыми согласными					Перед мягкими согласными					
Диссимилятивное яканье Обоянского типа	и		а			и			а		
Диссимилятивное яканье Дмитриевского типа	и		а			и				а	
Диссимилятивное яканье Суджанского типа с «наметившейся переходностью»	и	и (а)	а			и				а	
Диссимилятивное яканье Суджанского типа с «развитой переходностью»	и	а (и)	а			и	и (а)	и		а	
Диссимилятивно-умеренное яканье неархаического типа	и	а (и)	а			и					
Умеренно-диссимилятивное яканье Суджанского типа	а (и)	а			и		и (а)	и		а	

Карта 2. Ареалы суджанского и дмитриевского типов диссимилятивного яканья (по данным ДАРЯ)

Условные обозначения: 1. Диссимилятивное яканье суджанского типа;
2. Диссимилятивное яканье дмитриевского типа

Развитие тенденции к умеренности в этих говорах способствует распространению гласного [и] перед всеми ударными гласными неверхнего подъема, а также к появлению [и] перед ударными [и] и [’у]. Диссимильная основа говора, как правило, сохраняется довольно последовательно, примеры произношения [а] перед ударным [а] отмечаются лишь в отдельных формах. Как только тенденция к «умеренности» утрачивает позиционную прикрепленность к гласным среднего подъема и распространяется на другие позиции, на основе суджанского диссимильного яканья начинает формироваться диссимильно-умеренное яканье неархаического типа, сохраняющее характерные особенности своей основы – нерегулярное произношение в 1-м предударном слоге звуков [и] и [а] перед /о/. Так, на западе Тульской области в говорах с диссимильно-умеренным яканьем неархаической разновидности фиксируются примеры типа: св[’и]крóвь (наиболее часто), б[’и]гóм, в[’и]дрóм, л[’и]сóк и т.д. (см. материалы ДАРЯ: Запад-652, Запад-731 и Запад-733).

О тенденции к иканью в говорах с суджанским диссимильным яканьем свидетельствует произносительная система частиц, предлогов и приставок, находящихся в 1-м предударном слоге. Как правило, в этой позиции последовательно проводится принцип иканья (за исключением форм типа н[’а]бóсь и н[’а]мнóго, в которых произошло опрощение морфемной структуры). В говорах с щигровским типом диссимильного яканья, при котором отсутствует тенденция к «умеренности», но последовательно проводится тенденция к унификации звукового оформления основ, обычно в проклитиках [а] распространяется перед /о/ из *ь и *о, а также перед /е/ из *е и *ь, то есть формируется новая модель – жиздринское диссимильное яканье.

По словам К.Ф. Захаровой, «щигровскому типу в целом более свойственно увеличение числа слов разных грамматических категорий с различением трех слабых фонем (*и, у, а*)», тогда как суджанскому – «уменьшение их за счет увеличения слов и целых позиций с различением только двух слабых

фонем (*и, у*)» [Захарова 1971: 8]. Гласный [а] перед /е/ (из **е* и **ь*) при щигровском яканье может появляться не только в проклитиках, но и в знаменательных словах, что отмечается в глагольных формах типа *н[’а]сѣшь, н[’а]сѣм*, а также в корне двух- или многосложных слов типа *т[’а]нѣрь, д[’а]рѣвня*, см. [Захарова 1971: 10, таблица 3].

Важно отметить, что при суджанском типе яканья на гласный 1-го предударного слога влияние оказывают не какие-то акустические характеристики мягкого согласного (например, его собственная длительность), а именно фонологическая модель: [и] произносится перед мягким согласным. Сам процесс изменения [а] в [и] при переходе от грамматической прикрепленности к фонологической зависимости при этом типе вокализма нельзя представлять как цепь артикуляций с последовательным повышением подъема, каждая из которых была свойственна говору в какой-то момент времени: [а] → [æ] → [е] → [е^и] → [и]. Очевидно, что при появлении принципиально новой тенденции развития системы происходит замена одного звукотипа другим, вместо [а] сразу появляется [и], минуя все промежуточные ступени.

После твердых согласных, так же как и после мягких при суджанском яканье, стереотип произношения предударного гласного перед /о/ может находиться лишь в стадии формирования. Именно для подобных говоров с «наметившейся переходностью» диссимилятивного яканья суджанского типа характерен и особый тип аканья, который свидетельствует о былом распространении в говоре архаической системы вокализма, отойдя от которой система еще не выработала произносительную модель. При этом диссимилятивная основа аканья последовательно сохраняется. Нельзя согласиться с мнением, что наличие в системе диссимилятивного аканья гласного [а̣] в позиции перед /а/ само по себе свидетельствует об осязатимом ослаблении диссимилятивного принципа вокализма [Иванченко 1971: 79]. Материалы, собранные в различных южнорусских говорах, свидетельствуют о том, что подобный тип вокализма отмечается во многих диалектных системах, прово-

дится довольно последовательно и сохраняется стабильно. Кроме того, произношение перед одним и тем же гласным [а] звуков [э], [а̣], [а] в говорах с диссимилятивным аканьем может быть позиционно обусловлено просодическими условиями (см. § 1.4–1.5).

Постепенно в Курско-Орловской диалектной группе также происходит формирование нового ритмического контура «сильный центр и слабая периферия», в результате на указанной территории развивается сильное аканье. Однако появление [а] перед ударным [а] при щигровском и суджанском типах диссимилятивного яканья всегда характеризует отдельные формы, например глагольные формы прошедшего времени или формы существительных м. и ср. родов, а также прилагательных ж.р., но не становится правилом позиционного чередования: *ун[’а]сла́, уз[’а]ла́, с[’а]ла́, молодн[’а]ка́, альн[’а]на́я, но с[’и]стра́, в[’и]рста́, у дер[’и]внях, по ст[’и]на́м, перев[’и]за́ть.*

В результате могут формироваться особые разновидности предударного вокализма, которые по формальным признакам (наличию в части позиций [а] перед /а/) могут быть определены как умеренно-диссимилятивные или ассимилятивно-диссимилятивные типы. Однако они отличаются от соответствующих моделей, образованных в результате действия ассимилятивных процессов на более ранних этапах развития и распространенных в говорах юго-восточной диалектной зоны. Во-первых, перед /а/ отмечаются примеры, противоречащие новому принципу вокализма, но свидетельствующие о прежней диссимилятивной основе. Во-вторых, в ряде случаев сохраняется произношение [и] перед /о/ (из *ь и *о), что характерно для прототипов – диссимилятивного яканья щигровской и суджанской разновидностей [Захарова 1971: 16–17].

4.6. Гипотезы о происхождении щигровского и суджанского типов диссимилятивного яканья

Существует несколько гипотез происхождения щигровского и суджанского типов диссимилятивного яканья. Так, Н.Н. Дурново предполагал, что суджанское яканье развилось из обоянского в результате «изменения по аналогии». Поскольку в говорах с диссимилятивным яканьем /ω/ встречается приблизительно вдвое чаще, чем /o/, а /e/ – в полтора раза чаще, чем /ѣ/, то эти отношения в случае утраты семифонемного вокализма должны были вызвать стремление к распространению [a] перед *o* из *ѣ и «редуцированного» (то есть [и]) перед ѣ [Дурново 1917б: 45–46]. Однако еще С.И. Котков упрекал Н.Н. Дурново в том, что тот подходил к языковым процессам столь «прямолинейно-арифметически», поскольку количественное преобладание явления «еще не обеспечивает развития аналогии по его образцу» [Котков 1951: 69]. Разумеется, унификация звукового состава основы происходит по аналогии с другими формами в парадигме, однако при отсутствии образца выравнивания не происходит, о чем, в частности, свидетельствует возможность сохранения [и] перед /o/ из *ѣ и *o (несмотря на количественное преобладание случаев с [a] перед /o/). Против гипотезы Н.Н. Дурново свидетельствует также щигровский тип диссимилятивного яканья, который сохраняет корреляцию [a] ~ [и] перед /e/ разного происхождения (при отсутствии реального противопоставления фонем /e/ и /ѣ/).

По мнению Р.И. Аванесова, суджанское диссимилятивное яканье образовалось в результате актуализации противопоставления ударных гласных по ряду: «гласные типа *e* и типа *o* – передние и задние», поскольку исконные южнорусские говоры «не знали, видимо, изменения *e* в *o*». В работе предложена следующая схема изменения: «обоянский и задонский типы → щигровский → суджанский» [Аванесов 195б: 38].

Позже Р.И. Аванесов предположил, что различия между архаическими, щигровским и суджанским типами диссимилятивного яканья «обусловлены особенностями системы ударного вокализма в эпоху, предшествующую об-

разованию диссимилятивного яканья». Процесс становления этих типов яканья «имел место в говорах, отличающихся по системе своего ударного вокализма» [Аванесов 1974: 226].

Однако оба предположения Р.И. Аванесова недостаточно убедительны. Во-первых, при суджанском яканье выбор звукотипа уже не связан с качеством ударного гласного среднего подъема – поэтому предполагать для этой позиции актуализацию противопоставления ударных гласных по ряду не целесообразно. Появление в 1-м предударном слоге гласных [а] или [и] зависит от мягкости следующего согласного, а также от произносительных особенностей различных форм и лексем.

Во-вторых, гипотеза о параллельном развитии задонского, обоянского, щигровского и суджанского типов яканья также не подтверждается языковым материалом: щигровский и суджанский типы яканья практически всегда имеют примеры, свидетельствующие об исконной архаической основе вокализма. К.Ф. Захарова на материале ДАРЯ доказала, что существующие сегодня щигровский и суджанский типы яканья образовались на основе обоянской разновидности диссимилятивного яканья в результате утраты под ударением семифонемного вокализма. Гласный [а] перед ударным /о/ из *ъ и *о вытеснял [и] «путем морфологического обобщения основ слов с гласным а или путем фонологического переосмысления слов с неподвижным ударением на основе» [Захарова 1970: 17–21].

Г.А. Хабургаев, так же как и Р.И. Аванесов, объяснял появление суджанского яканья особенностями ударного вокализма. По его мнению, рефлекс распределения звуков [и] и [а] перед /о/ из *ъ (*о) и *ω и однотипные закономерности произношения гласных перед /е/ разного происхождения свидетельствуют о том, что в этих говорах фонема /ѣ/ утрачивалась раньше, чем /ω/. Формирование суджанского диссимилятивного яканья было фонологически закономерным и обусловлено наличием в говорах шестифонемной системы вокализма с четырьмя фонемами неверхнего подъема: /е/, /ω/, /о/ и /а/ [Хабургаев 1975: 75].

Следует возразить, что наличие рефлексов противопоставления предупредных гласных перед /o/ в зависимости от происхождения и их отсутствие перед /e/ из *e (*ь) и *ѣ при суджанском яканье не связаны с тем, что в этих говорах фонема /ѣ/ утрачивалась раньше, чем /o/⁶⁵. Это лишь доказывает, что действие морфонологических факторов всегда ограничено лексическими или грамматическими позициями и что в механизм подобного развития системы заложена возможность выпадения из этого процесса каких-то слов или классов слов, в которых по ряду причин распространяется другой гласный основы. Фонологический фактор практически не знает исключений, а при условии отсутствия грамматикализации предупредного гласного перед /e/ и /ѣ/, гласный [и] распространяется при суджанском яканье в этой позиции повсеместно.

Образование суджанского яканья связал с особенностями ударных гласных и С.В. Князев. Наиболее архаичным типом аканья С.В. Князев считает «недиссимильативное аканье в широком смысле – с нейтрализацией фонем неверхнего подъема в звуках типа [ь] после твердых согласных и типа [ь] или краткого [и] после мягких». Суджанский тип яканья развился на его основе в результате обобщения как долгих всех ударных нелабиализованных гласных неверхнего подъема. Произношение [и] в положении перед ударным гласным, находящимся после мягкого согласного, и [а] – перед гласным того же подъема, находящимся после твердого согласного, объясняется большей длительностью гласного после мягкого согласного «вследствие наличия при их произнесении [и]-образного переходного участка» [Князев 2001: 28–29].

Это обоснование образования суджанского диссимильативного яканья также не может быть признано корректным. Каждый гласный имеет собственную длительность, которая незначительно варьирует от твердости-мягкости предыдущего согласного. Этот признак является условным, поскольку

⁶⁵ В ряде южнорусских говоров /ѣ/ действительно утрачивается раньше, чем /o/. Так, в говорах севера Белгородской обл. с щигровским диссимильативным яканьем спорадически отмечаются рефлексы различия /o/ и /o/, но отсутствуют – /e/ и /ѣ/ (см. § 2.5.7).

мягкость согласного не провоцирует появление долгого гласного, но лишь определяет акустические особенности определенного гласного в конкретной позиции. Против этого предположения также свидетельствуют примеры типа б[’и]льмó или с[’и]дьмóй, где [и] произносится перед мягким согласным, а ударный гласный находится после твердого согласного. Данные Л.В. Щербы свидетельствуют о том, что и в литературном языке длительность ударных гласных прежде всего зависит от правого контекста: наименьшая длительность в позиции перед глухими смычными согласными и наибольшая – в абсолютном исходе слова [Щерба 1912: 128–129].

Кроме того, не только [е], но и [о] является неоднородным по тембру, поскольку имеет у-образный начальный элемент [Аванесов 1956: 100–101]. Однако эти гласные обычно воспринимаются как монофтонги, поскольку их начальные переходные элементы достаточно кратки. Значимая длительность и-образного элемента в южнорусских говорах наблюдается у дифтонгов, реализующих фонему /ѣ/, подробнее см. § 2.3.1. Однако суджанское диссимилятивное яканье практически всегда сочетается с пятифонемным вокализмом литературного типа и сформировалось именно благодаря утрате различения /ѣ/ ~ /е/ и /ѡ/ ~ /о/. Очевидно, что бóльшая длительность гласного после мягкого согласного не может быть критически значимым для формирования принципиально новой системы зависимости, которая наблюдается при суджанском диссимилятивном яканье.

Л.Л. Касаткин объясняет формирование щигровской и суджанской разновидностей яканья действием регрессивной ассимиляции. По его мнению, «исходная модель диссимилятивного яканья – жиздринский тип, а другие типы диссимилятивного яканья возникли в результате ассимиляции предударного гласного [а] ударным гласным среднего подъема [е] и [о]. Поэтому правильнее называть их типами ассимилятивно-диссимилятивного яканья» [Касаткин 2013: 213]. Эта точка зрения также не кажется достаточно убедительной. Прежде всего, она не объясняет непоследовательность произношения гласных 1-го предударного слога перед /о/ разного происхождения, что ха-

рактарно для большинства говоров с щигровским и суджанским типами диссимильятивного яканья. Остается непонятным, почему гласный [и] на месте фонем неверхнего подъяема отмечается только перед /о/ из *ъ и *о в определенных словах и грамматических формах, при этом в других словах и формах в этой позиции последовательно употребляется гласный [а]. Более того, произношение гласного переднего ряда верхнего подъяема [и] перед ударным гласным заднего ряда среднего подъяема [о] не может быть связано с действием регрессивной ассимильяции.

4.7. Выводы

1. Данные говоров с щигровским, дмитриевским и суджанским диссимильятивным яканьем свидетельствуют о том, что эти типы вокализма развились на основе обоянского архаического яканья в результате утраты под ударением корреляции /ѣ/ ~ /е/ и /ѡ/ ~ /о/, на что указывает непоследовательность произношения [а] в позиции перед ударным /о/ из *ъ и *о. Наиболее устойчиво звук [и] в этой позиции сохраняется в формах: И. и Т.п. существительных с финалью -ок, не соотносимых с основами существительных без -ок, Р.п. ед.ч. местоимений (типа *ego*), а также в словах различных частей речи с ударением на основе.

2. Основное отличие щигровской разновидности диссимильятивного яканья от суджанской разновидности заключается в следующем. Если щигровский тип вокализма развивается в основном за счет закрепления в 1-м предударном слоге гласных [и] и [а] перед /е/ и /о/ в определенных словах и грамматических формах, то формирование суджанского типа происходит в результате действия двух тенденций. Первая – грамматикализация и лексикализация гласных [и] и [а] перед /о/ (как и при щигровском типе). Вторая – тенденция к «умеренности», то есть к распространению гласного [и] в 1-м предударном слоге перед мягкими согласными в позиции перед ударными гласными среднего подъяема /е/ и /'о/.

3. Распространение звукотипа [и] перед /e/ (из *ѣ) в первую очередь происходит в словах с постоянным ударением на основе (типа *н[’и]дѣля*), что характерно также для некоторых систем с щигровским типом яканья. Гласный [а] в этой позиции наиболее последовательно сохраняется перед /e/ (из *ѣ), находящейся в падежных окончаниях (*в р[’а]кѣ, в с[’а]лѣ*) – подобное произношение может быть признано закономерным не только для щигровской, но и для суджанской разновидности диссимилятивного яканья.

4. Тенденция к «умеренности» может проявляться и в некоторых системах с щигровским диссимилятивным яканьем; ее действие здесь проявляется в позиции перед /o/, во-первых, в словах структуры С’ИС’С’О (типа *с[’и]дъм’ой*), во-вторых, возможно, и перед отвердевшими шипящими (типа *нар[’и]жѣнный*).

5. Система суджанского диссимилятивного яканья характеризуется комплексом функциональных особенностей, сближающим ее с системой дмитриевского яканья, и отличается от последней только бóльшим количеством случаев произношения [а] перед /o/ (из *ѣ и *o). Следовательно, дмитриевский тип может быть классифицирован как структурная разновидность суджанского типа, лучше всего сохраняющая архаическую основу вокализма; его выделение в качестве отдельной единицы нецелесообразно.

6. Систему вокализма с непоследовательным произношением звукотипов [а] и не-[а] перед ударными гласными среднего подъема, подобную прохоровскому типу диссимилятивного аканья, можно охарактеризовать как жиздринское диссимилятивное аканье с элементами прохоровского диссимилятивного аканья. Эта вокалическая модель, параллельная дмитриевско-суджанскому типу яканья, развивается на основе архаического диссимилятивного аканья в результате утраты под ударением различения /ѣ/ ~ /e/ и /ѡ/ ~ /o/.

6. Описанные южнорусские говоры показывают логику развития архаического вокализма и представляют основные факторы, способствующие

этому развитию. Аканье и яканье в исследуемых говорах имеют очень похожие закономерности произношения, что свидетельствует скорее об общей фонетической основе их исходного типа вокализма, нежели о единстве последующих изменений. Их общая судьба – утрата былой фонетической зависимости от семифонемного вокализма и разрушение позиционного чередования, определяет общую динамику и направление развития – поиск нового произносительного стереотипа перед гласными среднего ряда, формирование новой модели предупредного вокализма. Рассматривая то многообразие разновидностей, которое представляет суджанское диссимилятивное яканье, было бы уместнее говорить не об общности формирования этого типа вокализма в различных южнорусских говорах, но о параллельном развитии, которое обусловлено общей исходной точкой – структурой архаического типа вокализма, а также действием сходных тенденций. Однако в процессе взаимодействия эти факторы приводят к различным результатам, что способствует развитию новых закономерностей и формированию систем, отличающихся друг от друга.

ГЛАВА 5.

Диссимилятивно-умеренный и умеренный типы яканья; белёвский тип диссимилятивного аканья

5.0. Введение

Последовательное развитие тенденции к «умеренности», то есть к произношению звукотипа не-[а] перед мягкими согласными, которая отмечается в некоторых южнорусских диалектных системах, в частности в говорах с суджанской разновидностью диссимилятивного яканья, приводит к формированию диссимилятивно-умеренного или умеренного типов яканья, отличающихся друг от друга частичным сохранением / полной утратой диссимилятивной основы предударного вокализма. Эти типы характерны для северо-западной части южнорусской территории и могут иметь несколько структурных разновидностей.

5.1. Диссимилятивно-умеренное яканье

Диссимилятивно-умеренное яканье впервые описано в работе Н.Н. Дурново: по имеющимся в распоряжении ученого материалам, эта разновидность предударного вокализма наблюдается лишь в нескольких населенных пунктах Курской, Орловской⁶⁶ и Калужской губерний [1917а: 201–207]. Автор отмечает, что «этот тип сравнительно редок и недостаточно отчетливо представлен в имеющихся записях», именно поэтому Н.Н. Дурново не представлялось возможным выделить «разновидности диссим<илятивно>-умер<енного> яканья по отношению к произношению гласных в предударном слоге перед слогом с гласною о» [Дурново 1917а: 37].

Сбор материалов для ДАРЯ позволил выявить несколько территориально приуроченных разновидностей диссимилятивно-умеренного яканья: «одна, при которой перед о из ъ произносится и (на юге Калужской области),

⁶⁶ С.И. Котков писал о непоказательности материала, приведенного Н.Н. Дурново из д. Куликовка Орловского уезда [Дурново 1917а: 204–205], для определения типа предударного вокализма после мягких согласных как диссимилятивно-умеренного яканья [Котков 1951: 83].

другая, при которой *a* произносится перед *и* и *ѣ*, стоящими после сочетаний согласных (в восточной части Смоленской, в некоторых северных районах Брянской области и южных районах Великолукской)» [Некоторые новые данные 1957: 84]. Позднее Е.Г. Буровой и Л.Л. Касаткиным в Чухломском акающем острове была обнаружена еще одна разновидность диссимилятивно-умеренного яканья, названная по району фиксации чухломской разновидностью. Она предполагает произношение в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными звука [a] – перед [ы́], [у́], [о́]; звука [e] – перед [á]; перед мягкими согласными независимо от ударного гласного в 1-м предударном слоге произносится [и]. Разновидность диссимилятивно-умеренного яканья, характерная для говоров Южного наречия с бинарной оппозицией [и] ~ [a] (функционально [и] – не-[и]), названа в работе Е.Г. Буровой и Л.Л. Касаткина верхне-днепровской⁶⁷ [Касаткин 1999: 423].

В «первично акающих» говорах Южнорусского наречия диссимилятивно-умеренное яканье распространено на северо-западной периферии (северо-запад Орловской обл., запад Тульской обл., юго-восток Калужской обл.); на юге оно граничит с суджанским типом диссимилятивного яканья, на севере и востоке – с умеренным яканьем и иканьем [ДАРЯ 1986: карта 3]. В указанном ареале отмечаются два основных типа диссимилятивно-умеренного яканья, которые условно можно назвать архаическим и неархаическим диссимилятивно-умеренным яканьем верхне-днепровской разновидности (представлены в таблице 5.1).

⁶⁷ Диссимилятивно-умеренное яканья, отличающееся произношением [a] перед группами согласных с последним мягким, является характерной диалектной чертой, входящей в состав языкового комплекса Верхне-Днепровской диалектной группы [Захарова, Орлова 1970: 127].

Таблица 5.1. Типы диссимилятивно-умеренного яканья

Гласные под ударением Типы п/у вокализма	а	о	о	и	у	Любой гласный
	Гласные 1-го предударного слога					
	Перед твердыми согласными			Перед мягкими согласными		
Архаический	и		а			и
Неархаический	и	а				и

5.1.1. Диссимилятивно-умеренное яканье архаической разновидности

Впервые архаическое диссимилятивно-умеренное яканье было отмечено Е.С. Клейменовой в двух населенных пунктах Ульяновского р-на Калужской обл.: «В говоре с. Кирейкова, д. В. Передели произношение *и* отмечают не только перед ударным *а*, но также и перед *о* определенного происхождения, а именно: перед *о*, исторически имевшим нисходящее ударение, и перед *о* из *ъ*. Если же под ударением находится *о*, в прошлом имевшее восходящее ударение, то в первом предударном слоге на месте *а*, *е* (из *е*, *ѣ*, *ь*) произносится *а*». Это положение подтверждается следующими примерами:

Перед /а/, /о/, а также перед мягкими согласными независимо от ударного гласного (в том числе перед консонантными кластерами с последним мягким): *р'а́зн'исла́*, *на́хл'иб'алас'*, *м'ит'алау́*, *л'икса́ндра*, *п'а́ п'ау́р'иб'ам*, *см'ит'ану́*, *л'ит'ал*, *хл'иб'ал*, *л'иула́*, *пр'ив'изла́*, *с'истра́*, *з'ь куз'н'ица́*, *д'иржа́т'*, *за́м'ирза́т'*, *бр'их'ала́*, *у в'ирха́х*, также *к'ъл'аса́*, *п'арва́*, *ум'арла́*; *п'ир'ом*, *ка́т'ило́к*, *ч'ир'ип'ок*, *ст'ико́л'и'ик*, *за́в'ирхо́м*, *в'исло́м*, *з'ирно́м*, *н'им'о́ј*, *б'ило́к*, *сл'ип'о́ј*, *с'ид'о́ј*, *п'ис'ок*, *з'ь п'иско́м*, *п'итсо́т*, *ка́с'ико́м*, *к'ип'ит'ок*, *п'итно́м*, *п'ит'ок*, также *п'атсо́т*, *у н'аво́*, *ус'аво́*; *в'ид'и́*, *пл'ит'ис'*, *у с'ир'ид'ин'а*, *ат'ил'и́лас'*, *см'ин'и́л*, *д'ив'и́шин'ик*, *у ур'из'и́*, *д'ис'ит'и́*, *сна́р'ид'и́*, также *д'ис'ат'и́на*, *с'ин'ак'и́*; *у́л'ид'у́*, *в'ил'у́*, *п'ин'к'у́*;

атп'ир'эт', л'ит'эл, в'ил'эл'и, р'аст'ир'эт', н'а р'ик'э, п'аб'ил'эл, ул'ид'эла; д'ир'эўн'а, с'т'ир'эч', р'астр'ис'эт', д'ит'эј; т'ил'онак, у с'ир'от'к'и, н'и м'ит'она, п'ик'ом, в'из'онк'и, н'апр'ид'ом; т'ир'ат', р'иб'атам, р'имн'ам'и, с'им'ја, стр'ил'ајут', зм'ија, д'ил'анку;

Перед /у/, /и/, /о/, стоящими после твердых согласных: *пл'ат'ут', н'ас'ут', б'ар'ут', п'ад'аруца, схл'абн'у, у ср'ад'у, у м'ад'у, н'аур'аб'у, св'акруха, п'а ст'акл'у, к н'ам'у, сл'ап'уја, у сн'агу, т'ан'у, пр'ад'ут', л'агушка, тр'ахнуца, также п'ир'идум'ала, п'ав'из'ут', р'азн'ис'у, у в'ирх'у, $\overline{у}$ в'арм'ик'у, л'иуушка; в'асн'и, с'астр'и, хр'ас'и (=хрестцы), с в'асн'и, с'им'ар'их, с'я св'ат'их, у р'ад'и, также в'итр'и, н'и в'ит'ин'иши, д'ирж'ит'а; в'асл'о, н'амн'оуа, п'ан'асл'о, з'арн'о, тр'ав'ож'ит', з'ь с'астр'ој, т'ап'ло, к'л'ас'о, н'и д'ав'ал'ос'и, ст'акл'о, в'ис'ал'о, ис п'ур'аб'оў, куз'н'ац'оў, м'иртв'ац'оў, з'ав'ота, св'атл'о, р'ассв'ал'о, в'ас'оў, ур'ах'оў, р'адн'о; также п'итн'о, к р'иб'ој, ч'ирв'ик'оў, д'ив'ин'оста, з'а ип'онца [Клейменова 1956б: 133–144].*

Рукописные материалы ДАРЯ⁶⁸ свидетельствуют о том, что архаическое диссимилятивно-умеренное яканье характерно для говора д. Зубк'ово Белёвского р-на Тульской обл.: перед /о/: *н'аб'ос', д'л'ак'о, н'ь тр'ав'ож'ыл'и, з'ь р'ак'оју, п'ар'о, п'м'ал'о, б'ад'ов'ја, цв'ат'оў*, но также *п'итн'о*; перед ударным /о/: *св'икр'ов'ји, п'иск'ом, к'ип'итк'ом, п'ис'ок, л'ис'ок, к'ип'ит'ок, с'ив'одн'ь, н'им'ој, сл'ип'ој, с'ид'ој, св'ит'ој, пр'им'ой*, но также *с в'адр'ом* (Запад-739).

Этот тип вокализма отмечен в магнитофонных записях, сделанных в с. Зайцево и д. Черногрязка Белёвского р-на Тульской обл., а также в с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл. Так, для говора с. Зайцево характерно следующее распределение гласных в 1-м предударном слоге:

⁶⁸ На картах ДАРЯ разновидности диссимилятивно-умеренного яканья не выделяются.

Перед /a/, /o/, а также перед мягкими согласными независимо от ударного гласного (в том числе перед консонантными кластерами с последним мягким): [йедá], поб[’ерá]ться, уч[’ерá], пом[’ерлá], ум[’и^ерлá], в[’и^ерхá]ми, ум[’и^ерлá]; дв[’инá]дцати, дев[’итнá]дцатого, н[’итнá]дцать, с[’истрá], вч[’ирá], св[’итá]я, бр[’ихá]ть, св[’изá]ть, над[’ивá]ть, пом[’ирлá], д[’иржá]ть, л[’ижá]л, б[’ижá]ла, м[’ишá]ете, н[’и нá]до, н[’и знá]ю, н[’и тá]к; н[’емó]й (м.р.), с[’ерпó]чком, н[’имó]й, алл[’инó]й, шерст[’инó]й, н[’искó]м, в[’ирхó]м, б[’иуó]м, рыс[’икó]м, св[’икрó]вья, цв[’итó]чки, н[’исó]к, вс[’ивó], нич[’ивó], от н[’ивó], мо[йивó], вс[’ивó], мертв[’ицó]м, н[’ишкó]м, м[’ишó]к, ч[’ижó]лая, н[’и сó]бьются (сóбиться ‘намереваться, хотеть’, восходит к форме возвратного местоимения себе, см. [ЕСУМ 2: 239]); ум[’æр’т’в’й]л, в[’ер’н’й]теси, отв[’из’л’й], тр[’ис’л’й], по[йис’н’й]ка, в[’ин’к’й], с[’им’jу], на[в’ирч’у], м[’ит’и^е]ль, н[’ив’э]ста, С[’ир’γ’э]й, у м[’ен’э], у м[’ин’э]-то, д[’ит’э]й, м[’ир’т’в’э]ц, С[’ер’ó]жки (имя), с[’ид’мó]й (м.р.), в[’и^ез’еó]ть, Б[’ил’ó]в, р[’иб’ó]нок, пл[’ич’ó], с д[’ит’ó]м, н[’иш’á]стье, т[’ил’иá]тник, з[’имл’иá], в з[’имл’иá]нке, гл[’ид’á]ть, н[’и ч’у]тко, н[’и д’э]лають, н[’и з’д’э]сь;

Перед /y/, /и/, /ω/, стоящими после твердых согласных: в М[’аркú]ловой (деревня), ч[’астú]шки, бер[’ауú]ть, б[’арú]ть, в[’азú]ть, придр[’амнú]ла, зав[’арнú]ть, б[’ауú], нав[’арнú], прихл[’еáбнú], к н[’амú], [йамú], н[’амú]ешь (немовáть ‘молчать’), поч[’амú], д[’ержú], с[’ежú], м[’ижú], л[’ижú], гл[’ижú], н[’и мú]чился, н[’и врú], н[’и бú]ду, н[’и ну]жен; с[’истры́], хол[’авы́] (холявá ‘дети’), [йазы́]к, ч[’аты́]ре; ч[’иты́]ре, с ч[’иты́]рнадцатого, н[’и слы́]шить, н[’и вы́]несли, пер[’ивы́]боры, л[’ижы́]ть, побр[’ишы́], н[’и ды́]шить;

дев[’анó]сто, Во[йавó]дина, Л[’аднó]ву, Хр[’акó]ва (фамилии), [йауó]ру, П[’еатру́]вна, *гн[’аздó], з[’арнó], д[’алó]в, с[’астрó]ю, в[’аснó]ю, св[’атó]й* (ж.р.), *вз[’алó], пов[’азлó], н[’амнó]жско, н[’а хó]чуть; с с[’истрó]ю, в[’иснó]й, зв[’издó]ю, П[’итру́]вна, к Вишн[’икó]ву* (фамилия), *мертв[’ицó]в, н[’и мó]жем, н[’и пó]мн’у, н[’и мó]г, б[’из нó]г, пер[’ивó]дчик, пер[’истрó]йкя.*

Представленный материал показывает, что в говоре с. Зайцево функционирует диссимилятивно-умеренное яканье архаической разновидности, хотя наиболее последовательно гласный [а] в 1-м предударном слоге произносится перед /у/; перед аллофонами фонемы /о/ отмечается довольно много примеров, противоречащих архаическому диссимилятивному принципу: *с с[’истрó]ю, в[’иснó]й, зв[’издó]ю, к Вишн[’икó]ву* и др.

В южнорусских говорах диссимилятивно-умеренное яканье архаического типа может сочетаться с семифонемной системой вокализма, что отметила еще Е.С. Клейменова [1956б]. Так же как и в говорах с архаическими типами диссимилятивного аканья и яканья (см. § 3.4), в этих диалектных системах нет прямой фонетической зависимости между системами ударного вокализма и вокализма 1-го предударного слога. На это указывают примеры типа *П[’итру́]вна, нич[’ивó], от н[’ивó]*, где гласный [и] произносится перед особыми реализациями фонемы /о/. В последних двух примерах гласный верхне-среднего подъема [о] отмечается в соответствии с фонемой /о/ и появился в этой форме на месте более раннего [э] относительно недавно, что подтверждается последовательным произношением перед ним гласного [и] (в архаических системах вокализма формы типа *его* имеют в 1-м предударном слоге гласную [и], подробнее см. § 2.4.7). Для говора с. Кирейково в целом характерно постепенное распространение под ударением гласного [о] на месте фонемы /о/, см. § 2.4.4.

На автономное существование систем ударного и предударного вокализма указывают и многие примеры, отмеченные в записях из с. Кирейково: *в[’идр’о̆]*, *с[’илуо̆]*, *гн[’издуо̆]*, *бр[’ивно̆]*, *в Поздн[’ико̆]вой* (деревня), *в[’идро̆]* и др. Особенно часто гласный [и] перед аллофонами /ω/ произносится в сильной фразовой позиции, для которой, таким образом, характерно, с одной стороны, сохранение под ударением дифтонгических образований на месте фонем верхне-среднего подъема (см. § 2.3.2, рис. 2.11), с другой, – развитие элементов иканья в 1-м предударном слого.

Диссимилятивно-умеренное яканье архаической разновидности может функционировать и при пятифонемной системе вокализма, что отмечено в д. Черногрязка: *ч[’асо̆]в*, *н[’емно̆]го*, *н[’або̆]сь*, но *св[’икро̆]вьина*, *в[’ирхо̆]м*, *[йиво̆]*, *у н[’иво̆]*, *н[’ич’иво̆]*. Фонологическая система данного говора включает только пять гласных фонем (с единичными рефлексамии фонемы /ѣ/). Сохранение архаического диссимилятивно-умеренного яканья при утрате корреляции /ω/ ~ /о/, возможно, обусловлено тем фактом, что именно на этой территории преобладает яканье с высокой артикуляцией предударных гласных, функционирующих в качестве звуков верхнего подъема, то есть в позиции перед мягкими согласными при этом типе вокализма фонемы /е/, /о/, /а/ и /и/ в 1-м предударном слого совпадают в одном звуке [и]. В системе архаического диссимилятивно-умеренного яканья появляется возможность сохранения предударного гласного [и] перед ударным [о] в таких словах и грамматических формах, где [и] по существу становится аллофоном фонемы /и/. Таким образом, в этих говорах получает развитие тенденция к распространению элементов иканья.

На постепенное изменение архаического диссимилятивно-умеренного яканья в иканье указывают и многочисленные случаи произношения гласных [е] и [и] перед [ў], характерные для говора с. Кирейково: *в[’ернў]лся*, *б[’ерў]ть*, *б[’ерў]*, *аб[’ернў]ся*, *в[’идрў]*, *в щ[’икў]*, *в л[’исў]*, *с[’истрў]* и многие др. Подобные примеры фиксировались здесь еще в начале 1950-х годов:

пăв'изуть, рăзн'ису, у в'ирху, уѵв арм'ику, л'иуушка; их появление Е.С. Клейменова объясняла влиянием аналогии со стороны форм, для которых произношение предударного [и] закономерно: *пăв'изуть* ← *пăв'из'и*, *рăзн'ису* ← *рăзн'ис'и*, *рăзн'исл'и* и т.д. [Клейменова 1956б: 139]. Однако наличие элементов иканья в говорах с архаическим диссимилятивно-умеренным яканьем связано не только с унификацией основы конкретных грамматических форм, но объясняется общим вектором развития системы предударного вокализма. Звук [и], реализующий в 1-м предударном слоге не только фонемы /a/, /o/, /e/, но и /и/, более свободен в употреблении, чем [а], появление которого ограничено рядом условий – только перед твердыми согласными и перед гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов. Именно этим фактом и обусловлено постепенное распространение гласного [и] в 1-м предударном слоге.

В описываемых говорах гласный [и] независимо от твердости-мягкости следующего согласного произносится в приставках, предлогах и частицах, находящихся в позиции 1-го предударного слога. В записях отмечены следующие формы (материал приводится обобщенно по всем трем говорам): *н[’и мў]чился, н[’и врў], н[’и бў]ду, н[’и нў]жен; н[’и слы́]шить, н[’и вы́]несли, н[’и вы́]лезу, пер[’ивы́]боры; н[’и мб]жем, н[’и пб]мн’у, н[’и мб]г, б[’из нб]г, пер[’ивѳ]дчик, на пер[’ивѳ]дке; н[’и рб]дная, н[’и дб]чь, чер[’ис ѳб]д, н[’и сб]бются; н[’и на]до, н[’и зна]ю, н[’и та]к, б[’исплá]тно; н[’и ч’ў]тко, пер[’ич’и́]слють, н[’и д’э]лають, н[’и јѳ]ли, ч’ир[’из’ р’ѳ]чку, н[’и з’д’э]сь и др. В этой позиции реализуется модель иканья, что характерно также для дмитриевского и суджанского типов диссимилятивного яканья, см. § 4.2 и 4.3.*

Подобную особенность в говорах с. Кирейково и д. Верхняя Передель отметила Е.С. Клейменова: «Безударные приставки, предлоги, отрицания обобщаются с одним каким-нибудь гласным, в данном говоре преимущест-

венно с гласным *и* независимо от следующего слога. Отсюда *n'ur'iułk'iu*, *n'ur'idúmla*, *b'izzún*, *n'ivít'in'ishi*» [Клейменова 1956б: 139, 145]. Однако из этого правила существует несколько исключений: в лексемах *немного*, *немножко*, а также в формах настоящего времени глагола *хотеть* с отрицанием в речи всех информантов последовательно произносится гласный [а]: *n[ʼamnó]go*, *n[ʼamnó]žsko*, *n[ʼa xó]čуть*, *n[ʼa xúó]чень*.

Разумеется, в описываемых говорах действуют и другие тенденции. Так, появление в позициях перед /o/ и /a/ звуков [e], реже – [a] (*n[ʼemó]й*, *c[ʼerpó]чком*, *вс[ʼaúdá]*, *[йедá]*, *поб[ʼерá]ться*, *гл[ʼед'á]ть* и др.), возможно, связано с ассимиляцией по подъему гласного 1-го предударного слога ударному гласному. Случаи ассимиляции отмечаются также в позиции перед /e/ и /o/: *у м[ʼен'é]*, *С[ʼер'ó]жки*. Однако примеры подобного произношения единичны, а развитие ассимилятивных процессов не имеет перспектив, поскольку их действие всегда ограничено наличием в 1-м предударном слоге корреляции [и] – не-[и].

Особым в говорах с архаическим диссимилятивно-умеренным яканьем оказывается положение 1-го предударного гласного перед отвердевшими шипящими и [ц]. В этой позиции так же, как и перед мягкими согласными, обычно независимо от ударного гласного отмечается звук [и], что свидетельствует о позднем отвердении шипящих⁶⁹. Однако некоторые примеры нарушают указанную закономерность. Так, перед гласными [ú] и реже – перед [ы], перед которыми в положении после мягких согласных и перед твердыми в 1-м предударном слоге наиболее последовательно произносится звукотип не-[и], перед отвердевшими шипящими также отмечаются гласные неверхнего подъема [e], [a]: *д[ʼержú]*, *с[ʼежú]* (с. Зайцево); *л[ʼажú]*, *л[ʼажы]ть* (с. Кирейково), *на руб[ʼажú]* (с. Черногрязка). Иначе говоря, в этой позиции довольно хорошо сохраняется диссимилятивная основа предударного вока-

⁶⁹ Об этом же свидетельствует отсутствие веляризации шипящих, главным образом, [ш].

лизма. Произношение [a] только перед гласными верхнего подъема в отмеченной позиции характерно и для других говоров с диссимилятивно-умеренным яканьем, оно отмечается в д. Алешня Козельского р-на (Запад-718), д. Рессета Хвастовичского р-на (Юг-52) Калужской обл., Михнево Болховского р-на Орловской обл. (Юг-73) [Парикова 2008: карта 5].

Звук [e] в форме с[’ежy], зафиксированной в с. Зайцево, возможно, указывает на то, что глагол *сидеть* имеет в 1-м предударном слоге гласный *e* (из ѣ), и, таким образом, сохраняет в исследуемом говоре праславянскую огласовку **sěděti*, утраченную литературным языком, но сохраняющуюся в некоторых русских говорах, а также в других славянских языках; ср. калуж. *пэсядím* [Касаткина (ред.) 1999: 52], белорус. *сядзэць*, польск. *siedzieć* и др. [ЕСУМ 5: 227].

Случаи произношения гласных неверхнего подъема [e], [æ] и [a] перед [í], видимо, также свидетельствуют о частичном сохранении прежней диссимилятивной основы вокализма: *ум[’æp’т’в’í]л*, *в[’ер’н’í]теси* (с. Зайцево), *н[’ес’í]*, *н[’ес’т’í]* (с. Кирейково), *д’ис’ат’ина*, *с’ин’ак’ú* [Клейменова 1956б: 137, 144].

В позиции перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким отмечается гласный [и]: *нав[’ирч’ú]*, *н[’икл’í]*, *бер[’иул’í]*, *с[’истр’é]*, в *з[’имл’íа]нку*, *з[’имл’íа]* и др. В исследуемых говорах не удалось выявить особенности произношения предударных гласных в позиции перед сочетанием согласных с первым твердым и последним мягким заднеязычным, см. [Касаткин 1999: 449–463]. Следует лишь отметить, что в ряде говоров Белёвского и Ульяновского р-нов прежде было широко распространено ассимилятивное смягчение некоторых переднеязычных согласных перед [к’]: в Зайцеве зафиксированы формы *нэ кал’эн’к’и*, *в’ин’к’ú*, *у сас’эт’к’и*, *вот’к’и*, *малат’к’ú*, *лат’к’ú*; в Кирейкове – *сас’эт’к’и*, *плэи’ат’к’и*, *плэт’к’ú*, *нэ п’ир’ивот’к’и*. См. также материалы Е.С. Клейменовой, собранные в с. Кирейково и д. Верхн.

Переделъ: *дбс'к'и, бл'бс'к'и, зав'ес'к'и, в'изан'к'и, т'ан'к'и, ст'ен'к'и, у сас'ет'к'и, н'ит'к'и* (Запад-728), *кар'з'ин'к'и, пл'от'к'и, нас'к'и, аб'ур'к'и* [Клейменова 1956а: 11, 17] и др.

5.1.2. Диссимилятивно-умеренное яканье неархаической разновидности

Е.С. Клейменова отмечает эту разновидность диссимилятивно-умеренного яканья в с. Афанасово, с. Крапивна, д. Мелихово, с. Хоревка Ульяновского р-на Калужской обл. [Клейменова 1956б: 134]. По данным ДАРЯ этот тип вокализма характерен также для говоров Огороково Одоевского р-на (Запад-652), Крюковка Чекалинского [Суворовского] р-на (Запад-731), Володьково Белёвского р-на (Запад-733) Тульской обл.

Магнитофонные записи свидетельствуют о том, что диссимилятивно-умеренное яканье неархаической разновидности, при котором предударные гласные [и] и [а] не противопоставлялись перед совпавшими в едином звучании фонемами /о/ и /ω/, распространено в говоре д. Петрово Белёвского р-на Тульской обл., здесь отмечены следующие примеры:

Перед /а/, а также перед мягкими согласными независимо от ударного гласного (в том числе перед консонантными кластерами с последним мягким): *ум[^ерл'а], пом[^ер'а]ить, нач[^ел'а]сь, вз[^ел'а], с[^емн'а]дцатого, вз[^еил'а], кот[^еил'к'а], н[^еитн'а]дцать, обд[^еир'а]ють, с[^еистр'а], ст[^еин'а], л[^еис'а], вос[^еимн'а]дцать, н[^еи зн'а]ет'; л[^ееш'и]ться, кип[^ет'и]л-то, б[^еиγ'и]м, н[^еикл'и], потр[^еис'л'и]; н[^еид'е]лю, пер[^еим'е]ночку; д[^еит'е]й, дле с[^еиб'е] (дле с Р.п. 'около, подле'), н[^еи з'д'е]сь; с[^еистр'о]нка, Б[^еил'о]в, б[^еир'о]т'; з[^еемл'а], р[^еиб'а]т, д[^еив'а]того, д'ер[^еив'а]нные, по[йивл'а]лси;*

Перед /у/, /и/, /о/, стоящими после твердых согласных: *б[^уар'у], прин[^уас'у], св[^уарн'у]л, [й'а'м'у], напр[^уад'у]ть, разв[^уад'у], стер[^уаγ'у]ть, м[^уа'тк'у], [й'а'м'у], в[^уез'у]ть, на в[^уерх'у], [й'е'м'у], исп[^уик'у]ть, с[^уистр'у], зв[^уизд'у]; д[^уад'у], вод[^уан'и]е, алл[^уан'и]е (=льняные), с[^уастр'у], с[^уистр'у],*

ч[’иты́]ре; *дев[’анó]сто*, на [йауó]рий, н[’абó]сь, в П[’атрó]вой, П[’æтрó]вой (название деревни), св[’æтó]й (Р.п.); в[’æснó]ю, в[’еснó]ю, н[’ебó]сь, в[’иснó]й, П[’итрó]во, н[’итрó]вских, н[’имнó]шко (много раз) *недал[’икó]*, н[’и мó]жно; *кот[’алó]к*, *кот[’алó]чек*; с з[’ернó]м, с[’еуó]дн’и, ус[’ивó], кой-ч[’ивó], у н[’ивó]; св[’итó]й (И.п.), на ч[’ивó], вс[’ивó].

Основное отличие, обнаруживающиеся между диалектными системами с архаическим и неархаическим типами диссимилятивно-умеренного яканья заключается, во-первых, в регулярном сочетании неархаической разновидности с пятифонемной системой вокализма, во-вторых, в принципиальной возможности произношения при этом типе вокализма звукотипа не-[и] перед /о/ (из *ь и *о).

Среди особенностей, сближающих эти модели предударного вокализма, прежде всего следует выделить сосуществование архаической и неархаической разновидностей с элементами иканья, о чем свидетельствуют такие примеры, как *исп[’икú]ть*, с[’истру́], зв[’издú], с[’истры́], в[’иснó]й, *недал[’икó]* и др. Особенно показательно произношение гласного [и] в топониме П[’итрó]во и образованном от него катойкониме н[’итрó]вских. Имена собственные, находящиеся обычно на периферии языковых процессов, дольше других лексем могут сохранять свою старую огласовку. Еще С.С. Высотский отмечал, что при утрате в говорах запада Московской обл. умеренного яканья только топонимы довольно устойчиво употребляются «в старой фонетической форме: *јармóл’инь*, *Рьс’л’акóфкь*, срав. – фамилия *Л’авóнъвы*» [Высотский 1941: 47].

По материалам ДАРЯ, элементы иканья отмечаются и в других говорах с диссимилятивно-умеренным яканьем неархаического типа, например в д. Володьково: *ст’иклú*, *п’итúх*, *п’ивúн*, *л’искú*, *падм’итú*, *т’в’иты́*, *л’иснóйъ*, *в’идрó*, *п’итнó*, *цв’итнóй*, *с’идóй* (м.р.), *в’идрóм* (Запад-733).

Возникает вопрос, может ли архаическое диссимильтивно-умеренное яканье, зафиксированное в соседних белёвских говорах, модифицироваться в диссимильтивно-умеренное яканье неархаической разновидности, отмеченное в д. Петрово? Корреляция [и] – не-[и] всегда ограничивает действие межслоговой вокальной ассимиляции: перед ударными /o/ и /a/ при архаической модели могут произноситься гласные [e] и [a] в отдельных словах и грамматических формах, однако системного изменения [и] → [a] не происходит, гласный нижнего подъема продолжает последовательно употребляться только перед /и/, /у/, /ω/, находящимися после твердых согласных. Очевидно, что диссимильтивно-умеренное яканье неархаического типа с последовательным произношением [a] перед /o/ (из *ь и *o) на основе архаического диссимильтивно-умеренного яканья, зафиксированного в современных тульских и калужских говорах, сформировано быть не может.

Точно так же диссимильтивно-умеренное яканье неархаической разновидности, отмеченное в современных тульских и калужских говорах, не может модифицироваться в чисто умеренное яканье с преимущественным употреблением в 1-м предударном слоге гласного [a] перед /a/. Наличие противопоставления [и] – не-[и] будет обуславливать принципиальную возможность сохранения в части примеров в этой позиции гласного [и]. Например, в говоре д. Володьково [a] перед [á] изредка отмечается только в форме прошедшего времени ж.р. глаголов (*ун'асла́, б'ир'аула́, вз'ала́*), в императиве (*зъпр'ауа́й, сл'азáй*), а также в форме И.п. ж.р. прилагательных (*ал'н'ана́ја*); во всех остальных случаях фиксируется гласный [и]: *с'истра́, в'ирста́, р'ика́, д'ир'ивн'áх, пь с't'ина́м, цв'ита́м'и, дъјуда́й, зъпр'иуа́й, пр'ив'ила́, уз'ила́* и многие др. (Запад-733). Ср. примеры, записанные в говоре с. Апухтино Одоевского р-на Тульской обл. с диссимильтивно-умеренным яканьем: [п'и]кля́, [сп'и]рва́, [св'и]затъ, у[с'и]гда́, [в'и]зánку, де[р'и]ва́, [γ'и]ктáра, при[б'и]гáли, [цв'и]тáстой, [р'и]да́ и др., но также при[в'а]зла́ [Родина 2012: 58].

В результате постепенного распространения гласного [а] в этой позиции может формироваться переходный тип между неархаическим диссимилятивно-умеренным и умеренным типами яканья, отмеченный, например, Е.С. Клейменовой в с. Вейна Ульяновского р-на Калужской обл. По словам исследовательницы, «наличие большого количества примеров с *и* перед ударенным *а* наряду с *а* в этом же положении говорит о том, что умеренное яканье в указанном говоре исторически вытеснило собой яканье в той или иной степени диссимилятивное» [1956б: 114–115]. При этом в большинстве «тульских говоров с умеренным яканьем перед твердыми согласными принцип умеренного яканья выдержан», а позиция «перед ударенным [а] не отличается от положения перед всеми другими ударенными гласными» [Парикова 2008: 71].

5.2. Умеренное яканье

Общепризнано, что самой яркой отличительной особенностью, выделяющей Тульскую группу среди прочих южнорусских говоров, является умеренное яканье. Так, с умеренного яканья начинают перечень диалектных черт тульских говоров авторы «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» [Дурново и др. 1915: 29], указание на данный тип вокализма как специфическое явление, присущее главным образом Тульской группе межзональных говоров типа Б, содержится в [Захарова, Орлова 1970: 138] и некоторых других.

Зависимость, предполагающая влияние на гласный твердости или мягкости следующего согласного, были известна языковедам задолго до того, как была обнаружена зависимость между вокальными компонентами акцентного ядра слова [Высотский 1961: 45]; при этом первое описание собственно умеренного яканья относится только к концу XIX в. Е.Ф. Будде в работе «К истории великорусских говоров: Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии» описывает систему вокализма после мягких согласных, для которой свойственно произ-

ношение в 1-м предударном слоге [а] или [и] в зависимости от твердости/мягкости следующего согласного [Будде 1896]. Позже ученый отмечает умеренное яканье в части говоров Тульской губернии [Будде 1898], см. также [Парикова 2008: 19–20].

Детальное и всестороннее описание системы умеренного яканья в южнорусских говорах сделал Н.Н. Дурново. Опираясь на материалы, собранные Московской диалектологической комиссией, а также на отдельные диалектологические исследования (главным образом Е.Ф. Будде), автор отметил умеренное яканье в 52 населенных пунктах на территории Тульской (35 населенных пунктов), Рязанской (4), Тамбовской (7), Орловской (4), Калужской (2) губерний [Дурново 1917а: 118–141]. Н.Н. Дурново указывает, что «между говорами с умеренным яканьем возможны различия по судьбе гласных после шипящих и перед шипящими» [Дурново 1917а: 36].

Непосредственно тульскому умеренному яканью посвящено исследование Н.Б. Париковой, опирающейся на материалы ДАРЯ, а также на свои собственные записи (всего проанализированы данные из 115 населенных пунктов) [Парикова 1960: 5]. Особо автор рассматривает положение предударной гласной в позиции перед шипящими, а также перед сочетаниями согласных с последним мягким, в этой позиции произношение [и] определяется как основное [Парикова 1961: 19–25; Парикова 2008: 92–100].

В 1999–2000 годах был собран большой материал в нескольких говорах с преимущественным распространением умеренного яканья: в д. Таратухино и с. Богданово Белёвского р-на и с. Гати и д. Дблговка Венёвского р-на Тульской обл.⁷⁰, что предоставило возможность сравнить современные данные с материалами Н.Н. Дурново и Н.Б. Париковой.

Во всех обследованных говорах умеренное яканье функционирует достаточно последовательно, примеры, противоречащие указанному принципу

⁷⁰ Данные белёвских говоров в исследовании Н.Б. Париковой практически не привлекались (за исключением говора д. Володьково) [Парикова 1961: 36; Парикова 2008: 12]. Полностью материал, собранный в этих четырех пунктах, а также в некоторых других белёвских и венёвских говорах с умеренным яканьем, приведен в [Савинов 2000: 83–117].

вокализма, единичны: с[’и]стрѣ́, ч[’и]ты́рнадцать, л[’и]гко́, в[’и]но́чки, н[’и^е]тнáдцать, с[’и^е]стрá (д. Таратухино); ч[’и]ты́ре, з[’и^е]рнó (с. Богданово); св[’и]рну́ть, в л[’и]сú, ч[’и]ты́ре, зам[’и]рзáеть, сч[’и]тáется (с. Гати); ч[’и]ты́ре, ч[’и]лó, т[’и]плó, н[’и^е]тнáдцать, д[’и]кáбрь (д. Долговка). Наиболее часто гласный [и] отмечается в числительных *четы́ре, четы́рнадцать, пятнáдцать*, что можно признать характерной произносительной особенностью этих слов. При этом не вызывает сомнений, что умеренное яканье в обследованных говорах является продуктивным типом вокализма, поскольку правилам позиционного чередования гласных подчиняется не только традиционный слой лексики, но и слова, проникшие в говор относительно недавно, например, [йа]тáп (этап), двух[йа]тáжный, м[’а]дáль, по[м’а]дóры.

Однако следует отметить, что перед всеми ударными гласными в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными зачастую употребляются гласные более высокого подъема, чем [а], т.е. [æ] и [е] (хотя предударный гласный [а] все же произносится намного чаще, чем [æ] и [е]): б[’æ]гúть, б[’е]рúть, в[’е]рхú, пл[’е]снúла, ч[’æ]сы́, сем[’æ]нá, з[’е]рнá и др. Особенно часто гласные [æ] и [е] отмечаются в позиции перед ударным [о]: н[’æ]бóсь, в[’æ]снóй, ч[’æ]лó, н[’е]мнóжко, дал[’е]кó, ч[’е]сóв; [йæ]гó, ч[’æ]гó, на р[’æ]дóчек, П[’е]трóвна, в[’е]дрó, пом[’е]дóр, ч[’е]лнóк, цв[’е]тóч’к’и, [йе]гó, вс[’е^н]гó; гласный [е] на месте закономерного [и] возможен перед ударным [’а]: с д[’е]сýтого, учит[’е]лý, р[’е]бýт. Многочисленные случаи подобного произношения фиксируются также в других тульских говорах с умеренным яканьем, например в д. Курносовка Белёвского р-на, и, вероятно, объясняются ассимиляцией по подъему гласных 1-го предударного слога ударному гласному. Полной ассимиляции могут подвергаться предударные гласные

перед ударным [e]: *у м[’е]нѣ, н[’е] здѣсь*, что характерно и для некоторых диалектных систем с диссимилятивно-умеренным яканьем (см. § 5.1.1).

Гласные, репрезентующие звукотип не-[и], отмечаются в 1-м предударном слоге не только перед гласными среднего и нижнего подъемов, но и перед ударным [и]: *пл[’а]лѣ, д[’е]тѣмѣ, н[’е]клѣ, с[’ѣ]дѣм, б[’е]рѣ, д[’е]лѣть, л[’е]снѣк, тр[’е]сѣн*; подобные примеры отмечались и при описании диссимилятивно-умеренного яканья: *ум[’ѣр’т’в’ѣ]л, в[’ер’н’ѣ]тѣси, н[’ес’ѣ], н[’ес’т’ѣ], д’ис’ат’ѣна, с’ин’ак’ѣ* (см. § 5.1.1).

Н.Б. Парикова, анализируя материалы ДАРЯ, обнаружила такие тульские говоры с умеренным яканьем, для которых в единичных случаях между мягкими согласными в 1-м предударном слоге характерно произношение [а] в соответствии с этимологическим *а. Подобный тип умеренного яканья признается автором работы «наиболее архаическим». Н.Б. Парикова приходит к выводу, что в тульских говорах умеренное яканье сложилось в результате взаимодействия «с северновеликорусской системой вокализма» [Парикова 1961: 25–33].

Н.Б. Парикова не видит оснований связывать случаи произношения [а] с наличием определенных ударных гласных, ссылаясь на то, что «эти случаи известны перед разными по подъему ударенными гласными» [Парикова 1961: 26]. Однако приведенные Н.Б. Париковой примеры показывают, что произношение [а] между мягкими согласными зависит не только от этимологии, но и от качества ударных гласных: из 27 случаев употребления [а] в этой позиции 22 представлены в позиции перед ударным [и]: *н’атѣ, д’ис’ат’ѣ, љл’ад’ѣ (два раза), љл’ад’ѣт’, пѣљл’ад’ѣм, пѣљл’ад’ѣши, кѣст’ан’ѣка, зѣпр’аѣѣ, пѣтр’ас’ѣс’, тул’ак’ѣ (два раза), тр’ас’ѣна, д’ѣв’ат’ѣ, р’ѣб’ат’ѣшѣк, р’ѣб’ат’ѣшѣк’ѣм’ѣ, дрѣв’ан’ѣстѣй, з’ѣмл’ан’ѣка (два раза), с’ѣб’ѣр’ак’ѣ, ч’ѣр’ѣв’ак’ѣ, хѣм’ак’ѣ*, а оставшиеся пять – в формах глагола *глядѣть* (три перед ударным [е] из *ѣ и два перед ударным [’а]). Причем эти 22 примера мо-

гут быть дополнены также теми случаями, в которых в 1-м предударном слоге перед ударным [и] произносятся звуки [е] и [е^н]: *в гр'ез'и́, абйегн'и́лас'а, тр'е^нс'и́на, д'ьс'е^нт'и́на, в ур'е^нз'и́*. Приведенные примеры дают основание предположить, что диссимилятивная основа вокализма тульских говоров проявляется не только в позиции после твердых (см. § 5.3 и 5.4), но и после мягких согласных.

В большинстве обследованных говоров с умеренным яканьем приставки, предлоги и частицы не включены в общую систему позиционных чередований предударных гласных после мягких согласных: в этой позиции вне зависимости от твердости-мягкости последующего согласного, всегда произносится [и]⁷¹: *н[и] нужен, н[и] мог, н[и] помню, н[и] трогай, н[и] стали, н[и] знаю, пер[и]стали, н[и] знаю, н[и] дай* (д. Таратухино); *н[и] хуже, н[и] слышала, н[и] помню, н[и] хотят, н[и] ходим, н[и] плотють, пер[и]-стрóйка, пер[и]тóпишь, н[и]пράвда, н[и] знаешь, н[и] брали, н[и] стал* (с. Богданово); *н[и] нужно, н[и^е] новых, н[и] ходють, н[и] стали, н[и]грамотный* (д. Долговка). Только в говоре с. Гати сохранились следы прежней включенности проклитик в систему предударного вокализма после мягких согласных, хотя отмечается довольно много исключений, свидетельствующих о постепенном изменении в этой позиции умеренного яканья в иканье: *н[а] вьучись, н[а]воля, пер[а]дать, н[а] знали, н[а] надо, н[а] дай Бóг*, но также *н[и] можем, н[и] помню, прин[и]воливали, пер[и]сóхла, н[и] зноють* (=не знают), *н[и] так*.

В говорах д. Таратухино, с. Богданово, с. Гати отвердевшие шипящие (в том числе и долгий [ж]) воздействуют на предыдущий гласный 1го предударного слога как твердые фонемы, на это указывают формы *погл[а]жу́, св[а]жу́, д[а]ржу́, на м[а]жу́, л[а]жу́ть, л[а]жу́, сп[æ]ши́ли, н[а]шкóм*,

⁷¹ За исключением форм *н[а]мно́го, н[а]мно́жко*, что характерно и для других тульских говоров с умеренным яканьем, подобная особенность отмечена, например, в говоре с. Красное Одоевского р-на [Родина 2012: 59–60].

м[’а]шóк, нар[’а]жёна, д[’а]жá, уб[’а]жáл, л[’а]жáл, см[’а]шáешь, нар[’а]жáли, раз[й̄а̄ж]áться, при[й̄а̄ж]áют и др. Лишь в говоре д. Долговка отвердевшие шипящие ведут себя по отношению к предыдущим предударным гласным как мягкие согласные: *л[’и]жú, б[’и]жúшь, м[’и]шóчек, н[’и]шкóм, д[’и]жá, л[’и]жáли, д[’и]ржáл, зар[’и]жáть* и др.

По мнению Н.Б. Париковой, для тульских говоров с умеренным яканьем в положении перед отвердевшими шипящими «произношение *и* является основным», хотя исследовательница отмечала также существование систем с единичными случаями употребления звука [а] перед отвердевшими шипящими независимо от ударного гласного [Парикова 1961: 23; Парикова 2008: 92–100]. Широкое распространение гласного [а] в этой позиции, отмеченное в белёвских и венёвских говорах, видимо, обусловлено их периферийностью по отношению к эпицентру появления умеренного яканья, более поздним формированием этого типа вокализма.

При этом для каждой конкретной системы с преимущественным распространением [и] в 1-м предударном слоге перед [ж], [ш], [ж̄] необходимо установить, действительно ли отвердевшие шипящие функционируют в качестве палатализованных согласных (т.е. ведут себя по отношению к предыдущему гласному как мягкие согласные) или предударный гласный [и] употребляется перед отвердевшим шипящим лишь благодаря усилившемуся воздействию стандартного литературного языка, а также постепенному формированию в говоре новой системы предударного вокализма после мягких согласных – иканья. Так, С.С. Высотский указывал на то, что сохранение в некоторых русских говорах рефлекса былой мягкости шипящих при умеренном яканье «часто носит характер прямого влияния городского говора» [Высотский 1941: 61].

Наиболее интенсивно переход от умеренного яканья к иканью проходит на северной периферии тульских говоров. Так, по данным Л.Э. Калнынь, в коломенских говорах, к которым исследователь относит также говоры Сер-

пуховского, Чеховского и Ступинского районов Московской обл., в 1940-х – начале 50-х годов было широко распространено умеренное яканье, при этом на указанных территориях «вытеснение умеренного яканья иканьем – явление весьма распространенное» [Калнынь 1957: 69–71]. Это наблюдение подтверждается данными «Атласа центральных областей к востоку от Москвы» и сводного «Диалектологического атласа русского языка», которые отмечают на юге Московской и в северных районах Тульской областей сосуществование умеренного яканья с иканьем [Атлас 1957: карты 3, 8; ДАРЯ 1986: карты 3, 8].

Изменение умеренного яканья в иканье на территориях, непосредственно примыкающих к Москве, происходило уже давно. Так, в начале XX в. А. Буслаев отмечал этот процесс в говоре Бавыкинской волости Серпуховского уезда⁷², а в конце 1930-х гг. С.С. Высотский наблюдал быстрое исчезновение умеренного яканья в говорах соседнего с Серпуховским Высокинского р-на Московской обл. (теперь Жуковский р-н Калужской обл.). Во многих селениях фиксировались уже «следы утраченного умеренного яканья», когда «'а перед твердым согласным употребляется лишь в самой отсталой в культурном отношении среде и преимущественно в местоимениях *javó*, *jamú*, реже – *tvъjavó*, *svъjavó*, *mъjavó* и т.п.» [Высотский 1941: 46–47]. Л.Н. Булатова наблюдала в некоторых говорах Озёрского р-на Московской обл., также относящихся к тульской группе и обследованных ею в середине 1940-х годов, смешение элементов умеренного яканья и иканья. Автор приводит «некоторые слова, которые почти всегда звучат с предударным а. В речи некоторых лиц они являются единственными словами, в которых звучит а в предударном слогe: *йавó*, *ч'авó*» [Булатова 1947: 65].

5.3. Белёвский тип диссимилятивного аканья

Е.С. Клейменова обратила внимание на то, что в говорах с архаическим диссимилятивно-умеренным яканьем наблюдается и особая разновидность

⁷² На рукопись А. Буслаева «Говор Бавыкинской волости Серпуховского уезда» ссылается в своем диссертационном исследовании С.С. Высотский [1941].

диссимилятивного аканья, предполагающая произношение [ə] в 1-м предударном слоге не только перед /a/, но также перед гласными среднего, реже – верхне-среднего подъёмов. В работе приведены следующие примеры: *с кѣкѡ́ј стѣран'ѣ, плѣтѡ́к, сѣвѡ́ч'ик, мѣлѣш'кѡ́, кѣсѡ́ј, н'икѣвѡ́, кѣв'ѡ́р, пѣуѡ́ду, пѣрѣс'ѡ́нак* (по замечанию Е.С. Клейменовой, «последнее слово является почти лексикализированным в данном произношении»), *зѣрѣжѡ́нај, прѣухѣжѡ́р'ила* ('прогуляла'), *кѣртѡ́х, кѣвѡ́, мѣјѡ́, плѣхѡ́ј, мѣлѣдѡ́ј*, также *с рабѡ́т'и, с какѡ́ј, расплѡ́т'ис'и, станѡ́у, платкѡ́м, расѡ́ха, забѡ́р, маскѡ́ўскѣја, калхѡ́за, пакѡ́сы, харѡ́шај, картѡ́шка, расхѡ́ду, насѡ́д'им, хат'ѡ́нка, халстѡ́у, марѡ́с; ш'илѣв'ѣк, вѣрѣб'ѣй, дрѣв'ѣс* (дровец), также у *трав'ѣ, нѣ сталѡ́'ѣ, стѣран'ѣ, дѣ вѣјн'ѣ, у капн'ѣ, нѣ вад'ѣ, пр'истар'ѣтѣја* (престарелая), *дабр'ѣ* (добре 'очень'), *пал'ѣзла, ав'ѣс, атарв'ѣт'* и многие др. [Клейменова 1956б: 96–100].

На основании приведенного материала Е.С. Клейменова приходит к выводу, что «в говорах с. Кирейкова и д. В. Передели прослеживается, хотя и не вполне последовательно различение двух *о* при диссимилятивном аканье» [Клейменова 1956а: 6].

Тип вокализма после твердых согласных, подобный описанному Е.С. Клейменовой, обнаруживается в записях, сделанных в с. Зайцево Белѣвского р-на Тульской обл.:

Перед /y/, /и/: *п[асу́]ду, на т[арху́], г[аду́], н[агу́], перед[аву́]я, не м[агу́], н[айду́], х[ажу́], р[ажу́], ск[ажу́], прол[амл'у́]; з[асты́]ли, в[айны́], колб[асы́], к[амы́]ш, м[ашы́]на, гарм[ан'и́]ст, тракт[ар'и́]стам, к[арм'и́]лец, з[ашл'и́], т[ап'и́]ла, прих[ад'и́]л, н[агу́]и́б, нос[ад'и́]ть, в[аз'м'и́];*

Перед /ѣ/, /ѡ/: *м[ам'ѣ́]нт, с[ас'ѣ́]тк'и, н[ав'ѣ́]рно, с[авс'ѣ́]м, н[ав'иѣ́]рно, у М[аскв'иѣ́], ск[ар'ѣ́]й, од[ал'ѣ́]ешь, б[ал'ѣ́]ли, уг[ар'ѣ́]л,*

н[ав'э]дывается, н[ас'э]ютъ, р[ас̄'в'э]т, в [арл'э], т[аб'э] (Д.п.), также н[э́]хала, н[э́]дешь, не н[э́]ду, н[э́]хали, чел[ов'э]к, чел[лв'э]к, на чел[ов'э]ка-то, к[эп'э]ечки, з[эр'э]зали; г[аду́]в, с[аку́]л, х[ару́]шая, к[алху́]за, г[алу́]дная, от[ашл́], н[аќ]с, д[ар́]гу, р[аб́]тала, под м[аскв́]й, к[ал'ц́], у х[ар́]шой, н[ашл́], м[ал́]же, с[ал́]ма, зд[ар́]выще, к[ар́]вы, х[ал́]дная, иг[ар́]д ('огород'), пр[ах́]дить, сн[ап́]в, г[ад́]в;

Перед /e/, /o/: поз[эв'э]шь, поп[эд'э]шь, под[эйд'э]ть, н[эмп'э]ть, с[эйд'э]ть, в[эз'м'э]шь, вол[эк'э]тсѧ, [эт'эй]ц, др[эв'э]ц, в[э́]нных; у т[эб'э], у т[эб'э]; х[эрч'э]й, в[оз'м'э]шь, р[ождэ́]ньем, н[ал'э]гчаеть, [ат'э]ц, н[ал'јэ]ть, кл[ад'э]м, н[ад'э]м, [атэй]ц, [ав'ей]ц; з[эл́]вка, н[эт́]м, н[эш́]л, пр[эш́]л, кол[эс́]чек, ни к[эв́], сн[эп́]к, н[эс́]дють, к[эрт́]шечку, с [этц́]м, за ст[эл́]м, б[эл'ш́]й, б[эл'н́]й, т[эќ]й, пл[эх́]й, вт[эр́]й, в[эс'м́]й, хр[эм́]й, к[эќ]й, к[э́]й, мол[эд́]й (м.р.), тв[э́], р[эшл'́]палась, пр[эв'́]л, д[эл'́]ко, по н[эс'́]лкам, мол[эд'́]жь, н[эд'́]шь, н[эйд'́]ть, в[эз'м'́]м, н[лш́]л, т[лќ]й, к[лќ]й, н[лќ]рмите, н[лл́]жено, н[ош́]л, т[оќ]й, к[оќ]й, руб[ош́]нку, нед[ол'́]ко, б[ал'ш́]й, год[ав́]й, сам[ал'и́]т, под [арл́]м, по к[арт́]шечки, г[ад́]чка, ст[алб́]чки, мол[ад́]й, к[аќ]й, т[аќ]й (м.р.), х[ат'́]ка (хатёнка), проп[а́]ть, кл[ад'е́]м, н[амр'и́]ть, р[ас'т'́]ть, в [ар'́]л;

Перед /a/: Т[эма́]рочка, с[элда́]ту, с[эра́]й, в[эйна́], в[эда́], н[эу́], со дв[эра́], кар[эва́]я, д[эва́]й, ск[эза́]ла, н[эма́]затъ, з[эпа́]шетъ, н[эпла́]кали, поп[эла́]м, н[эшла́], под[эшла́], д[эла́], не н[эзvá]ли, пом[эу́]л, н[эуна́]ли, к[эпа́]ли, под[эрва́]ли, н[эза́]втракаешь, т[эда́], н[эста́]ре, д[э са́]мой,

п[эжр́а]ть, х[эз'а́]ин, н[эш'а́]льником, сн[эч'а́]ла, б[эл'на́]я, ст[эја́]ли, б[эја́]тся, м[эја́], п[эн'иа́]л, пр[эт'иа́]наем, в п[одва́]ле, [она́], с[ожа́]ть, не р[остра́]ивайси, уг[ова́]ривал, христ[осла́]вють, буз[ова́]ть, в[обра́]ла, В[од'иа́]ха (прозвище), д[оста́]нется, д[ошла́], н[оу́а], п[оста́]вили, п[осла́], в п[одва́]ле, парализ[ова́]ло, без [отца́], п[лпа́]сть, сл[лва́], р[лжа́]й, ур[лжа́]й, пом[ау́ла], д[ама́], ст[ар'ша́]я, гол[ава́], к[ада́], н[ач'а́]лсы, п[ауна́]ли, поз[абра́]л, г[ада́], к[ада́], к[ака́]я, к[апа́]ла, [ана́], [ап'иа́]ть, февр[ал'иа́].

Представленный материал показывает, что в говоре Зайцева соотношение [а] ~ [э] в 1-м предударном слоге перед гласными верхнего и нижнего подъемов является достаточно устойчивым. Иногда в позиции перед ударным [а] вместо [э] отмечается гласный [о], реже [л]: *в п[одва́]ле, [она́], с[ожа́]ть, не р[остра́]ивайси, уг[ова́]ривал, христ[осла́]вють, буз[ова́]ть* и т.д. По данным ДАРЯ, граница распространения огубленных гласных на месте не-[а] при диссимилятивном аканье, не захватывает Белёвский р-н и проходит южнее, отмечая это явление лишь в южной части Болховского р-на Орловской обл. [ДАРЯ 1986: карта 2]. Магнитофонные записи, сделанные на территории Белёвского р-на, свидетельствуют, что предударные лабиализованные гласные отмечаются не только в Зайцеве, но и в некоторых других белёвских говорах⁷³.

Распределение звуков [а] и [э] перед ударными гласными верхне-среднего и среднего подъемов свидетельствует об архаической основе диссимилятивного аканья, характерного для местной диалектной системы. На месте [э], главным образом перед /о/, нередко выступают звуки [о] и [л]: *п[лшó]л, т[лкó]й, к[лкó]й, п[ллó]жено, руб[ошó]нку, нед[ол'ó]ко* и т.д. Т.Ю. Строганова отмечала, что на территории распространения диссимилятивного аканья «выделяются две категории случаев звучания лабиализованного

⁷³ Подобная особенность отмечена также на еще более восточных территориях, например, в архаических говорах Елецкого р-на Липецкой обл. [Межецкая 2010: 71–72].

гласного: а) лабиализованный гласный отмечается только в положении перед ударным [а] и б) не только перед [а], но реже и перед другими ударными гласными», причем этот огубленный гласный употребляется «в соответствии этимологическим *о-а*» [Строганова 1975: 44]. Если произношение лабиализованного гласного перед /а/ обычно обусловлено общей тенденцией к сохранению диссимилятивной системы предударного вокализма (подробнее см. § 3.1), то появление звуков [о] и [л] в позиции перед /о/ свидетельствует об отходе от чисто диссимилятивного типа аканья, что связано с усложнением диссимилятивной системы предударного вокализма регрессивной ассимиляцией ударному гласному. Ассимиляция может проявляться также перед другими гласными среднего и нижнего подъемов, в результате чего перед /е/ отмечается звук [э]: у *т[эб'э]*.

В результате дальнейшего развития местной фонетической системы ассимиляция начинает проявляться также перед ударным гласным средне-верхнего подъема [е], который реализует в исследуемом говоре фонему /ѣ/: *чел[лв'э]к, на чел[ов'э]ка-то, п[э]хала, п[э]дешь* и др. При этом перед /ω/ диссимиляция сохраняется, поэтому можно предположить, что в описываемом диалекте в настоящее время функционирует особый тип архаического диссимилятивного аканья, при котором гласные 1-го предударного слога более последовательно противопоставлены перед /о/ и /ω/, а перед /е/ и /ѣ/ они могут совпадать не только в [а], но и в [э]. Данную модель аканья, параллельную дмитриевскому диссимилятивному яканью, а также диссимилятивно-умеренному яканью архаического типа, следует считать особым типом архаического диссимилятивного аканья и называть белёвским (хотя, вероятно, эта модель является переходной стадией развития аканья и в чистом виде не встречается).

Тенденция к распространению [э] в 1-м предударном слоге перед ударными гласными неверхнего подъема еще более ярко выражена в говоре с. Кирейково. Так же как и в с. Зайцево в местной фонетической системе

противопоставление [а] ~ [э] наиболее последовательно сохраняется перед ударными гласными верхнего и нижнего подъемов: св[а́й], не х[а́д'а́й], п[а́бл'а́й]же, п[а́у'а́й]б, т[а́п'а́й]ли, х[а́д'а́й]ла, м[а́р'а́й]ли, пос[а́д'а́й]ли, к[а́рм'а́й]ли, гов[а́р'а́й]ть, з[а́ч'а́й]стить, в[а́йн'а́й], м[а́ш'а́й]на, б[а́л'ш'а́й]е, к[а́п'у́]сту, на т[а́рх'у́], век[а́в'у́]хи, г[а́д'у́], в[а́д'у́]-то, уз[а́с'т'а́й]ла, ув[а́кр'у́]г, пок[а́рм'л'у́], но д[э́в'а́]й, з[э́н'а́]добилась, в[э́йн'а́], п[э́п'а́]ли, на з[э́к'а́]те, бр[э́с'а́]ть, н[э́ст'а́]нцию, поб[э́у'а́]че, к[э́д'а́], п[э́ст'а́]вили, л[э́мп'а́]дочка, к[э́лп'а́]к, х[э́з'а́]ин, б[э́л'н'а́]я, под[э́шл'а́], н[э́ч'а́]ми, на б[э́з'а́]р, у блинд[э́ж'а́]х, с гл[э́з'а́]ми, [э́н'а́], нас[э́ж'а́]ли и др. Гласные средне-нижнего и нижнего подъемов обычно отмечаются перед [а́] только в просодически маркированных словах: др[л'в'а́], К[а́р'а́]ников (см. рис. 1.2. и 1.3 на с. 30–31), ст[л'ж'а́]ть. тракт[а́р'а́], п[а́ст'а́]вь, подробнее см. § 1.2.1.

Гласный [а] в 1-м предударном слоге также часто произносится перед аллофонами /ѣ/ и /ѡ/, а гласные [э], [о], [л], [э], реализующие звукотип не-[а], – перед аллофонами /е/ и /о/, что соответствует архаическому принципу распределения гласных: н[а́ру'ѡ]ду, д[а́му'ѡ]й, к[а́рту'ѡ]шку, п[а́ру'ѡ]г, к[а́ру'ѡ]в, к[а́лу'ѡ]дец, на б[а́лу'ѡ]те, на л[а́д'ѡ]нь, по к[а́к'ѡ]й-то, п[а́ w'ѡ]семьдесят, на р[а́б'ѡ]ту, з[а́ ст'ѡ]л, в[а́р'ѡ]чила, з[а́к'ѡ]нных, не в[а́п'р'ѡ]с, к[а́р'ѡ]вам, хор[а́ш'ѡ], х[а́р'ѡ]шие, позн[а́к'ѡ]мила, п[а́д'ѡ]ить; об[а́лб'и́е]ла, заб[а́л'и́е]ла, п[а́ с'т'и́е]н-кам, ц[а́б'и́е] (=собе), заб[а́л'э́]л, н[а́с'э́]яна, не з[а́р'э́]зали, п[а́ хл'э́]п, обз[а́р'э́]той, но б[э́л'ш'ѡ]й, мол[э́д'ѡ]й, к[э́к'ѡ]й, п[э́к'ѡ]рмить, н[э́ т'ѡ]рх, п[э́с'ѡ]дуть, н[э́ш'ѡ]лся, з[э́ш'ѡ]л, ст[э́н'ѡ]к, пр[э́йд'ѡ]шь, п[э́йд'ѡ]м, д[э́в'ѡ]л, н[э́л'ѡ]т, д[э́л'ѡ]ко, в[э́зм'ѡ]ть, п[э́с'ѡ]лок, у мол[э́д'ѡ]жи-то, [э́л'ѡ]шку (=Алёшку), уз[э́йд'ѡ]шь, у к[э́в'ѡ], к[э́к'ѡ]й-то, п[э́л'ѡ]жем, б[э́л'ш'ѡ]й, п[э́т'ѡ]нше, г[э́рш'ѡ]чки, пр[э́м'ѡ]ешь, л[э́хм'ѡ]тик, з[э́п'и́ѡ]рли, кл[э́д'ѡ]м, д[э́ж'ѡ]ть

(=даёт); уз[эйд'э]шь, к[эн'э]чно, д[э п'э]н'сии, з[э в'э]чер, н[э п'э]рвый, н[э ш'э]е, [этэ]ц (=отец), к[зн'э]чно, ком[эр'э]й, наб[ллдэ]шник (=набалдашник) и др.

Очевидно, что появление огубленных или отодвинутых назад гласных перед реализациями фонемы /о/ или упередненных гласных перед реализациями фонем /е/ и /'о/ связано с действием в местной системе ассимилятивных процессов. Их развитие приводит к появлению гласных средне-нижнего и среднего подъема передне-среднего или переднего ряда также перед гласным [э], основной реализации фонемы /ѣ/: *закр[эс'н'э]лсы*, к[э мнэ], *Фед[эс'э]й* (=Федосей), *чел[эв'э]к*, н[э]дем, ц[аб'э], *т[ар'э]лку-ту*, повышенные гласные в 1-м предударном слоге отмечаются также перед ударным [о]: *от[ашл'о]*, *в[ар'о]чили*, *у к[ак'о]й-нибудь*, *ок[ал'о]тках*, *с[а мн'о]й*, *с[ам'о]й*, *б[эрд'о]вой* и некоторые другие (ср. примеры Е.С. Клейменовой, приведенные выше: *с кэк'ој стъран'э*, *ш'ильв'эк*). На рис. 5.1 и 5.2 представлены формы *Федосэй* и *закраснэлсы*, в первом примере в 1-м предударном слоге произносится однородный гласный переднего ряда средне-нижнего подъема [э] ($F_1=680$ Гц, $F_2=2400$ Гц), во втором – звук [э] имеет $F_1=580$ Гц, $F_2=1000$ Гц, однако значительное усиление частот в области 2200 Гц обуславливает восприятие этого гласного как упередненного, э-образного гласного. Несмотря на изменение своих тембральных характеристик, в обоих случаях гласный 1-го предударного слога остается интенсивным и напряженным, превосходящим по этим признакам ударный гласный.

Рис. 5.1. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *Федосéй* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

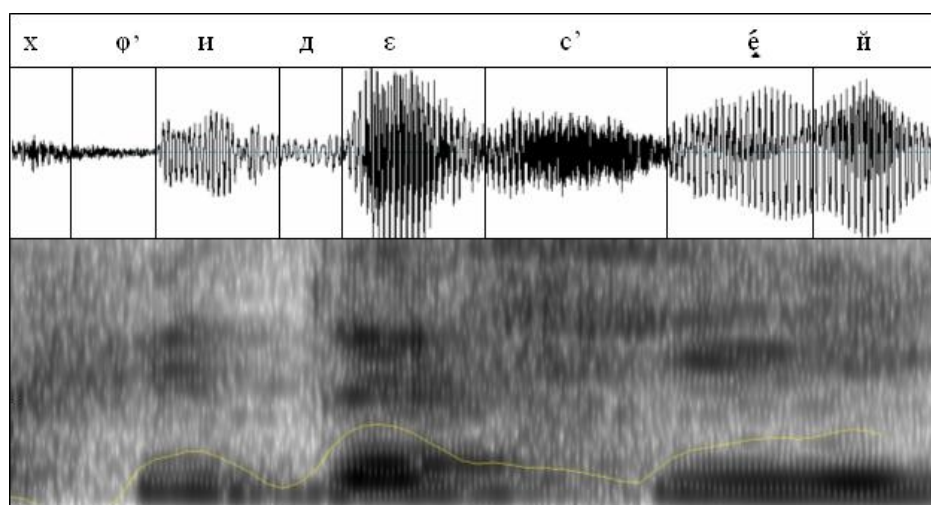
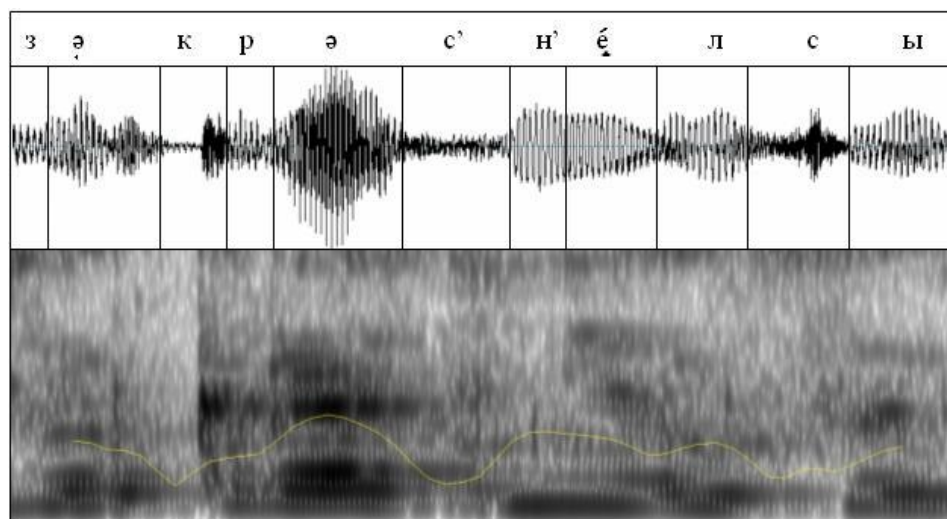

Рис. 5.2. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности формы *закраснёлсы* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

Появление гласных, реализующих звукотип не-[а], перед аллофонами /ѣ/ и /ѡ/ указывает на постепенное изменение предударного вокализма исследуемого говора в направлении к прохоровскому типу диссимилятивного аканья, обнаруженному Л.Л. Касаткиным в говоре с. Бояновичей соседнего Хвастовичского р-на [Касаткина (ред.) 1999: 46]. Однако ассимилятивные процессы развиваются дальше, в результате чего э-образные гласные появляются перед гласными [и] и [ы]: х[эд'й]ла, пл[эт'к'й], х[элс'т'й]на, б[эл'н'й]ца, лохм[эты]-то, мол[эды]е, пр[эсты]е, то есть начинает формиро-

ваться тип вокализма, неразличающий в 1-м предударном слоге гласные не-верхнего подъема, которые совпадают не в звуке [а], как в литературном языке, а в звуки [э]. Следует отметить, что в этот процесс включается также этимологический [ы], который в 1-м предударном слоге также может реализоваться звуком [э], особенно часто – в позиции перед /а/: б[эла́], б[э]ка́ (=быка)⁷⁴ и т.д.

5.4. Жиздринский тип диссимильтивного аканья

Жиздринское диссимильтивное аканье повсеместно отмечается на юго-западной территории тульских говоров; этот тип вокализма обнаруживается и во многих других тульских говорах, в частности на их северо-восточной периферии. В белёвских говорах жиздринское диссимильтивное аканье функционирует довольно последовательно и обычно сочетается с системами неархаического диссимильтивно-умеренного и умеренного яканья. Как правило, в позиции перед ударным [а] употребляются предударные гласные, реализующие звукотип не-[а]: [э], [а́], реже [л] и [о]. Однако обращает на себя внимание, что приблизительно в трети случаев перед ударным [а] произносится [а]-образные звуки: повышенный [а́] или даже широкий гласный [а], то есть отмечаются элементы сильного аканья.

По-видимому, гласный [ы] также подвергается в исследуемом говоре качественной редукции, то есть вовлечен в систему позиционных чередований, о чем свидетельствуют формы типа *нос[эпа́]еть*, б[эла́], широко распространенные в белёвских говорах. В диалектологической литературе уже не раз описывались системы, в которых принцип зависимости качества предударных гласных от качества ударного оказывает влияние на гласный [ы], см., например, [Брок 1916: 61–62; Высотский 1977а: 54–55; Касаткин 1999: 438]. Форма б[ала́], встречающаяся в речи некоторых информантов, обусловлена влиянием общей модели изменения предударного вокализма от диссимиль-

⁷⁴ Отмечен даже пример *м[ы́кí]* (муки), появление звука [ы] перед /у/ также обусловлено ассимиляцией по ряду.

тивного аканья к сильному: $\delta[\text{эл}á] \rightarrow \delta[\text{ал}á]$. Подобные формы характерны также и для других южнорусских говоров, в которых происходит постепенная утрата диссимилятивного типа вокализма, например для донских.

Примеры произношения гласного [о] перед ударным [а] свидетельствуют о том, что в юго-западных тульских говорах звукотип не-[а] может реализоваться лабиализованными гласными. В начале XX в. В.Н. Каменев отмечал на территории Одоевского уезда в 1-м предударном слоге «звук редуцированный среднего ряда с оттенком лабиализации» перед ударным [а], в говоре д. Слободы Воскресенской волости записаны следующие примеры: *зѣ^оть^оптáла, нѣ^ошлá, скѣ^озál, нѣ^овáшему* [Каменев 1927: 53].

Отдельные примеры, отмечающиеся в тульских говорах с жиздринским диссимилятивным аканьем, указывают на былое функционирование в них архаического диссимилятивного аканья белёвского типа: *б[эл'нó]й* (д. Таратухино и д. Петрово Белёвского р-на, с. Красное Одоевского р-на), *т[экó]й-то, к[эвó]* (д. Таратухино), ср. также материалы М.А. Родиной: *[пѣ]шѣл, [кѣ]кóй, [бѣ]льшóй* (м.р.), *[пѣ]сóхли, [пѣй]дѣть, [дѣ]тѣр* [Родина 2012: 54]. Следует обратить внимание, что сохранение [э] перед /о/ из *ѣ характерно именно для И.м. м.р. прилагательных и может быть признано в этой форме грамматикализованным.

Диссимилятивная основа предударного вокализма сохраняется также в некоторых северных тульских говорах, на что впервые было обращено внимание Р.Ф. Касаткиной [1995: 221]. Так, в говоре с. Гати в позиции перед ударным [а] диссимиляция по тембру наблюдается приблизительно в 40 % случаев; еще приблизительно в 20 % фиксируются звуки [а]-образные, которые приближаются по тембру к [э]. В остальных примерах в этой позиции произносится широкий предударный гласный [а], который может быть чуть более повышенным, а также менее длительным, чем ударный [а], то есть в исследуемом говоре наблюдается как качественная, так и количественная редукция.

Перед ударным [а] в некоторых венёвских говорах также возможно употребление лабиализованного гласного, например, в говоре с. Гати отмечены следующие формы: *n*[ошл́а], *пoм*[оу́а]ли, *к*[оуд́а] (несколько раз). Материалы «Южнорусской хрестоматии» указывают на то, что лабиализованный предударный гласный в местном говоре употребляется не только перед ударным [а] (*пáстоjáлэ*), но также перед [о] (*кoу́о*) [Касаткина (ред.) 1999: 102]. В записях, сделанных в Гатях в 1999 г., перед ударными [о] и [е] отмечены звуки [о], [ʌ] и [э]: *n*[отó]м, [ʌт'э́]ц; б[эл'шó]й (м.р.), *не* *n*[эйм'ó]шь. Возможно, эти примеры указывают на былое функционирование в местном говоре архаического диссимилятивного аканья, тем более что в указанном говоре до сих пор сохраняются следы различия под ударением /е/ и /ѣ/, а также /о/ и /ω/: *выс*[акó], *г*[адó]в, *заг*[арó]дки, *р*[абó]тали, *хор*[ашó], *х*[ару́о]шая; *в* *М*[аскв'и́е], *д*[и́е]д, *л*[и́е]т, *м*[и́е]лко, *н*[ив'и́е]сте, *н*[и́е]ту, *хл*[и́е]б и др., в соответствии с /ѣ/ также возможны дифтонги пониженного подъема [еа], [еӕ]: *л*[и́еа]с, *н*[и́еӕ]сни⁷⁵.

5.5. История изучения умеренного яканья в тульских говорах

Изучение умеренного яканья в говорах Тульской обл. имеет длительную историю. Как известно, при этом типе вокализма гласный 1-го предударного слога зависит не от качества ударного гласного, что характерно для большинства других типов яканья, встречающихся в южнорусских говорах, а от твердости или мягкости последующего согласного. Именно поэтому ряд исследователей определяет тульское умеренное яканье как тип предударного вокализма, сформированный вследствие взаимодействия южнорусского наречия со среднерусскими или даже севернорусскими говорами, для которых подобная зависимость является актуальной. Так, Н.Н. Дурново допускал, что умеренное яканье в южнорусском наречии могло появиться под влиянием

⁷⁵ В говоре Гатей отмечаются также и другие архаические диалектные особенности.

среднерусских говоров [Дурново 1917б: 77], при этом ученый указывал также на возможность происхождения тульского умеренного яканья без влияния со стороны, а именно: при диссимилятивном яканье в определенных условиях в 1-м предударном слоге произносились *a* или редуцированный гласный, который, будучи по месту образования близок к *e*, перед мягкими согласными становился более напряженным и закрытым и стремился к переходу в *и*, а перед твердыми – открытым, соответственно совпадая с *a*. «Такому же переходу, быть может подвергалось и *a* между мягкими в 1-м предударном слоге. Получившееся т.о. *e* должно было становиться закрытым, как и всякое *e* перед мягкими, и впоследствии могло переходить в *и*». Соответственно, в этом объяснении происхождения умеренного яканья автор «исходил из мысли, что оно развилось на почве диссим. яканья архаичного типа», хотя «совершенно таким же путем оно могло возникнуть и на почве яканья Зад<онского> типа или сильного» [Дурново 1917б: 82–83].

В более поздних работах 1924 и 1927 годов ученый отдает предпочтение версии о решающем влиянии среднерусских говоров на формирование умеренного яканья в южнорусском наречии. Причем особую роль в изменении диссимилятивного яканья «через посредство переходных типов» в яканье умеренное сыграла тенденция к сближению с московским койне [Дурново 1969: 159, 166; Дурново 2000: 204].

Вопрос о происхождении тульского умеренного яканья затрагивается в исследовании Н.Б. Париковой, которая считает, что умеренное яканье в тульских говорах возникло в результате воздействия на южнорусское наречие севернорусских говоров вследствие происходившего «в XV в. – начале XVI в.» интенсивного смешения «местного населения великорусского юга с пришлым населением ранее освоенного Московским государством густо населенного великорусского центра, с его с.-в.-р. говорами», смешения, вызванного «хозяйственным освоением Московским государством земель тульского края путем боярской и помещичьей колонизации» [Парикова 1960: 15]. Н.Б. Парикова полагает, что при образовании умеренного яканья в тульских

говорах источником влияния севернорусского принципа вокализма были владимирско-поволжские говоры, которые определяются в указанной работе как «северновеликорусские» [Парикова 1960: 11].

На близость умеренного яканья к вокализму севернорусских говоров указывал и Р.И. Аванесов, начавший описание типов яканья именно с умеренного [Аванесов 1949: 78]. Однако ученый не связывал возникновение тульского умеренного яканья с воздействием далеких владимирско-поволжских говоров. Он, как и Н.Н. Дурново [1969], полагал, что в тульских говорах диссимилятивное яканье сменяется умеренным «через посредство нескольких промежуточных этапов» в результате средневеликорусского влияния акающего московского говора, который становится к тому времени языком господствующей части населения и администрации [Аванесов 1947: 148, 152]. Образование тульского умеренного яканья, таким образом, было связано с сильным влиянием «говоров центральных районов страны – Москвы и Подмосковья», обусловленного положением Тульского края «на важнейшем стратегическом пути в “дикое поле”» [Аванесов 1952б: 41].

Следует упомянуть также концепцию Ф.П. Филина, полагавшего, что умеренное яканье образовалось первоначально в средневеликорусских говорах на базе северновеликорусского ёканья (со ссылкой на работы В.Н. Сидорова). Из средневеликорусских говоров умеренное яканье распространилось на исконные территории южновеликорусского наречия, где заменило собой сильное яканье. Причем интенсивное вытеснение сильного яканья умеренным Ф.П. Филин наблюдал «в говоре с. Воскресенского Дубенского р-на Тульской области, а также в пригороде Тулы – бывшем селе Мясове» [Филин 1968: 83, 91]. По мнению исследователя, развитие умеренного яканья из диссимилятивного доказать невозможно, поскольку «на территории тульской группы говоров не имеется ни малейших следов диссимилятивности» [Филин 1968: 91].

В большинстве упомянутых работ наиболее пристальное внимание уделялось диахронической интерпретации данного типа вокализма, а также

сравнению тульских говоров с различными среднерусскими говорами⁷⁶. Некоторые авторы на основании типологического сходства систем предупредного вокализма в Тульской группе, с одной стороны, и различных группах среднерусских говоров, с другой, делают вывод об их диалектной близости, которая объясняется ранним присоединением тульского края к Москве, а также миграционной активностью населения на важнейшем стратегическом пути в «дикое поле». Однако данное утверждение слабо верифицируется диалектными данными, а также фактами смежных наук: истории и этнографии. Это связано с тем, что в его основу положен не анализ системных отношений в рамках единого диалектного континуума, то есть говоров, имеющих очевидные ареальные и генетические языковые связи, а формальное сходство разнородных систем, когда в основе типологизации диалектного пространства лежат произвольно выделенные фонетические признаки – структурная близость типов предупредного вокализма после мягких согласных. Как писал Р.И. Аванесов, «структурное тождество изучаемого явления в разных диалектах может оказаться результатом качественно различных и относящихся к разному времени процессов» [Аванесов 1952б: 27].

Ученые, полагавшие, что тульское умеренное яканье появилось в результате влияния среднерусских говоров, подтверждают эту гипотезу полным отсутствием при умеренном яканье «следов диссимилятивной системы» [Филин 1968: 91; Парикова 1961: 32]. Диалектологический атлас русского языка не противоречит этому утверждению: по данным атласа, практически на всей территории Тульской обл. распространено сильное (недиссимилятивное) аканье и умеренное яканье, и лишь на западе, в Белёвском р-не, атлас отмечает диссимилятивное аканье жиздринского типа и диссимилятивно-умеренное яканье [ДАРЯ 1986: карты 1, 3].

⁷⁶ Особенно показательна в этом смысле работа Н.Б. Париковой [Парикова 1959: 80–97], где тульские говоры сравниваются, с одной стороны, с Восточными и Западными среднерусскими говорами, с другой, – с говорами территорий позднего заселения, для которых характерна пестрота диалектного ландшафта. Подобную постановку проблемы следует признать некорректной: упомянутые в статье говоры имеют разные диалектные основы, характеризуются уникальными комплексами диалектных черт, а также отличаются условиями своего формирования. Поэтому единство структуры предупредного вокализма после мягких согласных может свидетельствовать лишь о продуктивности в русских говорах такой фонологической модели, которая лежит в основе умеренного яканья.

Аудитивный анализ звучащей речи современных систем предупредного вокализма свидетельствует о том, что диссимилятивное аканье жиздринского типа или его следы фиксируются на многих территориях Тульской обл. Как было показано в §5.3 и §5.4, зона диссимилятивного аканья в тульских неоднородна по степени последовательности реализации диссимилятивного принципа. Наиболее последовательно жиздринское диссимилятивное аканье наблюдается в юго-западных говорах: как правило, в позиции перед ударным [a] употребляются предупредные гласные не-[a]: [ə], [a̠], реже – [ʌ] и [o]; в некоторых населенных пунктах на исследуемой территории сохраняются рефлексы диссимилятивного аканья архаического типа. На северо-восточных территориях жиздринское диссимилятивное аканье проводится менее последовательно и сосуществует в этих говорах с элементами сильного аканья.

Подобная неоднородность диссимилятивного аканья в говорах Тульской обл. напрямую связана с качеством звуков, которые репрезентуют звукотип не-[a] после твердых согласных. Лабиализация его реализаций становится причиной сохранения диссимилятивного аканья на западе ареала. В направлении на восток наблюдается изменение характера не-[a] – от o-образных звуков к ə-образным, близким к [a]. С этим, очевидно, связана утрата в них диссимилятивности после твердых согласных, хотя гласный [a] перед ударными [a] может отличаться по степени подъема и квантитативным характеристикам от звука [a] перед другими ударными гласными, сохраняя тем самым лишь отдельные черты прежней системы вокализма.

Кроме того, характерной чертой тульских говоров, предопределившей дальнейшее развитие предупредного вокализма, было положение на границе юго-восточной и юго-западной диалектных зон. Для юго-восточной диалектной зоны характерно формирование нового ритмического контура «сильный центр и слабая периферия», для юго-западной – сохранение старого «совмещенного» контура. В большинстве тульских говоров произошла смена тональной модели. Как и в юго-восточных говорах, здесь было окончательно сформировано акцентное ядро слова: ударный гласный и гласный 1-го пре-

дударного слога противопоставляются всем остальным гласным фонетического слова, что является необходимым условием для формирования сильного аканья и яканья. Однако на западе исследуемой территории смены тональных контуров не произошло, и структура фонетического слова по-прежнему оформлялась смешанным способом, что способствует сохранению диссимилятивного вокализма.

Диссимилятивная основа тульских говоров проявляется не только в позиции после твердых согласных. Как было показано в § 5.2, отдельные особенности системы умеренного яканья могут быть интерпретированы как рефлекс диссимилятивного вокализма.

5.6. Фонологическая сущность умеренного яканья

Следует отметить, что с синхронной точки зрения систему умеренного яканья нужно рассматривать как фонологическую модель: перед мягкими фонемами произносится гласный [и] (или [е]), перед фонемами, не обладающими этим признаком, – [а]. Один из аргументов в пользу этого утверждения – поведение отвердевших шипящих в системе умеренного яканья: звуки [ш] и [ж] могут воздействовать на предударные гласные то как мягкие, то как твердые согласные: *д[’и]жой* и *д[’а]жой*; *м[’и]шáть* и *м[’а]шáть*, *л[’и]жý* и *л[’а]жý*. Указанная особенность свидетельствует о фонологической сущности умеренного яканья. Шипящие в большинстве тульских говоров – твердые согласные, однако артикуляционная твердость оказывается для /ш/ и /ж/ фонологически несущественной, эти фонемы «безразличны к признаку твердости–мягкости» [Попов 2004: 116]. Однако фонологическое содержание этих фонем проявляется в контексте, то есть система предударного вокализма сама выбирает стратегию употребления звукотипа: либо сохраняет мягкость *ш* и *ж*, реагируя на них как на мягкие фонемы, либо реализует закономерности, характерные для позиции перед твердыми согласными.

Другим аргументом в пользу фонологической обусловленности умеренного яканья является реакция предударного гласного на консонантные

сочетания с первым твердым и последним мягким согласными: в этой позиции обычно произносится гласный [и]: *m[’имн’]éть*, *з[’имл’]ёй*, *п[’икл’]ú*, *кр[’ипл’]юсь* – дистантное фонетическое влияние в данном случае сомнительно.

Существуют и другие точки зрения, объясняющие это явление как с позиции фонетики, так и с позиции морфонологии. Например, Ф.П. Филин интерпретирует подобное произношение как особенность, свойственную фонетической системе говоров. По его мнению, подобные сочетания представляют собой единый звуковой комплекс, сочетание двух согласных, которые «ведут себя в данном случае как один согласный, причем определяющим является мягкий согласный» [Филин 1962: 178].

Р.И. Аванесов «происхождение этой аномалии» объясняет «воздействием со стороны тех же грамматических форм других слов, которые не имеют сочетания согласных или имеют сочетания мягких согласных (т.е. случаи [п’икл’í], [л’игл’í] появились под воздействием случаев типа [в’ил’í], [н’ис’л’í])» [Аванесов 1974: 166]. Н.Б. Парикова возражает против такой трактовки: «Произношение *a* наблюдается в тех же грамматических категориях, где обычно произношение *u*, а также в форме им.-вин. падежей мн. ч. существительных м. р. (*къч’атк’ú*, *в’п’атк’ú*, *в’анк’ú*, *шарк’ú*, *жалтк’ú*). Поэтому морфологический подход к объяснению этого явления вряд ли правомерен» [Парикова 1961: 20].

Л.Л. Касаткин дает другое решение этой проблемы. Проанализировав примеры, приведенные Н.Б. Париковой, он пришел к выводу, что выбор предударного гласного в позиции VCC’ зависит от фонологической значимости признака мягкость у последнего согласного сочетания. Произношение гласного [а] перед консонантными группами с первым твердым переднеязычным и последним мягким заднеязычным связано с отсутствием дифференциального признака «твердость-мягкость» у фонем /к/, /г/, /х/. Л.Л. Касаткин пишет: «Способность смягчать предыдущие согласные у переднеязычных и губ-

ных и отсутствие такой способности у заднеязычных кроется не в особенностях их фонетической мягкости, а в их фонологическом статусе. Мягкость переднеязычных и губных согласных была фонологически существенна, а у заднеязычных согласных фонологически несущественна, позиционно обусловлена» [Касаткин 1999: 462].

Фонологический характер умеренного яканья косвенно подтверждается и отсутствием параллелизма вокалических систем после твёрдых и мягких согласных, наличие которого обычно объясняется действием живых фонетических тенденций. Кроме того, при формировании противопоставления [и] – не-[и], которое свойственно большинству тульских говоров с умеренным яканьем, любой тип предударного вокализма существует уже не как фонетически закономерная система, но основан на фонологическом или лексико-морфологическом принципах употребления в 1-м предударном слоге того или иного звукотипа [Захарова 1970].

Важно отметить, что выбор предударного гласного при умеренном яканье зависит от наличия или отсутствия признака мягкость у следующего согласного, то есть определяющей в подобной системе должна быть признана позиция перед мягкими согласными. Именно мягкость согласного обуславливает появление звукотипа [и] не только в системах чисто умеренного яканья или диссимилятивно-умеренного, но и диссимилятивного яканья суджанского и дмитриевского типов. В этих системах вокализма также проявляется фонологическая тенденция к умеренности, то есть к произношению звукотипа [и] перед мягкими согласными, однако она позиционно прикреплена и действует только перед гласными среднего подъема, то есть [и] отмечается перед ударными [e] (из *ѣ и *e) и [’o].

В говорах с суджанским и дмитриевским типами могут отмечаться отдельные примеры, которые противоречат этому принципу, но сохраняют следы бывшего параллелизма между мягкой и твердой разновидностями парадигм, то есть имеют характерные черты своего прототипа – архаического яканья обоянской разновидности. Наряду с примерами *погл[’и]дѣла*,

н[’и]вѣста, д[’и]тѣй, б[’и]рѣм, в[’и]сѣлый, с[’и]рѣтка отмечаются формы *б[’а]льѣ, з[’а]млѣй, штаб[’а]лѣв* – по аналогии с *з[’а]рнѣ, с[’а]стрѣй, л[’а]сѣв*. Анализ подобных систем показывает, что перед твердыми согласными действуют другие закономерности, а на выбор предударного гласного влияют другие факторы. В дальнейшем в зависимости от того, становится ли тенденция к умеренности правилом позиционного чередования или нет, на основе суджанского диссимилятивного яканья начинает формироваться диссимилятивно-умеренное яканье неархаического типа или умеренно-диссимилятивное яканье кидусовской разновидности (см. подробнее § 4.5).

Структурные особенности диссимилятивно-умеренного и умеренно-диссимилятивного типов яканья свидетельствуют о том, что они не должны определяться типологически равнозначными терминами. Диссимилятивно-умеренное яканье действительно совмещает принципы диссимилятивности перед твердыми согласными и умеренности – перед мягкими, что и отражено в термине. Однако не может быть признано корректным определение умеренно-диссимилятивного яканья как типа, сочетающего принцип умеренного яканья – перед твердыми согласными и принцип диссимилятивного яканья – перед мягкими [Аванесов 1949: 102]. В отличие от умеренного и диссимилятивно-умеренного типов вокализма, появление умеренно-диссимилятивной модели яканья вовсе не обязательно обусловлено действием принципа умеренности: например, новосѣлковская разновидность умеренно-диссимилятивного яканья развивается на основе щигровской модели в результате распространения гласного [а] перед ударным [а] [Захарова 1970: 19–20]⁷⁷. При кидусовской разновидности, сформированной на основе суджанского яканья, произношение [и] перед мягкими согласным также не становится позиционным правилом, и даже перед ударными гласными среднего подъема отмечаются исключения, свойственные его диссимилятивному прототипу.

⁷⁷ В основе умеренно-диссимилятивного яканья новосѣлковского типа может лежать и архаическое яканье задонской разновидности, осложненное ассимилятивностью перед ударными [ѣ] и [а].

Таким образом, при умеренно-диссимилятивном яканье произношение [a] перед твердыми согласными обусловлено закономерным развитием соответствующей системы щигровского или суджанского диссимилятивного яканья и актуализацией морфонологических факторов, но не фонологических. Поэтому употребление определенного звукотипа может быть связано с положением перед твердым согласным только внешне и только в том случае, если он регулярно противопоставляется звукотипу, появление которого обусловлено мягкостью следующего согласного (как при умеренном яканье).

Таким образом, умеренное яканье, распространенное в тульских говорах, основано на фонологических закономерностях, которые в целом не уникальны для южнорусских систем предударного вокализма после мягких согласных. Фонологическая модель зависимости от твердости/мягкости согласного достаточно продуктивна в южнорусских говорах, она прослеживается не только при умеренном или диссимилятивно-умеренном типах вокализма, но в системе суджанского диссимилятивного яканья, которое широко распространено на севере Белгородской, в Курской и Орловской областях.

Не вызывает также сомнения, что тульское умеренное яканье представляет единый диалектный ареал с диссимилятивно-умеренным яканьем, которое характерно для периферии исследуемых говоров и которое в свою очередь обнаруживает генетические и типологические связи с суджанским диссимилятивным яканьем [Захарова 1970: 21]. Различные системы диссимилятивно-умеренного и суджанского диссимилятивного яканья сохраняют особенности, позволяющие в общих чертах реконструировать ситуацию, которая существовала при возникновении умеренного яканья в тульских говорах.

Необходимо обратить внимание на отсутствие отступлений от модели умеренного яканья, связанных с произносительными особенностями тех или иных слов и грамматических категорий (типа *св[’и]крóвь*, *ч[’и]гó* или *з[’а]млѣй*), что характерно для некоторых диссимилятивных и ассимилятивно-диссимилятивных систем южнорусского вокализма. Этот факт свидетель-

ствуется о том, что система позиционных чередований, характерная для тульского умеренного яканья, имела в своей основе фонетические закономерности, которые не допускали возможности морфонологизации и лексикализации произношения гласных в 1-м предударном слоге.

Как известно, тульскому умеренному яканью свойственна высокая артикуляция гласных 1-го предударного слога перед мягкой согласной [Аванесов 1949: 230], то есть реализации фонем /'a/, /'o/, /e/ ъЕ(//) в 1-м предударном слоге перед мягкими согласными совпадают с аллофонами фонемы /и/. Отсутствие произношений типа з[ʼa]мá или з[ʼa]мóй⁷⁸ свидетельствует о том, что умеренное яканье имело в своей основе такой тип вокализма, при котором звукотип [a] противопоставлялся звукотипу [e] (не-[a]), вместе они были противопоставлены звукотипу [и], реализовавшему фонему /и/. В некоторых говорах, например в говоре с. Катагощи Захаровского р-на Рязанской обл., а также в говоре семейских старообрядцев Забайкалья, южнорусском по своей основе, отмечается даже особый тип умеренного яканья с чередованием С'аСГ || С'еС'Г, названный Л.Л. Касаткиным катагощинским [Касаткин 2002в: 254].

Тульская, Курско-Орловская и Рязанская (Восточная) диалектные группы «весьма близки, а может быть, и едины в своей исторической основе», грамматические и фонетические отличия этих говоров (среди последних наиболее существенны именно типы яканья) имеют позднейшее происхождение [Аванесов 1952б: 40–41]. В этих говорах типы яканья «образуют стройную систему, отдельные звенья которой представляют ступени ее постепенного внутреннего развития» [Котков 1952: 165, 182]. Следовательно, отношения, характерные для архаических типов предударного вокализма, «были свойственны когда-то всем говорам, на базе которых сложился южно-великорусский диалектный массив» [Котков 1952: 158].

⁷⁸ В западных тульских говорах с умеренным и диссимилятивно-умеренным типами яканья гласный [a] на месте /и/ фиксируется после *ж* и *ш*: *жалá* (жила), *п'ир'жавáлэ* (переживала), *рэжжамáши*, *жавóт*, *бэл'шанствó* (например, в д. Таратухино и д. Володьково Белёвского р-на).

Все приведенные выше факты подтверждают это предположение. Структура предударного вокализма тульских говоров, имеющая ярко выраженную диссимилятивную основу, а также типологические и ареальные связи с периферийными системами, сохраняющими следы архаического вокализма, свидетельствуют о том, что в основе тульского умеренного яканья должен лежать архаический диссимилятивный тип вокализма с противопоставлением в 1-м предударном слоге [a] – не-[a], то есть диссимилятивное яканье задонской разновидности.

5.7. Диахроническая интерпретация представленного материала

Возникает вопрос: действие каких фонетических закономерностей в системе архаического вокализма могло привести к формированию новой зависимости? Основным фонетическим фактором, обуславливавшим и обуславливающим до сих пор развитие систем аканья и яканья, является регрессивная ассимиляция предударных гласных ударным гласным [Касаткин 2010: 93–95]. Наибольшее сильное влияние на общую структуру предударного вокализма ассимилятивные процессы оказывают на системы с противопоставлением [a] – не-[a], что связано с отсутствием в структуре подобного типа вокализма возможности грамматикализации или лексикализации звукотипов. Наличие в 1-м предударном слоге звука [и] как одного из позиционных вариантов фонем неверхнего подъема всегда ограничивает дальнейшие изменения, связанные с действием фонетических процессов.

В русских говорах межслоговая вокальная ассимиляция может затрагивать признаки ряда, подъема и лабиализации. Например, новосёлковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье сложилось в результате развития в системе архаического яканья задонской разновидности ассимиляции по подъему. Видимо, начало формирования умеренного яканья было положено развитием в системе задонского архаического яканья ассимиляции по ряду⁷⁹.

⁷⁹ См. предположение Л.Э. Калнынь, что умеренное яканье репрезентует «вокальную модель слова, которой свойственна такая суперсегментная характеристика, как слоговая гармония» [Калнынь 2001: 28].

Можно предположить, что действие новации, результатом которой стало формирование умеренного яканья, изначально было позиционно ограничено: к такому выводу можно прийти в результате структурного анализа различных типов вокализма, имеющих в своей основе архаическое диссимилятивное яканье. Разумеется, в разных региональных вариантах трансформация архаического вокализма происходила неодинаково, однако всегда на первом этапе изменения захватывали позиции перед ударными гласными средне-верхнего и среднего подъемов: это характерно для формирования как вторичных диссимилятивных (шигровский, суджанский, дмитриевский типы), так и ассимилятивно-диссимилятивных вокалических систем (новосёлковский, ореховский типы).

Данная гипотеза подтверждается исследованием тульских памятников письменности XVII в., где указывается, что перед «слогом с *e* и *ѣ* написаний *я* не отмечено», а перед остальными гласными «прямые отражения яканья» фиксируются вне зависимости от твердости или мягкости следующего согласного, почему точное определение типа вокализма по данным памятников представляется затруднительным [Рыбочкина 1970: 6]. Тот факт, что *я* не употребляется перед слогом с *e* и *ѣ*, дает Е.А. Рыбочкиной «основание говорить о диссимиляции». Однако совершенно очевидно, что эта особенность указывает как раз на ассимиляцию передним гласным, которая возникала прежде всего перед /ѣ/ (если считать, что перед /e/ в 1-м предударном слоге гласный [a] никогда не произносился).

Можно привести еще одно доказательство в пользу высказанного предположения. Для современных говоров с диссимилятивно-умеренным яканьем архаической разновидности характерно архаическое диссимилятивное аканье: гласный [a] обычно произносится перед ударными /o/ и /ѣ/, гласные [э], [o], [a] – перед /o/ и /e/. Однако здесь развивается тенденция к произношению перед гласным [é], реализующим фонему /ѣ/, звуков [э], [o], [ε], в речи информантов всех возрастных групп фиксируются формы:

закр[эс'н'э̣]лси, *к[э мнэ̣]*, *чел[ов'э̣]ка-то*, *Фед[эс'э̣]й* (=Федосей) и др., см. § 5.3, что можно объяснить влиянием регрессивной ассимиляции. В дальнейшем подобная система развивается за счет распространения гласных не-[а] в позиции перед монофтонгами верхне-среднего подъема, которые реализуют фонемы /ω/ и /ѳ/, а также реже – перед [и] и [ы]. Соответственно после мягких согласных произношение [’а] также последовательно сохраняется только перед ударными [у] и [ы], тогда как перед реализациями фонемы /ω/ распространяется звук [и]. Гласный [’а] в этой позиции последовательно сохраняется только в местных топонимах, например [йалѳ]в*ка* (улица в с. Кирейково), *Поздн[’акѳ]во* (название деревни), и некоторых собственно диалектных лексемах типа *жер[’алѳ]* ‘переднее отверстие печи’. Подобная модификация системы предударного вокализма зафиксирована в некоторых говорах Белёвского р-на Тульской обл. и Ульяновского р-на Калужской обл.

Как известно, архаическое яканье древнейшего вида имело в 1-м предударном слоге противопоставление [а] – не-[а]: гласный [а] произносился перед /и/, /у/, /ѳ/, /ω/ и [е] – перед /е/, /о/, /а/ (см. § 3.5). Данные памятников свидетельствуют о том, что формирование умеренного яканья в тульских говорах началось при наличии системы различения под ударением фонем /ѳ/ и /е/ [Рыбочкина 1970: 5]. По всей видимости, причиной изменения архаического вокализма стало развитие процесса монофтонгизации дифтонгов, появление упрежденных гласных повышенного подъема на месте [а] в 1-м предударном слоге находится в прямой связи с распространением под ударением гласного верхне-среднего подъема [э̣] на месте дифтонга [иэ̣].

В результате действия регрессивной ассимиляции ударному [э̣] архаическое диссимилятивное яканье изменялось в систему, подобную современному дмитриевскому диссимилятивному яканью: предударные гласные продолжали различаться перед /ω/ и /о/, но совпадали перед /ѳ/ и /е/. Затем регрессивная ассимиляция возникала перед ударным [и], потом – перед дифтон-

гом [ӣу], который в архаических южнорусских говорах реализует фонему /'у/ [Касаткин 1999: 390]. Так возникло диссимилятивно-умеренное яканье наиболее архаического вида: звукотип [а] функционировал перед ударными [ы], [у], [ѳ], звукотип не-[а] – перед [и], [ѣ], [е], [’у], [о], [’о], [а], [’а].

Под влиянием общей тенденции к сокращению функциональной нагрузки гласных произошло окончательное оформление фонологического противопоставления согласных по твердости / мягкости. Перед /е/ на месте твердых распространяются мягкие согласные, что провоцирует в 1-м предударном слоге изменение [е] > [и], артикуляция которого «ближе к дополнительной артикуляции палатализованного согласного» [Касаткин 2010: 93], о переходе *e* в *i* в русских говорах см. также [Сидоров 1969: 16–17]. Прежде всего [и] на месте [е] распространяется в позиции перед мягкими согласными. Этот процесс приводит не только к фонологизации фонетической закономерности, но видоизменяет саму систему распределения гласных 1-го предударного слога: появление гласного [и] на месте фонем неверхнего подъема теперь обусловлено не артикуляционной характеристикой ударного гласного, а фонологическим признаком следующего за ним согласного. В результате звук [и] в 1-м предударном слоге со временем распространялся перед любым мягким согласным.

В тех тульских говорах, которые развивали новый тональный контур «сильный центр и слабая периферия», гласный [а] в 1-м предударном слоге стал возможен перед любым ударным гласным, что кардинально меняло прежнюю систему предударного вокализма. После твердых согласных развивалось сильное аканье, которое могло сохранять следы своей диссимилятивной основы перед ударным [а]. После мягких согласных и перед твердыми также во всех позициях распространялся звук [а], однако наличие [и] перед мягкими согласными сразу же ограничило появление в этой позиции звуков неверхнего подъема. Таким образом, умеренное яканье, характерное для большинства тульских говоров, сложилось в результате совмещения двух

принципов: умеренности в позиции перед мягкими согласными и принципа сильного яканья в позиции перед твердыми.

В некоторых тульских говорах полный отход от диссимилятивной зависимости предударного вокализма после мягких согласных и окончательное утверждение умеренного яканья, видимо, могли произойти даже при наличии под ударением различия /ω/ и /o/⁸⁰. Такие вокалические системы, сохраняющие наряду с умеренным яканьем рефлексы особой фонемы /ω/, отмечаются на северной периферии тульских говоров (в соседстве с говорами центральной диалектной зоны): в с. Гати Венёвского р-на Тульской обл., а также в деревнях Баршово Серебряно-Прудского р-на (Восток-529), Московка (Запад-491), Арнеево (Запад-655) и Енино (Запад-658) Серпуховского р-на Московской обл. [ДАРЯ 1986: карты 3, 42].

На западной периферии тульских говоров сохранялась старая структура фонетического слова, что обуславливало консервацию прежней диссимилятивной зависимости. При наличии под ударением противопоставления /ω/ ~ /o/ на месте [e] перед ударными /o/ и /a/ со временем распространялся звук [и], то есть происходил окончательный переход к системе противопоставления [и] – не-[и]. В результате появилось архаическое диссимилятивно-умеренное яканье верхне-днепровской разновидности.

После твердых согласных продолжает функционировать архаическое диссимилятивное аканье, которое также испытывает действие ассимилятивных тенденций. Подобная система предударного вокализма, отмеченная в некоторых говорах Белёвского р-на Тульской обл. и Ульяновского р-на Калужской обл., развивается за счет распространения в 1-м предударном слоге гласных [и] после мягких и [э] после твердых согласных независимо от гласного под ударением, то есть усиливается тенденция к полному неразличению безударных гласных.

⁸⁰ По данным К.Ф. Захаровой, в южнорусском наречии отмечаются такие говоры, в которых «изменение архаического типа яканья начинается с утраты самого диссимилятивного принципа, что нельзя объяснить состоянием ударенного вокализма <...>, утрата диссимилятивного яканья может начаться здесь при наличии хорошо сохранившейся системы различия двух *o* и *e*» [Захарова 1961: 41].

Если при формировании диссимилятивно-умеренного яканья противопоставление фонем /ω/ ~ /o/ отсутствовало и диссимиляция проявлялась только перед /a/, в результате актуализации умеренного принципа возникало неархаическое диссимилятивно-умеренное яканье древнейшего вида с произношением [a] перед ударными [ы], [у], [о]; [e] перед ударным [a]; [и] перед ударными [и], [e], [’у], [’о], [’а]. Такой тип яканья, называемый чухломским, до сих пор отмечается в некоторых говорах Чухломского акающего острова, которые сложились в результате взаимовлияния севернорусской и южнорусской систем [Касаткин 1999: 433], что, вероятно, и обусловило сохранение наиболее древних отношений при диссимилятивно-умеренном яканье.

По данным ДАРЯ, подобный тип вокализма функционирует в д. Речица Думинического р-на Калужской обл.: перед [у], [ы], [о] – *уб’ару́тцъ, у сн’ауу́, р’адбы́, т’в’аты́, н’атно́, л’асо́w, ч’ир’адом, л’асо́к, р’абой́* и др.; перед [a] – *тр’епал’и, пр’ин’есла́, с’енца́, нь м’еста́х, пл’есат’, пр’ела́, н’ета́к* и др.; перед мягкими согласными – *в’ил’у́, т’ис’уны́, пр’ин’ис’у́, н’ид’эл’а, п’с’ид’эл, д’ит’ей́, б’ир’еч’, уп’ир’от, д’ин’ок, д’ис’атай, зм’ейá* и др. (Запад-720).

Диссимиляция перед [a] сохранялась благодаря особой ритмической структуре. После твердых согласных формировалось диссимилятивное аканье жиздринской разновидности, после мягких – возникало неархаическое диссимилятивно-умеренное яканье верхне-днепровского типа (после изменения [e] > [и] перед ударным [a]). Такие системы вокализма широко распространены в юго-западных говорах.

В принципе верхне-днепровская разновидность также может изменяться в умеренное яканье, что наблюдается, например, в некоторых говорах Ульяновского р-на Калужской обл. Однако в этом случае распространение [a] перед ударным [a] обычно проводится непоследовательно, и в указанной позиции отмечается довольно много примеров со звуком [и] [Клейменова 1956б: 112–115].

Диссимилятивно-умеренное яканье, не знающее различия предударных гласных перед ударными /o/ и /ω/, может формироваться на базе суджанского диссимилятивного яканья [Захарова 1970: 21]. Диссимилятивно-умеренное яканье, сложившееся на основе суджанского диссимилятивного яканья, всегда сохраняет характерные особенности своей диссимилятивной основы – нерегулярное произношение [и] и [а] перед ударным о, подробнее см. § 4.5.

5.8. Дальнейшее развитие типов предударного вокализма в тульских говорах

В дальнейшем умеренное яканье обычно развивается за счет распространения [и] перед твердыми согласными, то есть движется в направлении к иканью. Причины этого очевидны: нейтрализация фонем /'a/, /'o/, /e/ и /и/, возникнув в позиции перед мягкими согласными, неуклонно расширяет область своего функционирования, постепенно увеличивая число позиций неразличения. Звук [и], реализующий в 1-м предударном слоге не только фонемы /a/, /o/, /e/, но и /и/ (не зависимо от позиции), становится «свободным в употреблении, получая, таким образом, преимущество перед гласным *a* <...>, употребление которого ограничено условием – только перед твердыми согласными» [Захарова 2000а: 58].

Сегодня во многих системах умеренного яканья отмечаются элементы иканья, а на северной периферии тульских говоров умеренное яканье уже практически исчезло. Так, в 1963 г. в с. Глазово Серпуховского р-на Московской обл. было зафиксировано умеренное яканье, которое тогда было в говоре неустойчивой чертой, вытесняемой иканьем: «у младшего поколения яканье утрачено полностью» [Иваницкая 1967: 297]. При обследовании говора в середине 1990-х годов не было обнаружено даже реликтов этого типа предударного вокализма, речь информантов старшей возрастной группы характеризовалась последовательно проведенным иканьем (образец звучащей речи из этого населенного пункта приведен в [Касаткина (ред.) 1999: 105–109]).

После твердых согласных выбор модели развития предударного вокализма был обусловлен двумя факторами: во-первых, качеством предударного гласного, реализовавшего в 1-м предударном слоге звукотип не-[а] после твердых согласных, во-вторых, общей ритмической структурой слова. Просодический контур, предполагающий произношение перед ударными гласными неверхнего подъема коротких закрытых гласных, а также наличие в этой позиции лабиализованных гласных способствуют консервации общего принципа диссимилиации. Тенденция к произношению перед монофтонгами средне-верхнего подъема, реализующими фонемы /ѣ/ и /ѡ/, гласных [э], [о], [ы] приводит к формированию особой модели предударного вокализма – прохоровского диссимилиативного аканья, обнаруженному Л.Л. Касаткиным в Хвастовичском р-не Калужской обл. [Касаткина (ред.) 1999: 46]. Тенденция к развитию этого типа вокализма отмечается на периферии тульских говоров – на границе юго-западной и юго-восточной диалектных зон.

Основному массиву тульских говоров свойственна другая тенденция – распространение в 1-м предударном слоге гласного [а] вне зависимости от гласного под ударением. Это происходит не только благодаря наличию гласных пониженного подъема в соответствии со звукотипом не-[а], но и благодаря особой ритмической структуре слова – «сильный центр и слабая периферия», которая обуславливает появление *a*-образных гласных в 1-м предударном слоге перед любым ударным гласным.

Предложенная схема развития умеренного яканья, разумеется, не может быть применима ко всем умеренно-якающим говорам, зафиксированным в пределах южнорусского наречия. Прежде всего это касается островных говоров с умеренным яканьем, расположенных на южнорусских территориях среди принципиально других вокалических систем, например среди говоров с умеренно-диссимилиативным и ассимилятивно-диссимилиативным типами вокализма. Как правило, подобная пестрота вокалических систем обусловлена особенностями этносоциальной структуры населения: умеренное яканье отмечается исключительно в речи помещичьих, или «барских», крестьян,

а умеренно-диссимилиативный и ассимилятивно-диссимилиативный типы характерны для государственных крестьян и однодворцев.

Подобная ситуация зафиксирована в Милославском р-не Рязанской обл.: в селах Липяги́ и Боршевбе́, где жили государственные крестьяне, отмечено ассимилятивно-диссимилиативное яканье новосёлковской разновидности, а в говоре расположенной недалеко от Липягов деревни Бугрб́вка с бывшими помещичьими крестьянами – умеренное яканье. Похожую закономерность обнаружила Г.Н. Межецкая в говорах Елецкого р-на Липецкой обл. [Межецкая 2010: 128–139].

В качестве другого примера, можно привести говор Криуша и Первые Криушанские Выселки Панинского р-на Воронежской обл. Говор с. Криуши⁸¹ «сформировался при смешении по меньшей мере двух типов говоров. По архивным источникам, жители данного села переселились сюда в начале XIX в. из с. Чёсменки Бобровского уезда, чесменцы, в свою очередь, – переселенцы из с. Хреново́го того же уезда. Этнический состав последнего был сформирован смешением местного населения с крестьянами, переведенными сюда графом А.Г. Орловым <...> из подмосковного с. Лосиный Остров» [Черенкова 1999: 166–167]. Однако умеренное яканье сел Криуши и Первые Криушанские Выселки не оказало за прошедшее время никакого воздействия на исконные южнорусские говоры соседних населенных пунктов, где и сейчас функционирует ассимилятивно-диссимилиативный тип яканья [Черенкова 1992: 98].

Очевидно, что умеренное яканье в этих говорах формировалось в результате переселения помещиками крепостных крестьян, что приводило к смешению разнородных говоров и формированию «универсального», наиболее простого с точки зрения структуры типа вокализма. Однако умеренное яканье в подобной ситуации обычно не оказывало никакого влияния на исконные южнорусские говоры соседних населенных пунктов с умеренно-

⁸¹ Село Первые Криушанские Выселки основано в 1921 г. при переселении крестьян из с. Криуши [Черенкова 1999: 166].

диссимилятивным и ассимилятивно-диссимилятивным типами вокализма. Причина этого кроется в антагонизме между различными этносоциальными группами русского населения, который препятствовал их ассимиляции и распространению в реликтовых южнорусских говорах иносистемных диалектных особенностей.

Поэтому, если считать, что умеренное яканье было заимствовано из севернорусских (или среднерусских) говоров, кажется довольно странным, что оно распространилось не в отдельных селениях, а на обширной территории (Тульская, частично Калужская, Рязанская и Московская обл.) как господствующий тип вокализма. Определенно, этого не могло бы произойти без влияния внутренних факторов развития вокалической системы тульского диалекта.

5.9. Выводы

1. В южнорусских говорах диссимилятивно-умеренное яканье архаического типа может сочетаться с семифонемной системой вокализма. Так же как и в говорах с архаическими типами диссимилятивного аканья и яканья, в этих диалектных системах нет прямой фонетической зависимости между системами ударного вокализма и вокализма 1-го предударного слога. На это указывают примеры произношения гласного [и] перед особыми реализациями фонемы /ω/, а также возможность функционирования этого типа вокализма при отсутствии под ударением семи гласных фонем.

2. Большинство тульских говоров обнаруживают диссимилятивную основу предударного вокализма после твердых согласных; более последовательно диссимилятивное аканье функционирует на западе исследованной территории. Подобная неоднородность диссимилятивного аканья в говорах Тульской обл. напрямую связана, во-первых, с наличием в них определенной ритмической структуры слова, во-вторых, с качеством звуков, которые репрезентуют звукотип не-[а] после твердых согласных. Лабиализация его реализаций становится причиной сохранения диссимилятивного аканья на запа-

де ареала. В направлении на восток наблюдается изменение характера не-[а] – от о-образных звуков к э-образным, близким к [а]. С этим, очевидно, связана утрата в них диссимилятивности после твердых согласных, хотя гласный [а] перед ударными [а] может отличаться по степени подъема и квантитативным характеристикам от звука [а] перед другими ударными гласными, сохраняя тем самым лишь отдельные черты прежней системы вокализма.

3. Диссимилятивная основа вокализма тульских говоров проявляется не только в позиции после твердых согласных; отдельные особенности системы умеренного яканья могут быть интерпретированы как рефлекс диссимилятивного вокализма.

4. Среди особенностей, сближающих разновидности диссимилятивно-умеренного яканья и умеренное яканье, прежде всего следует выделить существование этих моделей предударного вокализма с элементами иканья, что отмечается также и при суджанском типе диссимилятивного яканья. Наиболее интенсивно переход от умеренного яканья к иканью проходит на северной периферии тульских говоров.

5. Распределение звуков [а] и [э] перед ударными гласными верхне-среднего и среднего подъемов, отмечающееся в некоторых диалектных системах на западной периферии тульских говоров, свидетельствует об архаической основе диссимилятивного аканья. В этих говорах существует тенденция к распространению [э] в 1-м предударном слоге перед всеми ударными гласными неверхнего подъема, что обусловлено ассимилятивными процессами.

6. Отдельные примеры, отмечающиеся в тульских говорах с жиздринским диссимилятивным аканьем, указывают на былое функционирование в них архаического диссимилятивного аканья белёвского типа: б[эл'но́]й и т.д. Сохранение [э] перед /о/ из *ь характерно именно для И.м. м.р. прилагательных и может быть признано в этой форме грамматикализованным.

7. С синхронной точки зрения систему умеренного яканья нужно рассматривать как фонологическую модель: перед мягкими фонемами произносится гласный [и] (или [е]), перед фонемами, не обладающими этим призна-

ком, – [а]. Фонологические закономерности в целом не уникальны для южно-русских систем предударного вокализма после мягких согласных. Фонологическая модель зависимости от твердости/мягкости согласного достаточно продуктивна в южнорусских говорах, она прослеживается не только при умеренном или диссимилятивно-умеренном типах вокализма, но в системе суджанского диссимилятивного яканья.

8. Тульское умеренное яканье можно рассматривать как закономерный результат имманентного развития архаической системы вокализма. Появление принципиально новой структуры зависимостей связано с актуализацией в тульских говорах ассимилятивных тенденций. Развитие на базе актуальной тенденции к регрессивной ассимиляции по подъему новых системных отношений, характерных для умеренного и диссимилятивно-умеренного типов вокализма, было связано с фонологизацией прежней фонетической закономерности.

ГЛАВА 6.

Ассимилятивно-диссимилятивные типы

аканья и яканья

6.0. Введение

На территории Южнорусского наречия представлено несколько типов (разновидностей) ассимилятивно-диссимилятивного яканья, однако в данной главе будет рассмотрена только новосёлковская разновидность, поскольку именно она распространена в наиболее архаических южнорусских говорах и обнаруживает формальную зависимость от ударных гласных переднего ряда верхне-среднего и среднего подъемов. Кроме того, будет проанализирован ассимилятивно-диссимилятивный тип аканья, недавно обнаруженный Р.Ф. Касаткиной и Е.В. Щигель в липецких говорах и представляющий возможный алгоритм формирования в Южнорусском наречии ассимилятивно-диссимилятивной системы вокализма в целом.

6.1. Новосёлковский тип ассимилятивно-диссимилятивного яканья

Эта разновидность вокализма впервые обнаружена в материалах, собранных в с. Новосёлки Рязанского уезда Рязанской губернии (современный Рыбновский р-н Рязанской обл.), и названа по месту своей первой фиксации [Дурново 1917а: 215; Аванесов 1947: 89–90]. Новосёлковская разновидность ассимилятивно-диссимилятивного яканья предполагает произношение в 1-м предударном слоге гласного [и] перед /e/ (из *e и *ь) и /'o/, гласного [a] – во всех остальных позициях; она обычно встречается в диалектных системах с семифонемным вокализмом и является характерной диалектной чертой Восточной группы Южнорусского наречия [Захарова, Орлова 1970: 133]. Как правило, новосёлковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье сочетается с сильным аканьем или с диссимилятивным аканьем, при котором может наблюдаться количественная редукция гласного 1-го предударного слога перед /a/ [Просодический строй 1996: 238].

Новосёлковский тип яканья был обнаружен в говоре с. Боршево Милославского р-на Рязанской обл. Здесь отмечены следующие примеры:

Перед /и/, /у/, /ѣ/, /ѡ/, /о/, /а/: *гл[’ад’и́]ть, н[’акл’и́], м[’ас’и́]ли, за[йав’и́]лси, с[’астр’и́]чкя, см[’ан’и́]л, м[’ашк’и́], разд[’ал’и́]лись; ч[’аты́]ре, кузн[’ацы́], ч[’асы́], с[’астры́]; но ч[’иты́]ре; н[’асу́], с[’астру́], [йаму́], зав[’арну́]ла, гл[’ажу́], р[’ач’у́]шка; н[’ав’и́]ста, н[’ав’е́]стка, н[’ад’е́]л’и, т[’алé]ги, С[’ару́]ёй, т[’арп’е́]ние, дот[’арп’е́]лся, разл[’ат’е́]лись, в[’ал’е́]ла, бл[’ас’т’е́]ли, ст[’амн’е́]я (=стемнеет), не гл[’ад’е́]л, с[’астр’е́], с[’ам’jé], в но[йабр’е́], на молодн[’ак’е́], на н[’ач’е́]; бр[’авнó], с[’алó], з[’арнó], П[’атрó]в день, Чеб[’аскó]ва (фамилия), ч[’асó]в-то, с[’ад’мó]го; св[’акрó]вья, нич[’ауó], [йауó], н[’асó]к, л[’асó]к, Ст[’апó]к (=Степан), греб[’ашó]к, м[’ашó]к, верет[’анó]м, [йарó]й; с с[’естрó]й, ч[’еуó], н[’ешкó]м; д[’алá], гр[’ахá]х, [йактá]р, с[’астрá], Р[’азá]нь, в Л[’аксá]ндрову (деревня), дв[’анá]дцать, пл[’асá]ть-то, пом[’арлá], св[’азá]ла, вч[’арá], у Колч[’анá] (прозвище), на[йажа́]я, б[’ажá]ли, от в[’анцá], об[йавл’á]я, дер[’ав’á]нной, ст[’акл’á]ночки, з[’амл’á]нки, см[’аjá]ться, з[’амл’á], с[’ам’já], штаб[’ал’á], дев[’ар’já], Т[’ал’á]тниково (деревня), отд[’ал’á]лись; в н[’æрч’á]тках, в[’æн’ч’á]лася; шв[’ецá]р, об[’езá]тельно, в[’езá]нки, м[’ен’á]ть, отв[’еч’á]ешь, б[’ед’н’á]жка; с д[’ис’á]того, д[’ив’á]той, р[’иб’á]т, од[’иjá]ло, пятьд[’ис’á]т.*

Перед /е/ и /’о/: *отв[’из’е́]м, т[’ик’е́]ть, не разб[’ир’е́]шь, зам[’ит’е́]м, т[’ип’е́]рь, [йиjé], на н[’иjé], у т[’иб’е́], м[’ин’е́], д[’ит’е́]й, в д[’ир’е́]вне; зач[’ерпн’е́]шь; с[’ир’еó́]дка, С[’ир’ó]га, л[’ип’ó]шку, в[’ир’ó]вка-то, вл[’ир’ó]т, подн[’иб’ó]сные (поднебёсный ‘голубой’), ч[’итв’ó]ртой, М[’иф’ó]ду, С[’им’ó]н, р[’иб’ó]нка, в[’ил’ó]к, в[’ил’к’ó]м; но пл[’ач’ó],*

шин[’ал’б]м (=шинелью), *штаб*[’ал’б]в, с *с*[’ам’јб]ю, *Пехт*[’ар’б]в (фамилия), *не т*[’ал’б]на, *реб*[’ат’б]нок; *с*[’естр’б]нка, *на реб*[’ет’б]нках.

Приведенный материал свидетельствует о том, что в местном говоре довольно последовательно функционирует новосёлковская разновидность, примеры, нарушающие указанный принцип, единичны. Обращает внимание, что гласный [и] в 1-м предударном слоге произносится не только перед /е/ и /’о/, но в части случаев также и перед /’а/: *д*[’ив’á]той, *р*[’иб’á]т, *од*[’ижá]ло и др., что, возможно, отражает прежнюю умеренно-диссимилятивную основу вокализма.

В позиции перед /’о/ также отмечаются исключения: наряду с закономерным [и] в части примеров произносится [’а]; этот гласный появляется только перед таким /’о/, который находится в суффиксах и флексиях и обычно соотносится с /ω/ или /о/ твердой разновидности парадигмы (*Пехт*[’ар’б]в как *П*[’атрб]в, *шин*[’ал’б]м как *верет*[’анб]м и т.д.). Гласный [и] наиболее последовательно сохраняется перед /’о/ в корне слова и становится в этой позиции вариантом фонемы /и/. Подобный параллелизм между твердой и мягкой разновидностями парадигмы свойствен некоторым типам диссимилятивного яканья, сохраняющим свою архаическую основу (например, архаическому, щигровскому и суджанскому), и может считаться в системе ассимилятивно-диссимилятивного яканья также архаическим явлением.

Особую систему в говоре представляют предлоги, приставки и частицы, находящиеся в позиции 1-го предударного слога: здесь независимо от ударного гласного отмечается звукотип [а]: *н*[’æв’й]дной, *н*[’а мы]ли, *н*[’а ры]ла, *пер*[’ары]в, *н*[’а слы]шали; *н*[’а пу]стють, *н*[’а ру]ль (=не рубль), *н*[’а ту]т, *н*[’а ду]мали, *н*[’а спл’у]; *н*[’а фс’ё], *н*[’а јé]л, *н*[’а сл’э]зя, *пер*[’ажé]хали, *пер*[’ав’э]сить, *н*[’а дé]лали; *н*[’а ч’э]стной, *н*[’а п’јé]шь, *н*[’а п’јé]ть, *н*[’а јé]сть; *н*[’æ кш’б]ной; *н*[’а пуб]мню, *н*[’а мб]г, *н*[’амнб]го; *н*[’а б]йкай, *н*[’а γб]рси (*гóрится* ‘жаловаться’) *н*[’а скб]ро, *н*[’а стб]лько, *н*[’а б]чень, *н*[’а прб]тив,

н[’а хó]лодно, б[’ассó]вестной; н[’а тá]к, н[’а рá]с, н[’а лá]пти, н[’а ма́]ть, н[’а зná]ю, н[’а скá]зывай, н[’а бра́]ли, н[’а ста́]ла, н[’а кс’т’á]ть.

В этой позиции последовательно проводится принцип сильного яканья⁸², то есть тип вокализма, параллельный модели после твердых согласных. Следует отметить, что после твердых согласных звук [а], находящийся в 1-м предударном слоге перед /а/, может быть менее интенсивным и более закрытым, чем ударный гласный, хотя может и не уступать ударному гласному по этим характеристикам. Подобная разновидность аканья с произношением перед /а/ гласного [а], даже сокращенного и более закрытого, отличается от жиздринского аканья с качественной диссимиляцией и типологически должна определяться скорее как сильное аканье с элементами диссимиляции. Система предударного вокализма после твердых согласных, характерная для с. Боршевое, сохраняет, по выражению К.Ф. Захаровой, лишь «тень наличия» диссимилятивного аканья жиздринского типа [Захарова 2000б].

Таким образом, произношение в 1-м предударном слоге гласного [а] после твердых согласных, а в проклитиках также и после мягких согласных вне зависимости от качества ударного гласного свидетельствует, что в говоре фонетической моделью является именно сильное аканье-яканье. Сохранение противопоставления [а] и [и] перед /ѣ/ и /е/ объясняется лексикализацией и грамматикализацией произношения в отдельных словах и грамматических категориях и «в синхронной системе вокализма не относится к уровню фонетики» [Захарова 1977: 55].

На отсутствие связи между системой ударного вокализма и новосёлковским ассимилятивно-диссимилятивным яканьем может указывать и факт принципиальной возможности сочетания указанного типа предударного вокализма с пятью гласными фонемами под ударением, на что обратила внимание Г.Н. Межецкая. По ее данным, подобная система функционирует в неко-

⁸² Следует упомянуть, что произношение гласного [а] в проклитиках, находящихся в позиции 1-го предударного слога, вне зависимости от ударных гласных отмечается также при кидусовском типе ассимилятивно-диссимилятивного яканья [Аванесов 1949б: 155–156].

торых населенных пунктах Елецкого р-на Липецкой обл. [Межецкая 2010: 114–128]. Следует отметить, что в этих говорах появляются элементы ассимилятивно-диссимилятивного яканья кидусовского типа, прежде всего – перед /e/ (из *ѣ), находящейся в корне слова и в падежных окончаниях существительных: *н'ад'эл'а*, *разл'ат'эл'ис'*, *пр'ил'ат'элэ*, *н'и в'ал'эл*, *св'ажэја*, *пэсв'атл'эй*, *нэ с'ал'э*, *с'астр'э*, *нэ з'амл'э*, *у Ял'цэ*, *н'а эз'д'ил*, *н'а эл'и*, *н'а з'д'эшн'ий*, но также *н'ив'эскэ*, *н'ид'эл'у*, *пэн'ид'эл'н'ик*, *у с'ил'э*, *у с'истр'э*, *н'и д'элэл'и* [Межецкая 2010: 119].

Варьирование гласных [и] ~ [а] в словах с постоянным ударением на основе (типа *невэста*, *недэля*) характерно для многих южнорусских говоров с новосёлковким типом яканья, по данным «Атласа русских говоров центральных областей к югу от Москвы» оно отмечается в с. Архангельское (Юг-744) и с. Никоново (Юг- 743) Рождественско-Хавского р-на, д. Петино (Юг-745) Гремяченского р-на Воронежской обл., с. Первомайское (Юг-563) Лев-Толстовского р-на Липецкой обл., с. Старо-Торбеево (Юг-650) и с. Турмасово (Юг-649) Мичуринского р-на, с. Большая Кочетовка (Юг-680) Мордовского р-на, с. Липовка (Юг-596) Пичаевского р-на, с. Верхне-Спасское (Юг-673) Рассказовского р-на Тамбовской обл. [Захарова 1975: 26–27, таблица 1]. Подобные отклонения свойственны многим другим говорам с ассимилятивно-диссимилятивным, а также умеренно-диссимилятивным яканьем на новосёлковской основе [Мораховская 1962: 75].

Появление в говорах с новосёлковским яканьем элементов кидусовской разновидности не связано напрямую с утратой семифонемного вокализма. Так, в с. Новосёлки Рыбновского р-на и с. Казарь Солотчинского р-на Рязанской обл., где под ударением различаются фонемы /ѣ/ и /e/, /ω/ и /o/, в системе новосёлковского ассимилятивно-диссимилятивного яканья отмечены отклонения «*н'ив'эсть*, *у н'ив'эст'и*, *н'ив'эсту* и еще много раз, *с н'ид'эл'к'у*, *н'ид'эл'и*» и некоторые др. [Мораховская 1962: 78–79].

При этом в окончаниях глаголов I спряжения с постоянным ударением на основе перед /e/ (из *e) может распространяться гласный [а]: *пр'ив'аз'э*

[Межецкая 2010: 122], см. также материалы указанного выше атласа по говорам с. Нижний Икорец Лискинского р-на Воронежской обл. (Юг-835), с. Первомайское Лев-Толстовского р-на Липецкой обл. (Юг-563), с. Чурюковка Староюрьевского р-на Тамбовской обл. (Юг-571) [Захарова 1975: 26–27, таблица 1].

«Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» [1957, карта 7] фиксирует на южных территориях Рязанской обл. новосёлковское диссимилятивно-умеренное яканье в сочетании с сильным аканьем в селах Топилы (Восток-827) Милославского р-на, Хворощевка (Восток-823), Казинка (Восток-824), Гремячка (Восток-825) и Дмитриево (Восток-829) Скопинского р-на. В наиболее сохранившемся виде этот тип представлен в говорах Гремячки и Топил; в Хворощевке и Казинке он сочетается с элементами сильного яканья и иканья. Среди исключений из новосёлковского типа наиболее частотны примеры произношения [а] перед [’ó] и [и] перед [’á]: *зям’л’ой, дьвярай’оф, б’али’о, зв’ар’jó, с’ам’jó, з’амл’оц, вяз’ош, нъпряд’от’, т’ас’омъч’ка, рьбят’онък; но рибяты, плимьянница, дисятникъм, пидис’ат, д’ривяньй, п’ър’вин’ч’ал, вилят’.*

6.2. История изучения новосёлковского типа вокализма

Н.Н. Дурново, впервые описавший ассимилятивно-диссимилятивное яканье, считал, что этот тип вокализма развился из архаического яканья задонской разновидности «вследствие ассимиляции предударных открытых гласных гласным ударяемого слога» [Дурново 1923: 369]. По этому поводу В.Н. Сидоров писал: «Мысль Н.Н. Дурново ясна <...>. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье должно восходить к такому типу архаического диссимилятивного яканья, в котором предударная гласная на месте гласных не верхнего подъема различалась с предударной гласной из этимологического *и*. Этому требованию как раз удовлетворяло диссимилятивное яканье задонского типа» [Сидоров 1969: 13].

Когда были открыты другие разновидности ассимилятивно-диссимилятивного яканья, которые имели внешнее сходство с некоторыми типами диссимилятивного яканья, появилась гипотеза, что все разновидности ассимилятивно-диссимилятивного яканья развились из определенных типов диссимилятивного яканья в результате осложнения исконной диссимилятивной системы вокализма ассимиляцией. Новосёлковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье по этой теории возводилось к щигровскому диссимилятивному яканью: «основой ассимилятивно-диссимилятивного яканья новосёлковского типа является щигровский тип диссимилятивного яканья, на который наслои́лась ассимилятивность» [Аванесов 1949: 90].

Однако К.Ф. Захарова показала, что типологически и генетически эти типы яканья различны. Общей чертой новосёлковского ассимилятивно-диссимилятивного яканья и щигровского диссимилятивного яканья является только закономерность произношения в 1-м предударном слоге гласных [а] и [и] перед *ѣ*, *е* и *'о*. Среди основных отличий этих типов вокализма К.Ф. Захарова выделяет: во-первых, наличие семифонемного вокализма при новосёлковском типе и его отсутствие при щигровском типе; во-вторых, сохранение под ударением *е* перед твердыми согласными при новосёлковском типе и переход *е* в *о* при щигровском типе; в-третьих, возможность лексикализации гласного [и] перед ударным *о* из *ѣ* при щигровском типе (типа *св[’и]крóвь*) и отсутствие такой возможности при новосёлковском типе. Наконец, произношение [и] перед ударным *а* при щигровском типе исключает возможность развития последовательного выдержанного новосёлковского типа, поскольку процесс ассимиляции привел бы к изменению в [а] не только [и] на месте фонем неверхнего подъема, но и [и] на месте фонемы /и/.

К.Ф. Захарова считает, что новосёлковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье развилось непосредственно из архаического яканья в результате утраты «действия фонетического закона диссимилятивного вокализма». Важно, что в исходной системе гласные [а] и не-[а] «отличались по своему качеству в зависимости от качества последующего согласного и могли

быть более заднего образования перед твердыми и более переднего перед мягкими согласными», при этом гласные не-[a] не совпадали с реализациями фонемы /и/. В результате, когда исчезла зависимость гласных 1-го предударного слога от ударных гласных, [a] перед твердыми согласными «появился одновременно и перед ударенным *a* и перед ударенным *o* из *ъ*». Гласный не-[a] перед мягкими согласными реализовался звуками, близкими по звучанию к [и], и произносился перед ударными *e* из *e*, *ь* и *'a*. Распространение [a] перед ударным *'a* – процесс более поздний, не связанный с фонетикой и потому проведенный непоследовательно. Гласный [и] в 1-м предударном слоге сохранился только перед *e*, поскольку в этой позиции «не было параллели с положением перед твердыми согласными». По мнению К.Ф. Захаровой, процесс, в результате которого образовалось новосёлковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье, не был «собственно ассимиляцией» [Захарова 1977: 49–63].

В статье К.Ф. Захарова рассматривает условия перехода одной системы вокализма в другую и выстраивает подробный алгоритм этого изменения, однако не дает ответа на вопрос: почему утрата «фонетического закона диссимилятивного вокализма» происходила в говорах, сохранявших под ударением семь гласных фонем, то есть какие причины обусловили трансформацию диссимилятивного яканья архаического типа в новосёлковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье.

Наблюдения К.Ф. Захаровой над синхронным состоянием говоров с диссимилятивно-умеренным яканьем основаны на материалах ДАРЯ, при этом анализ «ведется без учета качества ударенных гласных среднего подъема» [Захарова 1975: 21]. Это вынужденный шаг, поскольку немногие собиратели атласа могли дать качественное описание фонемного состава гласных говора. Кроме того, материал, собранный в «домагнитофонную эпоху», на основании только слуховой оценки диалектного произношения, без возможности его многократного воспроизведения и проверки слуховых образов с помощью инструментального анализа, может быть в принципе недостаточно надежным.

Очевидно, что для выявления причин генезиса систем предупредного вокализма и определения их синхронного состояния недостаточно просто констатировать наличие в каком-то говоре семифонемного вокализма, необходимо определить качество звуков, в которых эти фонемы реализуются. Различные системы противопоставления фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ и тем более различные изменения этих систем неодинаково воздействуют на гласные 1-го предупредного слога и обуславливают формирование различных типов аканья и яканья.

Так, давно известно, что новосёлковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье обычно сочетается в говорах с семифонемным вокализмом [Захарова 1977: 54; Мораховская 1962: 99]. Однако не обращается внимание на то, что в этих говорах фонема /о/, как правило, реализуется открытым гласным средне-нижнего подъема [ɔ]. Так, в говоре с. Боршевое на месте фонемы /о/ достаточно последовательно произносится монофтонг [ɔ], который под фразовым акцентом может становиться неоднородным звуком: двухморным или дифтонгоидом со значительно более длинной открытой фазой, иногда приближающейся по качеству к ударному [a]. В этом говоре, а еще более последовательно в говоре соседнего с. Липяги, просматривается тенденция к изменению противопоставления /ѡ/ ~ /о/: [yõ] ([õ]) ~ [ɔ] ([õɔ]) → [o] ~ [ɔ].

Фонема /о/ реализуется монофтонгом средне-нижнего подъема [ɔ] и в других говорах с новосёлковским ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, например, в с. Новосёлки Рыбновского р-на Рязанской обл. и д. Поповка Староюрьевского р-на Тамбовской обл. [Касаткина (ред.) 1999: 147, 165].

6.3. Ассимилятивно-диссимилятивный тип аканья

Говоры, в которых ассимилятивность наслаивается на архаический тип диссимилятивного яканья, обнаружили Р.Ф. Касаткина и Е.В. Щигель в Хлевиенском р-не Липецкой обл. [Касаткина, Щигель 1995: 295–309]. По сути, в

этих говорах наблюдается первая ступень перехода задонского архаического яканья к ассимилятивно-диссимилятивному. Авторы показали, что изменение обусловлено ассимиляцией гласных 1-го предударного слога ударным гласным средне-нижнего и нижнего подъемов [ɔ] и [a]. В результате в 1-м предударном слоге на месте фонем неверхнего подъема начинают употребляться не две, а три звуковые единицы: после твердых согласных – [ā] перед /и/, /у/, /ω/, /ѣ/; [ǣ] перед /а/; [ə] перед /о/, /'о/, /е/, /'а/; после мягких – [ā] перед /и/, /у/, /ω/, /ѣ/; [æ] перед /о/, /а/; [e] перед /'о/, /е/, /'а/. Очевидно, что прежде всего ассимиляции подвергаются предударные гласные перед /а/, затем перед /о/ – после понижения артикуляции дифтонга [ou̯] до [ɔ̯] или [ɔ̯o̯] и постепенного распространения на месте /о/ монофтонга [ɔ]. По-видимому, со временем гласный [ǣ] после твердых согласных распространяется также перед аллофонами /о/, то есть возникает система умеренно-диссимилятивного аканья и яканья.

Переходу [ə] и [e] в [a] перед /'а/ мешает дифтонгическое образование последнего, а вовсе не мягкость согласного, см. примеры *м'итеа́шка*, *реа́дам*, *лашэ́дэа́х* [Касаткина (ред.) 1999: 127]. Только после монофтонгизации [ea̯] начинается распространение [a] перед /'а/, которое совпадает с изменением системы корреляций после мягких согласных: от [a] – не-[a] к [и] – не-[и]. Видимо, именно этим объясняется непоследовательность произношения [a] в позиции перед /'а/.

Это изменение системы корреляций приводит к фонологизации противопоставления [и] || [a] и к утрате фонетической зависимости гласного 1-го предударного слога от ударного гласного. После твердых согласных возможность для лексикализации и грамматикализации противопоставления отсутствует, с чем связано распространение в говорах сильного аканья, которое может сохранять лишь следы прежней диссимилятивной системы перед /а/.

6.4. Диахроническая интерпретация представленного материала

Как было показано в главе 3, наиболее сильное влияние на общую структуру предударного вокализма ассимилятивные процессы оказывают в системах архаического аканья-яканья с противопоставлением 1-м предударном слоге [a] – не-[a], что обусловлено актуальной тенденцией к упрощению системы гласных.

Вероятно, системным явлением ассимиляция стала в результате активизации двух процессов: монофтонгизации дифтонгов (прежде всего [ei] и [ou]), аллофонов /e/ и /o/), а также модификации на некоторых южнорусских территориях ритмической структуры слова. Одновременно с развитием тенденции к разрушению старой системы дифтонгов в ряде южнорусских говоров происходила смена динамической модели. Прежде структура фонетического слова в диссимилятивно акающих говорах оформлялась смешанным способом, совмещавшим волнообразный контур с контуром «сильный центр и слабая периферия». Постепенно последний контур становится в ряде диалектных систем доминирующей моделью и распространяется на все позиции – вне зависимости от конкретных акустических характеристик ударного гласного. Благодаря новой ритмической модели завершается формирование акцентного ядра слова, и «просодически активная» центральная часть теперь становится резко противопоставленной всем другим слогам.

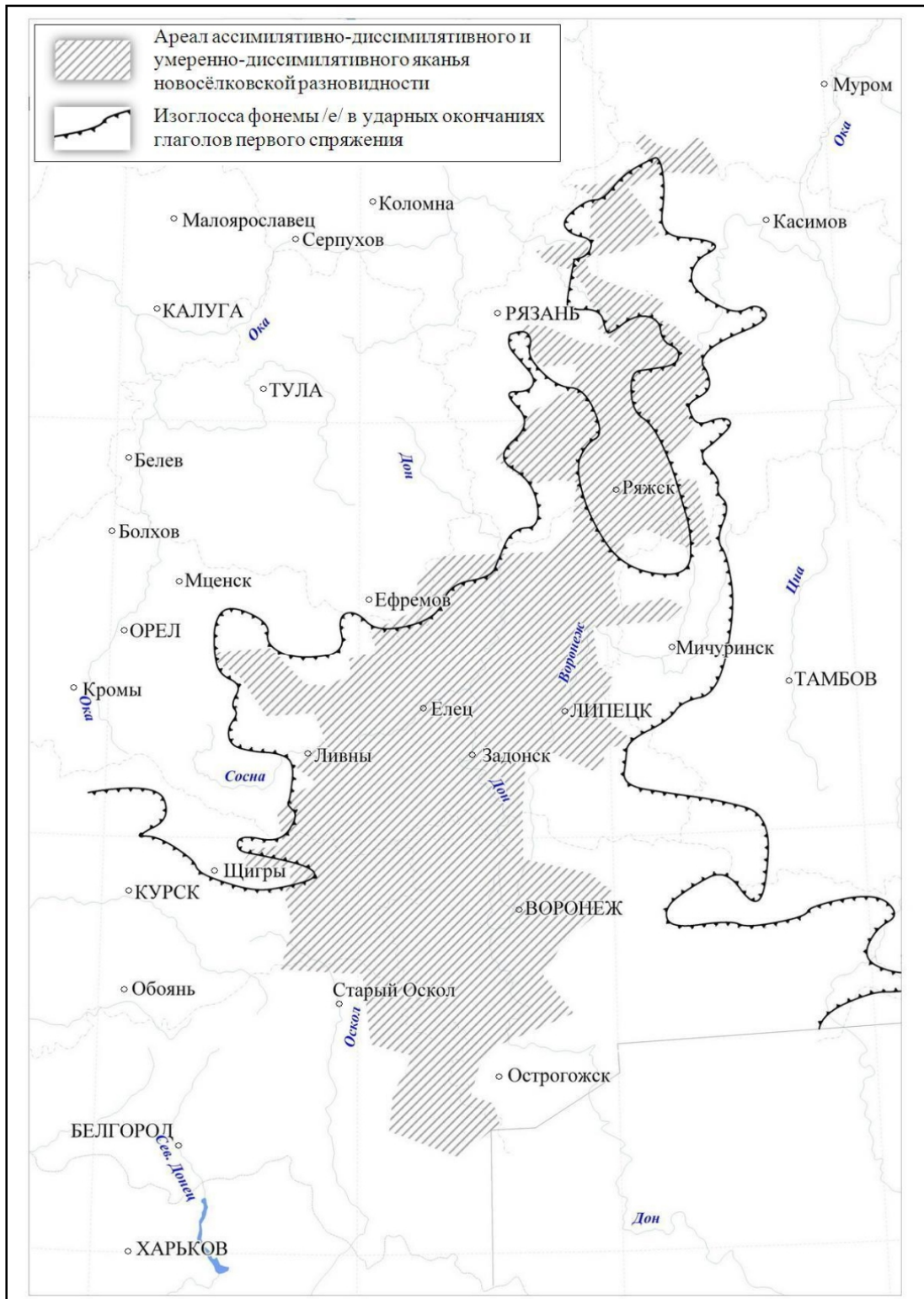
Развивавшийся процесс монофтонгизации дифтонгов ограничил действие старой фонетической зависимости гласного 1-го предударного слога от качества ударного гласного, имевшей диссимилятивный характер. Новая ритмическая структура слова сделала допустимым произношение в 1-м предударном слоге широких длительных гласных перед ударными гласными среднего и нижнего подъемов. Эти изменения провоцировали в диссимилятивном вокализме структурные сдвиги, адекватные новым условиям функционирования. Ассимилятивно-диссимилятивная природа архаического аканья и яканья, а также активно развивающиеся ассимилятивные процессы приводили к перестройке всей системы, к ее стабилизации на принципиально

новых основаниях. Для русских диалектов не уникальна ситуация, «когда слоговая гармония обнаруживает свой потенциал только при условии нарушения традиционной вокальной модели слова» [Калнынь 2001: 31].

В Восточной группе Южнорусского наречия наибольшее распространение получила ассимиляция по подъему. Ассимилятивные тенденции действовали и раньше, до изменения ритмического контура, в результате чего перед /o/ и /a/ в 1-м предударном слого на месте [e] и [э] распространялись звуки [E] или [a̠]. И хотя эти гласные средне-нижнего подъема по-прежнему оставались представителями звукотипа не-[a], всего один шаг отделял подобную систему предударного вокализма от глобального изменения. Новый ритмический контур активизировал распространение на месте [ε] и [a̠] гласного нижнего подъема [a], что совершенно уничтожило старую диссимилятивную систему перед ударными [o] и [a] и способствовало развитию ассимилятивно-диссимилятивного аканья и яканья на новосёлковской основе.

Под влиянием действующей закономерности произошло окончательное оформление фонологического противопоставления согласных по твердости-мягкости. Перед /e/ на месте твердых распространяются мягкие согласные, что приводит к изменению в 1-м предударном слого [e] > [и], артикуляция которого «ближе к дополнительной артикуляции палатализованного согласного» [Касаткин 2010: 93]. Происходит упрощение системы корреляций после мягких согласных: от [a] – не-[a] к [и] – не-[и], что также следует актуальной тенденции к уменьшению различительных возможностей безударных гласных. Звук [e] перестает быть отдельным звукотипом и функционально объединяется с гласным [a] в звукотипе не-[и]. Впрочем, в результате действия ассимилятивных тенденций гласный [и] на месте фонем неверхнего подъема возможен всего в двух позициях: перед /e/ и /'o/.

Карта 3

Так формируется ассимилятивно-диссимилятивное яканье новосёлковского типа. Для новой системы вокализма характерна фонологизация противопоставления [и] ~ [а], то есть полная утрата фонетической зависимости между гласными акцентного ядра слова. Как правило, эта разновидность яканья сочетается в южнорусских говорах с системой семифонемного вокализма, в которой под ударением гласные среднего или реже – верхне-среднего подъема противопоставляются гласным средне-нижнего подъема: [о] ~ [ɔ], [е] ~ [ɛ] или [ɔ̣] ~ [ɔ], [ɛ̣] ~ [ɛ]. Однако сохранение противопоставления гласных [а] ~ [и] перед /e/ и /ʔ/ при этом типе вокализма уже не имеет никакого отношения к особенностям системы ударных фонем. Фонологизация позиционных чередований обуславливает усиление влияния на выбор гласного в 1-м предударном слоге грамматических и лексических факторов. Так, изоглосса фонемы /e/ в ударных окончаниях глаголов I спряжения в основных чертах совпадает с ареалом ассимилятивно-диссимилятивного яканья новосёлковской разновидности, на что мое внимание обратила А.В. Тер-Аванесова (см. карту 3 на с. 345).

Если условия для лексикализации и грамматикализации произношения гласных отсутствуют, в 1-м предударном слоге независимо от гласного под ударением распространяется звук [а]. Отрицание *не-*, а также предлоги и приставки (типа *без-*, *пере-*), находящиеся в 1-м предударном слоге, могут свободно употребляться перед различными ударными гласными. Поэтому в этой позиции последовательно проводится принцип сильного яканья. Возможности для лексикализации и грамматикализации отсутствуют и после твердых согласных – здесь функционирует сильное аканье, которое может сохранять лишь следы прежней диссимилятивной системы перед /a/, что наблюдается в слабой фразовой позиции при отсутствии выделенности слова [Касаткин 2010: 85]. Инструментальные исследования структуры сильного аканья в юго-восточных говорах выявляют диссимилятивную основу этого типа вокализма не только в позиции перед /a/, но и перед /o/ (из *ʔ): *д[ə]м[ó]к*, *пл[ə]т[ó]чки*

(примеры из с. Новосёлки Рыбновского р-на Рязанской обл. [Просодический строй 1996: 240]).

В остальных безударных слогах длительность гласных максимально сокращается, зачастую – до нуля звука. В пределах юго-восточной диалектной зоны «отмечены примеры отражения высокой степени редукции гласных, в том числе гласных верхнего подъема», как во 2-м предударном, так и в заударных слогах [Строганова 1977: 88–89]. Эти гласные также имеют склонность к ассимиляции более сильным гласным: гласный 2-го предударного слога уподобляется гласному 1-го предударного слога; заударный гласный – ударному [Просодический строй 1996: 212–213].

6.5. Выводы

1. В говорах с новосёлковским типом ассимилятивно-диссимилятивного яканья после твердых согласных звук [а], находящийся в 1-м предударном слоге перед /а/, может быть менее интенсивным и более закрытым, чем ударный гласный, хотя может и не уступать ударному гласному по этим характеристикам. Подобная разновидность аканья с произношением перед /а/ гласного [а], даже сокращенного и более закрытого, отличается от жиздринского аканья с качественной диссимиляцией и типологически должна определяться скорее как сильное аканье с элементами диссимиляции.

2. Новосёлковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье обычно сочетается в южнорусских говорах с системой семифонемного вокализма, однако сохранение противопоставления гласных [а] ~ [и] перед /ѣ/ и /е/ при этом типе вокализма уже не имеет никакого отношения к особенностям системы ударных фонем. На выбор гласного в 1-м предударном слоге влияют морфонологические факторы, то есть консервация системы новосёлковского ассимилятивно-диссимилятивного яканья поддерживается наличием в говоре ряда значимых грамматических черт.

3. В некоторых южнорусских говорах с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем новосёлковской разновидности перед /ѣ/ или (/е/

из *Ъ) появляются примеры типа *н[’и]дэля*, *н[’и]вэста*, *в с[’и]лэ*, свидетельствующие о возможности дальнейшего изменения этой модели яканья в кидусовский подтип. Распространение гласного [и] в указанной позиции, так же как и при суджанском диссимилятивном яканье, может объясняться актуализацией зависимости гласного 1-го предударного слога от мягкости следующего согласного перед ударными гласными среднего подъема.

4. Данные внутренней реконструкции свидетельствуют о том, что носёлковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье сложилось в результате развития ассимилятивных процессов в системе архаического яканья с противопоставлением в 1-м предударном слоге [e] || [a].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Развитие системы вокализма в южнорусских говорах подчиняется общей закономерности – тенденции к сокращению различительной способности гласных, усилению позиционной обусловленности безударных гласных и уменьшению напряженности артикуляционной базы. Происходившие изменения способствовали выделению акцентного ядра, усилению связи между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога, которые постепенно начинают противопоставляться остальным безударным гласным.

2. При нарушении диссимилятивной зависимости между гласными, что связано с окончательным переходом к ритмическому контуру «сильный центр и слабая периферия», ассимиляция становится в ряде южнорусских говоров системным явлением. Дальнейшее развитие вокалических систем на исследуемой территории зависит от нескольких параметров: способа оформления фонетического слова, количества гласных фонем, типа ассимиляции и системы противопоставления в 1-м предударном слоге. Формирование после мягких согласных корреляции [и] – не-[и] отменяет системное действие фонетических факторов развития, в том числе и регрессивной ассимиляции. В дальнейшем эти типы предударного вокализма будут развиваться под влиянием фонологических и морфонологических факторов.

3. Следует отметить, что стремление стабилизировать вокальный состав слова «в качестве реакции на синтагматические изменения» также может быть признано характерной особенностью развития не только «радикально консонантической» русской фонетической системы. Она обнаруживается «в разных регионах Славии в диалектах разной типологической характеристики» [Калнынь 2001: 34].

4. Все говоры исследованного ареала генетически связаны, в них выявляется общая диссимилятивная основа организации вокализма как после твёрдых, так и после мягких согласных. Большинство диалектных систем об-

наруживают диссимилятивную основу предупредного вокализма после твердых согласных; более последовательно диссимилятивное аканье функционирует в говорах Курско-Орловской диалектной группы, а также в елецких и оскольских межзональных говорах. Во многих говорах Тульской и Восточной диалектных группах отмечаются лишь рефлексы былого распространения диссимилятивного типа вокализма. Подобная неоднородность диссимилятивного аканья напрямую связана с наличием определенной ритмической структуры слова. Наличие «смешанного» ритмического контура в говорах юго-западной диалектной зоны способствует сохранению в них диссимилятивного аканья как последовательно выдержанной системы; становление контура «сильный центр и слабая периферия», что характерно для юго-восточной диалектной зоны, приводит к распространению сильного (недиссимилятивного) аканья.

5. Сохранение/утрата диссимилятивного аканья зависит также от качества звуков, которые репрезентуют звукотип не-[а] после твердых согласных. Лабиализация его реализаций становится причиной сохранения диссимилятивного аканья на западе ареала. В направлении на восток наблюдается изменение характера не-[а] – от *o*-образных звуков к *ə*-образным, близким к [а]. С этим, очевидно, связана утрата в них диссимилятивности после твердых согласных, хотя гласный [а] перед ударными [а] может отличаться по степени подъема и квантитативным характеристикам от звука [а] перед другими ударными гласными, сохраняя тем самым лишь отдельные черты прежней системы вокализма.

6. Все разновидности яканья, характерные для описанных «первично акающих» говоров, также проявляют исконную диссимилятивную основу вокализма; по словам С.И. Коткова, они «образуют стройную систему, отдельные звенья которой представляют ступени ее постепенного внутреннего развития» [Котков 1952: 165, 182]. Некоторые структурные особенности умеренного яканья также могут быть интерпретированы как рефлекс диссимилятивного вокализма. Очевидно, что тульское умеренное яканье представля-

ет единый диалектный ареал с диссимилятивно-умеренным яканьем, которое характерно для периферии исследуемых говоров и которое в свою очередь обнаруживает генетические и типологические связи с суджанским диссимилятивным яканьем.

7. Некоторые типы яканья, характерные для Южнорусского наречия, могут сочетаться с семифонемной системой вокализма: задонская и обоянская разновидности архаического диссимилятивного яканья, архаическая разновидность диссимилятивно-умеренного яканья, новосёлковская разновидность ассимилятивно-диссимилятивного яканья. Однако ни в одной из этих систем нет прямой фонетической зависимости между ударным и предударным гласными. Произношение конкретного звукотипа на месте фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ непосредственно не влияет на выбор звукотипа в 1-м предударном слоге. Появление гласного [а] – не-[а] (при задонском типе) или [и]–не-[и] (при остальных разновидностях вокализма) обусловлено не фонетической позицией, а различными фонологическими или лексико-грамматическими условиями.

8. Для диалектных систем с преимущественным распространением архаических типов яканья характерно также и архаическое диссимилятивное аканье. Другие типы диссимилятивного аканья (прохоровское и жиздринское) обычно сосуществуют с переходными моделями диссимилятивного яканья: обоянско-щигровской или дмитриевско-суджанской. В целом диссимилятивный архаический вокализм значительно лучше сохраняется после твердых согласных, чем после мягких.

9. Перестройка словесной просодии в говорах с архаическим диссимилятивным вокализмом в первую очередь затрагивает такие характеристики предударного гласного, как качество и интенсивность, при этом его собственная длительность обладает значительно большей устойчивостью. Поэтому кажется неправомерным мнение, что «количественные отношения между ударным и безударным вокализмом не являются решающими для осуществления внутри слова диссимилятивного принципа» [Сталькова 1971: 47].

10. Южнорусские говоры сохраняют многие архаические диалектные особенности, связанные с организацией сегментного и суперсегментного уровней их фонетических систем. Здесь прежде всего следует упомянуть наличие рефлексов волнообразной ритмической структуры слова, которая была свойственна древнерусскому языку [Кузнецов 1964: 35; Касаткин 2010: 89], слабое примыкание согласного к предшествующему гласному (тенденция к открытости слога) [Пауфошима 1977: 230], сильноконечный характер дифтонгических образований на месте /ѣ/ и /ѡ/ [Высотский 1967: 31], неоднородность гласного [ы], а также опущенное образование аллофонов /y/, последовательное отсутствие перехода под ударением [e] в [o] в глагольных флексиях настоящего времени, функционирование различных типов вокализма на архаической основе. Фиксация подобных языковых черт в южнорусских говорах различной локализации указывает не «на общие языковые переживания», свойственные этим диалектным системам, но свидетельствует об отсутствии проникновения на южные территории северных инноваций «позднедревнерусского периода» [Хабургаев 1979: 51].

11. Многие архаические диалектные особенности, фиксирующиеся в юго-западных говорах (например в говоре с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.), сближают их с говорами северной диалектной зоны, прежде всего с говорами северо-востока. Среди явлений, относящихся к сегментному уровню, можно назвать: общую напряженность артикуляции; следы апико-альвеолярного способа образования переднеязычных согласных [т], [д], [н], [л]; продление конечного гласного повествовательных высказываний, что связано с возможным отсутствием падения тона на последнем гласном; усиление последнего слога фонетического слова, что связано с пословным мелодическим оформлением синтагм. Эти особенности, идущие из праславянской древности, не сохранились в большинстве южнорусских диалектных систем. Однако их наличие в говоре Кирейкова с ярко выраженной южнорусской основой свидетельствует о том, что эти архаические черты когда-то были присущи всем говорам русского языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аванесов Р.И.* Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Московского университета. № 9. 1947. С. 109–158.
2. *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.
3. *Аванесов Р.И.* Очерки диалектологии рязанской мещеры. I. Описание одного говора по течению р. Пры // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Т. 1. М.-Л. 1949б. С. 135–236.
4. *Аванесов Р.И.* Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. XI, вып. 2. 1952а. С. 161–178.
5. *Аванесов Р.И.* Лингвистическая география и история русского языка // ВЯ. 1952б. № 6. С. 25–46.
6. *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
7. *Аванесов Р.И.* О соотношении предударного вокализма после твердых и после мягких согласных в русском языке // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. XXIX, вып. 6. М., 1970. С. 472–477.
8. *Аванесов Р.И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
9. *Авдеева М.Т.* Словарь украинских говоров Воронежской области. Т. 2. Воронеж, 2012.
10. *Алексеев Д.И.* Об одной фонетической особенности владимирско-поволжских говоров (о переходе [е] в [и] под ударением) // Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та. Вып. 12. Куйбышев, 1954.
11. *Альмухамедова З.М., Кульшарипова Р.Э.* Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980.
12. *Антонова Р.Д.* Экспериментально-фонетическое изучение вокализма говора д. Белой Зеленодольского района ТАССР. Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1974.
13. Атлас 1957 — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1957.
14. *Баркалова М.Н.* Описание говора села Кучугуры Нижнедевицкого района: дипломная работа. Воронеж: Воронежский гос. университет, 2011.
15. *Бевзенко С.П.* Українська діалектологія. Київ, 1980.
16. *Бескровный А.М.* Из истории образования переходного украинско-русского диалекта в Воронежской области // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Т. 2. М.-Л., 1949. С. 312–319.

17. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. 4-е изд. Казань, 1913.
18. *Бондарко Л.В.* Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.
19. *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1965.
20. *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда [Сб. ОРЯС. Т. 83, № 4]. СПб., 1907.
21. *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
22. *Бромлей С.В.* Наблюдения над ударяемыми гласными при собирании материалов по «Программе» // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка. Вып. 5. М.–Л., 1949. С. 22–51.
23. *Будде Е.Ф.* К истории великорусских говоров: Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.
24. *Будде Е.Ф.* О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях // Изв. ОРЯС Т. 3. Кн. 3. 1898.
25. *Букринская И.А.* Ударенное окончание *-и* в предложном падеже существительных второго типа склонения в русских диалектах // Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования / Отв. ред. Р.И. Аванесов. М., 1983. С. 89–92.
26. *Булатова Л.Н.* О диалектологической экспедиции в Озерский район Московской области // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка. Вып. 1. М.–Л., 1947. С. 62–69.
27. *Булатова Л.Н.* Об окающих говорах Курловского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка. Вып. 5. М.–Л., 1949. С. 69–80.
28. *Вайтовіч Н.Т.* Ненаціскны вакалізм народных гавораў Беларусі. Мінск, 1968.
29. *Ваахтера Й.М.* Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области [Slavica Helsingiensia 37]. Helsinki, 2009.
30. *Варбот Ж.Ж.* Факультативная дифтонгизация этимологического *у* в русских говорах // Русск. яз. в науч. освещении. 2008. № 1 (15). С. 98–108.
31. *Васильев Л.Л.* Гласные в слогe под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре // Изв. ОРЯС. Т. 9. Кн. 1. 1904. С. 336–355.
32. *Васильев Л.Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков. К вопросу о происхождении звука *о* в

- великорусском наречии [Сб. по рус. языку и словесности. Т. I. Вып. 2]. Л., 1929.
33. *Виноградов В.В.* Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. 1. Очерки из истории звука ъ в севернорусском наречии // Изв. ОРЯС. 1919. Т. 24. Кн. 1. Пг., 1922. С. 150–245.
 34. *Волкова Н.А.* Фонетика говоров Посемья. История и современное состояние. Череповец, 2003.
 35. *Волкова Н.А., Праведников С.П.* Курские говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1 [Приложение № 9 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка]. Курск – Бохум, 1999.
 36. *Воронцова В.Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.
 37. Вступ 1966 – Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / За ред. О.С. Мельничука. Київ, 1966.
 38. *Высотский С.С.* Юго-западные подмосковные говоры. К проблеме переходных говоров. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1941.
 39. *Высотский С.С.* О говоре д. Лека (По материалам экспедиции 1945 г.) // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Т. 2. М.-Л., 1949. С. 3–71.
 40. *Высотский С.С.* Развитие русской диалектологии в конце XIX в. и в начале XX в. (до Великой Октябрьской социалистической революции) // История русской диалектологии / Отв. ред. Б.В. Горнунг. М., 1961. С. 30–66.
 41. *Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 5–82.
 42. *Высотский С.С.* О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С.В. Бромлей. М., 1973. С. 17–41.
 43. *Высотский С.С.* К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры / Отв. ред. Е.В. Немченко. М., 1975. С. 3–19.
 44. *Высотский С.С.* К вопросу о диссимилятивном принципе вокализма // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии / Отв. ред. С.С. Высотский. М., 1977а. С. 53–59.
 45. *Высотский С.С.* Фонемный состав слова как основа для изучения звукового строя говора // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии / Отв. ред. С.С. Высотский. М., 1977б. С. 3–52.

46. *Высотский С.С.* Введение // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах / Отв. ред. С.С. Высотский. М., 1978а. С. 3–17.
47. *Высотский С.С.* Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонологического строя говоров // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах / Отв. ред. С.С. Высотский. М., 1978б. С. 67–130.
48. *Галинская Е.А.* Историческая фонетика русских диалектов. М., 2002.
49. *Георгиев В.И.* Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка // ВЯ. 1963. № 2. С. 20–29.
50. *Гецова О.Г.* О произношении ударенного *о* разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского района Рязанской области // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Новая серия. Т. I / Отв. ред. Р.И. Аванесов, В.Г. Орлова. М., 1959. С. 105–118.
51. Гловинская и др. 1971 — *М.Я. Гловинская, Н.Е. Ильина, С.М. Кузьмина, М.В. Панов.* О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971. С. 20–32.
52. *Голубева Н.Л.* О консонантном окружении гласных, редуцируемых до нуля // Диалектография русского языка / Отв. ред. Р.И. Аванесов, А.И. Горшков. М., 1985. С. 60–80.
53. *Горшкова К.В.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
54. *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1997.
55. Градационная фонология 1985 — Градационная фонология языка и просодия слова русской диалектной речи / Науч. ред. З.М. Альмухамедова. Казань, 1985.
56. *Гринкова Н.П.* Очерки по русской диалектологии. V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии // Изв. по рус. языку и словесности. 1929. Т. II. Кн. 1. Л., 1929. С. 76–116.
57. ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР / Под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986; Вып. 2: Морфология. М., 1989.
58. *Дмитриев С.И.* Говор деревни Новый Бузец Дмитриевского уезда Курской губернии // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка. Вып. 1. М.-Л., 1947. С. 37–42.
59. Доп. к опыту 1858 — Дополнение к опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

60. *Дурнаво М.М.* Працы Алёны Курыловой у галіне дыялекталёгіі і гісторыі беларускай і ўкраінскай мовы // Запіскі аддзелу гуманітарных навук Беларус. АН. Кн. 9. Працы клясы філалёгіі. Т. 2. Менск, 1929. С. 317–320.
61. *Дурново Н.Н.* Диалектологическая карта Калужской губернии [Сб. ОРЯС. Т. 76, № 1]. СПб., 1903.
62. *Дурново Н.Н.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1: Южновеликорусское наречие. Вып. 1. М., 1917а; Вып. 2. Шамордино, 1917б.
63. *Дурново Н.Н.* Ответ проф. Е.Ф. Будде // Изв. ОРЯС, 1919. Т. 24. Кн. 2. Пг., 1923. С. 362–371.
64. *Дурново Н.Н.* Несколько замечаний к вопросу об образовании русских языков // Изв. по рус. языку и словесности. 1929. Т. II. Кн. 2. Л., 1929. С. 713–718.
65. *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. 2-е изд. М., 1969.
66. *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка // Н.Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 1–337.
67. Дурново и др. 1915 — Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии [Русский филологический вестник. Т. 74. Вып. 2]. М., 1915.
68. *Дьяченко С.В.* К вопросу о соотношении между предударными гласными после твердых и мягких согласных в южнорусских говорах (на примере говора с архаическим типом вокализма) // Русск. яз. в науч. освещении. 2010. № 2 (20). С. 120–142.
69. *Дьяченко С.В.* Система ударных гласных в русских говорах запада Воронежской области // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна. М., 2011. С. 64–68.
70. *Дьяченко С.В.* Наблюдения над ударным вокализмом трех архаических воронежских говоров // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции 27-28 октября 2012 г. М., 2012. С. 36–40.
71. *Дьяченко С.В.* Вокализм первого предударного слога после твердых согласных в воронежских говорах // Доклад на XXIII Международной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2013.
72. ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Гол. ред. О.С. Мельничук. Київ, 1982–2012—. Т. 1–6—.

73. *Ефремова О.В.* Присловья к праздникам в говоре деревни Черногрязка Болховского района Орловской области // Орловские говоры: Проблемы изучения / Науч. ред. Т.В. Бахвалова. Орел, 1997. С. 86–89.
74. *Житецкий П.И.* Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв. Ч. 1. Киев, 1889.
75. Жовтобрюх та ін. 1979 — М.А. Жовтобрюх, В.М. Русанівський, В.Г. Скляренко. Історія української мови. Фонетика. Київ, 1979.
76. *Жуковская З.В.* Говоры западной части Воронежской области. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
77. *Журавлев В.К.* Из истории вокализма в праславянском языке позднего периода // ВЯ. 1963. № 2. С. 8–19.
78. *Журавлев В.К.* Диахроническая фонология. М., 1986.
79. *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
80. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
81. *Захарова К.Ф.* Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Новая серия. Т. I / Отв. ред. Р.И. Аванесов, В.Г. Орлова. М., 1959. С. 6–55.
82. *Захарова К.Ф.* Некоторые случаи утраты архаического типа диссимилятивного яканья (По материалам «Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР») // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Новая серия. Вып. II / Отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1961. С. 40–58.
83. *Захарова К.Ф.* Типы диссимилятивного яканья. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1970.
84. *Захарова К.Ф.* Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (Лексико-морфонологическая характеристика) // ВЯ. 1971. № 2. С. 3–18.
85. *Захарова К.Ф.* Ассимилятивно-диссимилятивное яканье по данным «Атласа русских говоров к югу от Москвы» // Русские говоры / Отв. ред. Е.В. Немченко. М., 1975. С. 19–40.
86. *Захарова К.Ф.* К вопросу о генетической основе типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья // Диалектологические исследования по русскому языку / Отв. ред. Р.И. Аванесов. М., 1977. С. 49–63.
87. *Захарова К.Ф.* «Слабые» фонемы предударного вокализма в русских говорах // Фортунатовский сборник / Отв. ред. Е.В. Красильникова. М., 2000а. С. 55–70.

88. *Захарова К.Ф.* Отзыв об автореферате Д.М. Савинова. Вокализм первого предупредительного слога некоторых тульских говоров (Белёвский и Венёвский районы). М., 2000б (рукопись).
89. *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
90. *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
91. *Златоустова Л.В.* О природе словесного ударения в окружающих говорах с редуцией и без редукции сравнительно с литературным языком // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Новая серия. Т. III / Отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1962а. С. 121–132.
92. *Златоустова Л.В.* Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962б.
93. *Иваницкая Е.Н.* Лексика говоров Ленинского [Серпуховского] района Московской области // Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та. 1967. № 264 (Вопросы лексики и грамматики русского языка). С. 296–305.
94. *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. 3-е изд. М., 1990.
95. *Иванченко Р.Д.* Характер аканья в курском говоре на территории Южного Урала // Вопросы истории и диалектологии русского языка. Вып. IV / Отв. ред. Л.А. Глинкина. Челябинск, 1971. С. 73–81.
96. *Ищенко О.С.* Дифтонги в північноукраїнських діалектах (за даними інтонографування) // Волинь-Житомирщина: Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. Житомир, 2010. Вип. 22. Т. 2. С. 89–100.
97. *Ищенко О.С.* Формантна динаміка східнополіського дифтонга *ie* в українській мові // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна. М., 2011. С. 70–72.
98. *Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф.* Побочное ударение и ритмическая структура русского слова на словесном и фразовом уровнях // ВЯ. 1993. № 4. С. 99–106.
99. *Калнынь Л.Э.* К истории коломенских говоров // Труды Института языкознания. Т. VII. М., 1957.
100. *Калнынь Л.Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // ВЯ. 1997. № 3. С. 115–124.
101. *Калнынь Л.Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.

102. *Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Изучение вариативности в славянских диалектах [Исследования по славянской диалектологии. 3]. М., 1995.
103. *Каменев В.Н.* О говорах северо-восточной части Одоевского уезда Тульской губернии // Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка. Вып. 9 / Под ред. Д.Н. Ушакова. Л., 1927. С. 49–58.
104. *Кардашевский С.М.* Курско-орловский словарь (Материалы для изучения лексики курско-орловских говоров) // Учен. зап. Московского областного пед. ин-та. Т. 48. Труды кафедры русского языка, вып. 4. М., 1957. С. 135–358.
105. *Касаткин Л.Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
106. *Касаткин Л.Л.* Донские казачьи говоры // Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2000. С. 582–590.
107. *Касаткин Л.Л.* Диалектное членение русского языка, типология русских говоров и статус Чухломского акающего острова // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. I (VII) / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2002а. С. 25–39.
108. *Касаткин Л.Л.* Диереза и оглушение гласных в говорах Донской группы южного наречия // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. I (VII) / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2002б. С. 40–64.
109. *Касаткин Л.Л.* Катагощинское яканье в говоре семейских – старообрядцев Забайкалья // Проблемы фонетики. IV / Под ред. Р.Ф. Касаткиной. М., 2002в. С. 252–260.
110. *Касаткин Л.Л.* Фонетика // Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005а. С. 22–85.
111. *Касаткин Л.Л.* Донская группа // Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005б. С. 266–268.
112. *Касаткин Л.Л.* Современный русский язык. Фонетика. М., 2006.
113. *Касаткин Л.Л.* Русская интонация: тональные контуры // Проблемы фонетики. V / Отв. ред. Р.Ф. Касаткина. М., 2007. С. 250–266.
114. *Касаткин Л.Л.* Русский говор села Татарица в Болгарии // Русские старообрядцы: Язык, культура, история / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2008. С. 116–139.
115. *Касаткин Л.Л.* Из истории аканья – яканья в русском языке // Русск. яз. в науч. освещении. 2010. № 2 (20). С. 77–102.

116. *Касаткин Л.Л.* Отчет о диалектологической экспедиции в Кировскую область // Русск. яз. в науч. освещении. 2012а. № 1 (23). С. 280–282.
117. *Касаткин Л.Л.* Трансформация яканья в говоре с. Куничы Флорештского района Молдавии // Współczesne badania nad kulturą, literaturą i językiem rosyjskim / Pod red. D. Paśko-Koneczniak. Toruń, 2012б. С. 387–401.
118. *Касаткин Л.Л.* Из истории аканья – яканья в русском языке // Русская фонетика в развитии: фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Отв. ред. М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткина. М., 2013. С. 295–317.
119. *Касаткина Р.Ф.* Русская диалектная суперсегментная фонетика. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1988.
120. *Касаткина Р.Ф.* О южнорусском диссимилятивном аканье // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995. С. 220–228.
121. *Касаткина Р.Ф.* Некоторые наблюдения над ударением в говорах Гдовского района Псковской области // Псковские говоры. История и диалектология русского языка / Под ред. Я.И. Бьёрнфлатена. Oslo, 1997. С. 82–94.
122. *Касаткина Р.Ф.* Южнорусское наречие. Новые данные // ВЯ. 2000. № 6. С. 98–109.
123. *Касаткина Р.Ф.* Заметки о южнорусской интонации // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. I (VII) / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2002. С. 134–150.
124. *Касаткина Р.Ф.* Московское аканье в свете некоторых диалектных данных // ВЯ. 2005. № 2. С. 29–45.
125. *Касаткина Р.Ф.* Новые данные о говоре деревни Лека Шатурского р-на Московской обл. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 14. Фонетический аспект изучения славянских диалектов / Отв. ред. Л.Э. Калнынь. М., 2009. С. 107–114.
126. *Касаткина Р.Ф.* Специфика севернорусского наречия – субстратная или генетическая? // ВЯ. 2010. № 5. С. 3–13.
127. *Касаткина Р.Ф.* О фразовых позициях // Русская фонетика в развитии: фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Отв. ред. М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткина. М., 2013. С. 13–22.
128. Касаткина (ред.) 1991 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры / Отв. ред. Р.Ф. Касаткина [Приложение № 1 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка]. Москва – Бохум, 1991.

129. Касаткина (ред.) 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р.Ф. Касаткиной. М., 1999.
130. Касаткина Р.Ф., Щигель Е.В. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики. II / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 1995. С. 295–309.
131. Клейменова Е.С. Говоры южной части Калужской обл. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1956а.
132. Клейменова Е.С. Говоры южной части Калужской обл. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1956б.
133. Князев С.В. К истории формирования некоторых типов аканья и яканья в русском языке // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах / Отв. ред. К.В. Горшкова, М.Л. Ремнёва. М., 2001. С. 8–42.
134. Князев С.В. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М., 2006.
135. Князев С.В. Русская диалектная фонетика. Учебное пособие. М., 2008 [http://www.philol.msu.ru/~ruslang/data/pdf/_dianwo.pdf].
136. Князев С.В., Урбанович Г.И. О ритмической модели слова в некоторых архангельских говорах // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. I (VII) / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2002. С. 83–91.
137. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.
138. Колесов В.В. Неопубликованная работа А.А. Шахматова по русской исторической фонетике и акцентологии // ВЯ. 1964, № 5. С. 107–110.
139. Колесов В.В. Фонетика // Русская диалектология / Под ред. Н.А. Мещерского. М., 1972. С. 49–121.
140. Копорский С.А. Архаические говоры Осташковского р-на Калининской обл. // Учен. зап. Калининского пед. ин-та. Т. X, вып. 3. Калинин, 1945. С. 3–163.
141. Корпечкова Е.В. Развитие архаических типов вокализма в говорах севера Белгородской обл. // Русск. яз. в науч. освещении. 2010. № 1 (19). С. 143–157.
142. Корпечкова Е.В. Развитие обоянского типа яканья в говорах севера Белгородской области // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции 27-28 октября 2012 г. М., 2012. С. 93–96.

143. *Котков С.И.* Говоры Орловской области со стороны их вокализма // Учен. зап. Орловского пед. ин-та . Т. V. Кафедра русского языка, вып. 2. Орел, 1951. С. 58–124.
144. *Котков С.И.* К изучению орловских говоров [Учен. зап. Орловского пед. ин-та. Т. VII. Кафедра русского языка, вып. 3]. Орел, 1952.
145. *Котков С.И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.
146. *Красовицкий А.М.* Просодические характеристики слова в говорах с диссимилятивным аканьем // Проблемы фонетики. III / Отв. ред. Р.Ф. Касаткина. М., 1999. С. 187–196.
147. *Крывіцкі А.А.* Дыялекталогія беларускай мовы. Мінск, 2003.
148. *Крысько В.Б.* Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 367–380.
149. *Кузнецов П.С.* К вопросу о происхождении аканья // ВЯ. 1964. № 1. С. 30–41.
150. КСВГ — Картотека Словаря воронежских говоров, хранится на кафедре славянской филологии Воронежского государственного университета⁸³.
151. *Кузнецова А.М.* Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости–мягкости согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров / Отв. ред. С.С. Высотский. М., 1969. С. 35–137.
152. *Кульбакин С.М.* Украинский язык. Краткий очерк исторической фонетики и морфологии. Харьков, 1919.
153. *Кульшарипова Р.Э.* Экспериментально-фонетическое исследование некоторых среднерусских говоров. Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1974.
154. *Кульшарипова Р.Э.* Синтагматика речи в современных среднерусских окающих говорах // Современные процессы в русских народных говорах / Отв. ред. Л.И. Баранникова. Саратов, 1991. С. 74–85.
155. *Лекомцева М.И.* Проблемы балтийского субстрата аканья // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 157–168.
156. *Листрова Ю.Т.* Говор села Отскочного, Дмитряшевского района, Воронежской области. Автореф. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1953.
157. *Листрова Ю.Т.* К изучению курско-орловского диалекта (говор с Отскочного Дмитряшевского р-на Липецкой обл.) // Учен. зап. Кишинев-

⁸³ Материалы Картотеки представлены мне доцентом кафедры славянской филологии ВГУ Т.В. Карасёвой, за что приношу свою искреннюю благодарность.

- ского гос. пед. ин-та. Т. IV (серия гуманитар. наук). Кишинев, 1955. С. 197–208.
158. *Лыткин В.И.* Еще к вопросу о происхождении русского аканья // ВЯ. 1965. № 4. С. 44–52.
159. *Маркелов В.С.* Ритмическая система одного Волжско-Свияжского говора. Автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987.
160. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
161. *Межецкая Г.Н.* Вокализм первого предударного слога в елецких говорах. Дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2010.
162. *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
163. *Мельничук А.С.* О генезисе индоевропейского вокализма // ВЯ. 1979. № 6. С. 3–16.
164. *Мораховская О.Н.* Соотношение типов яканья в говорах рязанской мещеры // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Новая серия. Т. III / Отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1962. С. 72–100.
165. *Морозова Н., Чекмонас В.* Говоры старообрядцев Литвы: особенности и проблемы происхождения // Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование. Т. 1. Сказки. Пословицы. Загадки. Вильнюс, 2007. С. 51–72.
166. *Мошинский Л.* К фонологии просодических элементов в славянских языках (о фонологической нерелевантности изолированного просодического признака) // ВЯ. 1965. № 2. С. 3–14.
167. *Мошинский Л.* О времени монофтонгизации праславянских дифтонгов // ВЯ. 1972. № 4. С. 53–67.
168. *Мошкина Е.Н.* Вятские говоры. Звучащая хрестоматия [Приложение № 8 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка]. Вятка – Бохум, 1999.
169. *Назарова Т.В.* Аканье в украинских говорах // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977. С. 211–260.
170. Некоторые новые данные 1957 — [Без автора] Некоторые новые данные о русских народных говорах (По материалам диалектологических атласов) // ВЯ. 1957. № 5. С. 82–91.
171. *Никитина Е.Н., Пожарицкая С.К.* Служебные слова в просодической организации диалектного текста // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г.А. Хабургаева / Отв. ред. Б.А. Успенский, М.Н. Шевелева. М., 1993. С. 156–166.
172. *Николаева Т.М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.

173. *Никольский А.А.* Говоры Калужской области // Учен. зап. Калужского гос. пед. и учит. ин-та. Вып. 1. Калуга, 1950. С. 117–171.
174. *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число [Сб. ОРЯС. Т. 100, № 3]. Л., 1927.
175. *Оксман Г.С.* Произношение гласных неверхнего подъема 1-го предударного слога после отвердевших шипящих в южновеликорусских говорах // Вопросы русской диалектологии. Труды V–VI конференций кафедр русского языка педагогических институтов Среднего и Нижнего Поволжья. Куйбышев, 1965. С. 89–101.
176. *Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
177. Панов (ред.) 1968 — Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.
178. *Парикова Н.Б.* Об аналогии в некоторых особенностях умеренного яканья средневеликорусских и южновеликорусских говоров // Учен. зап. Великолукского пед. ин-та. Том IV, вып. 3. Кафедра русского языка. Великие Луки, 1959. С. 80–97.
179. *Парикова Н.Б.* Умеренное яканье в тульских говорах. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1960.
180. *Парикова Н.Б.* Умеренное яканье в тульских говорах // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Новая серия. Вып. II / Отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1961. С. 15–39.
181. *Парикова Н.Б.* Происхождение и состояние умеренного яканья в Тульской группе южновеликорусских говоров к середине XX века. Тула, 2008.
182. *Пауфошима Р.Ф.* Гласные фонемы переднего и среднего ряда в позиции между мягкими согласными под ударением в одном северновеликорусском говоре (по данным спектрального анализа) // Науч. доклады высшей школы. Филологические науки. 1964. № 3. С. 150–161.
183. *Пауфошима Р.Ф.* Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного северновеликорусского говора. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1965.
184. *Пауфошима Р.Ф.* О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии / Отв. ред. С.С. Высотский. М., 1977. С. 185–230.
185. *Пауфошима Р.Ф.* Перестройка системы предударного вокализма в одном вологодском говоре // Физические основы современных фонетиче-

- ских процессов в русских говорах / Отв. ред. С.С. Высотский. М., 1978. С. 18–66.
186. Пауфошима Р.Ф. О произношении гласных второго предударного слога в некоторых русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка / Отв. ред. Р.И. Аванесов. М., 1981. С. 25–30.
187. Пауфошима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
188. Петерсон М.Н. Говор села Дорофеева, Московской области, Орехово-Зуевского района (б. Рязанской губ., Егорьевского у.) // Труды МИФЛИ. Т. V. М., 1939. С. 55–65.
189. Півторак Г.П. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови. Київ, 1988.
190. Попов М.Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб., 2004.
191. ПОС — Псковский областной словарь. Вып. 1–24—. Л.; СПб., 1967–2013—.
192. Просодический строй 1996 — Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 1996.
193. Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров. М., 1996.
194. Родина М.А. Говор села Апухтино Одоевского района Тульской области (системно-языковой анализ). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
195. Розанова Н.Н. Суперсегментные средства русской разговорной речи (на материале ударения в потоке речи). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
196. Русская диалектология 1964 — Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой. М., 1964.
197. Рыбочкина Е.А. Фонетика и морфология тульских говоров XVII века. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1970.
198. Савинов Д.М. Вокализм первого предударного слога некоторых тульских говоров (Белёвский и Венёвский районы). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
199. Савинов Д.М. Об особенностях произношения местоимений в форме родительного падежа (типа *его*) в южнорусских говорах // Проблемы фонетики. IV / Отв. ред. Р.Ф. Касаткина. М., 2002. С. 260–269.
200. Савинов Д.М. О некоторых аспектах изучения русских говоров Северо-Запада (инструментально-фонетическое исследование системы гласных в одном идиолекте) // Русск. яз. в науч. освещении. 2013. № 1 (25). С. 86–110.

201. СВГ — Словарь воронежских говоров / Науч. ред. Г.Ф. Ковалев. Вып. 1–2–. Воронеж, 2004–2007–.
202. СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р.И. Кудряшовой. Вып. 1–6. Волгоград, 2006–2009.
203. *Селищев А.М.* Славянские языкознание. Т. 1. Западнославянские языки. М., 1941.
204. *Селищев А.М.* Избранные труды. М., 1968.
205. *Сидоров В.Н.* Об одном тульском говоре с гласной *e*, не изменившейся в *o* // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Т. II. М.-Л., 1949. С. 277–289.
206. *Сидоров В.Н.* Из истории звуков русского языка. М., 1966.
207. *Сидоров В.Н.* Из русской исторической фонетики. М., 1969.
208. *Слесарева Г.П.* Сравнительная характеристика ритмо-динамических структур слова в русских говорах. Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1982.
209. *Собинникова В.И.* Говор села Петина Гремяченского [Хохольского] района Воронежской области // Труды Воронежского гос. университета. Т. 25. Л., 1954. С. 72–100.
210. *Собинникова В.И.* Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах. Воронеж, 1969.
211. СОГ — Словарь орловских говоров / Науч. ред. Т.В. Бахвалова. Вып. 1–15–. Ярославль; Орёл, 1989–2008–.
212. СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–45–. М.; Л., СПб., 1965–2013–.
213. ССГ — Словарь смоленских говоров / Под ред. Л.З. Бояриновой, А.И. Ивановой. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.
214. *Стадникова Е.В.* Влияние акцентной системы на фонологическую (на материале истории двух фонем «типа *o*» в русском языке). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
215. *Сталькова И.Л.* К вопросу о фонетической структуре слова в южнорусских говорах с диссимилятивным аканьем // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных семей / Отв. ред. Э.А. Макаев. М., 1971. С. 35–47.
216. *Строганова Т.Г.* Одна из особенностей южнорусского вокализма // ВЯ. 1955, № 4. С. 94–103.

217. *Строганова Т.Г.* О предударном вокализме говоров северо-запада Псковской области // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Т. III / Отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1962. С. 101–111.
218. *Строганова Т.Ю.* Западные среднерусские говоры // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1970. С. 392–452.
219. *Строганова Т.Ю.* О характере реализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после твердых согласных в говорах с диссимилятивным аканьем // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е.В. Немченко. М., 1975. С. 40–53.
220. *Строганова Т.Ю.* О вокализме 2-го предударного слога после твердых согласных в акающих говорах // Диалектологические исследования по русскому языку / Отв. ред. Р.И. Аванесов. М., 1977. С. 86–96.
221. *Тер-Аванесова А.В.* Материалы по акцентуации говора деревни Пустоша (существительные мужского рода) // Русск. яз. в науч. освещении. 2001. № 1 (3). С. 150–167.
222. *Тер-Аванесова А.В.* Рефлексы **ě* под ударением // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 4 / Отв. ред. Т.В. Попова. М., 2006. С. 41–67.
223. *Тер-Аванесова А.В.* Фрагмент системы именного словоизменения и акцентуации слободского говора // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. III (IX) / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2008. С. 67–111.
224. *Теплова В.Н.* О заударном вокализме после твердых согласных в русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка / Отв. ред. Р.И. Аванесов. М., 1981. С. 53–64.
225. *Теплова В.Н.* О вокализме заударного конечного открытого слога после твердых согласных в акающих говорах русского языка // Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования / Отв. ред. Р.И. Аванесов. М., 1983. С. 44–54.
226. *Титовская В.В.* Формы глаголов в говорах юго-западной части Воронежской области: Структура глагольных форм. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1955.
227. *Тихонова М.В.* «Катанка» – традиционное обрядовое блюдо села Россошь Репьёвского района Воронежской области // Народная культура сегодня и проблемы изучения [Афанасьевский сборник. Вып. XII]. Воронеж, 2012. С. 129–132.
228. *Томсон А.И.* Общее языковедение. 2-е изд. Одесса, 1910.

229. *Тоцька Н.І.* Ненаголошені алофони голосних фонем української літературної мови (до питання про редукцію голосних) // Мовознавство. 1970. № 5. С. 21–30.
230. *Тоцька Н.І.* Голосні фонем української літературної мови. Київ, 1973.
231. *Тростянский В.И.* К изучению местных говоров в Воронежской губернии [Сб. ОРЯС. Т. 95, № 2]. Пг., 1916.
232. Труды МДК 1928 — Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка (б. Московской диалектологической комиссии). Вып. 10. Л., 1928.
233. *Филин Ф.П.* К вопросу о происхождении аканья // Диалектологический сборник. II / Под ред. А.С. Ягодинского. Вологда, 1941. С. 145–161.
234. *Филин Ф.П.* Говор д. Селино Дубенского района Тульской области (Фонетический очерк) // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Т. 1. М.-Л. 1949. С. 280–312.
235. *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. М., 1962.
236. *Филин Ф.П.* О происхождении и развитии восточнославянского аканья // В.И. Георгиев, В.К. Журавлев, Ф.П. Филин, С.И. Стойков. Общеславянское значение проблемы аканья. София, 1968. С. 51–93.
237. *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
238. *Фомина Т.Г.* Вокализм акающего говора с архаическим диссимилятивным яканьем задонского типа. Автореф. ... канд. филол. наук. Саратов. 1980.
239. *Фомина Т.Г.* К вопросу о качестве гласных фонем <e>, <o> в одном южнорусском говоре (на основе экспериментальных данных) // Мат-лы по русско-славянскому языкознанию / Науч. ред. В.И. Собинникова. Воронеж, 1982. С. 142–149.
240. *Хабургаев Г.А.* Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия (Введение. Вокализм) // Учен. зап. Московского областного пед. ин-та. Т. 163, вып. 12. М., 1964. С. 271–314.
241. *Хабургаев Г.А.* О фонологических условиях развития русского аканья // ВЯ. 1965. № 6. С. 55–63.
242. *Хабургаев Г.А.* Географическое варьирование системных отношений как материал исторической диалектологии // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики / Отв. ред. Е.В. Немченко. М., 1975. С. 72–76.

243. *Хабургаев Г.А.* Этнонимия «Повести временных лет»: в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.
244. *Хмелевская Т.А.* Русские говоры Дона (фонетика). Ростов-на-Дону, 1970.
245. *Царева Л.И.* Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области // Псковские говоры. I. Труды первой псковской диалектологической конференции 1960 года / Отв. ред. Б.А. Ларин. Псков, 1962. С. 58–76.
246. *Чекман В.Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.
247. *Чекмонас В.Н.* Территория зарождения и этапы развития восточнославянского аканья в свете данных лингвогеографии // *Russian Linguistics*. 11. 1987. №2/3. С. 335–349.
248. *Чекмонас В.Н.* «Слоговые интонации» и длительности безударных гласных в говоре д. Деулино // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г.А. Хабургаева / Отв. ред. Б.А. Успенский, М.Н. Шевелева. М., 1993. С. 167–182.
249. *Чекмонас В.Н.* Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры) // *Kalbotyra* 47 (2). *Slavistica Vilnensis*, 1998a. С. 57–132.
250. *Чекмонас В.Н.* Судьбы фонетических открытий О. Брока // *A Centenary of Slavic Studies in Norway: The Olaf Broch Symposium. Papers* / Ed. Jan Ivar Bjørnflaten, Geir Kjetsaa, Terje Mathiassen. Oslo, 1998b. С. 36–61.
251. *Чекмонас В.Н.* Аканье и яканье в говорах Псковского района (современное состояние и проблемы истории) // *Kalbotyra* 48 (2). *Slavistica Vilnensis*, 1999. С. 89–146.
252. *Чекмонас В.Н.* Олофония и гиперфония в говорах северной части Псковщины // *Тексты устной речи* / Под ред. Р.Ф. Касаткиной [Бюллетень Фонетического Фонда русского языка. № 7, декабрь 2000]. С. 59–74.
253. *Чекмонас В.Н.* К изучению вокализма говоров Псковщины (ритмическая структура слова и акустические особенности реализации гласных в говоре д. Тешевицы Псковского района) // *Вопросы русского языкознания*. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах / Отв. ред. К.В. Горшкова, М.Л. Ремнёва. М., 2001. С. 43–85.

254. Черенкова А.Д. К типологии говоров Панинского района Воронежской области // Центральночерноземная деревня: История и современность. М., 1992. С. 97–99.
255. Черенкова А.Д. Говор села Первые Криушанские Выселки Панинского района Воронежской области // Сельская Россия: Прошлое и настоящее. М., 1999. С. 166–168.
256. Черенкова А.Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Воронеж, 2009.
257. Шаповалова О.И. Ономастика и говор села Коротояк Острогожского района Воронежской области // Воронежское лингвострановедение / Науч. ред. Г.Ф. Ковалев. Воронеж, 2011. С. 337–342.
258. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка [Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1]. Пг., 1915.
259. Шахматов А.А. Дифтонги $\bar{u}o$ и $\bar{i}e$ в великорусских говорах // ВЯ. 1964, №5. С. 110–120.
260. Шевельов Ю. Исторична фонологія української мови. Харків, 2002.
261. Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении [Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. CVII]. СПб., 1912.
262. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. 6-е изд. М., 1957.
263. Щигель Е.В. Ритмо-динамические характеристики слова в некоторых русских говорах (рукопись).
264. Янганаева Г.П., Фомина Т.Г. Просодия слова окающего говора Владимирско-Поволжской группы сравнительно с южнорусским говором диссимилятивного аканья архаического типа // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1979. С. 115–129.
265. Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908–1913.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список населенных пунктов, материал из которых использовался в работе

№	Населенный пункт	Район	Год записи	Собиратели
Белгородская обл.				
1.	Афанасьевка	Алексеевский	1988	Н.Л. Голубева
2.	Берёзовка	Ивнянский	2006	И.И. Исаев, Е.В. Корпечкова, О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
3.	Большая Яруга	Новооскольский	1966	Р.Ф. Касаткина, А.М. Кузнецова, И.Л. Сталькова
4.	Верхн. и Нижн. Ольшанки	Прохоровский	2000	Д.М. Савинов, Е.В. Щигель
5.	Выёзжее	Ивнянский	2006	И.И. Исаев, О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
6.	Кошлякóво	Шебекинский	2009	О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
7.	Крутóе	Старооскольский	2008	С.В. Дьяченко, И.И. Исаев, Е.В. Корпечкова, Д.М. Савинов
8.	Присы́нок	Губкинский	2000	Д.М. Савинов, Е.В. Щигель
			2008	Т. Бециву, Е.В. Корпечкова
9.	Рогова́тое	Старооскольский	2007	И.И. Исаев, Е.В. Корпечкова, О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
10.	Скороднёе	Губкинский	2000	Д.М. Савинов, Е.В. Щигель
11.	Солда́тское	Старооскольский	2008	С.В. Дьяченко, И.И. Исаев, Е.В. Корпечкова, О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
12.	Тóлстое	Губкинский	2000	Д.М. Савинов, Е.В. Щигель
			2008	Т. Бециву, Е.В. Корпечкова
Волгоградская обл.				
13.	Бука́новская	Кумьлженский	1998	Л.Л. Касаткин, М. Краузе, Е.Н. Мошкина, О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов, К. Саппок
14.	Нижний Гну́тов	Чернышковский	2000	Л.Л. Касаткин, М. Краузе, Е.Н. Мошкина, О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов, К. Саппок
15.	Усть-Хопёрская	Серафимовичский	1999	Л.Л. Касаткин, М. Краузе, Е.Н. Мошкина, Д.М. Савинов, К. Саппок
Воронежская обл.				
16.	Верётье	Острогожский	2002	О.В. Белова, О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
			2008	С.В. Дьяченко, Е.В. Корпечкова
17.	Исто́бное	Репьёвский	2010	С.В. Дьяченко, И.И. Исаев
18.	Ста́дница	Семилукский	1979	Т.Г. Фомина
19.	Тата́рино	Каменский	2009	С.В. Дьяченко, Е.В. Корпечкова

Калужская обл.				
20.	Бо́яновичи	Хвастовичский	1954	С.С. Высотский
			1988	Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина, Е.В. Щигель
21.	Ки́рейково	Ульяновский	2009	И.И. Исаев, О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
22.	О́горь	Жиздринский	1965	С.В. Бромлей
23.	Старые Ры́ляки	Юхновский	1973	А.К. Васильева
Курская обл.				
24.	А́нненково	Фате́жский	1993	О.Н. Золотаре́ва
25.	Старый Бу́зец	Железногорский	2009	С.В. Дьяченко, Е.В. Корпечкова
Липецкая обл.				
26.	Верхн. Колыбе́лка	Хлевенский	1968	И.Л. Сталькова
27.	Отско́чное	Хлевенский	1963	Н.Н. Пшеничнова
Орловская обл.				
28.	Дубро́вка	Должанский	2009	С.В. Дьяченко, И.И. Исаев, Е.В. Корпечкова, Д.М. Савинов
29.	Кривцо́во-Плота́	Должанский	2009	С.В. Дьяченко, И.И. Исаев, Е.В. Корпечкова, О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
30.	Родники́ (Кали́новка)	Должанский	2009	С.В. Дьяченко, И.И. Исаев, Е.В. Корпечкова, О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
Ростовская обл.				
31.	Анто́новский	Шолоховский	1998	Л.Л. Касаткин, М. Краузе, Е.Н. Мошкина, О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов, К. Саппок
32.	Казанская- Лопати́но	Верхнедонской	2012	О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
33.	Морозовский	Верхнедонской	2012	О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
34.	Пухляко́вский	Верхнедонской	2012	О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
35.	Рубе́женский	Верхнедонской	2012	О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
Рязанская обл.				
36.	Боршево́е	Милославский	2001	О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
37.	Бугро́вка	Милославский	2001	О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
38.	Липяги́	Милославский	2001	О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
39.	Новосёлки	Рыбновский	1959	С.С. Высотский
Тамбовская обл.				
40.	Попо́вка	Староюрьевский	1981	И.А. Букринская, О.Е. Кармакова
Тульская обл.				
41.	Апу́хтино	Одоевский	2009	М.А. Родина
42.	Беля́ево	Белёвский	2000	Д.М. Савинов
43.	Боло́то	Белёвский	2000	Д.М. Савинов

44.	Га́ти	Вене́вский	1987	В.Н. Чекмонас, Е.В. Щигель
			1999	Т.Н. Медведева, Д.М. Савинов
45.	До́лговка	Вене́вский	1999	Т.Н. Медведева, Д.М. Савинов
46.	За́йцево	Беле́вский	1999	О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
47.	Ку́рноска (Мал. Самолково)	Беле́вский	1999	О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
48.	Кра́сное	Одоевский	2000	Д.М. Савинов
			2009	М.А. Родина
49.	Нико́льское	Ще́кинский	1974	Н.Б. Парикова
50.	Одо́ев	Одоевский	1987	В.Н. Чекмонас, Е.В. Щигель
51.	Петро́во	Беле́вский	1974	Н.Б. Парикова
			1999	О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
52.	Тарату́хино	Беле́вский	1999	О.Г. Ровнова, Д.М. Савинов
53.	Черногря́зка	Беле́вский	1974	Н.Б. Парикова

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	2
---------------	---

Глава 1. Ритмическая структура слова в южнорусских говорах

1.0. Введение.....	18
1.1. Типы словесных ритмических структур в русских говорах.....	22
1.2. Структура «совмещенного» ритмического контура.....	24
1.2.1. Гласные акцентного ядра слова.....	24
1.2.2. Безударные гласные (кроме 1-го предупредного).....	33
1.3. Редукционные модели в говорах с «совмещенным» ритмическим контуром.....	42
1.3.1. «Донская» редукционная модель.....	42
1.3.2. «Калужская» редукционная модель.....	49
1.4. Интерпретация случаев нарушения «совмещенного» ритмического контура.....	59
1.5. Структура ритмического контура «сильный центр и слабая периферия».....	64
1.6. Диахроническая интерпретация представленного материала.....	66
1.7. Понятие варианта словесной ритмической структуры (на материале северо-западных говоров).....	73
1.8. Гдовский и полновский типы вокализма по данным Т.Ю. Строгановой и современным данным.....	77
1.9. Варианты контура «сильный центр и слабая периферия» в северо-западных говорах.....	81
1.10. Механизм образования гдовского и полновского типов вокализма.....	89
1.11. Механизм образования сильного аканья-яканья.....	91
1.12. Выводы.....	94

Глава 2. Системы ударного вокализма в южнорусских говорах

2.0. Введение.....	98
2.1. Типы семифонемных систем вокализма в русских говорах.....	102
2.2. Типы семифонемных систем вокализма в южнорусских говорах.....	104
2.2.1. Тип 1.....	105
2.2.2. Тип 2.....	108
2.2.3. Тип 3.....	108

2.2.4. Тип 4.....	109
2.2.5. Тип 5.....	110
2.3. Качественная характеристика аллофонов /ѣ/ и /ѡ/ в южнорусских говорах.....	112
2.3.1. Дифтонги.....	112
2.3.2. Полифтонги.....	118
2.3.3. Дифтонгоиды и монофтонги.....	124
2.3.4. Монофтонги на месте /ѣ/ и /ѡ/ в одном калужском говоре	128
2.3.5. Фонема /ѡ/ после мягких согласных.....	131
2.3.6. Фонема /ѣ/ после твердых согласных.....	133
2.3.7. Дифтонг [ѡѹ] в соответствии с фонемой /ѡ/.....	138
2.3.8. Соотношение основных реализаций /ѣ/ и /ѡ/.....	139
2.4. Качественная характеристика аллофонов /е/ и /о/ в южнорусских говорах.....	140
2.4.1. Монофтонги [е] и [ѡ].....	140
2.4.2. Монофтонги [ѣ] и [о].....	142
2.4.3. Монофтонг [ѣ].....	143
2.4.4. Монофтонг [о].....	145
2.4.5. Дифтонгические сочетания.....	147
2.4.6. Качество согласного перед аллофонами фонемы /е/.....	156
2.4.7. Фонема /о/ в форме Р.п. ед.ч. местоимений типа <i>его</i>	158
2.4.8. Фонема /о/ после мягких согласных.....	162
2.4.9. Смещение аллофонов /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ и переход к пятифонемной системе вокализма.....	162
2.5. Качественная характеристика аллофонов /и/ и /у/ в южнорусских говорах.....	168
2.5.1. Аллофоны фонемы /у/.....	168
2.5.2. Аллофоны фонемы /и/.....	170
2.6. Качественная характеристика аллофонов /а/.....	172
2.7. Диахроническая интерпретация представленного материала.....	177
2.8. Выводы.....	188

Глава 3. Архаические типы диссимилятивного аканья и яканья

3.0. Введение.....	191
3.1. Основные звукотипы в 1-м предударном слоге после твердых согласных.....	193
3.2. Основные звукотипы в 1-м предударном слоге после мягких согласных.....	205

3.3. Соотношение между архаическими типами аканья и яканья. Их связь с особенностями артикуляционной базы говора.....	210
3.4. Архаические типы аканья и яканья и системы ударного вокализма.....	217
3.5. Диахроническая интерпретация представленного материала.....	219
3.6. Дальнейшее развитие архаических типов вокализма.....	226
3.7. Выводы.....	229

**Глава 4. Щигровский, дмитриевский и суджанский
типы диссимилятивного яканья;
прохоровский тип диссимилятивного аканья**

4.0. Введение.....	232
4.1. Щигровский тип диссимилятивного яканья.....	233
4.1.1. Системы с непоследовательно выдержанным щигровским типом яканья.....	234
4.1.2. Системы с последовательно выдержанным щигровским типом яканья.....	240
4.2. Дмитриевский тип диссимилятивного яканья.....	243
4.3. Суджанский тип диссимилятивного яканья.....	249
4.4. Прохоровский тип диссимилятивного аканья.....	252
4.5. Диахроническая интерпретация представленного материала.....	259
4.6. Гипотезы о происхождении щигровского и суджанского типов диссимилятивного яканья.....	274
4.7. Выводы.....	278

**Глава 5. Диссимилятивно-умеренный и умеренный типы яканья;
белёвский тип диссимилятивного аканья**

5.0. Введение.....	281
5.1. Диссимилятивно-умеренное яканье.....	281
5.1.1. Диссимилятивно-умеренное яканье архаической разновидности.....	283
5.1.2. Диссимилятивно-умеренное яканье неархаической разновидности.....	291
5.2. Умеренное яканье.....	294
5.3. Белёвский тип диссимилятивного аканья.....	300
5.4. Жиздринский тип диссимилятивного аканья.....	308
5.5. История изучения умеренного яканья в тульских говорах.....	310
5.6. Фонологическая сущность умеренного яканья.....	315
5.7. Диахроническая интерпретация представленного материала.....	321

5.8. Дальнейшее развитие типов предударного вокализма в тульских говорах.....	327
5.9. Выводы.....	330

**Глава 6. Ассимилятивно-диссимилятивные типы
аканья и яканья**

6.0. Введение.....	333
6.1. Новосёлковский тип ассимилятивно-диссимилятивного яканья...	333
6.2. История изучения новосёлковского типа вокализма.....	338
6.3. Ассимилятивно-диссимилятивный тип аканья.....	341
6.4. Диахроническая интерпретация представленного материала.....	343
6.5. Выводы.....	347
Заключение	349
Список используемой литературы	353
Приложение. Список населенных пунктов, материал из которых использовался в работе	372